

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

СОРА НАУМОВА
МАРИЯ ДУБИНИНА

БЕГЛАЯ ПРИНЦЕССА
И ПРОЧИЕ
НЕПРИЯТНОСТИ

Военно-магическое угилище

Annotation

Стефания – последняя принцесса одного из северных миров Ойкумены. Ее семья убита, и саму Стефанию считают мертвой. В попытке спасти свою жизнь она прячется в самом охраняемом учебном заведении всех обитаемых миров. Но так ли неприступны его стены? Прошлое не собирается отступать, а учеба преподносит сюрприз в виде Германа – умного и загадочного студента, с первых дней ставшего для Стефании головной болью. Или настоящей любовью, которая на первый взгляд кажется невозможной.

Стефания мечтает о мести, и Герману приходится разбираться с ее проблемами, потому что в этом деле у него неожиданно возникает свой интерес.

- [Содержание](#)
 -
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Урок 1](#)
 - [Урок 2](#)
 - [Урок 3](#)
 - [Урок 4](#)
 - [Урок 5](#)
 - [Урок 6](#)
 - [Урок 7](#)
 - [Урок 8](#)
 - [Урок 9](#)
 - [Урок 10](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Урок 1](#)
 - [Урок 2](#)
 - [Урок 3](#)
 - [Урок 4](#)
 - [Урок 5](#)
 - [Урок 6](#)
 - [Урок 7](#)
 - [Урок 8](#)

- [Урок 9](#)
- [Урок 10](#)
- [Урок 11](#)
- [Урок 12](#)
- [Часть третья](#)
 - [Урок 1](#)
 - [Урок 2](#)
 - [Урок 3](#)
 - [Урок 4](#)
 - [Урок 5](#)
 - [Урок 6](#)
 - [Урок 7](#)
 - [Урок 8](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

Содержание

Сора Наумова, Мария Дубинина

Беглая принцесса и прочие неприятности.

Военно-магическое училище

Роман

© С. Наумова, 2018

© М. Дубинина, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Хотим выразить огромную благодарность клубу «Офигенных» за поддержку и советы и нашим читателям – за терпение, которое дало нам силы закончить эту историю!

Отдельное спасибо Евгении Кравець за помощь в вычитке. Если бы не она, роман никогда не приобрел бы свою нынешнюю завершенную форму.

Часть первая

Беглая принцесса и прочие неприятности

Урок 1

Из любой ситуации есть выход, даже если он похож на тупик

На поездку на комфортабельном лайнере попросту не хватило денег. Долгое путешествие по обитаемым мирам обошлось недешево, поэтому из города Стефания и ее подруга Ситри добирались пешком. Но цель, как говорят, оправдывает средства, и вот эта цель уже возвышалась над ними массивным зданием из красного кирпича. Дежурный пропустил их на территорию, проверив документы, разумеется, ненастоящие, и показал, как пройти до здания администрации. Дорожка шла прямо, по бокам обрамленная аккуратно подстриженными цветочными кустиками.

Не Училище военно-магических дисциплин, а пансион благородных девиц какой-то.

В открытых окнах административного корпуса шелестели белоснежные занавески, входные двери тоже не выглядели неприступными, так что Стефания решительно поднялась по ступенькам крыльца и вошла в здание.

– Приемная комиссия, – сказала она первому попавшемуся на глаза человеку. – Где она?

Первым попавшимся оказался не очень приветливый на вид длинный парень в темно-синей ученической форме.

– Закрыта, – ответил он односложно и, смерив девушек строгим взглядом, решил уточнить: – Месяц назад. А вы кто такие?

Он покосился на секиру в ее руках, хотя полумесяц лезвия был замотан тряпкой, чтобы не привлекать внимания.

Тяжелая рука Ситри легла на плечо, напоминая, что силой проблему не решить, а Стефанию так и подмывало взять парня за грудки и как следует встряхнуть. Она трижды вдохнула и выдохнула. Ладно, сама найдет, не нужна ей ничья помощь.

Стефания осмотрелась. В холле обнаружилась лестница, ведущая вверх, на второй этаж, и вниз – на цокольный.

– Наверх? – спросила она у Ситри и, не дожидаясь ответа, стала подниматься.

Полы были гладкими и блестящими, возле окон стояли горшки с высокими цветами. Стефания с любопытством осматривалась – уж больно

все выглядело неподходящим тому образу военного училища, которое она себе нарисовала в голове. Бодро вышагивая по коридору, она уговаривала себя успокоиться.

– Плевать я хотела на то, что прием закрыли, – сказала Стефания упрямо. – Они не могут меня не взять.

Ситри печально вздохнула в ответ.

– Хозяйка, вы давно не принцесса. Вы уж простите.

Стефания хотела было возразить, но промолчала. Ситри права, Стефания больше не могла отдавать приказы направо и налево, и никто не станет ее слушаться, разве что верная телохранительница.

Через открытые окна проникал теплый воздух, слышались приглушенные голоса. Стефания выглянула в окно и увидела внутреннюю территорию и большой фонтан. На широком бортике сидел парень с книгой в руках, и ветер играл его темно-русыми кудрями. Парень нервно покачивал ногой, и вокруг него толпилось еще несколько ребят в ученической форме. Кажется, назревала драка, бритый тип тыкал пальцем и что-то говорил, а кудрявый парень равнодушно смотрел в книгу, как будто и не слышал ничего. Поразительная выдержка. Стефания бы так не смогла.

Она прибавила шаг и застыла перед дверью с надписью «Деканат».

– Деканат второго потока, – прочитала она вслух. – Что это значит?

Впрочем, стоять и размышлять было некогда. Она решительно толкнула дверь, забыв даже постучать. Секретарша с копной длинных каштановых завитушек испуганно вздрогнула.

– Вы... – начала она, но Стефания ее перебила.

– Мне нужно поступить в ваше училище, – заявила она с порога. – Немедленно. Что нужно сделать?

Секретарша растерялась. Круглые щеки напряженно покраснели.

– Но это невозможно, – сказала она. – Прием закончился месяц...

– Я в курсе! – Стефания снова начала заводиться. – Дайте мне поговорить с деканом.

Может, уверенный тон и бескомпромиссный напор правильно подействовали, но секретарша немного подумала и кивнула:

– Я о вас доложу.

Стефания снисходительно кивнула и проводила девушку взглядом, пока та выбиралась из-за своего стола и заглядывала за дверь соседнего кабинета. Что она сказала, Стефания не услышала, но мужской голос в ответ вроде бы прозвучал одобчительно.

– Проходите, – сказала секретарша. – Вещи можете оставить тут, их

никто не...

– Нет, спасибо. – Стефания взялась за ручку секиры и скомандовала подруге: – Ситри, за мной.

Они вошли в кабинет декана. Внутри было удивительно душно, и мужчина за широким столом развалился в кожаном кресле и обмахивался листком бумаги с надписью «Заявление». Рубашка у него была расстегнута на несколько верхних пуговиц, рукава закатаны, а пиджак вообще висел на спинке кресла.

– Декан?

– Декан Кишман, – улыбнулся мужчина и сел более-менее прямо. – А вы кто, дамы?

Светлые глаза с пристрастием оглядели Стефанию, декан довольно прищурился и вальяжно откинулся назад. Стефания почувствовала себя как товар на ярмарке, но вовремя вспомнила о приличиях и представилась:

– Стефания Дидрик. Я хочу поступить в ваше училище.

– Ну, допустим, училище не мое, – возразил Кишман. – Да и занятия давно идут. Почему мне нужно нарушать правила ради вас?

Стефания ответила не сразу.

Они с Ситри договорились держать в тайне, что Стефания – последняя из королевского рода Виндштейна, чтобы сбить преследователей со следа. Стоило ли признаваться во всем сейчас?

– Потому что вы пожалеете, если не возьмете меня, – сказала она дерзко. Без предупреждения стряхнула тряпку с лезвия, размахнулась и обрушила секиру на письменный стол. Деревянная столешница не выдержала и с прощальным треском разошлась надвое.

К чести декана, он даже не вздрогнул, только отъехал назад, чтобы не попасть под обломки.

– Впечатляет, – сказал он спокойно и кивнул. – Люси, все в порядке, возвращайся на место.

Секретарша, привлеченная шумом, снова скрылась за дверью.

Стефания перевела дух и ждала реакции на свою выходку. Вообще она ничего такого не планировала, но, признаться, стало легче. Теперь уж будь что будет.

– Давайте начистоту. – Декан поднялся и обошел печальные останки своего стола. – Ваше лицо мне знакомо, и раз вы желаете сохранить инкогнито, я не против. Как только вы станете курсантом Училища военно-магических дисциплин, то станете собственностью Визании. Так что на несколько лет ваша прошлая жизнь перестанет существовать, а уж о своих курсантах училище сможет позаботиться. Вы хотите остаться, Дидрик?

Стефания вдруг почувствовала, как пересыхает в горле от волнения.

– Никто не должен узнать, – сказала она. – Вы меня с кем-то спутали.

– Так спутал или никто не должен узнать?

– Ладно, давайте начистоту, – выпалила Стефания. – Мне нужно укрытие, и я не уйду, пока его не получу.

Декан нехорошо прищурился, и Ситри потянулась за мечом, но Кишман бросил на нее один быстрый взгляд, и телохранительница ойкнула, обжегшись о внезапно нагревшуюся рукоять.

– Одно из правил училища, – назидательно поднял палец декан, – не носить в стенах училища и не использовать любое реальное боевое оружие. Я его, кстати, у вас все равно изыму.

– Так мы приняты?

– Я что, недостаточно ясно выразился? – Густые светлые брови декана взметнулись вверх. – Люси выдаст вам все необходимые бланки, потом марш на медосмотр к мастеру Гошу, пусть поставит вам печати, какие надо. Потом сдадите оружие в оружейную, распишетесь в накладной. Что я еще мог забыть... – Он нахмурился и беззвучно зашевелил губами. – Ах, да! В казарме второго потока зайдете к коменданту, получите распределение на жилье. А мне тут работать надо... На чем-нибудь.

Стефания не верила своей удаче, как все быстро получилось. Здесь их не найдут, можно выдохнуть и немного расслабиться. Ситри поддержала за плечо, и Стефания переждала секунду легкого головокружения. Наконец-то покой.

– И еще момент, – окликнул их Кишман уже на выходе. – Раз уж я пошел вам навстречу, Стефания Дидрик, то будьте готовы пойти навстречу мне, когда придет время. Договорились?

Стефания кивнула.

У них получилось, ведь не зря же они проделали такой путь, рискуя всем, в том числе и своими жизнями. Стефания поежилась, вспоминая, от чего именно они бежали. Жажда мести поддерживала ее в эти непростые для них обеих дни, так что останавливаться нельзя. Стефания ненавидела поражения.

Первая неприятность всплыла в виде сурового медика с лицом, будто выточенным из камня, и прекрасными изящными руками. Он наотрез отказался выписывать справку для Ситри, потому что у нее что-то там не в порядке с энергетическими каналами. Увы, оружие они уже сдали и пригрозить строптивому медику было нечем, а мысли о взятке даже не возникло – на те деньги, что остались, не подкупить даже кошку. К счастью, с этим удалось разобраться, практически сдав Ситри на опыты в

качестве будущего учебного пособия для студентов-медмагов. Ситри особо не возражала, и они плавно перешли к проблеме под номером два.

Второй проблемой стала комендант казармы, которая отказалась давать им отдельную комнату.

– Вы бы, дорогуши, еще во втором полугодии пришли, – ворчала дородная женщина со связкой ключей на поясе. – Сейчас закинем вас куда-нибудь. Куда бы, куда...

Она долго и методично пролистывала журнал сначала в одну сторону, потом в другую, точно специально издеваясь. Наконец выдала ключ с номерком «313». Ну хоть не под крышей.

И самая большая проблема – Стефания так узнала, что значит «второй поток».

– Пусти, мне нужно к декану! – разъярилась она, но Ситри стеной преградила дорогу. – Ты хоть понимаешь, как нас унизили? Мы будем учиться с простыми солдатами! Мы! Нужно срочно перевестись на первый поток. Здесь меня ничему полезному не научат.

– Остыньте, хозяйка, – урезонила ее Ситри и мягко подтолкнула в сторону лестницы. – Разве мы не спрятаться хотели? Велика беда. Вы быстро всех за пояс заткнете.

Стефании пришлось признать, что подруга права, и позволить увести себя на третий этаж. Воспитанная с детства гордость бурлила в груди, не давала успокоиться, но с Ситри не поспоришь. Если кому и придет в голову искать беглянку в УВМД, то уж точно не среди простолюдинов. Все-таки Стефания не очень хорошо умела прятаться.

Высокие потолки белели свежей краской, подошвы ботинок громко ударялись об однотонную плитку пола, и тяжеловесная Ситри явно старалась идти тише, но выходило не очень успешно. Коридор был прямым, как линейка, с двумя рядами одинаковых типовых дверей с металлическими номерными табличками. Одна из них открылась, наружу выглянул взъерошенный рыжий парень с болтающимися на шее черными очками на кожаном ремешке. Он с любопытством посмотрел на девушек, присвистнул, но, натолкнувшись на гневный взгляд, скрылся, хлопнув дверью.

– Триста тринадцать, – нашла Стефания и прислушалась. – Ну, вроде никого.

Она сунула ключ в замочную скважину и повернула.

На первый взгляд комната была небольшой, но вполне приличной. Три двухъярусные кровати в углах, окно в полстены, центр комнаты обозначался конструкцией из огромного деревянного письменного стола

квадратной формы, вокруг него стояли простые стулья, на вид жутко неудобные. Стены снизу доверху были закрыты шкафами и книжными полками.

– Сойдет, – сказала Ситри и первой бросила на пол их вещи.

Стефания не спешила устраиваться, ее все еще смущало очень многое. Например, чья это рубашка висела на плечиках на ручке шкафа.

– Не собираюсь делить с кем-то, кроме тебя, комнату, – сказала она. – С этим нужно будет что-то сделать в ближайшее время.

Хоть Ситри и любила между прочим напомнить, что беглой принцессе «негоже выказывать королевские замашки», но пересилить себя было слишком сложно. Стефания привыкла к просторным покоем, к служанке, которая помогала одеваться и раздеваться, причесывала и купала. С большинством этих дел Стефания быстро научилась справляться самостоятельно или с помощью телохранительницы, но раздражение от собственного бессилия все нарастало.

– Давайте вас переоденем и приведем в порядок, – предложила Ситри, точно прочитав ее мысли.

Переодеться было бы неплохо. После долгой дороги вся одежда помялась и покрылась толстым слоем дорожной пыли. Стефания раскрыла чехол с выданной ей формой училища – узкой юбкой до колен, блузой и приталенным кителем с воротником-стойкой, нашивкой второго потока на плече и широким кожаным ремнем с эмблемой училища на пряжке.

Стефания с большим удовольствием скинула с себя не по размеру большие уродливые тряпки и, отвернувшись к окну, откинула тяжелые косы за спину.

И тут послышался душераздирающий скрип открывающейся двери.

– Проклятие, – выдохнул кто-то. Стефания повернулась, прижимая к груди блузку, и успела увидеть растерянное лицо кудрявого парня, которого сегодня видела с книгой у фонтана.

Их взгляды встретились, и парень поспешно выпрыгнул обратно в коридор, громко хлопнув дверью. Потом трижды постучал.

– Войдите, – разрешила Стефания, быстро застегивая на груди блузку. Сердце громко билось о ребра, все-таки это было довольно неожиданно. Стыдно признаться, но она была больше смущена, чем возмущена.

– Вы кто такие? – с обескураживающей прямоотой спросил парень. – Это моя комната. Я здесь живу. Один.

– Значит, с нами жить будешь, – хмыкнула Стефания. Момент смущения прошел, и она снова была готова к бою. – Меня зовут Стефания, а это моя подруга Ситри.

Блондинка сумрачно кивнула и скрестила сильные мускулистые руки на необъятной груди, точнее, где-то под ней.

– Это невозможно, – спокойно ответил парень.

– Bölvun, – выплюнула Ситри что-то, безусловно, оскорбительное и отвернулась. Стефания смирила парня снисходительно-презрительным взглядом и села на одну из кроватей.

– Она имела в виду, что у нас есть бумажка от вахтерши, так что смирись. Мы тоже не очень горим желанием с кем-то делить жилье, поэтому будем вместе думать, как побыстрее разбежаться, – сказала она.

И тут парень словно отмер.

– Это моя комната, – твердо заявил он с гораздо большим чувством, чем прежде. – Если планируете здесь жить, соблюдайте тишину, чистоту и... и... – он забегал глазами по комнате, – и раздевайтесь за ширмой!

В щели между шкафами и правда отыскалась одна такая, совсем девчачья – бежевая, в розово-зеленый цветочек, и ее он гордо продемонстрировал девушкам.

Светлая бровь Ситри нервно дернулась.

– Если собираешься жить с нами, – холодно отозвалась Стефания, – ничего не спрашивай, не лезь с разговорами и не пытайся флиртовать. Все ясно?

– Герман, – внезапно представился парень. – Моя койка вот эта.

Он прошел в самый угол, повесил на спинку стула сумку и потер пальцами виски. Станный он какой-то.

Но можно считать, что они с ним договорились любововно. Стефания еще немного понаблюдала за этим Германом, но он лег и замер без движения. Возможно, уснул. А вот у Стефании долго не получалось заснуть. До сих пор не верилось, что она смогла забраться так далеко. Она жива, Ситри с ней, у них есть кров, еда и защита. А с остальным она справится, ей все по силам.

Уже засыпая, она вспомнила, как по дороге в училище стала свидетельницей местных разборок и едва успела убежать. Двое подозрительных типов отдавали третьему, похожему на франта дешевого пошиба, в шелковой рубашке вызывающе красного цвета и со шлейфом приторных духов, дорогую шпагу. Стефания случайно оказалась в той подворотне недалеко от ночлежки, где они с Ситри поселились, и ее, похоже, не заметили. Но она испугалась, что это за ней, что ее все-таки нашли.

К счастью, она ошиблась и все наладилось. Наконец-то.

Урок 2

Лекция, которая называется вводной, чаще всего и не лекция вовсе

Герман совершенно не выспался, его отвлекало все – шорох простыней, чужое дыхание в комнате, негромкое похрапывание, очевидно, Ситри. Но больше всего его отвлекала Стефания.

Ей было страшно.

Склонность к магии появилась у Германа в детстве. В Ландри, мире, где он родился, простолюдин вроде него не мог обладать этим даром, поэтому единственный путь лежал сюда, в место, где способный маг мог получить необходимые знания и вернуться с гордо поднятой головой. Все, что Герману было нужно, – просто учиться, впитывать знания, как губка, ни на что не отвлекаться.

Он единственный из всего общежития, точнее, казармы, как ее называли среди курсантов, жил один в целом блоке. Распугать соседей труда не составило, они сами с радостью находили повод отселиться, чтобы не ночевать в опасной близости от «чудовища». Репутация – отличная вещь, если правильно ее использовать.

И тут эти... девчонки.

Внешне они были абсолютными противоположностями друг другу. Высокая, мощная и крепкая Ситри выглядела на фоне маленькой и фигуристой подружки настоящей великаншей и, если бы не светлые гладкие волосы, собранные в две неопрятные косы, и грудь, едва влезающая в походный кожаный доспех, ее можно было бы принять за молодого парня. Стефания же была обладательницей довольно милого личика, чуть подпорченного пухлыми, всегда упрямо поджатыми губками и непримиримым взглядом человека, вечно подозревающего подвох. Герману она сразу не понравилась, и он решил во что бы то ни стало избавиться от навязанных соседей.

Общие комнаты и общие душевые, как гласили правила училища, должны были подготовить курсантов к реальным условиям будущей армейской жизни, хотя, по мнению Германа, только разлагали коллектив. Он собрался и, сверившись с расписанием занятий на сегодня, покинул казарму прежде, чем его новые соседки вернулись из душевой. Чем меньше они видятся, тем всем спокойнее.

Учебный корпус «Г» был в основном приспособлен под лекции для большого числа учащихся. Широкий коридор с высокими арочными потолками, в который Герман попал, поднявшись на четвертый этаж, как раз был отдан под лекционные аудитории общих дисциплин, к которым межмировая история и геополитика как раз и относилась. Каждые метров пятьдесят из стен выступали ребра полуколонн, и казалось, что находишься не в здании, а внутри гигантского рыбьего скелета. По обеим сторонам мягко мерцали магические огни, заключенные в изящный каркас из металла и стекла. Дверные проемы учебных кабинетов тоже были высокими и стрельчатыми, как в рыцарских замках из книг, которые в детстве обожал Герман.

А вот и «Лекционная 411».

Герман притормозил и наглухо застегнул форменный темно-синий китель с посеребренными пуговицами. До начала занятий оставалось еще четверть часа, которые он предпочел бы провести подальше от шумных сокурсников, но за спиной уже слышались голоса, и странно было бы торчать одному у кабинета. Он вошел, и белокурый пухляш Вуди, один из прихлебателей местного задиры Ролана, испуганно дернулся, уходя с дороги.

– Эй, смотрите, кто пришел!

Герман поморщился, но даже не повернулся на голос. Он никогда не велся на дурацкие провокации.

Просторное помещение с уходящими ввысь рядами столов было почти наполовину забито учениками. Они шумно переговаривались, смеялись, делились впечатлениями, пока не услышали голос заводи́лы и в едином порыве не затихли и не уставились на дверь. В наступившей тишине громкий голос Ролана Грэма прозвучал по-особенному истерично:

– Мало тебе вчера всыпали? Еще хочется?

– Это еще кто кому всыпал, – уточнил Герман спокойно. – Мне кажется или это ты уносил ноги вместе со своими друзьями?

После неудачных попыток задеть его у фонтана во время чтения Ролан с прихвостнями подкараулили Германа после ужина, чтобы затеять драку. Это было запрещено Уставом, так что Герман с ними драться не собирался. В голове в принципе не укладывалось, почему Ролан так к нему пристал. У них не было ничего общего, кроме места учебы, но почти с самого первого дня Ролан избрал Германа объектом для своей неоправданной ненависти. Не то чтобы Герману это было непривычно, в родной деревне в далеком западном мире Ландри он с рождения был белой вороной, так что быстро научился ставить вот таких вот задир на место. Лучший способ, который

действовал безотказно, это игнор, поэтому Герман поднялся на самый верхний ряд и невозмутимо сел на скамейку.

– Эй, ты чего там вякнул? – завелся Ролан, и волны его злости раздражали обостренную чувствительность. Герман попытался абстрагироваться, но людей вокруг было слишком много, все они испытывали разные эмоции, которые смешивались, искажались и больно били по Герману. Он потянулся к безымянному пальцу левой руки, уже понимая, что совершил одну фатальную ошибку. Тоненькое серебряное колечко, подарок первого учителя, осталось в комнате, а без него заглушить какофонию чужих чувств не получалось. Голова наполнилась тяжелым давящим гулом. Вот тебе и пришел послушать лекцию...

Раздражение плескалось внутри, грозя в любой момент вырваться и все испортить. Следом за этим незащищенным, изрядно обострившимся восприятием Герман почувствовал приближение учителя буквально за несколько секунд до того, как тот влетел в аудиторию.

– Простите, простите, простите! – Савелий Кишман подскочил к кафедре, роняя на нее ворох бумаг, и, выдохнув, еще раз извинился: – Простите, опоздал. Не успели соскучиться?

Он оглядел недоумевающих курсантов, разбросанных по рядам, как грибы после дождя:

– Что-то вас маловато. Все пришли? Никого не забыли?

Народ всколыхнулся, все начали переглядываться, вспоминать. А вот Герман и без того прекрасно знал, что все на месте, – еще на входе машинально отметил, кто где сел, к тому же собственное расположение обеспечивало отличный обзор. Декан как раз дошел до последнего ряда, мазнул взглядом по Герману, отбившемуся от группы, и улыбнулся каким-то своим мыслям.

– Ладно, тогда предлагаю не затягивать с прелюдией. Учебный план пришлось немного скорректировать, и мой предмет перешел из второго полугодия в первое. Меня уже многие из вас знают, а если вдруг у кого-то приключилась внезапная амнезия, – он сделал паузу, и раздалась пара нестройных смешков, – меня зовут Савелий Кишман, я ваш декан и заодно буду преподавать у вашего потока межмировую историю и геополитику. Да, представляю себе, что вы сейчас подумали: «Мы проходили это в школе, зачем повторять по десять раз». – Смешки стали гораздо стройнее. – Но вынужден буду вас расстроить, дорогие мои. Забудьте все, чему вас учили в школе. Я расскажу вам, как все было на самом деле.

– Так вы что, создание вселенной застали? – пошутил кто-то, судя по пакостным интонациям, из свиты Ролана. Тут Герман, конечно, мог быть

слишком пристрастным, но проклятая мигрень от постоянного шума в голове и из святого сделает демона.

Савелий шутку оценил:

– Если бы застал, написал бы об этом монографию и стал магистром без очереди. Но увы, приходится подвизаться простым деканом.

Герман хмыкнул. Для «простого» декана Кишман – личность слишком неординарная. И еще Герман не мог отделаться от зудящего чувства недоверия к нему, хотя сейчас все ощущения – и свои, и чужие – до того переплелись, что разобраться в них без глупо забытого в комнате кольца-блокатора было совершенно невозможно.

– Так вот. – Декан кашлянул, привлекая внимание. – Я буду преподавать вам межмировую историю аж восемь часов в неделю, поскольку до церемонии магической инициации практика у вас будет в ограниченном объеме. Триместр завершится фееричным зачетом, но не думайте, что будет достаточно протянуть мне зачетку и поморгать глазками. Я же все-таки декан, меня положено бояться и уважать. Можно по очереди, можно одновременно. И если вопросов нет, я бы озвучил тему вводной лекции.

Как и следовало ожидать, первым делом им решили напомнить про основу основ – содружество обитаемых миров.

– Ойкумена была образована в две тысячи восемьсот восемьдесят пятом году путем добровольного вхождения обитаемых миров в единую сеть, объединенную телепортационными тоннелями, которые не только создают возможность перемещения между мирами, но и способствуют справедливой циркуляции магии между членами содружества. Между мирами Ойкумены налажены торговые и культурные связи без вмешательства во внутренние дела суверенных миров. Визания занимает особое место в системе Ойкумены как хранитель Источника магии и является ее центром. Как вам, несомненно, уже известно, Визания – это мир-академия, приспособленный под целый спектр учебных заведений для выходцев из разных уголков Ойкумены. Сюда ведут почти все ветки порталов, Визания является сердцем огромной сети телепортационных ходов. Поступивший на обучение в одно из местных образовательных учреждений получает особый статус, в будущем для него откроются двери всех миров. Это вы сами скоро, точнее, через три года, проверите на себе.

Герман историю любил, может быть, только это и держало его в сознании. Собственно говоря, он и сам не мог сказать наверняка. К тому же, бросив взгляд направо, он увидел Стефанию и Ситри, перед которыми будет особенно обидно ударить в грязь лицом. Впереди еще борьба за

одинокое проживание. И все же хотелось, чтобы занятие поскорее закончилось и можно было запереться в своей комнате и успокоиться.

– ...не так уж и скучно, как кажется. Кто, например, скажет мне, сколько сейчас насчитывается обитаемых миров? Курсант Грэм?

Ролан забегал глазами по аудитории, точно выискивая ответ на стенах и на лицах однокурсников:

– Э... Пятьдесят? Нет, сто. Точно сто.

– Курсант... эээ... – Кишман кивнул на Германа, – напомним фамилию, пожалуйста.

Герман поморщился. За минувший месяц ему уже сотню раз пришлось объяснять, что у него нет фамилии, в его мире крестьянам они не положены, и зачислили его так, как есть.

– Просто Герман, – сказал он. – Позвольте ответить на вопрос. Телепортационные сети Ойкумены в настоящее время охватывают двести семьдесят независимых миров, последние восемь из которых были присоединены к сети в прошлом году.

Декан захлопал в ладоши:

– Bravo! Я уже чувствую родственную душу. – Он снова повернулся к Ролану: – И какие же миры были присоединены последними?

Ролан покраснел:

– Э... эээ...

– Герман?

– Аддика, Гинезия, Моннгейт...

– Достаточно. – Кишман довольно прищурился. Прохаживаясь между рядов, он остановился возле Германа. – Любишь историю?

Герман кивнул. Скрывать не имело смысла, хотя выдавать информацию о себе он не любил.

– Хорошие познания для только поступившего. Молодец.

– Да это в школе всем рассказывают! – Ролан не сумел пережить очередное унижение за сегодня. – Хорош умничать, ублюдок.

Герман почувствовал, что сейчас точно взорвется.

– Я бы попросил обойтись без оскорблений, Грэм, – отчеканил Герман. – Не уверен, что ты вообще посещал школу.

Половина однокурсников рассмеялась, половина не решилась злить Ролана еще больше.

– Молодые люди, если вы закончили, я бы предложил устроить, хм, – Кишман нехорошо усмехнулся, – баттл. Ролан против Германа. До первого перевеса в баллах.

Ролан побагровел, и до Германа необыкновенно четко донеслась его

отчаянная ярость, замешанная на страхе прилюдного позора. Он боялся проиграть «чудовищу» и при этом знал, что так оно и будет. Что ж, хотя бы это он точно знал.

– Согласен. – Герман и сам себе удивился, но в отсутствие блокирующего кольца его психика не выдерживала эмоционального перенапряжения. – Если он не боится.

Удар был нанесен специально, и, наблюдая за соперником, Герман видел, что попал в цель. Это принесло неожиданное удовольствие.

– Что ж... – Кишман довольно потер руки. – Тогда первый вопрос. В каком году было основано Училище военно-магических дисциплин? Ролан.

Парень пошел багровыми пятнами. Герману даже показалось, что он слышит, как в его ограниченном мозгу проносятся панические мысли. «Я не знаю!», «Что мне делать?», «Надо что-нибудь сказать». Германа тошнило от его беспомощности.

– В три тысячи сто пятнадцатом году по межмировому летосчислению, – услышал он свой уверенный голос. Все-таки не выдержал.

– Ты не дал мне подумать! – вскочил Ролан.

– Было бы чем.

– Отлично! – Декан по-мальчишески быстро подбежал к доске и маркером написал на ней счет – 0:1 в пользу Германа.

Товарищи Ролана недовольно загудели.

– Второй вопрос. – Их неодобрение Кишмана вообще не волновало, в его эмоциях доминировали жадный азарт и любопытство. Не слишком хорошая смесь. – Посвежее. Какое название носит мир, имеющий самое обширное и богатое месторождение железной руды в Северном секторе вселенной? Ролан, у вас появился шанс отыгаться. Уж на этот вопрос вы должны знать ответ.

Герман сидел, откинувшись назад, и расслабленно поигрывал авторучкой. Ждал своей очереди.

– Э... – Ролан замялся и единственное, что вспомнил, пару названий, которые упомянул недавно Герман. – Аддика?

Учитель молча перевел взгляд на Германа.

– Виндштейн, – громко и четко произнес он. – Но месяц назад, после того как стало известно о смерти королевской четы и обеих их дочерей, торговые отношения с соседними мирами были временно приостановлены.

– Новостями тоже интересуетесь? Очень хорошо. – Савелий с одобрением покачал головой. – Победа ваша. Выбирайте награду.

Герман задумчиво потер подбородок.

– Я хочу, хочу... – Он внезапно улыбнулся, – хочу, чтобы он принес извинения.

По рядам пронесся дружный вздох удивления.

«Он с ума сошел!»

«Мало по зубам получал?»

«Какая наглость».

«Самый умный, что ли?»

Герман не умел читать мысли, но сейчас был напряжен до такой степени, что почти улавливал их, складывал из наслоений эмоций. Они все его ненавидели? Но за что? В мозг будто раскаленный штырь вонзили. Тошнота стала более ощутимой и вызвана была уже не только тупоголовостью Ролана.

– Ну, курсант Грэм, вас никто не задерживает. Встаньте и извинитесь. – Савелий снова с каким-то странным удовлетворением, будто его задумка удалась, потер руки. – Умейте проигрывать с достоинством.

– Стойте! – со своего места порывисто вскочила Стефания. – Так же нечестно!

– Вы так считаете? – Декан заинтересованно подался вперед из-за кафедры. – Курсант Дидрик, да? Но ведь ваш сосед, – он ткнул пальцем в доску, – ответил верно на два вопроса из трех.

Девушка раздраженно мотнула головой:

– Требовать извинений просто потому, что оказался удачливее, это нечестно.

– Но правила есть правила, – отрезал Кишман. – Проигравший должен выполнить желание победителя.

Герман сидел, прикрыв глаза, и ждал, пока девушка перестанет молоть чепуху. Потом резко поднялся и повторил:

– Я хочу, чтобы он принес извинения.

Ролан тоже встал из-за стола и уперся в него дрожащими от злости руками:

– Ни за что!

– Я жду извинений.

– Отвали, урод!

Учитель Кишман самоустранился, наблюдая конфликт со стороны.

– Я тебя в порошок сотру! – рычал Ролан.

– Сначала рискни ко мне подойти.

– Сам рискни!

Дверь резко распахнулась, и в аудиторию вошел один из учителей – Вальтер Гротт. Старомодный сливового цвета камзол из дорогого бархата,

белоснежная рубашка с кружевным жабо и рубиновой брошью, узкие брюки и высокие черные сапоги. Импозантный, но не слишком подходящий для учителя вид.

Гротт быстро оценил ситуацию и набросился на Кишмана с упреками:

– Что тут происходит, Са... декан Кишман? Шум стоит на весь коридор. Это все-таки военное училище, а не курятник! Потрудитесь объяснить, что вы тут устроили?

Герман поморщился, а Кишман меж тем не спешил оправдываться:

– Обычная проверка на вшивость. Ты... вы же меня знаете. Крайне полезная практика, кстати, советую взять на вооружение.

И, хохотнув, хлопнул Вальтера по плечу.

– Если вы читали личные дела, – почти прошипел Гротт, не обращая внимания на вытянувших шеи курсантов, – то знаете, что ваши, с позволения сказать, «практики» могут сильно навредить некоторым из поступивших. Я все-таки добьюсь для вас дисциплинарного наказания, декан.

Вальтер Гротт некоторое время молча смотрел ему в глаза, потом развернулся и поднялся наверх, к последнему из занятых рядов, громко спросив на ходу:

– Кто начал спор?

– Он! – Палец Ролана уверенно ткнул в сторону Германа. – И у меня куча свидетелей.

Взгляд Вальтера остановился на Германе.

– Это так?

– Нет. – Герман поднялся. – Просто так вышло, что я умнее. Вот и все.

Гротт поправил очки на переносице и чуть заметно скривился:

– И считаете, что это то, чем стоит гордиться?

– Я приложил к этому много сил, – спокойно возразил Герман. – Да, я считаю это поводом для гордости.

Отвечая так, он пытался просканировать учителя, но столкнулся с полным эмоциональным вакуумом. Или Гротт умело защищался, или чувств у него вовсе не было, впрочем, за свою недолгую жизнь Герман убедился, что они есть абсолютно у всех и мало у кого хорошие.

– Но оказался достаточно глуп для того, чтобы явиться в переполненную аудиторию без блокатора, – едко поддел учитель. – Я нас экранировал, можешь не бояться. Хотя скоро все равно придется рассказать сокурсникам, что ты эмпат. Носителей ментального дара ставят на учет, так что будь к этому готов. Так у тебя нет блокатора?

Герман попытался «прощупать» пространство, но вокруг них не

осталось ни единой струйки чужих эмоций. Блаженная тишина ласкала истрепанные нервы.

– Я забыл его в комнате, но от него все равно немного толку, – вынужденно признал Герман.

Вальтер, поправил очки и посмотрел ему в глаза, оценивая состояние.

– Сегодня после занятий зайди в мой кабинет. Со своим блокатором.

Гротт направился к выходу. На Германа сразу накатила душная шумная волна, взрывая мозг. Он пошатнулся, опираясь рукой о парту. Захотелось позорно остановить учителя Гротта и попросить о помощи, но, к счастью, тот уже покинул аудиторию.

– Вам нехорошо, курсант Герман? – поинтересовался декан. – Загляните в медпункт. Вводная лекция не самая важная, так что можете пропустить ее.

Герман кивнул и, старательно вышагивая по прямой линии, добрался до двери и вышел в коридор. Там самообладание его покинуло, и он сполз по стене на пол, сжимая ладонями виски. Учитель Арений, взявший шефство над деревенским мальчишкой с особым даром, предупреждал, что быть менталистом среди людей – непросто, в частности, если ты можешь считывать их эмоции, даже те, о которых они сами не подозревают. В какой-то момент все путается, окрашивается в грязные тона, и мир превращается в помойку из человеческого негатива, а жизнь – в сплошное мучение.

Может, поэтому менталисты чаще других сходят с ума, а сумасшедший менталист – непредсказуем и оттого невероятно опасен.

Герман поднялся, тряхнул головой, отгоняя панику. Он пока еще в своем уме и лишаться его не собирается. Для этого он и поступил учиться, чтобы вернуться домой не чудовищем, от которого шарахались соседи и которого забрасывали камнями мальчишки, а человеком, которого будут не только бояться, но и уважать.

Медицинское крыло располагалось напротив казарм, за узкой полосой зеленых насаждений. Из окна комнаты № 313 виднелись верхние этажи здания из белого кирпича. Правое крыло было отдано под учебные аудитории будущих медиков и медмагов, левое – под госпиталь, а в центральной части находились личные кабинеты персонала. Итого три отдельных входа, и Герман собирался зайти с правого.

– Стой! Эй, подожди меня!

Звонкий голос настиг его практически в дверях. Герман остановился, живо возрождая в мыслях навеянный им образ. Высокий и худощавый, с непослушными завитками золотистых волос. У него наивные глаза

необыкновенного лилового цвета, как фиалки, которые так любит выращивать мать Германа. И широкая улыбка. Нет, тряхнул головой Герман, конечно, Альберт совсем не такой. Нескладный, взъерошенный, навязчивый, капризный, шумный. И вообще, откуда...

– Догнал! – Белокурый юноша с разбегу врезался в Германа, обхватывая за плечи руками как старого знакомого. – Ты так быстро ходишь! А я Берт, твой новый сосед!

Каждое слово – восклицание. Герман сбросил с себя чужие руки, разворачиваясь:

– Альберт?

Это и правда был он, собственной персоной. Стоял, запустив пятерню в золотистые волны, путая и без того растрепанные волосы, и улыбался:

– Ага, только лучше называй меня Берт, ладно? Вот, меня к тебе поселили, я пошел тебя искать. Встретил ребят, они сказали, что это ты Герман, который мне нужен. Ну я и побежал знакомиться. Ведь мы же будем друзьями?

И смотрел так, как будто видел впервые. Герман привычным жестом притронулся к виску, но ясности это, конечно, не внесло.

– Что ты несешь? – устало спросил он своего друга детства. – Мы и так друзья, какая муха тебя укусила? Что ты вообще делаешь в Визании? И что на тебе надето?

Герман растерянно оглядел непривычный наряд Берта – растянутую полосатую кофту и куртку с куцей опушкой. Определенно что-то было не так.

Альберт продолжал широко улыбаться, и что-то в его фиалковых глазах подсказывало, это не розыгрыш и не злая шутка.

– Друзья? – захлопал он длинными светлыми ресницами. – Но я не понимаю. Ты странный какой-то.

Герман на пару секунд закрыл глаза, потом снова посмотрел на друга детства, кроме радостного лица, замечая темные пятна в глубине его мыслей. Как будто из его головы исчезло что-то очень важное.

– Хочешь сказать, ты меня не помнишь?

Вопрос был задан наугад, и Альберт озадаченно захлопал глазами:

– В каком смысле? Откуда? Мы же только что познакомились.

– Альберт Теодор Люциус-младший, – закинул Герман удочку, внимательно наблюдая за юношей. – Его помнишь?

– Ммм... – Тот честно попытался напрячь память. Видимо, не удалось. – Нет.

Герман вздохнул, сделав для себя прискорбный вывод:

– Так ты меня не помнишь.

– Я все равно не понимаю, о чем ты, но это ерунда! – Берт схватил его за локоть. – Мы будем жить вместе, будем учиться вместе. Это же замечательно! Ты классный! – Он запнулся и добавил смущенным голосом: – Как тебя, кстати, зовут?

Выходит, действительно забыл. За два года! Как же это могло случиться? У Альберта, конечно, всегда ветер в голове гулял, но чтобы выдуть из нее сразу столько воспоминаний, это уже слишком.

– Герман, – выдавил он глухо, бросил взгляд Берту за спину, туда, где виднелась кучка праздно шатающихся курсантов, и поманил за собой: – Пойдем, я покажу тебе комнату, там и поговорим.

Урок 3

С другом, лишившимся памяти, можно подружиться дважды

Альберт стоял посреди комнаты, упершись задом в стол, и не знал, что делать. Это читалось в его позе, в том, как он теребил себя за волосы, постепенно вытягивая из-под цветных невидимок прядку за прядкой, как прятал взгляд.

За открытым окном чирикали птички, шелестела листва, с площадки на заднем дворе общежития доносились сглаженные расстоянием голоса и смех. Герман ждал. Потом резко выдохнул и хлопнул себя по коленке.

– Так! Давай-ка с этим разберемся.

Альберт вздрогнул, случайно дернув себя за волосы, и неуверенно улыбнулся:

– Давай.

Подчиняясь жесту, он придвинул один из стульев к кровати и сел. Сиденье оказалось слишком твердым и неудобным, Берт заелозил, устраиваясь, и мучился бы до самой ночи, если бы Герман не продолжил:

– Так как там тебя зовут?

– Альберт Кельвин, – поспешно ответил Берт.

– И откуда ты прибыл?

– Откуда? – Берт замер, растерянно хлопая глазами. – Ммм... «Черная дыра», гостиница в...

– Я не об этом спрашиваю, – нетерпеливо перебил Герман. – Как ты вообще попал в Визанию, да еще и остановился в таком отвратительном месте? Даже самые бедные абитуриенты обходят «Черную дыру» стороной.

Герман вперил в бывшего друга тяжелый внимательный взгляд, который мгновенно отмечал малейшие перемены в его настроении и облике. Вот он закусил нижнюю губу, отпустил. Облизнул. Рука потянулась к волосам, стремясь накрутить на палец непослушный локон. А внутри вообще творилась настоящая сумятица из панических мыслей, страха, непонимания. А еще, похоже, Альберту было больно, и острые уколы этой боли отзывались в голове самого Германа. Отклонившись назад, он мягко подтолкнул его к ответу:

– У тебя есть документы для поступления?

Берт обрадовался смене темы:

– Да! Я отдал их декану Кишману.

– А откуда они у тебя? Кто тебе их дал?

Альберт снова сник, как будто щелкнули переключателем. По крайней мере так это представлялось чувствительному к чужим эмоциям Герману:

– Зачем ты задаешь эти вопросы? Я... я не могу сказать.

Берт склонил голову, стискивая виски ладонями. Герману казалось, что он почти слышит его панические мысли, которые просто не могли дать нужного ответа, потому что его не было и быть не могло.

– Как твое полное имя? Из какого ты мира?

Но Берт действительно не мог ответить.

– Кто помог тебе поступить в военное училище? Почему именно сюда?

Голос Германа причинял Берту беспокойство. Тот заскулил, пытаясь спрятаться от него.

– Посмотри на меня, Альберт!

Но он спрятал лицо в ладонях, будто прячась от проблемы.

– Альберт!

Он с опаской взглянул на Германа. Хлюпнул носом, утер слезы.

– Я не помню.

С ресниц сорвалась особенно крупная слезинка. Подумав, что Альберт ничуть не изменился за два года, которые они не виделись, Герман украдкой вздохнул – моральный прессинг не помог, а жаль. Потом поднялся, обошел его вокруг и, встав за спиной, положил ладони Берту на плечи. Физический контакт приносил дискомфорт, но в случае с Альбертом Герман всегда поступал так. Тонкой струйкой к нему потекло отвратительное, грязное даже по ощущениям месиво из негативных эмоций. Берту нужно помочь от них избавиться, иначе головные боли только усилятся.

– Посиди смирно пару минут, – попросил Герман. – И все сразу пройдет.

Он сосредоточился, очищая верхний ментальный слой. Берт поначалу напрягся, потом расслабился, даже промурчал что-то удовлетворенно. Герман убрал руки и символически отряхнул их. Улыбнулся, хоть «пациент» этого и не видел.

– Да, подкинул ты мне проблему, – проворчал Герман. – И тебя не смущает провал в памяти? Что последнее ты помнишь?

Альберт смущенно сжал ладони между коленей.

– «Черную дыру» помню. Проснулся на чердаке, на табурете одежда и бумаги в папочке. Я все прочитал и понял, что я Альберт Кельвин и что мне нужно идти в Училище военно-магических дисциплин. Это ж плохо, что я

ничего больше не помню? Но если я всем об этом расскажу, меня же выгонят, да? Куда я тогда пойду?

Пусть и без памяти, но хоть как-то размышлять Альберт не разучился. В его словах была логика, и Герман уже собрался сказать ему, кто он такой, но вдруг передумал.

– Я живу один. То есть жил. – Он вернулся к своей койке. – Это место занято, те две койки тоже. Остальное в твоём распоряжении. Можешь выбрать любой шкаф, они почти все пусты.

Берт открыл первую попавшуюся дверцу, постоял перед пустыми полками, стянул с себя куртку с нелепой опушкой и впихнул в шкафчик.

– Это все твои вещи? – Герман удивленно приподнял бровь. Гардероб его друга прежде не отличался такой скромностью.

Альберт нервно дернулся, куртка попыталась выпасть, и он торопливо засунул ее обратно.

– Д... да. Это все.

Герман резко поднялся и без объяснений направился к выходу. Оставить все как есть он просто не имел права, только нужно сохранять спокойствие и не наломать дров. А как хорошо начинался учебный год!

– Стой! – Берт справился со своенравной верхней одеждой и бросился к нему. – Ты куда?

– Пойду прогуляюсь, нужно кое-что прояснить. – Герман взялся за ручку. – Один. Сиди и жди меня тут. Понятно? Придут две девушки, повыше и пониже, блондинка и брюнетка, не пугайся. Это свои.

Альберт послушно закивал.

Даже для его непосредственного характера так легко относиться к потере памяти – странно, но еще удивительнее было само его появление в Визании в таком виде. Что бы с Альбертом ни случилось, оно не объясняет поддельных документов на вымышленное имя и оплаченной комнатухи в гостинице. И эта мысль буквально подгоняла Германа в сторону здания администрации, где располагались деканаты, в том числе и второго потока. Декан Кишман просто обязан быть в курсе этого дела, иначе почему он принял документы, да еще и спустя месяц после официального начала учебного года? Урок как раз уже закончился, и декан, скорее всего, вернулся в свой кабинет.

Быстрым чеканным шагом он миновал коридоры общежития, проигнорировал вялые выпады ролановских приятелей, встречавшихся ему на пути через парк, и даже не сразу заметил, что никто так и не осмелился ничего сказать вслух. Только поток негатива, непонимания и злой обиды тянулся за Германом, как щупальца гигантского спрута. Голова

моментально отозвалась тупой болью, и он ускорил шаг.

Здание административного корпуса встретило его пустым холлом и гулом собственных быстрых шагов. Савелия на месте еще не было, Герман почувствовал это сразу, как только оказался в коридоре второго этажа, но из природного упрямства дошел до нужного кабинета.

– Декан Кишман... – Герман остановился возле двери и обратился к невысокой пухленькой секретарше со стопкой книг в руках. Она как раз собиралась идти на обед. Ее легкое настроение и предвкушение приятно проведенного свободного времени, судя по всему, за чтением, достигло и его, вызвав мягкую улыбку. После ненависти курсантов эти теплые эмоции походили на чашку парного молока перед сном, совсем как в детстве.

– А-а, еще не вернулся с занятий, – торопливо оборвала его девушка и, перехватив тяжелую ношу, попыталась вставить ключ в замочную скважину. Разумеется, ничего не вышло.

– Позвольте. – Не дожидаясь ответа, Герман забрал книги, мельком скользнув взглядом по корешкам. «Психология», «Инквизиторская психология» «Ментальные практики для инквизиторов», «Инквизиторское право», «В объятиях инквизитора».

У Германа нервно дернулось веко.

– Хотите поступать в Университет инквизиции? – больше из вежливости, чем из любопытства, поинтересовался он. – Я помогу донести.

– Спасибо. Да, на заочное. – Девушка, Герман мельком взглянул на бейдж, – Люси Шерилд, смущенно потупилась, кокетливо поправила каштановые кудряшки, но отпираться не стала. Молодые люди вместе направились к выходу. – Нельзя же всю жизнь работать секретаршей.

Герман ощутил волнение. Люси нервно косилась на книги, из чего он тут же заключил, что она боялась насмешки с его стороны. Такая серьезная девушка, собирается в будущем работать в инквизиции, а читает любовные романы. Уж не из-за объятий ли того самого инквизитора она так стремилась к знаниям?

– Скажите, мисс Шерилд, вы знаете, какое наказание может быть за ментальное вмешательство третьего или второго уровня? – Он толкнул плечом парадную дверь и придержал, пропуская спутницу вперед.

– По шкале Сесия? «Параграф девять, пункт три, – процитировала Люси по памяти. – Осуществление прямого осознанного ментального воздействия на личность уровня выше третьего в мирное время. Наказание – временное лишение доступа к магической энергии сроком от десяти лет в зависимости от уровня воздействия». Второй уровень, ментальное воздействие на память королевской особы или высшего сословия,

разумеется, наказывается строже. Но почему вы спрашиваете? – Она удивленно вскинула брови, и Герман поспешил сменить тему:

– Простое любопытство. Не люблю упускать возможность узнать что-то новое.

– Очень похвально, – неловко произнесла Люси, и Герман почувствовал, что она приятно поражена его интересом и не прочь продолжить беседу. – Тоже хотите учиться дальше после УВМД?

– Заманчивая перспектива. А скажите еще, мисс Шерилд. Сегодня к нам на второй поток поступил новый курсант. Вы знаете что-нибудь о нем?

– Альберт Кельвин? Нет, простите, я не могу распространять личную информацию об учениках.

Герман согласился, про себя отмечая, что неведомые злоумышленники качественно подошли к делу, смогли устроить в одно из самых закрытых учебных заведений Визании, предварительно стерев память с помощью ментальных способностей, а ведь найти менталиста, способного пойти на такое преступление, тоже надо постараться.

Кому-то понадобилось, чтобы Альберт исчез. Но не умер.

Слишком сложно.

Они как раз подошли к преподавательскому общежитию, облицованному слегка побитым от времени, но дорогим камнем, что выгодно отличало его от казарм курсантов. Люси быстро поблагодарила его, забрала свои книги и, не прощаясь, скрылась в здании. От нее вился тонкий, едва уловимый след подозрений, что Герман мог использовать ее в своих целях и вытянуть из нее информацию. Но к этому примешивался легкий аромат разочарованной горчинки, и Герман невольно улыбнулся. Сегодня Люси с удовольствием бы предпочла Германа выдуманному объятиям книжного инквизитора. Жаль, девушка была не совсем в его вкусе, хотя ум и одержимость учебой делали ее весьма привлекательной в его глазах.

Герман озадаченно почесал подбородок, возвращаясь мыслями к отсутствующему декану. Кишмана не было и в общежитии тоже, об этом ему охотно сообщил вахтер, скучающий на своем посту. В Германе он разглядел будущего собеседника, поэтому встретил волной добродушной навязчивости, липкой, словно плавленый сахар, и Герман поспешил ретироваться, раздраженно потирая безымянный палец левой руки. И как он мог снова забыть про кольцо?

Еще около получаса он метался между корпусами, опрашивая каждого встречного, но никто не знал, куда подевался Кишман. Каждый его видел, причем в разных местах в одно и то же время, но Герман, с завидным

упорством повторяя его маршрут, похожий на траекторию полета одурманенной мухи, так нигде его и не встретил.

Неуловимость декана и мысль о том, что он оказал содействие в зачислении Альберта не под его настоящим именем, раздражали с каждой минутой сильнее и сильнее. И когда Герман уже почти сдался, услышал в парке знакомый насмешливый голос:

– И что же ты хочешь от меня, Вальтер?

– Тебе не кажется, что это несколько странно? Зачем ты сделал для них исключение? На тебя это не похоже.

– Может, они мне взятку дали? – Савелий точно насмехался, но Герман не мог точно угадать его чувства из-за головной боли и каши накопленных чужих эмоций. И его собеседника тоже.

– С тобой вообще можно нормально разговаривать? Это все плохо закончится. Ты понимаешь, что я имею в виду. – Вальтер не сдавался, но Герману уже не было до них никакого дела.

– Декан Кишман, – довольно грубо вмешался Герман, в несколько шагов пересекая разделяющее их расстояние, – мне нужно с вами поговорить. Это касается нового курсанта, Альберта Кельвина.

– Курсант Герман, – в тонкой нитке поджатых губ декана читалось недовольство, однако глаза смотрели все так же насмешливо, словно Герман спас его от раздражающей темы, – тебя не учили хорошим манерам?

– Альберт Кельвин, – настойчиво повторил он. – Мне нужно поговорить с вами о нем. Срочно.

Кишман сощурился, будто взвешивая в уме, как поступить с наглым учеником. Герман же с усилием сдерживал клекотавшее в груди раздражение. Знал, что нарушает субординацию, но отступить уже не мог.

– Оставь свое «срочно» при себе. – Учитель Гротт грубо его прервал. – Декан Кишман, вы совершенно распустили дисциплину на втором потоке. Это неприемлемо.

Вальтер Гротт преподавал тактику и стратегию, и Герман слышал, что они с деканом Кишманом вместе учились. Больше ничего узнать не удалось, учитель Гротт не подпускал никого слишком близко, всегда был серьезен и собран. Герман поймал его холодный взгляд и понял, что учитель внимательно изучает его. Что-то холодное коснулось висков, мягко, успокаивающе. Проникло глубже, внося в бурлящие мысли и эмоции порядок. Как Герман сразу не догадался. Ментальный маг...

Он попытался стряхнуть с себя чужое воздействие, но оно оказалось слишком мощным. Уровень силы запредельный.

– Вальтер, – декан решил вмешаться, – учитель Гротт, перестаньте копаться в моих курсантах.

Холод исчез. Герман выдохнул, вынужденно признаваясь себе, что на долю секунды успел испугаться.

– Простите. – Он склонил голову, пряча лицо. – Я не хотел вам мешать.

Собираясь уходить, Герман снова пересекся взглядами с учителем Гроттом. Его эмоции были скрыты, и Герман решил больше не испытывать судьбу и, еще раз извинившись, пошел прочь.

Ситуация очень резко приобрела неприятный оборот. Один из учителей, возможно, менталист, и это не играло бы особой роли, если бы не появление Альберта в училище. Герман торопливо свернул в аллею, ведущую к казарме, размышляя по пути. Можно предположить, что Вальтер Гротт причастен к истории с потерей памяти. Зачем ему это? Да и доказательств у Германа пока не было, ментальный дар еще не делал из человека злодея и убийцу, Герман по себе знал. Но и в подобные совпадения тоже не очень верилось.

Нужно как-то сказать Берту, кто он такой, так будет честно. Но Герман все еще сомневался, не принесет ли это еще большего вреда. Надо будет почитать про последствия ментального вмешательства такого порядка, прежде чем что-либо предпринимать. Человеческий разум непредсказуем.

Герман так задумался, что едва не столкнулся с выходящей из казармы Стефанией. Ее высоченная мрачная подруга, конечно же, маячила за ее спиной.

– Эй, смотри, куда идешь! – возмутилась Стефания.

– Прости, – извинился Герман и хотел пройти мимо, но девушка оказалась прилипчивой.

– Что за парень сидит в нашей комнате? Говорит, что он твой друг. Не води больше своих друзей без предупреждения.

Манеры девицы оставляли желать лучшего.

– Это Альберт, и он будет жить в нашей комнате, – терпеливо пояснил он. – И, предупреждая возражения, у него есть подпись вахтерши, так что все вопросы к ней.

Если у Стефании и были возражения, Герман их уже не слышал, только чувствовал, как в спину ударило горячим гневом. Вспыльчивая штучка эта Стефания, стоит быть с ней поосторожнее. Герману она не нравилась, но, признаться, вызывала любопытство.

На подходе к жилому блоку Герман почувствовал присутствие постороннего. Заглянул в комнату и застал Альберта весело болтающим с рыжим парнем, живущим напротив. Недавно он примкнул к компании

Ролана, но после первой же стычки позорно сбежал. В принципе правильно сделал, потому что стычка была как раз с Германом.

– Опаньки. – Рыжий заметил Германа и немного занервничал. – Муж пришел, а я без парашюта.

Шутку Герман не понял, и парень состроил обиженную физиономию.

– Я пришел мириться. Меня, кстати, Рене зовут, если ты вдруг запамятовал. Рене Вильтрауд, потомственный артефактор из семьи потомственных артефакторов. Гений, обаяшка и ваш новый лучший друг.

Он приложил два пальца к кожаному ремешку странных больших очков с черными круглыми стеклами, которые всегда носил на лбу.

– Рене рассказывал мне про училище и про тебя, – поделился Альберт восторженно. – Ты правда один разогнал целую банду? Откуда здесь банда? А ты научишь меня драться, я, кажется, не умею?

Герман закатил глаза. Этого еще не хватало, сейчас Берт от великого ума выболтает все про себя первому встречному.

– Не надо нам лучших друзей, – сказал он Вильтрауду. – Иди и поищи их где-нибудь в другом месте.

– Ну не будь таким букой, – махнул рукой Рене. – Мы с красавчиком уже подружились, так что у тебя нет выбора. А?

Он протянул руку, хитро улыбаясь. Герман чувствовал его эмоции и догадывался, в чем причина такой дружелюбности.

– Боишься, что Ролан решит отомстить за предательство? Я тебя защищать не собираюсь, так и знай.

Рене, похоже, воспринял это как согласие.

– Отлично! Тогда погнали в столовку, пока там все не разобрали.

Кормили в училище три раза в день, и меню не отличалось разнообразием, но еда всегда была полезной и сытной, а больше и не надо. По крайней мере Герману. К тому же на первом этаже общежития была небольшая кухня.

Во время завтрака, обеда и ужина общая столовая дарила новичкам незабываемые ощущения вроде толкучки в очереди за вторым и совершенно несладкого чая. И это еще не считая того, что располагалась она в стороне от казарм и до нее еще нужно было добраться после занятий.

– Я бы глянул, как ты вчерашнюю капусту ешь, – пакостно хихикнул Рене, лавируя между курсантами с двумя полными тарелками. Когда очередь дошла до Альберта, то на подставленный им поднос шлепнулся половник с кашей, а рядом неаккуратно плюхнули охапку зеленого салата. Голодные после занятий парни и девушки отпихнули страдальца в сторону, где его уже ждал со своим подносом Герман. Судя по страдальческому

выражению лица, Берт быстро понял, что попал в ад.

– Я не выдержу, – пожаловался он, когда они вдвоем пытались отыскать нужную тренировочную площадку из пяти, где у них должно сейчас пройти занятие по фехтованию. Мимо носились туда-сюда старшекурсники, которым до проблем поступивших дела не было. Берт страдал, разумеется, не молча, потому что долго молчать был физически не в состоянии. У всех есть свои маленькие и не очень слабости, считал Герман, слушая его причитания. С этой можно было скрепя сердце смириться.

– Выдержишь, куда ты отсюда денешься, – по-своему успокоил Герман.

Мрачные мысли немного отступили, но он все равно был погружен в себя. Альберт переключился на комментирование всего увиденного по пути из столовой, так что на некоторое время ему не требовалось ответов. Герман только вздохнул спокойно и тут увидел, как со стороны казармы идут Стефания и Ситри, и настроение тут же рухнуло куда-то очень глубоко вниз.

Впервые у него появилось желание прогулять урок.

Урок 4

В настоящем бою не всегда побеждает сильнейший

– И чего вы столпились, как стадо баранов? Быстро построились!

Вялая толпа всколыхнулась, поднимая удивленные лица на грозный голос Вальтера Гротта, и вытянулась в линейку. Никто не ожидал увидеть старшего преподавателя тактических наук на занятии по фехтованию, первые четыре недели вел другой учитель. Герман сразу увидел в этом дурной знак, хотя прежде в приметы не верил.

Гротт прошелся вдоль образовавшейся шеренги, дошел до конца, развернулся на каблуках и, приложив ладонь к лицу, недовольно пробурчал:

– Бездари.

Услышал его только Герман, оказавшийся как раз в самом конце построения. Даже Берт, первый день наряженный в слишком строгую для него студенческую форму темно-синего цвета с белыми вставками по бокам и на воротничке, удостоился места посолідней. Проще говоря, он был предпоследним. Герман подавил ухмылку, продолжая тянуть подбородок и держать спину. Как бы его ни пытались унижить, он внушал себе, что выше любых издевок и способен выдержать и худшее отношение. Особенно теперь, когда на пальце поблескивало кольцо-блокатор, куда более сильное после настройки Вальтером, чем прежде.

Получив утром, перед построением, свой артефакт обратно, Герман не спешил его надевать. Учитель Гротт не внушал ему и капли доверия, и в то же время Герман видел в нем старшего и более опытного мага со схожими способностями, что Гротт совершенно спокойно подтвердил. Однако от желания делиться своими проблемами Герман все-таки сдерживался. Кто знал, что могло происходить в голове человека, так тщательно скрывающего свои эмоции, ведь даже его гордое лицо всегда казалось беспристрастным.

Вальтер прошелся вдоль шеренги в обратном направлении, быстро и, судя по вскрикам, очень болезненно выправляя стойку каждого второго курсанта.

– И чему вас только Джена́ро учил? – Вопрос был больше риторическим, но тут же нашелся желающий ответить:

– Стойкам...

– И выпадам, – добавил девичий голосок совсем близко от Германа.

– Ну, допустим. – Вальтер заложил руки за спину и отошел на несколько шагов к выкатной стойке с тренировочным оружием. Снял сверху два деревянных меча. – Кто-нибудь готов показать, на что он способен? – Цепкий взгляд Вальтера пробежался по опущенным головам, чуть дольше задерживаясь на Германе. Берт рядом нервно заерзал, тут же привлекая к себе внимание, и Герман почувствовал, как тому неудобно. – Курсант Грэм? – Взгляд Гротта метнулся в другой конец колонны.

– Я! – Названный сделал шаг вперед.

– Кто должен быть первым?

Ролан, как и все, удивился вопросу, но быстро отыскал в нем плюс для себя. Мстительно улыбнувшись, он переглянулся с Вуди:

– Пусть Герман идет. Он самый умный из нас, так пусть покажет свое мастерство. Не все же языком трепать.

– Курсант Герман? – Гротт обратился к нему, и Герману ничего не оставалось, кроме как выйти вперед. С самого первого дня своей новой жизни в училище он старался не выделяться и привлекать к себе как можно меньше внимания. Но чем больше старался, тем хуже получалось. Вальтер бросил ему ученический меч, Герман умело поймал его в воздухе и вышел на площадку, усыпанную песком. Примерился к рукояти, взвесил тренировочное оружие в руке, размял кисти.

– Нападай, – велел Вальтер. – За меня можешь не волноваться.

Герман нахмурился, безрезультатно пытаясь прочесть его намерения. Для него учитель Гротт был не самым удобным противником, даже если опустить его явно преобладающие навыки владения холодным оружием. Глухой эмоциональный барьер сводил преимущества самого Германа почти на нет, и все, что он мог, – вскинуть меч и броситься сломя голову на противника, метя в основание шеи. Он не надеялся на быструю победу, строго говоря, не надеялся на победу вообще, но и проигрывать с первого удара не собирался.

Вальтер с ухмылкой отступил в сторону, даже не пытаясь заблокировать удар и позволяя Герману по инерции уйти вперед и открыть спину. Развернулся, направляя клинок вверх, чтобы обрушить на него, но Герман уже успел присесть, широко расставив ноги, и, раскручиваясь, ударить по ногам. Гротт допустил две ошибки: он не блокировал удар, действуя преднамеренно медленно, видимо, желая наглядно показать, к чему приводят необдуманные атаки. И он не оценил изворотливости обычного деревенского парнишки, едва успевая подпрыгнуть и позволить мечу просвистеть параллельно земле.

– Хитро́. – Гротт усмехнулся, приземляясь на ноги и лоя равновесие. Атака оказалась неожиданной, словно Герман с самого начала планировал его обмануть. Секундной задержки хватило Герману, чтобы кувырком, подняв клубы пыли, откатиться в сторону и подняться. – Неплохо. Но ты циркач или боец?

По ряду расслабившихся учеников пробежался смешок.

– Разве это имеет значение, пока я жив? – Герман перевел дух и передернул плечами, удобней перехватывая меч. Первый раунд он не проиграл, хотя и победой это пока не назовешь. Вальтер не походил на человека, который стал бы долго играть с противником. Учитывая разницу в подготовке, он скорее закончит этот показательный бой в несколько ударов. Более того, Герман был уверен, что следующая его атака поставит в нем финальную точку.

Вальтер перехватил рукоять обеими руками, поднял вверх, доводя гарду до уровня лица, будто примеряясь к сопернику, и без предупреждения сделал выпад с левой ноги. Герман же следил за правой, ожидая иного маневра. Не зная, как правильно блокировать этот удар, он поступил так, будто от этого зависела его жизнь. Увернувшись вбок, он в любом случае не успел бы уйти с линии поражения – Гротт был слишком быстр. Попробовать отбить в сторону означало снова открыться более ловкому и опытному противнику. Счет шел на секунды. Герман молниеносно развернулся, пропуская клинок в миллиметрах от груди, и, воспользовавшись вынужденной заминкой Гротта, одной рукой оплел его выпрямленные руки, выкручивая их. Отчаянно сцепил зубы и схватился за лезвие ладонью, стремясь выхватить оружие из ослабевших пальцев. Однако Вальтер легко вывернулся из неловкого захвата и сам выбил меч у зазевавшегося парня. Герман просто не успел ничего понять.

– В реальном бою заточенная кромка раскроила бы тебе ладони до кости, – безжалостно бросил учитель, поднимая с земли меч Германа. – Это было бы оправданно, будь ты хоть немного опытнее. Но сейчас ты подписал себе приговор. Воин, лишившийся рук, никому не нужен.

Германа накрыло направленной волной ледяного снисхождения. Таким образом Вальтер показывал ему, насколько правдив в своих словах. Не издевался – говорил так, как есть.

– Из этого боя можно извлечь несколько простых уроков. – Гротт отправил мечи в стойку и, заложив руки за спину, прошелся вдоль ряда вновь подтянувшихся курсантов. – Настолько простых, что я бы хотел услышать их от... Грэм!

Парень вздрогнул и промолчал.

– Шаг вперед, курсант!

Ролан подчинился.

– Я вас слушаю, – поторопил Гротт. – Ваши выводы.

– Ну... Он вам проиграл.

– Не настолько простые, курсант Грэм. Что вы скажете о самом бое?

– Он не владеет основными приемами фехтования, дерется грязно и неумело. Деревенский стиль. – Ролан вошел во вкус и гаденько хмыкнул. – Позор для курсанта Училища военно-магических дисциплин.

Альберт дернулся к нему, но был остановлен твердой девичьей рукой. Маленькая хрупкая брюнетка, стоящая рядом, приложила палец к губам, и Берт отчего-то ей подчинился.

– Вернитесь в строй, Грэм, с вами все ясно. – Гротт поджал губы и покачал головой. – Печально, очень печально. А теперь все послушали меня. Два вывода, до которых вы сами оказались не в состоянии додуматься. Первый – оцените противника, прежде чем нападать, и оцените свои шансы. У Германа их не было, поэтому он придумал обманный ход, на который я чуть не попался. Второй вывод – если шансов нет и противник на голову вас превосходит, боритесь так, как умеете. Ваша жизнь выше правил. Есть возражения?

– Никак нет! – радостно отсалютовал Рене, тоже стоящий где-то ближе к концу построения. – Все предельно ясно!

– Заткнись, Рене, – прошипела соседка Берта по строю и толкнула его локтем.

Герман ждал и терпел изучающие его взгляды сокурсников. Гротт не позволил ему вернуться в строй, значит, испытание для него еще не закончилось. И оказался прав.

– Я поторопился выходить против тебя. – Учитель повернулся к замершему по стойке «смирно» парню. – Выбери себе соперника твоего уровня. Как насчет...

Он заскользил взглядом по нестройному ряду, заставляя учеников краснеть, бледнеть и покрываться нездоровыми пятнами. Только на Берта вдруг напала беспричинная активность. Он вытянулся во весь свой немалый рост, завертел головой и даже пару раз скромно подпрыгнул, едва не отдавив ногу своей соседке. Очень хотел, чтобы Герман выбрал его.

– Меня, меня, меня... Назови меня... – бормотал он, как заклинание, и на него уже начали нехорошо коситься. Герман молчал.

– ...Джун Мэй? – Гротт кивнул на маленькую брюнетку с раскосыми черными глазами. – Ваш учитель, Дженаро, упоминал, что у нее нестандартный стиль боя.

Герман снова проигнорировал просящую мордашку друга, оценивая Дзюн. Потянулся к ней мысленно, ослабляя действие кольца, и едва заметно улыбнулся. Девушка внутри оказалась такой же хорошенькой, что и снаружи. Ровная, гладкая, как шелк, уверенная сила, к ней хотелось прикоснуться и впитать приятную ласкающую прохладу. Но драться с Дзюн Герман не хотел. Взгляд скользнул дальше, нашел хмурое лицо Стефании и быстро вернулся обратно.

– Я буду биться с Кельвином.

Берт издал восторженный возглас, разом сдав себя с потрохами. Герман наклонил голову, пряча глаза. Его решение было продиктовано вовсе не дружеской симпатией или, как, вероятно, подумало большинство, желанием выбрать противника послабее. Судя по ощущениям – горячим и пульсирующим, как огромное сердце, – ему это было настолько необходимо, что могло пробудить спящую память.

– Я готов! – Берт выскочил на середину поединочного круга, нашел глазами стойку с оружием и вдруг замер на месте, как изваяние.

– Альберт. – Герман понял его намерения и попытался вразумить. Он тоже заметил этот притягательный блеск среди деревянных клинков, к которому уже тянул руки Берт.

– Курсант Кельвин, немедленно остановитесь, – вторил ему учитель Гротт. – Положите шпагу на место! В столовой с вилками играть будете. А это боевое оружие.

Вальтер увел у него из-под пальцев узорную позолоченную гарду. До Германа донеслось эхо почти детской обиды и огорчения, но по Берту и так было видно, как он расстроился.

– Зачем здесь боевое оружие? – спросил кто-то из строя. Вопрос резонный, но, судя по всему, Гротт и сам был немного удивлен.

– Отставить разговорчики, – гаркнул он и повернулся к Герману и Берту. – А вы что встали?

Им обоим вручили по деревянному мечу и отправили обратно в круг.

– Ты видел ее, Герман? – Берт встал напротив и машинально принял стойку – одна нога чуть впереди, другая отставлена, носок повернут в сторону, корпус развернут, чтобы больше обезопасить себя от внезапной атаки. Меч в вытянутой руке метит острием точно в глаза противнику. – Она шикарна! Я ее хочу.

Вальтер дал отмашку, и Герман не стал отвечать, сосредоточившись на поединке. Стадию оценки можно смело миновать, ведь Герман постигал искусство фехтования под началом Альберта и прекрасно изучил его сильные и слабые стороны. Как и тот его. Нужно было заставить Берта

вспомнить.

Герман резко выдохнул и пошел в атаку. Мечи скрестились с громким стуком, Альберт и не думал избегать столкновения, с азартом принимая удар на повернутый плоской стороной клинок, отбил, отпрыгивая назад, и тут же сам пошел вперед, занося меч по диагонали и метя в нижний левый сектор. Герман разгадал его маневр раньше, чем поднял свой клинок в универсальной защите.

Их поединок походил на танец. Берт улыбался, легко размахивая деревянным мечом. Знакомые привычные ощущения. Он делал шаги и выпады не задумываясь, будто это было для него естественно. Герман тоже вошел во вкус, с залихватским уханьем обрушивая на верткого противника град ударов. Альберт скакал по площадке, уворачиваясь и награждая друга меткими, но неопасными уколами.

– Хватит. Достаточно. – Вальтер вскинул руку, останавливая парней. – Было бы интересно проверить, сколько вы оба выдержите, но на это не хватит времени. Давно тренируетесь вместе?

Герман открыл рот, но тут же закрыл его. Сказать правду? Он посмотрел на улыбающегося Берта и передумал, момент был неподходящий.

– Первый раз.

– Да-да, – охотно подтвердил Альберт, поспешно приглаживая перепутавшиеся кудри. Золотистые завитки вылезли из-под ослабших заколок и торчали в разные стороны. Герман твердо встретил пытливый взгляд Вальтера, в котором явно читалось сомнение. Возник секундный соблазн снять свою хлипкую защиту и показать ему все, что творилось в голове, однако Герман, напротив, только ее усилил, выжимая из блокатора всю мощь. Он не был уверен, что может довериться этому человеку, как и любому другому. Не тогда, когда дело касалось единственного друга.

– Ладно. – Гротт кивнул. – Молодцы.

Альберта пришлось буквально тащить на себе прочь от тренировочной площадки, чтобы тот снова не попытался сцапать понравившуюся шпагу. Желание заполучить ее окутывало его густым удушающим облаком, от которого почти что слезились глаза. Герман узнал этот клинок, сложно было не сделать этого после того, как Берт налетел на нее голодным коршуном. Любимая шпага Альберта, он таскался с ней повсюду с пятнадцати лет, даже имя ей дал, правда, его-то уж Герман вспомнить не смог. Или это было не совсем имя?

– Я ее хочу, – упрямо повторил Берт, плетясь за другом к зданию казармы. Герман знал и этот тон, не предвещающий ничего хорошего.

Теперь Альберт в лепешку расшибется, но придумает способ исполнить свой каприз. Сколько раз это уже повторялось...

– Забудь, – велел он строго. – Носить реальное оружие в стенах училища запрещено. Уясни это, а лучше запиши где-нибудь.

Хотелось добавить про дырявую память, но Герман сдержался. Отвернулся, чтобы скрыть выражение своего лица. Может статья, Берт прав и эта шпага ему на самом деле знакома. И отсюда возникает интересный вопрос. Что Берт и его шпага делают в училище порознь?

– Курсант Герман! Курсант Кельвин! Задержитесь, пожалуйста.

Герман едва не споткнулся от неожиданности. Их окликнул учитель Гротт, и это не добавляло оптимизма. Учитель скрестил руки на груди, ожидая их возвращения, и сразу заявил, минуя предисловия:

– Думается мне, курсант Кельвин узнал это. – Он продемонстрировал шпагу, и глаза у Берта радостно загорелись, сдавая его с потрохами. – Не помню, чтобы вы сдавали оружие при зачислении.

Герман так просто не собирался все выбалтывать:

– Или он просто любит оружие.

– Вот совпадение, я знаю еще одного человека, который тоже очень любит оружие, – холодно улыбнулся Гротт, – но у него профессия такая, а вот почему ваш друг пускает слюни конкретно на эту шпагу, вопрос.

Тем временем Берт, точно зачарованный, подошел ближе и протянул руки к шпаге. Гротт позволил ему взять ее, и рукоять легла в ладонь как влитая, золоченая спираль любовно обвила кисть, защищая. Альберт взмахнул шпагой, и сталь радостно загудела.

– Это она, Герман. – Он счастливо захихикал, взвешивая клинок и делая пробный взмах. – Эспада.

– Как ты ее назвал?

– Эспада, – повторил Берт, наслаждаясь звучанием этого слова. – С двойной заточкой, чуть легче короткого меча, но почти такая же опасная. Смотри, как блестит. Ей можно наносить как рубящие, так и колющие удары. – Он резко взмахнул шпагой, и острый кончик пронесся в сантиметре от носа Германа.

– Перестань, – проворчал он. – Ты как ребенок.

Альберта это не сильно волновало, он всю примерялся к оружию, вполголоса нахваливая его возможности, и даже не замечал, что говорил вещи, которые ему нынешнему не должны быть знакомы.

– Ой, смотри. – Он вдруг замер, поднося клинок к лицу. – Тут что-то... Буквы?

Он вдруг дернулся и, выронив шпагу, схватился за голову. Гротт был

ближе и успел схватить Берта за плечи прежде, чем тот упал.

– Что происходит? – испугался Герман. Берту, кажется, было очень больно, он скулил и пытался вырваться, а Гротт продолжал держать его. Герман не мог понять, что происходит, но ощущал, как колеблется ментальный фон вокруг них. В итоге Берт все-таки вырвался, но устоял на ногах, навалившись на Германа.

– Вы что такое сделали! Это же вы! – Дыхание перехватило, Герман едва не закашлялся, но продолжил: – Вы менталист, я знаю. Если это вы с ним что-то сделали, я вас под инквизицию подведу!..

Хоть пострадал только Берт, ментальная мощь Гротта оказалась такой сильной, что даже у Германа заболела голова. Уровень не меньше третьего. Самое то, чтобы, к примеру, подчистить человеку память.

Вальтер выглядел удивленным, но не виноватым.

– Понятия не имею, что произошло. Ваш друг всегда был настолько чувствителен к ментальной магии?

Герман нахмурился:

– Если не вы, то кто? По закону любые манипуляции с человеческим сознанием такого уровня запрещены.

– На глаз прикинул уровень? – хмыкнул Гротт. – Что вы пытаетесь от меня скрыть, курсант Герман?

Берт вполне очухался, и можно было уходить. Герман не собирался пока ничего рассказывать, особенно после случившегося только что. Кто может сказать, виновен ли Вальтер Гротт или нет? Он читал Германа как открытую книгу, и это было особенно обидно потому, что сам Герман оказался перед ним точно слепой котенок. В груди вскипала злость, но парень уже мог достаточно ясно соображать, чтобы понять – тягаться с бывалым менталистом ему пока не под силу, угрожать законом – малоэффективно, а других вариантов он не видел. Разве что только попробовать договориться...

– Простите, – пробормотал Герман, убеждая себя, что идет на попятную только ради Берта. – Возможно, все дело в этой шпаге.

Он поднял глаза и увидел, что Вальтер кривит губы в недоброй ухмылке. Гротт пригладил замаявшийся камзол и opravил манжеты. Герман зацепился взглядом за тонкие бледные пальцы и поблескивающий на большом пальце тонкий ободок золотого кольца.

– И то, что в голове вашего друга неплохо покопались задолго до меня, вы тоже объясните? Хотели что-то скрыть? От кого-то или, – кивок в сторону бессознательного юноши, – от него?

Герман хотел ответить: «Не ваше дело», – но был не в том положении,

чтобы дерзить. Раньше держать себя в руках было проще. Возможно, потому что, кроме себя, некого было защищать. И он просто промолчал.

Альберт застонал и ухватился за локоть Германа.

– Давай уйдем, – попросил он шепотом жалобно. – Пожалуйста.

– И все из-за какой-то шпаги? – Вальтер наклонился и подобрал оружие. – Чем же она так важна?

Берт протер глаза, размазывая слезы.

– Герман? – позвал он растерянно. – Я хочу уйти!

Гротт кивнул, отпуская их, но Германа не оставляло чувство, что они не уходят, а сбегают и избавиться от внимания учителя уже не получится. А хорошо это или плохо, покажет время.

– Ты как? – спросил Герман, едва поспевая за размашистым шагом своего длинноногого друга. – Голова не болит? Может, забежим в медкабинет?

Берт только сильнее сгорбился, будто его тянуло к земле непонятной силой. Герман всерьез встревожился, догнал его, и тут Альберт резко остановился.

– Ты не можешь мне рассказать, да? – спросил он, обернувшись.

Пояснений не требовалось, все и так было понятно.

– Не могу, прости, – Герман покачал головой. – Я знаю, это кажется странным и диким, но я действительно не могу. Понимаешь... Это слишком сложно. И опасно.

Большие фиалковые глаза Берта подозрительно заблестели.

– Значит, тебе лучше со мной не дружить, – решил он по-своему.

– Почему же?

– Потому что это опасно, а я не хочу, чтобы из-за меня кто-то пострадал, – повторил Берт слова Германа, только вот понял он их неправильно. – Тем более такой хороший человек, как ты.

– На твоём месте я бы не спешил с оценками, – усмехнулся Герман. – И дело вовсе не в том, что могу пострадать я или кто-то ещё. Речь идет о твоей безопасности. Лучше всего будет, если пока ты сольешься с общей студенческой массой, посидишь тихо, пока я во всем разберусь.

– Почему ты хочешь сделать это для меня?

Герман передернул плечами. Вопрос был, в сущности, простым, и ответ Герман знал, но сказать его – все равно, что нарушить собственный запрет.

– Не хочу, чтобы пострадал такой хороший человек, как ты, – ответил он.

Берт всерьез надумал обниматься посреди аллеи, ведущей к

общежитиям, но Герман неплохо успел изучить его, чтобы вовремя уклониться.

– Эй, полегче! Не радуйся раньше времени, я же могу не справиться, и тогда... – он осекся, понимая, что не может вот так просто сказать о своих подозрениях.

– Ты хочешь сказать, что тогда меня могут найти и убить? – с совершенно идиотской улыбкой уточнил Берт. Смотрелось это странно. – А ты хочешь меня защитить. Неужели ты делаешь это ради меня? Мы были друзьями?

– Да.

– Я это чувствовал! – воскликнул Альберт и все-таки поймал Германа в тиски крепких радостных объятий. И, судя по девичьим смешкам вдалеке, без свидетелей эта сцена не обошлась. – Спасибо! Ты такой крутой, Герман!

– Ну хватит, – прошипел Герман, выпутываясь из кольца рук. – Если ты согласен оставаться в неведении и довериться мне, то держи рот на замке, ладно? Остальное я сделаю сам.

На душе стало легче, пусть и не вся правда была произнесена. Заручившись поддержкой друга, Герман почувствовал, как с плеч свалилась часть груза, что он на себя взвалил. А это, как говорится, уже полдела.

Урок 5

Сколько теорию ни учи – студентки все равно на преподавателей смотрят

Очередная ночь в компании этих двоих придурков самым скверным образом сказалась на настроении Стефании, и на утренней зарядке она была неудержима, оставив большую часть скептически настроенных парней с открытыми ртами. Ситри беспокоилась, хотя кому, как не ей, знать, что Стефания по своим физическим показателям куда сильнее, чем кажется на первый взгляд. А внешность, как известно, чаще всего обманчива.

Один из их новых соседей, Альберт, умудрился за пару часов вывести из себя даже суровую телохранительницу. Непрерывно болтал, что-то спрашивал, тут же перебивал и принимался рассказывать какую-то чепуху. Стефании было известно, что особенно безмозглые мужские особи таким образом пытаются произвести на девушек впечатление. Вот только какое именно впечатление хотел произвести на них этот назойливый блондин, он, видимо, и сам не знал. Герман, напротив, за целый вечер и двух слов не произнес, не вылезал из своего угла, но Стефания до сих пор краснела, припоминая их самую первую встречу. Пожалуй, этот парень был даже красив. Волосы теплого каштанового цвета мягко вились, закручиваясь в колечки на шее, тяжелый взгляд карих глаз светился умом и немного – тщательно скрываемой иронией. Кроме того, он высок и сложен, но не такой длинный и тощий, как Альберт. И умел не навязывать свое общество.

– Мы пришли, хо... Стефания, – пробасила Ситри и кашлянула. – О чем вы задумались?

– Не вы, а ты, – машинально поправила она и нахмурилась, злясь на себя. – Ни о чем. Пошли в класс.

Аудитория была довольно небольшой, светлой и – Стефания поморщилась – очень шумной. Курсанты гомонили, кружили по кабинету беспорядочно, как сонные мухи, только что не сталкивались между собой. За время путешествия Стефания успела немного отвыкнуть от такой многолюдности. Она окинула бардак прищуренным взглядом и целенаправленно промаршировала к незанятому столику. Бросила на него сумку и чинно присела на стул. Определенно сегодня ее все раздражало.

– Эй, детка! – к парте подкатил какой-то невнятный субъект в мятой

форме, которая как бы мяться и не должна. – Как тебя зовут? Мы на уроке фехтования виделись. Ты хорошенькая, кстати.

Он был рыжим, наглым и неопрятным. Стефания решила никак не реагировать на его присутствие и продолжила смотреть прямо перед собой. Если дураков игнорировать, они отвяжутся, по крайней мере обычно срабатывало.

– А я Рене, – не унимался парень. – Ты одна си...

Грозная тень упала на него сзади, оказавшаяся не менее грозной и тяжелой рукой Ситри. Она молча схватила Рене за волосы и с силой ткнула лицом в стол.

– Она со мной, – пробасила Ситри, и парта еще сильнее вжалась ему в щеку. – Есть возражения?

У Рене не оказалось возражений, особенно после того, как мимо проплыла миниатюрная красавица Дзюн Мэй и одарила униженного парня ехидной улыбочкой. То есть это ему показалось, что ехидной, для остальных же в лице Дзюн вообще ничего не поменялось.

Когда Ситри уселась рядом, а курсанты стали обтекать их стол по широкой дуге, дверь снова распахнулась, и в кабинет вошли Герман и Альберт, причем последний сонно позевывал. Его мутный страдальческий взгляд нашел Стефанию.

– О! Смотри, это наши девочки!

Герман резко выпрямился, будто ему штырь в спину вставили. Казалось, после несдержанного возгласа Берта все устали в их сторону.

– Что ты сказал? – Ситри начала подниматься с самыми угрожающими намерениями. – Я что-то не расслышала.

Стефания хмыкнула и скрестила руки на груди. Останавливать подругу она не собиралась. А предупредить, что Ситри не слишком жалуется, когда с ней обращаются как с обычной девчонкой, они как-то забыли. Ну, с кем не бывает.

– Ну... наши... эээ... – заблеял Берт, и Герман отвесил ему стимулирующий подзатыльник. – Ничего. Я ничего не сказал. Да, Герман?

Огромные груди Ситри замерли в сантиметрах от вскинутых ладоней Берта. Осознав, что еще немного, и он бы за них схватился, Берт смертельно побледнел и отшатнулся, отдавив Герману ногу. Форменные ботинки имели очень тяжелую подошву и металлические набойки, так что взвыл Герман неожиданно для него громко. Альберт принялся извиняться, буквально повиснув у него на плече, Ситри замерла напротив, грозно уперев руки в бока. И в итоге только Стефания заметила приход преподавателя.

– Это Эрно... – услышала она восторженный шепоток за спиной. – Тот самый Дамиан Эрно...

Чем же он так знаменит, Стефания уже не слышала. Прозвучал сигнал к началу урока, и учитель, чуть припадая на одну ногу, подошел к столу и, игнорируя кафедру, сел за него. Парта, облюбованная Стефанией, располагалась как раз напротив, третья в ряду, и она отлично видела жуткий рубец на лице учителя, начинающийся чуть ниже виска и белесой змейкой уходящий под ворот рубашки.

Берт и Герман поспешили занять места позади своих соседок. Последним ввалился Ролан и сел на самой галерке.

– Все заткнулись. – Голос Эрно, хоть и был довольно тихий, легко перекрыл все волнения. – Замечательно. Говорить можно, когда я спрошу, выходить можно, когда я разрешу. Задавать вопросы можно – смотри пункт первый.

– Но как же отпрашиваться, если говорить первому нельзя? – удивился Вуди и озадаченно надул губы.

– Поэтому для идиотов я разделил это на два разных правила.

Вопросы сразу отпали.

– В вашем расписании это занятие числится как «Базовые основы теории и практики магических потоков». Так вот, не верьте. Нет такого понятия – теория магии. Есть только практика. И не важно, как хорошо вы изучите эти самые базовые основы, – хрипловатый, точно простуженный, голос учителя изобразил нечто похожее на каркающий смешок, – вооруженные только ими, вы сдохнете в первом же бою. Ах, да, мне же запрещено внушать курсантам такие мысли, как я мог забыть?

И снова этот зловецкий смешок. Стефанию он пробирал до костей, как ледяной ветер, хотя к последнему она привыкла. Учитель Эрно выглядел молодым. Издалека. Но Стефания обладала достаточно хорошим зрением и интуицией, которую принято называть женской, чтобы разглядеть обожженную кожу запястий и тонкие белые шрамы на широких сильных кистях. А еще у Дамиана был очень взрослый взгляд, таким смотрят не на залитый ласковым солнечным светом кабинет, а на поле боя, выбирая момент для атаки. Определенно первый урок Стефанию не разочаровал, пусть он и только начался. Сильных людей она привыкла уважать.

– Но сейчас уже давно никто не воюет, – подал голос кто-то с задних рядов. – И никто не собирается подыхать.

– Плохо усваиваете правила, молодой человек. – Учитель сцепил пальцы и с хрустом их выгнул. – Это было первое предупреждение.

Второго Стефания получить бы не хотела, и незнакомый ей любитель

глупых замечаний тоже.

– В учебниках, которые вы, надеюсь, уже взяли в библиотеке, на первой же странице дана схематическая классификация магии. Мы будем рассматривать ее на протяжении ближайших десяти занятий, и если за это время вы ничего не поймете, то это не моя вина.

Чем дольше Стефания слушала, тем больше симпатизировала Эрно. В отличие от лучащегося лживым добродушием декана Кишмана он был настоящим мужчиной, а не казался им. Ситри раздобыла все необходимое на первое время, в том числе и нужные учебники. Означенная таблица занимала весь разворот, и Берт, сидящий позади Ситри, испустил тоскливый вздох.

– Слабак, – пробормотала Стефания и взялась за ручку, подготовившись конспектировать. Взгляд Германа охлаждал затылок, впрочем, возможно, ей это только мерещилось.

– То, что принято называть магией, не что иное, как совокупность манипуляций, которые можно производить с энергией магических потоков, берущих начало из Источника, – негромко вещал учитель, наблюдая за притихшими студентами. – Поясню. Источник находится в Визании, точнее, Визания находится вокруг Источника магии, но об этом вам лучше расскажут на других уроках. Но если уж совсем интересно, то Источник в упрощенном виде – это огромный перепутанный клубок, от которого нити магических потоков расходятся в разные стороны. Визания защищает Источник и распределяет магическую энергию между обитаемыми мирами в соответствии с тем, что считает справедливостью. А ее, как известно, в реальности не существует. Но это лирика. Итак, магические потоки как нити, из которых маги плетут нужные для активации того или иного действия узоры. Вы пока эти потоки видеть не можете, поэтому просто перейдем к сухой классификации.

Стефания наслаждалась звучанием низкого надтреснутого голоса, не забывая укладывать информацию на полочки в своей голове. В ее задачу не входило стать лучшей ученицей, но всегда будут те, кому рано или поздно захочется утереть нос. Поэтому она все слушала и запоминала.

– Начнем с трех базовых категорий: неорганическая магия, органическая магия и артефактная магия. Каждая из трех категорий делится на ряд подкатегорий. Самой тяжелой в использовании, не затрагивая даже чисто морального аспекта, считается органическая. В нее входят все воздействия на тело и разум живого существа, как то: менталистика, целительство, все виды работы с духовной энергией, в том числе некромантия, как работа с остаточной внутренней энергией. Если

вдаваться в подробности, то можно продолжить перечень, но сейчас вам этого не надо.

Альберт сзади беспокойно завожился, и Герман строго шикнул на него, как на непослушного ребенка.

– В неорганической магии вас в первую очередь коснется ее созидательная ветвь, а именно стихийная магия. Стихий, как всем известно, четыре – Огонь, Вода, Земля, Воздух, однако реже, но все же встречается усиленная предрасположенность к какому-то конкретному сегменту Стихии. Так, в магии Земли часть ученых выделяет классификации с символическими названиями Дерево, Песок или Глина. Само собой, это лишь условное деление, и личные способности каждого человека под них не подстраиваются.

Он рассказывал так, будто просто делился своими наблюдениями, Ситри прилежно вела свой конспект, а Стефания скоро о нем забыла, воображая себе размах сил, которыми ей предстоит овладеть. Она непременно вернется домой гораздо более сильной, чем была когда покинула его. Замечтавшись, она пропустила целый отрывок из лекции и отвлеклась только после того, как кто-то поднял руку и учитель Эрно милостиво кивнул.

– А почему ментальная магия считается самой тяжелой?

Брови Стефании против воли скакнули вверх. Оказывается, блондин с по-коровьи тупым взглядом способен на умные вопросы?

– Не только ментальная, но если вам интересно именно это... – Эрно чуть скривил тонкие губы, видимо, изображая вежливую улыбку. – Это потому, что люди в большинстве своем настолько глупы и эгоистичны, что влиять на их ограниченный мозг деликатно почти невозможно, а грубое вмешательство способно повредить эти самые мозги окончательно и бесповоротно. Но, само собой, официальная версия сходится на том, что психика разумных существ слишком тонкая и сложно организованная материя, чтобы легко в нее вторгаться.

Первый вариант показался Стефании больше похожим на правду, и она с удовольствием отметила, что пока их мнения с учителем сходились.

«Почему вы улыбаетесь?» – написала Ситри на полях ее тетради, Стефания вспыхнула, жирно заштриховала вопрос чернилами и сурово сдвинула брови. Не хватало, чтобы еще кто-то заметил.

– Понятно, – с сомнением протянул Альберт. – А зачем вообще лезть человеку в голову? Это же ужасно.

Класс, не стесняясь, грохнул со смеху над горе-моралистом. Даже Дамиан улыбнулся более натурально, отчего шрам, задевающий щеку,

некрасиво сморщился.

– Представьте, что вы вышли против превосходящего вас противника. Помощи ждать неоткуда, ваши физические данные несравнимы. Но у вас есть туз в рукаве. – Он постучал пальцем по лбу. – И вы заставляете противника обернуть собственный меч против себя же. Просто внушаете ему мысль о самоубийстве. Не скажу, что это легко, но возможно, если вы талантливый и опытный ментальный маг.

Студенты притихли, обдумывая ситуацию. Стефания украдкой скользнула взглядом направо, налево, отмечая изменения на лицах сокурсников. Кого-то подобная идея заинтересовала, как ее саму, кого-то оставила равнодушным, как забавная байка, но кое-кто пришел в священный ужас. Губы Стефании сложились в презрительную ухмылку. Такие идеалисты никогда не станут настоящими воинами. А она станет.

– Если ментальные маги имеют настолько сокрушительную силу, почему бы не собрать из них элитное подразделение? – внезапно спросила она, и Эрн не стал ее одергивать. – Группа таких бойцов может заменить целую армию.

– Может, – кивнул он. – Но, к счастью, менталистов по пальцам пересчитать. Строго говоря, они рождаются всего в трех мирах из 270 обитаемых. Капля в море. И подумайте еще кое над чем. Они могут контролировать вас, а вы их? Едва ли.

Его болотно-зеленые, как речная тина, глаза немигающе уставились на Стефанию, и она прямо встретила этот взгляд.

– Могу и я задать вопрос? – Герман вскинул руку и, получив разрешение, спросил: – Если ментальные маги так опасны, почему их до сих пор не истребили?

– А вы жестоки, молодой человек. – Эрн одобрительно покачал головой. – Это бессмысленная акция. Менталистов настолько мало, что их сначала надо отыскать, а уж потом, как вы выразились, истреблять. Кроме тех, что стоят на учете, полно незарегистрированных, и они не спешат идти с повинной. К тому же в большинстве своем менталисты довольно замкнутые и эгоистичные личности, не склонные к работе в команде, проще говоря, они просто не смогут объединиться в таком количестве, чтобы представлять реальную угрозу. Они и по двое собираются лишь на этапе ученичества.

– За ними есть какой-то контроль? Ведь по идее опытный менталист может грабить, обманывать и убивать сколько ему заблагорассудится. Как на него повлиять?

Эрн посмотрел на любопытного курсанта с некоторой долей

одобрения:

– Я вижу, вы заинтересованы в вопросе. Ну что ж. Контроль за деятельностью ментальных магов также входит в юрисдикцию органов инквизиции. Хотя сейчас в инквизиторы берут кого ни попадя, а еще потом удивляются, что магических преступлений становится все больше.

Германа ответ удовлетворил, по крайней мере он снова замолчал. Стефания слышала возню за спиной и, чуть повернувшись, обнаружила, что Берт что-то увлеченно строчит на выданном из тетради листке.

Учитель вернулся к плану лекции, но через четверть часа его снова прервали, на сей раз это было вмешательство извне.

– Прошу прощения, что вынужден помешать вашему занятию. – В аудиторию ворвался декан и тут же принялся в своей манере громко извиняться: – Простите, простите!

– Чего тебе, Кишман? – Эрно медленно поднялся, незаметно под столом помогая себе рукой разогнуть больное колено. – Лекция еще не закончилась.

– Я потому и пришел. – Савелий с улыбкой развел в воздухе ладонями. – Вы уже объявили курсантам о начале практики?

Стефания заинтересованно подалась вперед, Ситри рядом, напротив, напряженно выпрямилась, загораживая Берту обзор. Учитель Дамиан раздраженно поморщился:

– Еще рано, к тому же это не твоя обязанность, а моя, коль уж ты ошастливил меня ведением теоретического курса.

Яд так и сочился из его голоса, но декан этого совершенно не замечал:

– На вчерашнем собрании практику для первого курса второго потока перенесли на неделю раньше. Вот я и забежал сказать. – Он демонстративно посмотрел на часы. – До конца урока еще пятнадцать минут. Введите ребят в курс дела.

– Кишман, ты... – Стефания готова была поклясться, что с языка Эрно вот-вот сорвутся проклятия, но мужчина сдержался. – Ладно, понял. Ты начальник, а мы так, персонал.

– Вот и отличненько, – обрадовался Кишман и скрылся за дверью.

Класс в едином порыве жадного любопытства уставился на Эрно. Учитель не спеша вернулся к столу, сел, вытянул ногу и только после всех этих манипуляций обратил внимание на учеников:

– В чем дело?

– Так что там с нашей практикой? – Знакомый рыжий прилипла рискнул высказаться за всех. Дамиан посмотрел на него так, будто впервые про это услышал:

– А что непонятного? Со следующей недели у вас начинается практика, по результатам которой самых бездарных из общей бездарной массы отчислят. Если этого мало, проведите расследование. Мне некогда нянчиться с вами.

После занятия Стефания кивнула Ситри, и та отловила Альберта за химо́к, когда тот уже почти выскользнул из аудитории. Его друг с философским видом остановился поодаль и облокотился на крайнюю парту.

– Пусти! – взвизгнул Берт. – Что за произвол? Герма-а-ан!

Ситри ослабила хватку, и он дернулся, высвобождая ворот кителя из ее пальцев. Стефания подошла к двери, выглянула в коридор и, вернувшись в класс, прикрыла дверь.

– Надеюсь, ни у кого из вас нет желания вылететь из училища? – Она в первую очередь посмотрела на Германа и, получив отрицательный ответ, удовлетворенно кивнула: – Отлично. Тогда ты, – она ткнула пальцем в Альберта, – пойдешь в деканат и разузнаешь подробности.

– Почему я? – возмутился он, однако Стефания уже все решила.

– Потому что ты кажешься самым безобидным и, как ни противно это признавать, умеешь нравиться людям. И не смотри на меня так! Я не то, что остальные, понял?

Герман тихо усмехнулся, и Стефания развернулась к нему:

– А ты пойдешь к старшекурсникам. Они должны поделиться опытом.

Парень перестал усмехаться и нахмурился:

– Почему я?

«Почему я», «Почему я». Все парни такие тугодумы? Стефанию это раздражало.

– Потому что ты выглядишь серьезнее своего дружка и тебя могут принять за своего.

Герман какое-то время так пристально изучал ее, что Стефании показалось, будто она как минимум забыла надеть юбку.

– Что?

– У меня есть встречное предложение, – лениво обронил он. – Ни один старшекурсник не устоит перед хорошенькой юной первокурсницей, я слышал, в том году был недобор по женской части. Тебе нужно будет просто улыбаться и хлопать ресницами.

Ситри насупилась, перехватила свою сумку на манер пращи и приготовилась атаковать наглеца, а сама Стефания вспыхнула до корней волос и, размахнувшись, вlepила парню хлесткую пощечину. Голова Германа мотнулась в сторону, и он едва устоял на месте, но в лице

совершенно не поменялся, и это страшно злило Стефанию. Никто не смеет так с ней обращаться. Она повторно вскинула руку, но ее кисть внезапно перехватил Альберт.

– Не надо, пожалуйста. Ты делаешь ему больно. Зачем?

Стефания дернула рукой, но Берт держал крепко. Ситри крутанула сумку за ручку, примериваясь, а потом с громким гэканием обрушила ее на парня. Учитывая силу и старание Ситри, ему не позавидуешь, однако он ловко увернулся от «снаряда» и удивленно воззрился на девицу:

– Вы что делаете? Разве так обращаются с друзьями? Скажи им, Герман.

Стефания опешила. Друзьями?

– Ты правда такой идиот?

Герман отклеился от парты и, пройдя к выходу мимо Берта, хлопнул его по плечу:

– Оставь их. Они тебя не понимают. – Уже в дверях он остановился и, не оборачиваясь, сказал: – Мы все узнаем, но не потому, что ты так хочешь.

Стефания проводила ребят взглядом, чувствуя, что в своем плане упустила что-то важное. Понять бы только что.

– Что не так, Ситри? – Она повернулась к подруге. – Почему мне кажется, что они победили?

Телохранительница пожала плечами, ничуть не раздосадованная неудачей:

– Может, вам стоит быть немного проще? Эти люди совсем другие, ваши слова могут показаться им... резкими.

Стефания досадливо закусил губу. Она не привыкла, чтобы ее поучали, да и Ситри прежде никогда этого не делала.

– Не знаю, – пробормотала она. – Может, ты и права.

Урок 6

Не все новые знания стоит сразу пробовать на себе

Известие о предстоящей практике поставило на уши весь первый курс второго потока, особенно после того, как выяснилось, что первый поток в ней участия не принимает. То, что будущие офицеры в училище на особом счету, секретом не было, но с таким явным проявлением дискриминации новички сталкивались впервые. Старшекурсники отказались обсуждать подробности практики, поэтому план Стефании провалился, так толком и не начав претворяться в жизнь. Девушка моментально вышла из себя, и ребятам пришлось срочно бросить занятые позиции и целый час прятаться на улице, чтобы не попасть под горячую и довольно тяжелую руку. Когда они наконец вернулись обратно, то почти сразу слышали страшный скрежет, шипение, кряхтение и, как итог, механический голос, вещающий из ниоткуда:

– Вновь поступивших курсантов второго потока после завтрака просим собраться в медицинском крыле для прослушивания обязательного краткого медицинского курса. Предупреждение от студсовета – выживут не все...

После завтрака, на который Герман не успел благодаря Альберту, второй поток, разбившись на группки, направился в сторону медицинского крыла. К некоторому его удивлению, класс оказался довольно небольшим светлым помещением, стерильно чистым и белым, какими обычно бывают больницы, и, судя по количеству парт, весь поток сюда просто не поместится. Похоже, их поделили на группы.

– Не стой на проходе, – мимо протиснулась Стефания, весьма ощутимо ткнув локтем под ребра. Подруги сели в самый центр, и Герман ощутил исходящую от Стефании обиду. На него? Но разве не она сама виновата?

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросил он у Альберта, но тот все равно не понял вопроса и, пожав плечами, прошел к облюбованной парте.

С сигналом о начале занятия открылась дверь, и в кабинет неуверенно заглянула лохматая русоволосая голова:

– Можно? – Парнишка оглядел курсантов, робко поморгал и просочился внутрь. Его встретила гробовая тишина. – Ну... Я ваш учитель на сегодня. А может... может, и навсегда.

Тишина стала какой-то тяжелой. А потом Рене резко откинулся на спинку стула и выдал без стеснения:

– Разводной ключ мне в...

Джон с задней парты с суровым лицом огрела его по голове планшеткой.

– Ай! За что?!

Марк стушевался, улыбнулся смущенно и виновато, как будто оправдывался.

– Декан просил провести сегодня занятие по традиционной медицине. – Он странной подпрыгивающей походкой прошел к доске и развел руками. – Меня зовут Марк Хатти... в общем, можете называть меня стажер Марк. И мы сегодня...

– Стажер Марк, – одна из девушек, с которой Герману не приходилось близко пересекаться, нагло встряла, – а у вас подружка есть?

По бледной коже медмага разлилась краска:

– Что... К чему этот...

И стоило только проявить слабинку, как смущающие вопросы и откровенные подтрунивания полетели со всех сторон. Урок был окончательно и бесповоротно сорван. Герман отвернулся к окну, гадая, какой идиот догадался поставить преподавателем их ровесника? Это... это даже не смешно.

– Надо ему помочь, – горячо зашептал Берт. – Это же просто ужасно.

Марк как раз пытался взять дисциплину под контроль, но его буквально подняли на смех. Все-таки люди – жестокие существа.

И Берт поднял руку:

– Простите, стажер Марк. – Он тепло улыбнулся, разливая вокруг присущую ему навязчиво-благожелательную атмосферу. – Какая будет тема?

Марк уцепился за этот вопрос, как утопающий за соломинку, и тут открылась дверь.

– Что здесь происходит? Стажер Марк? Объясните немедленно, почему ваш первый урок похож на курятник?

Герман вздрогнул, когда в кабинет вошел мужчина в белом форменном халате. Это был мастер Гош, начальник медицинского крыла, один из выдающихся медмагов современности. Студенты-медики на него буквально молились, а Герман старался обходить стороной после того, как во время комиссии перед поступлением Гош его едва не запорол.

– Я... – затравленный взгляд Марка забежал по кабинету, – знакомился с ребятами.

– И поэтому они ржали на весь этаж, как сытые полковые лошади?

– Мастер Гош...

– Стыдно, стажер Марк. – Гош взял со стола тетрадку, свернул в рулон и наотмашь врезал ему по затылку. Дернулся даже Герман, что уж говорить про беднягу Марка.

– Мастер Гош!

Герман опомнился и постарался прощупать этого медика. Защиты на первый взгляд никакой, но Гош будто что-то почувствовал, обернулся и оглядел замерших студентов:

– Так. Второй поток. Наслышан-наслышан. – Он сунул Марку в руки тетрадку. – Чтобы ни одного лишнего звука, стажер. Или будет, как в прошлый раз.

Рука Марка метнулась куда-то за спину, но парень заставил себя вытянуться по струнке:

– Есть, мастер Гош! – Правда, вместо ладони козырнул тетрадкой, но, к счастью, Гош оплошности не заметил. Проходя мимо Германа, он задержал на нем взгляд, ненадолго, но достаточно, чтобы это не сошло за случайность.

– Жуууть, – простонал Берт, роняя голову на сложенные руки. – Он такой страшный!

В этом Герман был с ним согласен, но, разумеется, ничего не сказал. Марк решился-таки начать занятие, голос его постепенно окреп, юный медмаг перестал суетливо дергаться и постоянно озираясь на дверь. Студенты тоже пришли в норму, только негромко перешептывались и хихикали в кулачки. Но стоило лишь озвучить тему практической части, как все понеслось по новой.

– Декан велел оценить ваш уровень общемедицинской подготовки, так что мы сейчас разобьемся по парам и быстренько закрепим основы. Начнем с искусственного дыхания. Очень часто среди боевых групп не оказывается медмага или хотя бы простого врача, так что это вы все обязаны уметь.

Герман не дрогнул, зато Берт рядом судорожно сглотнул. Заглянул в конспект друга и побледнел.

– Приподнимите подбородок пострадавшего, в смысле вашего партнера, одной рукой и запрокиньте его голову назад, – продолжал инструктировать Марк, не обращая внимания на оживление класса. – Зажмите нос партнеру, сделайте глубокий вдох и обхватите ртом его рот. Сделайте два сильных выдоха. С кого начнем? Вы, идите-ка сюда.

Рене вальяжно прошествовал к выдвинутой на середину кушетке и подмигнул ближайшей девушке. И пока он раздавал авансы, Марк вызвал его партнера.

– Я не буду с ним целоваться! – после секундной паузы, спровоцированной не иначе как шоком, выпалил Рене. Альберт виновато улыбнулся и разлегся на кушетке во весь свой рост. Даже зажмурился от усердия и губы трубочкой вытянул. Под дружный хохот Рене опустил на глаза очки и, набрав от всей души побольше воздуха, припал к его рту. Берт только ногой конвульсивно дернул.

– Отлично! – похвалил отдувающихся и фыркающих ребят Марк. – Давайте следующие.

Вуди вышел к кушетке и затравленно заозирался. Марк придиричиво окинул учеников близоруким взглядом:

– И вы, пожалуйста. И не бойтесь, это вам же на пользу.

Стефания поднялась, и Вуди вдруг всплеснул руками и заголосил:

– Ой! Может, не надо, а? Может, не надо?

Но девушка уже подошла и легла на кушетку. Герман чуть приподнял брови, удивляясь ее покорности. Вот Стефания устроилась и замерла. Вуди склонился над ней...

– Нет! – Он вновь отпрянул и запричитал визгливо: – Я не могу так! Она... она на меня смотрит. Пусть она глаза закроет! Закройте ей кто-нибудь глаза!

Марк перевел взгляд с него на нее и обратно:

– Ну вы что, в самом деле. Это же несложно.

Стефания резко села, сгребла Вуди за воротник и прошипела:

– А ну живо перестал верещать и взялся за дело.

Вуди мигом побледнел, схватился за грудь и захрипел. Пришлось срочно искать ему замену. Герман почти не удивился, когда вызвали его.

Стефания и правда глядела очень и очень нехорошо, будто обещая отомстить за унижение где-нибудь в темном коридоре. И она могла. Особенно ему.

Герман вдохнул и наклонился. Девушка продолжила смотреть на него ослепительно голубыми глазами. Почти как зимнее небо.

– Спасать будешь или нет? – одними губами прошептала она, и Герман осторожно припал к ним. Сделал все по инструкции, внимательно и вдумчиво. В конце концов, это же не настоящий поцелуй, просто практикum, за который начислят баллы. Не обращая внимания больше ни на что, он вернулся на свое место.

После окончания занятия девушки ушли первыми, а вот Герман специально задержался. Поймал за локоть Рене и оттащил в сторону.

– Повезло тебе, – сразу захныкал рыжий. – С девчонкой целовался, а я с твоим красавчиком. Ну почему мне Дзюн не досталась...

Герман поморщился:

– Не будь идиотом, это просто урок.

– Побольше бы таких уроков, я бы...

Он натолкнулся на холодный взгляд Германа и вскинул руки:

– Ладно, ладно. Больше не буду. Пойдем лучше, там, говорят, список групп для практики вывесили. Уф, хоть бы я с вами!

Он еще что-то болтал по дороге в административный корпус, где и правда уже висел список команд. Герман быстро нашел себя, с ним был Альберт, что уже хорошо, Рене, что значения не имеет, два парня, с которыми Герман особо не общался, и... Стефания!

Урок 7

Неудачная компания – не приговор, а диагноз

Жить в постоянном напряжении оказалось куда сложнее, чем подозревала Стефания, и мириться со своим положением было бы чуточку проще, если бы не их с Ситри соседи. Беззаботность и инфантильность Альберта в буквальном смысле сводили с ума, Стефания не могла понять, как можно быть таким наивным? Герман же казался серьезней своего дружка, но при ближайшем рассмотрении тоже далеко от него не ушел. Там, где Стефания пришла бы в бешенство, он лишь пожимал плечами.

А еще он был чертовски хорош собой. И это тоже было проблемой.

Практики она ждала с замиранием сердца. Где-то внутри теплилась надежда, что эти двое получают по заслугам и вылетят из набора до инициации. Тогда комната будет принадлежать им с Ситри и можно будет не шушукаться по углам. Пару раз Ситри едва их случайно не сдала, хотя Стефания почти не сомневалась, что эти двое все равно бы ничего не поняли. С ними бок о бок живет настоящая принцесса, пусть и относительно небольшого мира, а если бы они узнали, может, Герман бы перестал задирать нос. Ведет себя так, будто все на свете знает, и этот его понимающий взгляд буквально выводил из равновесия. Но больше всего ее раздражало, что она постоянно о нем думала, особенно когда засыпала. Было бы глупо влюбиться в кого-то вроде него.

Сразу после завтрака их собрали на тренировочной площадке перед казармой и велели разделиться на команды согласно списку. И тут все пошло не по плану – в последний момент принесли другой список, и Стефания с облегчением узнала, что их с Ситри прикрепили к другой команде и ей не придется мириться с умником Германом и его чудным дружком в своей группе. Ситри Альберт нравился, это чувствовалось сразу – телохранительница во всем, что не касалось служебных обязанностей, была пряма как палка. А вот Стефания не хотела отвлекаться, поэтому обрадовалась неожиданным пертурбациям. Их обеих зачислили в команду Ролана, главного заводилы училища, местного «плохого парня», впрочем, Стефании было наплевать на его репутацию, главное, чтобы не мешался.

Взгляд Германа скользнул по Стефании, она поежилась и демонстративно повернулась к соседу спиной.

– Построились! – рявкнул главный куратор практики, Дамиан Эрно, и оглядел подтянувшихся в относительную шеренгу первокурсников. – Долго

возитесь, противник не будет ждать, пока вы перегруппируетесь и решите, кто из соратников вам больше нравится.

– Он ведь это несерьезно? – шепотом поинтересовался Альберт у Германа, но тот лишь передернул плечами. Стефания сделала вид, что не слышала.

– Выстраиваемся группами в очередь к двум рабочим телепортам. Вы узнаете их по стоящим рядом с ними учителям Гротту и Кишману. Они же выдадут вам письменные инструкции. Все, поехали.

Дамиан развернулся и поковылял прочь, заметно прихрамывая. Ученики загомонили, начали спрашивать друг у друга, кто что понял. Стефания фыркнула и первой направилась в сторону административного корпуса, позади которого, на плацу, еще вчера заметила какие-то загадочные приготовления. Как оказалось, устанавливали переносные телепорты.

Возле двух одинаковых овальных рам, блестящих на солнце хромированными боками, стояли означенные учителя и переговаривались между собой. При появлении курсантов они вернулись на свои места и приготовились выдавать инструкции и отправлять группы на задания. Стефания стояла в начале очереди и напряженно вглядывалась в овал телепорта, который выглядел довольно незамысловато – широкая металлическая пластина в основании плотно упиралась в землю, и от нее отходили едва заметные ниточки проводов, исчезающие внутри хромированной рамы. Изредка пространство в ней вспыхивало фейерверком сиреневых искорок, отчего казалось, что телепорт сейчас взорвется. Когда до Стефании дошла очередь, она получила рюкзак и инструкцию и смело сделала шаг внутрь арки...

Перемещение прошло мгновенно, совершенно неощутимо, как будто закрыл глаза, а кто-то сменил картинку.

Почти мертвую, звенящую сверчками тишину нарушил хлюпающий звук. Подошва некогда чистых армейских ботинок мгновенно погрузилась в зеленую жижу.

– Буэ, – высказал свое недовольство Ролан, со смачным чавканьем отрывая от земли ногу, и ему тут же ответила зычная лягушка.

– Кажется, она с тобой не согласна, – хохотнула Ситри и подхватила под руку хозяйку. А вот Стефании было не до шуток – резкий кислотный запах ударил в нос, вкупе с телепортацией вызывая желудочные спазмы. Сил хватило лишь на то, чтобы отскочить к ближайшему дереву и согнуться пополам, избавляясь от не очень-то и вкусного завтрака.

– Ну почему-у-у-у? – простонала Стефания, с трудом удерживаясь о

ствол покрытой мхом сосны. Мало того что она ощущала себя вывернутой наизнанку, так им еще и повезло оказаться посреди болот. Мерзких, мокрых, зловонных болот.

Ситри погладила ее по спине, сорвав хриплый всхлип, и осмотрелась. «Дверь» телепорта вывела их прямым в ароматную лужу на опушке редкого, с проплешинами, хвойного леса. В другую сторону тянулось покрытое мхом и кочками поле, пройти по которому девушка бы не решилась ни за какие коврижки.

Мальчишки бочком оттеснились в другую сторону, разворачивая инструкции. Стефания сумела перебороть рефлекс, а может, в ней просто ничего не осталось, и тоже развернула листок. Ей безумно хотелось сесть, но не везде было безопасно даже стоять, поэтому она решила лишний раз не перемещаться. Хотя бы до тех пор, пока не сможет составить план дальнейших действий.

А план был настолько прост, что даже не смешно. Все необходимое для поиска неприятностей было бережно собрано в рюкзаки за их плечами. Местонахождение оружия отмечено на карте синим крестом, красным, чуть ли не в самом центре топи, рябила в глазах контрольная точка.

– Так! – Стефания выпрямилась и попыталась привлечь внимание остальных. – Слушаем меня. Сейчас мы все собираемся и идем за оружием, доходим до координат...

– Эй, а кто сказал, что мы будем тебя слушать? – отозвался Ролан, убирая листок с инструкциями в нагрудный карман кителя. Он вышел вперед и возвысился над Стефанией минимум на голову.

– Да чтобы нами девка какая-то командовала? Еще чего, – поддакнул из-за спины Вуди, всегда готовый поддержать своего старшего товарища.

Стефания даже опешила. До сего момента она ни на секунду не сомневалась, что является в их наскоро сколоченной команде главной, и никак не ждала сопротивления.

– Совсем идиоты? – она даже не нашла ничего объективней, чем покрутить пальцем у виска. – Мы должны действовать сообща.

– А мы и будем действовать сообща. Только командовать буду я, усекла? – парень ударил себя кулаком в грудь и круто развернулся, увязая каблуками в мягкой земле. – Так, салаги, построились и за мной шагом марш.

И уверенно двинулся куда-то в глубь леса. Ситри сверилась с картой, Стефания покосилась на компас.

– Э-эй, Ролан, ты картой хоть пользоваться умеешь?

Парень на ходу оглянулся, хотел резко ответить, но даже в его дурную

голову не пришло дерзить Ситри. Вместо этого он многозначительно хмыкнул и повел свой отряд дальше. Когда их спины скрылись за ближайшими деревьями, Стефания зло пнула спасительную сосну ногой:

– Идиоты! Тупые идиоты!

– Да, хозяйка. – Ситри внимательно читала инструкцию и качала головой в такт злобным излияниям. Вокруг девицы роились тучи кровососущей мошкары, но та их словно не замечала, даже не пыталась отмахнуться. Стефания, напротив, после первого же весьма болезненного укуса грязно выругалась. Ситри удивленно покосилась на хозяйку, но никак ее манеры не прокомментировала.

– Что там? – Стефания выдернула из ее рук листы. – Големы, значит. Папа про них рассказывал. Хм, каменные? – Она хмыкнула. – Да их за версту видно будет. Кто придумывал условия практики?

Продолжая бормотать в том же духе, она быстро пробежалась по пунктам инструкции, раскладывая по полочкам нужную информацию.

Големы – существа, магическим образом созданные из неживой материи, глины, камня, песка, даже грязи. Управляющая формула наносится на любой подходящий носитель и вкладывается в тело голема, в данном случае – в живот. Контролировать существо можно на расстоянии путем манипулирования связывающими магическими потоками.

На этом месте Стефания остановилась. Поскольку инициация ей только предстояла, разорвать связывающие потоки она не могла, поэтому необходимо было оружие, чтобы физически уничтожить носитель управляющей формулы. И отсюда вытекала главная проблема.

– Надо спешить. – Она торопливо закинула рюкзак за спину. – Если мы придем к тайнику с оружием первыми, сможем диктовать свои условия. А если нет...

Ситри вовремя схватила ее за локоть, удерживая почти на весу. Земля на том месте, куда та едва не наступила, вздулась пузырем, лопнула, и в воздух поднялось тошнотворно-желтое облачко вонючего газа.

– ...а если нет, – Стефания выровняла дыхание и продолжила как ни в чем не бывало, – то диктовать условия будут они.

– Не будут. – Ситри забрала у нее рюкзак и закинула на плечо. – Мы придем первыми.

Стефания не стала возражать и предусмотрительно позволила телохранительнице пойти вперед. Ситри соорудила из ствола ближайшей тоненькой сосенки подобие посоха и смело поскакала с кочки на кочку, только две криво заплетенные косички подпрыгивали на могучих плечах. Стефания последовала за ней след в след.

В картах они обе разбирались куда лучше Ролана, но местность будто специально ополчилась против нарушительниц загнивающего болотного покоя. На первый взгляд веселая зеленая лужайка вдруг вздыбливалась, кочки, казавшиеся незыблемыми островками суши, уходили под воду, грязь заползала в ботинки, оседала слоем дурно пахнущей влаги на одежду и волосы, тут же впитывающие затхлую вонь. А мошкара и комары вообще стали сущим наказанием! Нежная белая кожа Стефании покраснела и покрылась волдырями, лицо распухло даже по ощущениям, а невыносимый зуд сводил с ума. Казалось, встретить она сейчас хоть всех големов сразу, разобрала бы на кусочки голыми руками. Где-то жалобно надрывалась невидимая птица, и со всех сторон ей отвечал целый хор горластых лягушек.

Стефания лягушек не любила.

– Что там с пунктом назначения? – хмуро бросила она в спину Ситри. Телохранительница сверилась с картой и компасом:

– Полчаса пешего пути, если ничего не случится.

– Ничего не случится, – отрезала Стефания, за спиной украдкой скрещивая пальцы.

Помогло не очень.

Точка, отмеченная синим, неуклонно приближалась. Девушки ускорились, не забывая об осторожности, но когда Стефания увидела земляной холм посреди унылого монотонного пейзажа, не сдержала радостного возгласа. Она сделала лишь один шаг в сторону, и этого хватило.

– Bölvun! – Ситри схватила ее за воротник, но та увязла в трясине уже по колено. – Я велела идти по моим следам! Что было непонятного?!

Обычно она не позволяла себе вольностей в присутствии хозяйки, а особенно вольностей по отношению к ней. Но Ситри очень, очень разозлилась, а еще больше испугалась, но личной телохранительнице, связанной клятвой крови и собственным желанием, не пристало признаваться в своем страхе.

– Я вас вытащу. – Ситри напряглась, и литые мускулы заходили под курткой. – Как только окажетесь в безопасности, не вставайте. Ползите дальше. Ясно? – Стефания молчала, тяжело дыша. – Ясно, я спрашиваю?

– Да.

Ситри вдохнула и резко выдохнула, с глухим хэканьем вышвыривая хозяйку из трясины на узкую тропку между кочками. Ее собственные ноги моментально погрузились в жидкую грязь, которая даже не колыхнулась, принимая новую жертву. Вес тела и легкого, но все же металлического

доспеха потянул ее на дно.

Стефания приземлилась на четвереньки и, не поднимаясь, оглянулась назад. Ситри уже погрузилась по пояс.

– Ситри! – Стефания попыталась подняться, но руки и ноги не слушались, и она повалилась лицом в грязь, отплевываясь и глотая слезы. – Ситри, я сейчас...

– Не смей, – спокойно возразила телохранительница, приложила руку к груди, и от этого движения болото издало жадный вздох и втянуло жертву в себя еще на ладонь. – Я верно служила вам и вашей семье. Моя смерть достойна моей жизни. Делайте как я велела. Живо!

Стефания всхлипнула и поползла прочь. Толстые косы полоскались в вонючей жиже, руки жгло от укусов и еще какой-то ядовитой дряни, которой, казалось, было пропитано все вокруг. Она остановилась, обессиленно рухнув на ставшую сухой землю, и услышала издевательский голос:

– Опаздываешь, дорогуша.

Стефания села и снизу вверх, сквозь нависшую на глаза сырую слипшуюся челку, посмотрела на ухмыляющегося Ролана. Позади него с охапкой оружия стояли его дружки.

– Подружка тебя бросила?

В голове у Стефании щелкнуло. Она тяжело встала на колени, пока не уверенная, что подняться на ноги хватит сил, и заговорила:

– Она застряла в трясине. Помогите вытащить ее и можете выдвигать свои условия.

Стоять перед этим ублюдком на коленях было унижительно, и Стефания мысленно представляла, как разделается с ним позже. Сама. Так, как ее учили дома.

– Что ты можешь мне предложить? – Ролан присел на корточки, чтобы заглянуть ей в лицо. Протянул руку и пальцем размазал грязь по ее щеке. – Полное подчинение? Ты признаешь мое лидерство?

– Да! – Стефания едва поборолла желание зажмуриться от омерзения и, не глядя, сломать ему руку минимум в трех местах. И она знала, что легко смогла бы это сделать. Но позже, сейчас нельзя. – Спасите мою подругу.

– Вы, бабы, такие жалкие. – Ролан кивнул товарищам, и те двинулись в сторону, откуда приползла Стефания.

Стефания же не нашла в себе сил пойти с ними, боялась увидеть на месте, где оставила Ситри, пузырьки выходящего на поверхность кислорода.

Спустя примерно четверть часа она поднялась на негнущиеся ноги и

пошла туда. На полпути ее перехватила Ситри, грязная, воняющая тинной, насквозь сырая, но живая и невредимая.

– Что вы им обещали? – Кивком указав на мнущихся позади нее парней, она схватила Стефанию за грудки и встряхнула так, что зубы клацнули.

– Что мы будем их слушаться, пока не вернемся в училище, – прямо ответила Стефания, и Ролан гнусно хихикнул.

– Глупо. – Ситри поставила хозяйку на место. – Мне нужно мое оружие.

Она забрала у одного из ребят свой меч, а Стефании сунула в руки облегченную секиру с посеребренным полумесяцем лезвия.

– Эй, я не разрешал! – Ролан сделал шаг вперед, но меч Ситри преградил ему путь.

– Полегче. – Она заслонила собой хозяйку. – Мы дали слово, мы его не нарушим.

Ролан справился с собой и с достоинством, как ему казалось, кивнул:

– Ладно, но приказы буду отдавать я.

Почувствовав привычную и приятную тяжесть оружия, Стефания любовно провела ногтем по идеальной заточке и улыбнулась. На покрытом коричневой коркой с разводами слез лице улыбка выглядела жутковато.

– Благодарю. Это то, что нужно.

Первая группа получила стопку бумаг и по одному шагнула в искрящуюся неизвестность. Со стороны посмотреть – человек перешагивает препятствие и исчезает, буквально растворяется в воздухе, будто погружаясь в прозрачную жидкость, разъедающую плоть вместе с костями. От такого зрелища даже внешне равнодушного Германа передернуло, а Берт внезапно обнаружил в себе склонность к нездоровым фантазиям. Однако постепенно очередь редела, и Герман первым из своей команды оказался перед Вальтером Гроттом. После объявления наказания им больше не доводилось разговаривать, и сейчас Герман в полной мере ощутил внезапное желание довериться этому человеку. Иного выбора не оставалось – с каждой их встречей Гротт узнавал все больше и мог прийти к неверным выводам. К тому же, как ни мерзко это признавать, ситуация с памятью Альберта требовала посторонней помощи.

– Прочтете по прибытии. – Учитель протянул инструкцию и, не позволив Герману ее коснуться, добавил: – Я оставил подарок. Найдешь его и вернешь после. Удачи.

Герман схватил листовки и кивнул.

Перемещение было точно таким, каким он себе его представлял. Тугой

комков тошноты, подкативший к горлу и камнем ухнувший обратно в желудок, цветная бело-сиреневая вспышка перед глазами, и вот уже земля больно бьет по груди. Хорошо еще, что, ожидая подобного, парень выставил перед собой руки и тем самым спас лицо. Нос защекотала сухая травинка, Герман, не сдержавшись, громко чихнул, вскочил и торопливо огляделся.

Его выкинуло на крошечную полянку, поросшую густой травой, местами достигающей до колен. Одурающе пахло свежестью подступавшего со всех сторон леса, уши в первые секунды заложило от звонкого птичьего чириканья, от нагретой за день земли исходило приятное тепло.

Герман взялся за кольцо, приготовившись сканировать пространство, и в тот же миг из ближайших кустов выскочил человек и радостно завопил:

– Аaaa! Я спасен, я спасен!

Герман уклонился от объятий, просто уйдя чуть вправо, и крикун по инерции пролетел вперед, рухнув в траву и подняв стайку мелких голубых бабочек. Одна из них приняла взлохмаченные рыжие волосы за диковинный цветок и присела отдохнуть.

– Рене? – Герман задумчиво прикусил губу. – А где Берт?

– Мне почему знать? – Он поднялся, раздраженно смахнул бабочку и принялся неловко отряхиваться. – Я только-только вывалился, чуть концы не отдал. Хреновые у них артефакторы, папаня говорил, при перемещении так колбасить не должно.

Герман постарался пропустить тираду мимо ушей – манера речи сокурсника его корбила.

– Где Берт? Он разве не шел прямо перед тобой?

– Мы поменялись. – Рене выплюнул попавшую в рот травинку. – Испугался наш красавчик.

Это он мог, но Герман не собирался признавать этого вслух. Повернувшись спиной, он нырнул в кусты. За ними обнаружилось то, что Герман назвал бы джунглями, хотя своими глазами видел впервые – иллюстрации в книгах не в счет. Они с Рене попали во влажную шумную духоту леса с его голыми высокими стволами, переплетениями лиан и огромными яркими, несомненно, ядовитыми цветами. Он удивился, причем настолько сильно, что это оказалось заметно по выражению его лица, что бывало крайне редко. Рене не пожелал оставаться в одиночестве и, сопя и ругаясь, поспешил следом за ним. Вспугнутые птицы с громким чириканьем вспорхнули в воздух.

Джунгли были живыми, Герман чувствовал. В переплетенных макушках высоченных деревьев перекликались птицы, отовсюду

слышались крики, визги, уханье, что-то очень похожее на обезумевшее эхо – невероятная в своей гармоничности какофония. В мешанину звуков вплетались то детский плач, то надрывный стон, то сумасшедшее жуткое хихиканье. Лес не смолкал ни на секунду и обнимал вмиг взопревшее тело влажными горячими объятиями, от которых становилось тяжело дышать. В густом подлеске, цепляющемся за ботинки, шуршали мелкие зверьки или даже что похуже – не разглядеть.

– Где твоя инструкция? – Герман вернул себе былое спокойствие и развернул полученный от учителя листок. – Сверим их.

Ребята быстро изучили короткий столбик пунктов.

– Одинаковые. – Герман остался доволен результатом. Осталось только отыскать заблудшего Альберта. – Значит, забираем наши вещи, потом дожидаемся появления големов в контрольной точке, уничтожаем их любым доступным нам способом и ждем эвакуации. Все четко и просто.

– Ты монстр, – проникновенно поделился Рене и сунул свою инструкцию в карман. Герман отстраненно подумал, что уже не впервые слышит в свой адрес подобное и всякий раз с новой интонацией.

– Я знаю, – кивнул он и холодно улыбнулся.

Берт и еще двое парней из их группы нашлись быстро и по счастливому стечению обстоятельств – рядом с их вещами, состоящими из пяти походных рюкзаков, чуть сырых от конденсата. В них обнаружился сухпак, вода и некоторая необходимая мелочь вроде аптечки. И ничего, что помогло бы решить, как поступать дальше.

Уже все вместе без приключений добрались до тайника с оружием и обнаружили там обещанный подарок от Гротта – шпагу, принадлежащую Альберту.

– Затягивать не будем, – решил Герман и сверился с часами. – Пять минут на проверку обмундирования, и выдвигаемся.

Ребята переглянулись, синхронно пожали плечами и подчинились.

Шли весь день, который закончился куда раньше, чем ожидалось, будто душная темнота, как огромный язык, слизнула весь свет, и джунгли погрузились во мрак. Поначалу он казался непроглядным, но скоро расцвел фосфорным сиянием мшистых стволов, стайки светлячков порхали в быстро остывающем воздухе, оставляя за собой размазанные пестрые следы. Пугающие звуки стали громче и тревожнее. Берт жался к Герману, стискивая влажной ладонью рукоять своей драгоценной эспады.

Контрольная точка, отмеченная на карте красным крестом, оказалась весьма примечательным местом.

– Берт будет дежурить первым, – раздавал указания Герман, пока

остальные члены его маленького отряда располагались на ночлег среди заросших травой и молодыми побегами развалин. Что бы ни стояло на этом месте раньше – деревня или город, – от него давно ничего не осталось, только разбросанные по земле камни и торчащие из буйной растительности обглоданные остовы стен, увитые лианами и ползучими цветами. Герман выбрал угол между двумя относительно уцелевшими стенами. Рухнуть в ближайшее время они вроде не должны, зато и нападения по меньшей мере с двух сторон ожидать не приходилось.

– Ага, – уныло пробормотал Берт, но послушно сел в отдалении и положил на колени шпагу, любовно поглаживая клинок пальцами, как хозяйка гладит любимого кота.

– Если что, действуем по плану. – В этом месте Герман серьезно посмотрел на Рене, и тот замахал руками.

– Так точно, мой генерал! – воскликнул он шутливо, и Герман поморщился:

– Что в плане говорилось по поводу воплей?

– Никаких воплей... – Рене сел обратно и, привалившись к каменной кладке, принялся перебирать свои пистолеты, с которыми прибыл в Визанию, но был вынужден сдать в оружейную. У самого Германа собственного оружия не было, поэтому он выбрал стандартный короткий меч, с которым умел неплохо обращаться.

В джунглях окончательно и безраздельно воцарилась ночь. Вскрикнула невидимая в темноте птица, пронзительно и тревожно. Берт вскинул голову, обвивая пальцами рукоять шпаги, Рене выругался сквозь зубы и приготовился к утомительному, выматывающему полусну-полудреме. А Герман вытянулся на тонком одеяле и уставился в почти полностью скрытое кронами чернильно-черное небо. В нем, как на дне колодца, плавали звезды.

Сбившись на тридцать третьей, он погрузился в сон.

Урок 8

Командовать может любой, но только лидер способен отвечать за последствия своих приказов

Из Ролана вышел никудышный лидер, строго говоря, вообще никакой.

Стефания мысленно убила его уже раз десять, пока они наворачивали круги по болоту под чутким руководством этого болвана. Попробовал бы он таскать на себе полцентнера железа, рискуя угодить в трясины. Вуди тоже выглядел недовольным, но не спешил выражать свое мнение, если оно у него вообще имелось. Третий парень, кажется, Свен, шел молча, поминутно спотыкаясь и глядя себе под ноги. В нем, даже не в Вуди, Стефания видела слабое звено.

– Присматривай за ним, – шепотом велела она Ситри. – В случае опасности на него надежды не будет.

Ситри молча кивнула. Потом все же не выдержала:

– Они все слабаки. Может, лучше их... – Она многозначительно подвигала светлыми бровями, но Стефания покачала головой:

– Не вариант. Это могут засчитать за нарушение и дисквалифицировать обоих. Я не собираюсь рисковать местом в училище. Ты же знаешь, надежнее укрытия не найти.

Ситри безразлично пожала плечами. Ее беспокоила неприятная компания, но не настолько, чтобы опасаться кого-то из них или даже всех сразу. Строго говоря, она продолжала придерживаться мысли, что убрать с дороги досадное недоразумение в их лице – самое разумное решение. Каждому хватило бы по одному удару, чтобы пробиться в беспамятстве до конца испытания. Сразу станет тише, спокойнее и продуктивнее. Стефания с ней мысленно соглашалась, и все же рисковать нельзя, на кону нечто большее, чем просто диплом военного мага.

– О, это невыносимо! – внезапно взвыл Вуди, картинно вскидывая руку и прижимая ладонь к взопревшему лбу. Его пухлощекая физиономия от комариных укусов стала еще более круглой и заметно покраснела. Теперь он напоминал не купидончика, а перезрелый помидор. – Еще немного, и я умру! Точно умру!

– И всем станет легче, – пробормотала Стефания, сбавляя шаг. Как ни странно, местность немного поменялась, то есть какой-то сдвиг в сторону контрольной точки все же произошел. Ситри деловито сверилась с

компасом и благосклонно покачала головой.

– О ужас! – надрывался Вуди. – Какие муки, какие му...

Он потянулся к Ролану, видимо, желая опереться на надежное плечо друга, но тот раздраженно дернулся, и Вуди едва не рухнул в воду. Тропинка вела сквозь озеро жидкой грязи, иначе эту маслянистую зеленовато-бурую субстанцию и не назовешь. То тут, то там на ее поверхности надувались и лопались пузырьки газа. Едва уловимо пахло метаном и резко – гнилью.

– Немедленно заткнись, иначе... – начал Ролан, и Стефания отвернулась. Слушать бред спесивого кретина не хотелось. Она принялась лениво изучать болото, пользуясь минутной передышкой.

– ... и намотаю на ближайшую сосну, ты меня понял?

Стефания покосилась на подругу, и Ситри наморщила нос, выражая свое презрение. И в этот момент что-то вокруг поменялось.

По матовой поверхности топи прошла рябь, будто на дне проснулось что-то очень большое, зашевелились ближайшие к тропе кочки, медленно воспаряя над водой. И совершенно бесшумно из нее поднялись три огромных голема с горящими красным огнем глазами – у каждого по одному. По грубо собранным уродливым телам стекала жидкая грязь, отваливались прилипшие к сырому камню водоросли. С тихим всплеском они падали обратно в воду, и только этот тихий звук вывел Стефанию из ступора.

– Опасность! – выпалила она и скинула с плеча секиру. Ситри встала за спиной, как всегда, готовая к хорошей битве, и вытащила из заплечных ножен меч. – К оружию!

Ролан растерялся. В панике забегал глазами по сторонам:

– Но как? Как? Мы же еще не дошли...

Но никто не стал его слушать. Болото всколыхнулось, и первый голем обрушил удар тяжеленного кулака на тропинку. Земля разлетелась влажными комьями, и образовавшуюся яму быстро заполнила вода. Девушки оказались отрезанными от парней.

– Его нужно завалить! – выдал очевидную мысль Ролан и торопливо, не слишком ловко, обнажил меч. – Вуди, Свен, окружайте его! Чего встали!

Голем вновь замахнулся, и Вуди едва успел уйти в сторону, вереща, как свинья на убой. Свен оказался менее ловок и рухнул на спину, выронив палаш, и тяжелый клинок ушел под воду.

– Что делать? – Ситри видела, как голем заносит над парнем кулак. – Спасать?

Стефания замешкалась, и в этот момент второй голем полностью

вышел из болота и нацелился на них.

– Этот твой, – решила она и покрутила в руках древко секиры, примериваясь. – Перекинь меня на ту сторону.

Ситри без вопросов подставила руки и подкинула подругу в воздух. Стефания выбросила вперед руку, и тяжесть секиры добавила ускорения. Приземлившись в лужу, она перегруппировалась и замахнулась. Острое лезвие вошло в камень и раскрошило руку существа на осколки.

– Беги, придурок! – рывкнула она на испуганного Свена и снова бросилась в атаку. Ситри кружила вокруг голема, высекая из него куски своим полуторником, и, кажется, откровенно забавлялась. Стефания отвлеклась, чтобы приказать:

– Цельтесь в ноги! Их нужно повалить на спину и проткнуть живот!

– Не командуй тут, стерва! – Ролан вынырнул из-за ее спины и отпихнул в сторону. – Был уговор.

– Ты совсем тупой, что ли? – прорычала Стефания. Над ними завис каменный монстр, а он выясняет, кто из них круче. – Сражайся, болван!

Как ни странно, их обоих спас Вуди. Испугавшись, он взвизгнул и ломанулся бежать куда глаза глядят, но увяз в грязи и упал. Голем отреагировал на быстрое движение, и пока управляющая формула в его теле перестраивала алгоритм поведения, Стефания поднырнула под замершую руку и оказалась возле ног. При этом сама провалилась в болото почти по пояс.

– Помоги мне. – Она отвела секиру для удара. – Одна я не успею.

Ролан не тронулся с места. Его глаза похолодели, и Стефания с ужасом поняла, что тот не станет ей помогать. Мысленно он уже пожертвовал ею.

– Ролан! – воскликнула она и, отвернувшись, отчаянно размахнулась. Секира высекла внушительный кусок каменной плоти, но этого было слишком мало. Голем перенастроился и отмахнулся от Стефании, как от назойливого комара. Внутри что-то треснуло, она отлетела на несколько метров и проехала спиной по жидкой земле. На губах выступила кровь, и вместо дыхания из груди вырвался болезненный хрип.

– Хозяйка!

Стефания видела, как рухнул голем Ситри и сама телохранительница по нему, как по мосту, перебежала через яму.

– Все... нормально, – прохрипела Стефания, приподнялась, сплюнула кровь и утерла губы. Ролан и чудом отыскавший свой палаш Свен вдвоем пытались одолеть разбушевавшуюся машину, внезапно приняв план Стефании. Наконец у них стало получаться. Стефания с помощью подруги поднялась на ноги.

– Что сломано? – сразу определила Ситри и насупилась.

Стефания неохотно созналась:

– Ребро. Два.

– Я убью его, – просто сказала Ситри. – Ролана. Лучше не держите меня.

Стефания подумала, что это было бы просто чудесно, но на словах ответила совсем другое:

– Нет. Я же сказала, никаких нарушений.

Ситри упрямо стиснула зубы, скулы ее покрылись гневными пятнами. И тут их обеих накрыло волной болотной воды. Второй голем рухнул, и ему на смену пришел третий.

– Помоги им. – Стефания положила ладонь на грудь, борясь с болью. – Иначе все тут поляжем.

Ситри подчинилась, и бой продолжился. Бестолковый, беспорядочный, лишенный четкого плана. Стефанию воротило от этой мышинной суеты, но в любом случае махать секирой со сломанными ребрами едва ли удалось бы даже ей. Вот тебе и практика, задание для первокурсников. Герману с таким не справиться, раз уж даже у нее не получилось...

Тошнота вернулась с удвоенной силой, может, от боли, может, немного от пережитого стресса, и Стефания глубоко вдохнула и закашлялась. Легкие работали вполсилы, дышать было больно, воздух, казалось, застревал в груди и царапал изнутри металлической стружкой. Хотелось ругаться на всех известных языках, но легче бы все равно не стало. Когда был повержен последний голем, она даже облегчения не испытала. Только усталость.

– Хо... Стефания! – Ситри на бегу закинула меч в ножны и отпихнула с дороги зазевавшегося Вуди. – Мы закончили. Нужно возвращаться.

Ролан тоже подошел к ней и без предупреждения схватил за грудки, вздергивая в воздух.

– Ты сказала, что я главный! – заорал он ей в лицо. – Какого черта тогда раскомандовалась?! Ты мне за это еще ответишь!

Ситри взяла его за шею и оттащила от хозяйки. В глазах загорелся мрачный огонь:

– Я все-таки его убью.

Берт ликовал, потрясая в воздухе шпагой:

– Ага! Как мы их, да, Герман?

Он поставил ногу на валун и горделиво вскинул голову:

– Это было несложно, да, Герман? Герма...

За спиной зашуршали приходящие в движение камни, на

светловолосую макушку упала тень. Альберт вдруг ощутил затылком мерзкий холодок, будто ледяную монетку приложили. Он медленно поднял голову, а там...

– Берт! – Герман рванулся вперед, одновременно с этим могучая ручища махнула кулаком, волна воздуха пригнула густую траву на том месте, где секунду назад праздновал легкую победу Альберт. Камни продолжали шевелиться, затягивая отверстие в животе монстра. Герман прижал друга к земле, огромные фиалковые глаза лихорадочно блестели в сантиметрах от его лица. Представив, что на месте этой бестолковой златокудрой головы сегодня могло оказаться кровавое месиво, Герман почувствовал дурноту. Это неправильная практика. Что-то с ней не так.

– Ребят? – Рене шустро отскочил за невысокую стену. – Живые? Что за ерунда творится? Этого не было в инструкции, чтоб ее!

Голем уже полностью восстановился и вращал головой, выискивая шустрых маленьких противников. То есть вел себя вполне разумно, каким ему быть вовсе не полагалось.

– Гер... – Берт разомкнул побелевшие губы, но Герман уже торопливо поднялся.

– План Б! – крикнул он и силком поставил Альберта на ноги. – Соберись, живо. Без твоей шпаги мы отсюда не выберемся. Понимаешь?

Берт заторможенно кивнул. Поначалу казалось, что слова не дошли до его сознания, но потом в глазах появилось понимание. Он кивнул и поудобнее перехватил эспаду. Герман быстро сжал его плечо и выскочил из укрытия прямо перед големом. Каменная машина уставилась на него пустым лицом с единственным пылающим глазом, голова перестала судорожно мотаться из стороны в сторону – цель была обнаружена.

– Эй, каменный придурок! – Герман сознательно копировал манеру Рене, чтобы быть более назойливым и раздражающим. – На меня смотри, я тут! Эй!

Он помахал мечом, одновременно делая знак Вильтрауду.

«План Б».

Альберт выскочил следом, метнулся в противоположную сторону и оттуда принялся отвлекать внимание на себя. Если он желает быть полезным, лучшего шанса может не представиться.

Каменная ножища взмыла вверх, над головой пригнувшегося Германа промелькнула тяжелая ступня. Этот голем был самым крупным из трех и против всех мыслимых и немыслимых правил магии остался «жив» после уничтожения управляющего свитка. Острие шпаги пронзило его насквозь, зачарованная бумага сгорела, даже пепла не осталось, однако голем

продолжал двигаться и стал проворнее и хитрее, чем до этого.

– Рене! – Герман проследил за тем, как Берт ловко запрыгнул на руку монстра, оттолкнулся от нее ногами и, приземлившись, откатился в сторону. Кулак пробил стену, посыпалась каменная крошка. Берт уже успел подняться и бросился в атаку, бессмысленную, если не знать расположения управляющего свитка, но неплохо отвлекающую истукана. Редкие несильные удары подключившихся к Герману парней тоже вносили свою лепту. Они как стайка досадных насекомых кружили вокруг каменной махины и жалили ее.

Рене выглянул из-за чудом уцелевшего угла и нацепил на глаза свои нелепые очки. Замер, приглядываясь. Пальцы легли на спусковые крючки пистолетов.

– Берт, ты левее, – велел он. – Дай ему повернуться ко мне спиной. Нет, не выходит. Герман, лучше ты.

Голем грузно развернулся, и Рене воскликнул:

– Нашел! Свиток в задней части шеи! В загривке!

Друзья переглянулись. Герман кивнул в дальнюю часть заброшенного города, и Берт рванул туда. Герман подобрал с земли большой кирпич и, размахнувшись как следует, швырнул его в голема.

– Ты, урод! Иди за нами! – крикнул он, до сих пор не уверенный, что тот его понимает, но голем отлично распознавал звуки.

Рене успел к арке первым. Ее ребята заприметили накануне – шаткая и ненадежная, она держалась в воздухе чудом, казалось, даже сильный порыв ветра мог ее обрушить. Рене дождался, когда монстр доберется до ловушки, и разрядил оба магазина звуковых патронов в опоры арки. Волны невероятно низкого вибрирующего звука высекали каменную пыль. Герман почувствовал, как заложило уши, и постарался скорее отбежать подальше. То же сделал и Берт. В это время трещины раскололи арку, и на голема, замершего ровно под ней, обрушился дождь из обломков. Грохот камнепада заполнил собой ночь.

Альберт не стал дожидаться и, лавируя между камнями, устремился к голему, вскарабкался по спине и, оказавшись на загривке, безошибочно вонзил шпагу в нужное место. Клинок вошел по самую крестовину.

– Погас... – Рене опустил пистолеты и устало плюхнулся на кучу битого камня.

Курсанты выходили из телепортов по одному, одинаково измученные и уставшие. Преподаватели встречали их и в случае необходимости передавали в руки дежуривших врачей и медмагов. Помощь в разной степени требовалась всем.

Герман стойко выдержал перевязку, хотя глубокая царапина на плече скорее досаждала, чем причиняла сильную боль. Берт, когда увидел залитый кровью порванный рукав друга, позеленел до оттенка свежей листвы и запричитал, захлебываясь горячими слезами. Впрочем, сегодня чрезмерную эмоциональность Герман готов был ему простить. Они все немного на взводе, даже Рене притих, настороженно косясь по сторонам, будто выискивал кого-то. Тем же занимался и Герман.

Вильтрауд заметил свою цель первым. Выдохнул облегченно, растянул губы в улыбке и без слов рухнул лицом вниз – волосы на затылке оказались слипшимися от крови. Никто и не заметил, что недавнего соратника ранило при обвале. В закрутившейся суеде Герман продолжил всматриваться в лица вновь прибывающих, но не находил знакомых лиц, тех, которые почему-то так желал увидеть. Вместо этого случайно поймал вопросительный взгляд Вальтера, но, к счастью, учителя тут же отвлекли. Объясняться с ним пока не входило в планы Германа.

– А где наши девочки? – Альберт по-прежнему стоял рядом и, похоже, на самом деле переживал за их раздражающих соседок. – А вдруг они не справились? А вдруг с ними что-то случилось? Ты не думаешь, что...

– Тебе какое дело? – грубовато оборвал его Герман, потому что сам только что думал о том же. – Ты хочешь учиться в УВМД? Тогда заботься в первую очередь о себе.

– Я не хочу. – Берт доверчиво заглянул ему в глаза и с осторожностью прикоснулся к раненой руке. – Не хочу заботиться о себе. Разве люди не должны думать о других? О тех, кого они любят?

Можно было бы передернуть его слова, высмеять, но Герман только упрямо поджал губы. Как легко было здесь до появления Берта. Или, может, Герман лишь внушал себе эту успокаивающую мысль, а на самом деле ждал, когда кто-то заставит его перестать притворяться?

– Ты такой... наивный, – проронил он, отворачиваясь, хотя давящие – такие искренние! – эмоции друга обнимали его со всех сторон.

– Спасательный отряд возвращается! – крикнул кто-то, и все в едином порыве обернулись к последнему из работающих телепортов. Спасательный? Герман переглянулся с Бертом, но тот пожал плечами.

Сноп сиреневых искр возвестил о скором перебросе. Овал телепорта озарился вспышкой, и во двор училища шагнула Стефания.

Девушка с видимым наслаждением втянула носом воздух, но тут же надсадно закашлялась, схватила за грудь и согнулась пополам. Появившаяся следом Ситри поддержала подругу за плечи и что-то шепнула. Следом за ними вывалились Ролан с Вуди, оба грязные, как

свиньи, а Ролан еще и злой, почти как всегда. А вот последними двое спасателей вынесли накрытые курткой носилки. Кисть с коркой засохшей грязи безжизненно свисала вниз.

Берт вцепился в Германа, будто забыв, что боялся причинить боль.

Герман попытался нащупать эмоции человека на носилках, но... их просто не было.

– Он без сознания? – Берт сильнее стиснул пальцы на локте друга. – Как Рене, да?

Герман покачал головой:

– Прости. Он мертв.

– Его звали Свен. – Двое парней из команды Германа подошли к ним. – Мы не особо отличились на практике, но хотя бы живы, а он...

Медики обступили Стефанию, но она яростно отмахивалась от помощи. Ребра ныли, и все же она уже поняла, что перелома не было. Трещина, не больше. От такого не умирают, по крайней мере не сразу.

– Прочь! – Она вырвалась и проковыляла к скамейке. Внутри ее ощущалась зияющая пустота – Герман почувствовал ее и ужаснулся, слишком глубокими, слишком тяжелыми были эти чувства.

– Bölvun! – смачно выругалась Стефания излюбленным словечком Ситри. Облегчения это, похоже, не принесло. – Bölvun, bölvun, bölvun!

– Стефания? – Берт заслонил собой свет и, наклонившись, протянул руку. – У тебя лицо в крови.

Она отшатнулась, избегая прикосновения.

– Чего тебе надо? – прошипела она. – Убирайся.

– Но, Фанни...

– Какая, к демонам, Фанни?! – Она вскочила, едва не задохнувшись от боли, но не дернула ни мускулом. – Ты, бесхребетный червяк! Лучше поплачь на плече у своего самоуверенного дружка! Видеть вас всех не желаю!

Она размахнулась и влепила ему звонкую пощечину.

Альберт потер щеку, грустно улыбнулся и потрепал Стефанию по голове. От такого обращения она даже растерялась. Герман, наблюдавший сцену со стороны, тоже растерялся. И тут Стефания заплакала.

– Разойдитесь!

К скамейке подошли сотрудники лазарета и забрали девушку в медицинское крыло. Стефания больше не сопротивлялась.

Урок 9

Тот, кто прав, чаще всего и объявляется ВИНОВНЫМ

Измученные курсанты полагали, что теперь им дадут заслуженный отдых, но как бы не так! Спустя несколько часов, после всех необходимых проверок и медицинских процедур явился сам куратор практики, Дамиан Эрно. Он критическим взглядом окинул грязную, потную, местами окровавленную толпу, скривился и негромко выдал:

– В помывочную. Всех. Срочно.

Берт, как обычно, ничего не понял, но заранее испытал ужас перед этим загадочным местом, а Герман устало приложил ладонь к лицу и покачал головой.

После водных процедур учебный процесс вошел в норму, и за парой лекций и одного семинара по так любимой Германом межмировой истории и геополитике наступило долгожданное свободное время. Герман спрятался ото всех в библиотеке. Местный библиотекарь, Сорамару, из восточного мира Цинь, оказался интереснейшим человеком, и Герман отдыхал, просто находясь в его молчаливом обществе.

Герман провел прекрасный вечер в тишине читального зала, а когда вернулся, попал под обстрел любопытных взглядов Рене и Альберта. К слову, Вильтрауд слишком уж к ним зачастил, неплохо бы намекнуть ему об этом. Герман так и сделал, выталкивая позднего посетителя за дверь. Стефания продолжала играть в молчанку, хотя Герман не припоминал, чем мог ее обидеть.

Так прошла ночь, а утром, еще до подъема, динамики в коридоре разразились очередным сообщением студсовета:

– Вниманию курсантов второго потока, вернувшихся с практики. Всем, кто еще способен передвигаться, через тридцать минут собраться в актовом зале № 2 для подведения итогов. Те, кто передвигаться не может, ползите. Предупреждение от студсовета – как бы вы ни справились с практикой, вы неудачники.

Герман отставил утюг и вздохнул. Тупые шуточки неизвестных юмористов из студсовета совершенно не казались ему смешными. К тому же он специально встал пораньше, привести китель в порядок, и вот снова приходится спешить.

– За что-о-о?! – возопил Берт из-под одеяла.

– Заткнись! – шикнула на него Стефания. Кажется, этой ночью она вообще не сомкнула глаз, Герман слышал, как она тихо вздыхала и вроде бы даже плакала. Спустила ноги с койки и яростно взъерошила длинные спутанные волосы. – Найду этих придурков, пришибу.

И только Ситри спокойно слезла со второго яруса и, проигнорировав ширму, повернулась спиной и скинула ночную рубашку. Герман дернулся, подхватил падающий утюг и столкнулся взглядом с Альбертом. Щеки вспыхнули, и он ничего не мог с этим поделать. Должно пройти время, чтобы он привык жить с девчонками. Кто знал, что это настолько сложно?

Вот Берт вообще без капли стеснения встал, потянулся, сверкая голым торсом, взял полотенце и пошлепал умыться. А недавно в помывочной строил из себя недотрогу, вот и верь ему. Ситри ушла вслед за ним, и Герман остался со Стефанией наедине.

Девушка скрылась за ширмой.

– Надеюсь, учитель Эрнэ расставит все по местам, – с заметной долей самоуверенности заявила Стефания, на что Герман безразлично пожал плечами.

– Наша команда справилась, переживать не о чем. А ваша?

– Чтоб ты знал, мы легко разобрались с заданием.

– Да? Я бы на твоём месте об этом так не кричал, – не удержался Герман, вспомнив мертвого Свена. Кажется, Стефания про него тоже вспомнила и мигом завелась.

– А это уже не твоё дело!

Герман сказал бы, что ещё об этом думает, но от дальнейшего диалога его спасло появление Рене.

– Тут ещё? А я не помню, где этот дурацкий актовый зал. Можно с вами пойти? Хм. – Он быстро обшарил комнату беспардонным взглядом. – А где красавчик?

– Герма-а-н! Горячую воду дали... – Альберт так спешил сообщить радостную новость, что налетел на рыжего, и они вдвоем вкатились внутрь, цепляясь друг за друга для равновесия.

– Я счастлив, – только и смог сказать Герман и накинул идеально отглаженный, наконец, пиджак.

Актовый зал № 2 оказался не очень-то и залом, скорее довольно просторной аудиторией с рядами мягких кресел, выполненной в торжественных бордово-бежевых тонах. За аккуратными, по мнению Германа, и уныло-педантичными, по мнению Рене, складками тяжелого занавеса скрывалась полукруглая сцена. В общем, ничего выдающегося.

Курсанты собрались вовремя, без опозданий, и сидели тихие и сонные. Предупреждение студсовета, похоже, взволновало всех, и они ожидали жестокого разноса. Герман предпочел место в одном из задних рядов, Берт с готовностью уселся рядом, и уже мимо них обоих, оттаптывая ноги и шумно извиняясь, пролез Рене, чтобы плюхнуться по левую руку от Германа.

– Простите, я случайно, – еще раз извинился он и расползся по креслу. – Фух, что-то душновато тут, да? Атмосфера сгущается...

Он задрал очки повыше, сминая неровную рыжую челку. Нахальные бледно-зеленые глаза с прищуром косились на Германа. Тот пожал плечами с деланным равнодушием:

– Возможно. Но нам совершенно нечего опасаться. Мы сторона пострадавшая.

– К слову об этом. – Рене оперся на подлокотник и приблизил свое лицо к лицу Германа. Дохнуло тяжелым запахом масла и металла. – Если там с нами произошла случайность, нас пожалеют, а если нет...

Альберт заинтересованно перекинулся через колени Германа, прислушиваясь:

– А если нет, то что?

Рене приготовился выдать мрачный прогноз, но его прервал сигнал о начале собрания. Герман стряхнул друга с колен и приготовился слушать, параллельно обдумывая сказанное Рене. Разумеется, произошедшее с восставшим големом не случайность, в такое мог поверить разве что Берт. Сидящая впереди Стефания обернулась и смерила его странно задумчивым взглядом, Герману даже на секунду показалось, что она думала о том же, о чем и он. Хотя едва ли это возможно.

Бестелесный голос громко объявил:

– Дамиан Эрн, куратор практики второго потока первого курса.

Учитель Эрн появился вовсе не оттуда, откуда его ждали. Пока все смотрели на сцену, он неслышно возник прямо перед ней и выдал безучастно:

– Точно бездари.

Его хриловатый, чуть надтреснутый голос действовал на курсантов безоговорочно, буквально замораживая шепчущуюся беспокойную толпу. Герман поежился, отгоняя наваждение. В его случае дело было не столько в голосе, сколько в исходящей от учителя подавляющей волне. Уверенность, сила, властность. Герман прикрыл глаза, пытаясь «увидеть» больше. Но стоило только подобраться ко второму ментальному слою, как Рене случайно ткнул его локтем, сбивая всю концентрацию.

– ...неутешительны. – Оказывается все это время Эрно говорил. – Я бы сказал, что более слабых и бестолковых курсантов я не видел, но это было бы ложью. Потому что каждый год одно и то же. Утешьтесь тем, что ваш идиотизм повторяется из года в год, и вы переняли его как полковое знамя.

Стефания склонилась к плечу Ситри и что-то прошептала. Герман удивился тому, что среди мешанины окружающих его эмоций, силой блокатора сведенных к минимуму, ее поток выделяется. Обычно так бывало лишь с близкими или хорошо знакомыми людьми. Ни к тем, ни к другим девушка не относилась.

Эрно прошелся вдоль сцены, чуть прихрамывая, и остановился у левого края рядов:

– Мы просмотрели материалы практики. Ни один отряд не справился с элементарным заданием так, как надо. Так что назвать могу лишь лучших из худших. И это не повод гордиться, как вы, я вижу, уже собрались. – Учитель сделал паузу, как будто раздумывал над следующей фразой, и громко назвал: – Курсант Герман!

Как всегда, просто по имени, неудивительно, что Эрно замялся, прежде чем продолжить. По собравшимся прошла легкая рябь. Герман поморщился, ощущая, как мысли и взгляды сходятся на нем. Пришлось нехотя подняться.

– Так стоят настоящие солдаты?

Герман вытянулся, выпрямил спину и прижал руки:

– Я!

Тревоги он не чувствовал, но быть в центре внимания... Пожалуй, это одно из того, чего он всячески стремился избегать. Зато Берт заискрился гордостью, а Рене – совсем немного – завистью.

– Курсант Герман проявил лидерские качества, присущие потенциальному офицеру, – заметил учитель, обращаясь уже к залу. – Из доставшихся ему балбесов он сколотил подобие команды, и их действия можно назвать успешными. Исключительно на фоне других. Команда Германа спасена от исключения.

Герман сел на место и тут же угодил в липкие объятия обоюдной радости своих эмоциональных товарищей. Сладкая вата – Альберт, расплавленный мед – Рене. Сразу захотелось холодной воды.

Однако Дамиан не закончил. Собрание, более походившее на язвительный и колкий монолог учителя, длилось уже довольно долго. Досталось всем и весьма крепко. А потом дошла очередь и до знакомых имен.

– Но была, с позволения сказать, команда, которая не просто

справилась хуже всех в этом году, а хуже всех за все время моей работы в училище, а это уже немало. – Его цепкий взгляд прошел сквозь ряды, как нож сквозь масло. – Может, кто-то уже понял, что речь о них, и облегчит свою участь?

Герман почувствовал, как весь зал буквально пригнулся к полу, чтобы казаться незаметнее. Попасть на суд учителя Эрно никому не хотелось, тем более несложно догадаться, чем это закончится.

Внезапно со своего места поднялась Стефания.

– Курсант Дидрик! – громко сказала она, и никто, кроме Германа, не заподозрил бы в ней того отчаяния и страха, что она сейчас испытывала. – Полагаю, речь идет о моей команде.

– Вашей? – переспросил Эрно и вперил в девушку немигающий взгляд. – А вы точно ничего не путаете?

Идеально ровная спина девушки дрогнула, будто непосильный вес заданного вопроса лег ей на плечи. За все время их короткого (и скорее всего взаимно неприятного) знакомства Герману впервые стало ее искренне жаль. Она как-то странно оглянулась, будто выискивала кого-то, потом сжала кулаки и гордо вскинула голову.

– Моей. Я вызвалась быть лидером команды на время прохождения практики, и мою кандидатуру единогласно одобрили.

Герман сразу распознал ложь. Они, разумеется, не обсуждали практику вместе, но он уже понял, кого именно Стефания высматривала среди курсантов минуту назад, и это его ужасно разозлило.

– Вы понимаете, что берете на себя ответственность не только за провал задания, но и за смерть товарища? – продолжил безжалостно давить Эрно. Его холодные глаза вовсе не были злыми, да и не ощущал Герман угрозы, несмотря на суровый тон. Однако Стефания всего этого не знала и, вытянувшись в струнку, пыталась найти в себе силы ответить. – Будь вы настоящим офицером, гауптвахта – меньшее, на что стоило бы рассчитывать. Ваше счастье, что пока вы всего лишь сопливые детишки. Оправдания?

– Это моя вина, – с вызовом произнесла Стефания, и зал дружно охнул. – Как лидер я не справилась с задачей и не обеспечила безопасность своих товарищей. Я готова к наказанию.

Дамиан удовлетворенно кивнул:

– Наказание. Хорошо. По правилам мне положено исключить из списка учащихся всю вашу команду.

Альберт вцепился в подлокотники, больно впиваясь в лежащую на одном из них руку Германа, Рене выдал не слишком приличную фразу –

одним словом, все были крайне изумлены, каждый по-своему.

Ситри попыталась встать, но Стефания жестом остановила подругу.

– Отвечать должен лидер, – твердо заявила она. – Я.

– Как интересно, – без особо интереса в голосе протянул Эрно. – Курсант Дидрик, солдат не имеет права диктовать условия непосредственному командованию.

– Вина только моя.

– Я повторю свой первый вопрос, курсант Дидрик. Кто на самом деле был вашим лидером и кто едва не угробил всю команду?

– Я. – Стефания не собиралась сдаваться, и Герман поймал себя на мысли, что переживает за соседку. Ей приходилось лгать, и как жаль, что он не может подняться сейчас и рассказать всем об этом.

Учитель нехорошо прищурился:

– Ложь.

Герман согласно кивнул, хотя никто этого, конечно, не заметил.

– Не надо думать, что в комиссии сидели одни идиоты. Исключению подлежит курсант Ролан Грэм как самоназначенный глава группы, – припечатал Эрно и поковылял куда-то за сцену.

– Но как же так?! – Стефания подалась вперед и схватилась за спинку сиденья. – А я? А тот голем, который...

Учитель обернулся и полоснул по ней, рискнувшей заговорить без разрешения, строгим взглядом:

– Все свободны. Пока.

– Но... Как же...

Германа обдало паникой и необычайной, почти отчаянной решимостью. Стефания дернулась в сторону выхода. Ее намерения были ясны и без ментальных способностей, вот только кроме как глупостью их никак не назовешь.

– Не сейчас. – Герман перегнулся через передний ряд и успел схватить девушку за локоть, но его голос потонул в разочарованно-облегченном гуле толпы. Студенческая масса колыхнулась и потекла к выходу, не обращая на них никакого внимания.

От прикосновения Германа как током ударило, резко, до мерцающих звездочек в глазах. Невозможно было понять, чего в этой мешанине эмоций больше – страха, отчаяния или желания добиться своего. Он резко отдернул руку, стискивая виски, и рухнул обратно в кресло. Насколько сильно стремление Стефании, если он получил откат такой невероятной силы?

Когда Герман сумел наконец открыть глаза, актовый зал почти опустел.

– Ты! Ты! Это все из-за тебя! – орал Ролан, брызжа слюной. – Ты

обещала, что возьмешь вину на себя! Да я тебя в порошок сотру! Ты не знаешь, с кем связалась!

– Ну и ну, – присвистнул с другого бока Рене, и его голос словно пробился сквозь толстый слой ваты.

Стефания была уже на пределе. От того, чтобы вцепиться Ролану в лицо, ее удерживала лишь Ситри, перехватившая ее за пояс.

– Пусти! Я убью этого гада! – шипела она. – Ты заставил меня лгать!

Ролана никто не держал, и он размахнулся для удара. Герман сам не понял, как оказался рядом и перехватил его руку.

– Не прикасайся к ней, – сказал он твердо, хотя в голове еще звенело, и обратился к Стефании: – А ты успокойся. Хочешь, чтобы и тебя отчислили вместе с ним?

– Ге-е-ерман! – громко взвыл на полу Альберт, и все удивленно уставились на него. – Давайте не будем ругаться? Мы же все друзья.

И растянул губы в широкой улыбке, хотя глаза были на мокром месте.

Ситри громко фыркнула и выпустила успокоившуюся подругу из крепкого захвата, та деловито отряхнулась и скрестила руки на груди:

– Тебя вообще никто не просил вмешиваться.

Ролан попятился к выходу.

– Да чтоб вы сдохли! Спелись два монстра!

Он развернулся и выбежал вон. Герман помассировал виски, вздохнул и спросил устало:

– А теперь объясните с самого начала, что происходит?

– Просто у нас големы из строя вышли, – пояснила Ситри, игнорируя сердитые взгляды Стефании. – А этот придурок никого не хотел слушать, чуть все не полегли.

– Вот, а я вам о чем говорил! – возликовал Рене.

– А ты дала ему слово, что возьмешь вину на себя? Но почему?

– Я была ему должна, – сухо ответила Стефания и больше не проронила ни слова. Герман с Альбертом удивленно переглянулись, и Герман скомандовал:

– Ладно, идемте в комнату, есть разговор.

В блоке все собрались вокруг центрального стола, даже Стефания пристроилась с краю.

– И все же хотелось бы знать, зачем ты лгала учителю Эрно? – спросил Герман у Стефании, но вместо нее ответила Ситри:

– Потому что она дала слово подчиняться Грэму в обмен на мое спасение, – и коротко пояснила: – Угодила в трясину.

– Мы за этим собрались? – недовольно перебила Стефания, а Герман

подумал, что в ней оказалось куда больше благородства, чем он ожидал. – Если я правильно понимаю, мы о практике говорить будем?

Она была права. Эта тема Германа очень интересовала.

– Я еще специально у ребят по комнате спрашивал, – Рене плюхнулся прямо поверх чьих-то конспектов, отчего столешница под ними надсадно скрипнула, – у них все было в порядке. Свитки в животе, достал, полоснул и – гуляй, солдат, собирай шишки.

Герман спихнул его со стола и потер переносицу. После возвращения он тоже прислушивался к разговорам курсантов. Сперва напуганные, а после довольные первой в жизни боевой практикой, они демонстрировали друг другу следы боевых ранений и пересказывали изрядно приукрашенные подвиги. Сначала Герман думал, что «сбой» произошел только у его команды.

– Кому-нибудь еще рассказывали об этом?

Девушки отрицательно покачали головами.

– Разве что Ролан со своим белокурым дружкой растрепали, но и то вряд ли, – встряла Ситри. Она казалась спокойной в отличие от своей подружки.

– Учитель Эрн в курсе всего, что происходило, – уверенно заявил Герман спустя минуту напряженного молчания. – Иначе откуда он мог знать о самоназначении Ролана и об остальных деталях практики? И раз он молчит, значит, на это есть какие-то причины.

– Проверка? – предположил Рене.

– Возможно.

– Но это подло, – возмутился Альберт. – Почему для кого-то практика должна проходить по инструкции, а для кого-то нет? И зачем нас проверять?

– Если это не проверка, нам лучше молчать. В ближайшее время нас, скорей всего, по одному вызовут в деканат. До того, как мы натворим дел. – Последние слова Герман адресовал Стефании. Девушка исподтишка показала язык и сжала руку Берта так, что тот не сдержал вскрика.

– Вы просто ничего не понимаете, – ядовито заявила она, и Рене вызывающе хмыкнул:

– Ну так объясни нам, раз такая умная.

Стефания резко побледнела, дернулась к обидчику, но Альберт вдруг проявил твердость и силой усадил девушку себе на колени. Причем, судя по ошарашенному лицу, добивался он чего-то другого.

Совещание стремительно превращалось в балаган.

– Нужно решить, что мы будем говорить в случае допроса, – повысил

голос Герман, без особой надежды взывая к здравому смыслу товарищей. Но Стефания подхватила Ситри под руку и потащила к выходу.

– Без вас разберемся, – заявила она, и Герман не стал ее останавливать.

Урок 10

Распутывать интриги почти то же самое, что плести их, только наоборот

Поведение Стефании ставило Германа в тупик. Ее чувства и ее слова настолько разнились порой, что голова начинала трещать. Как эмпат он замечал такое за многими представительницами прекрасного пола, но случай со Стефанией – особенный. Ее эмоции все сильнее били по чувствительным сенсорам, и только в своей комнате Герман был в относительной безопасности. И тогда, когда рядом оказывался Берт, своей яркой энергетикой легко перебивающий все остальное. Вальтер Гротт советовал периодически «чистить» блокатор и даже был настолько любезен, чтобы предложить свою помощь. Поначалу Герман решил с ним не связываться без лишней необходимости, но с такими соседями эта необходимость грозила вот-вот наступить.

По Герману никто и ни за что не догадался бы, что он зол. Но он был чертовски зол, практически в ярости. Это было несложно проследить по его конспектам – в таком настроении он писал особенно аккуратно и убористо и с очень сильным нажимом. Берт сразу заметил, потому как списывать стало ну совершенно неудобно.

– Что случилось-то? – капризно протянул он, и Герман прикрыл глаза. Что ж, расспросов все равно не избежать, после занятия с Марком только ленивый бы не мусолил их со Стефанией «поцелуй». Еще бы, такая пара – чудовище без родословной и недотрога с секирой. Будто созданы друг для друга.

– Ничего.

Берт разразился целым цунами из жалости и любопытства, редкостная смесь.

– Хочешь, я с ней поговорю? Надо же вас мирить как-то.

Под взглядом учителя он смолк и пригнулся к парте, будто это могло его спасти. Учитель, даром что женщина, внушала почтение даже таким отчаянным любителям поболтать на уроках, как Рене, который, кстати, занимался тем, что опять строил кому-то глазки. Герман уловил отголосок ответной заинтересованности и благосклонности, похоже, сегодня соблазнительно наконец улыбнулась удача.

На вопросительный взгляд Германа он поднял вверх большой палец,

значит, со своей частью работы он уже справился.

Альберт до конца занятия вел себя тихо, а после сигнала сцапал Германа за рукав и так посмотрел, что дрогнуло бы и сердце Стефании. Хорошо, что и для него у Германа нашлось подходящее задание.

Разделавшись с невольными поделщиками, Герман наконец почувствовал себя свободным. Необходимость целый день вертеться в толпе и, фигурально выражаясь, хлебать отвратительное месиво из не самых порой приятных эмоций отпала. Можно просто посидеть где-нибудь в тишине и подумать, как быть дальше. Герман отделился от общего потока и обошел здание вокруг. С задней стороны прятался вход в библиотеку, точнее, в целый библиотечный комплекс, укомплектованный в одну из дальних частей учебного корпуса «Д». Само собой такая странная удаленность нисколько не смутила Германа, и он еще в первые несколько дней пребывания в училище отыскал нужную дорожку.

На первый взгляд – обычная библиотека, в ближайшем от родной деревни городе была такая, Герман брал там рыцарские баллады и заучивал наизусть. Маме говорил, что тренирует память, но на самом деле просто их очень любил. Тут тоже стояла конторка с чуть скрипящим стулом библиотекаря, стопка формуляров и вечно не пишущая ручка. Справа дверь в читальный зал, мрачноватый, с рядами столов и стульев и воздухом, пропитанным книжной пылью. Днем в читальном зале обретались в основном старшекурсники с первого потока и медмаги со второго, хотя у последних была и своя библиотека, поменьше, в медицинском крыле. А еще дальше, за следующей дверью, скрывалось то, с чем Герман пока при всей своей смекалке справиться не мог.

– Со... – Он не обнаружил библиотекаря ни на рабочем месте, ни на подоконнике, где тот любил сидеть, наплевав на приличия. Хотел позвать, но знакомый красный наряд обнаружился у дальней стены на фоне окна. И библиотекарь был не один.

Холод достиг Германа в считанные секунды. Его источник что-то яростно доказывала своему молчаливому собеседнику, тыкая пальцем почти в самую его грудь. Герман привалился к косяку, не пытаясь прислушаться, но с любопытством впитывая отголоски эмоций. Вот Стефания разразилась гневной волной, ей в ответ полилось прохладное, отдающее весенней свежестью спокойствие. Стефания прицельно выстрелила ядовито-острым чувством превосходства. В ответ все то же спокойствие. Герман восхищенно покачал головой – вот это выдержка.

Девушка гордо выпрямилась, вскинула голову и, не прощаясь, строевым шагом направилась прочь. Проходя мимо Германа, она даже не

удостоила его взглядом, только обожгла ледяной яростью.

– Что случилось? – Герман подошел к окну и кивнул на хлопнувшую дверь.

– Кто поймет настроение женщины, тот постигнет всю мудрость мира, – философски ответил библиотекарь и пожал узкими плечиками.

Герман с ним был совершенно согласен.

– Мне нужна твоя помощь, Сорамару, – сказал он, радуясь, что загодя припрятал в сумке подарок для библиотекаря, обожающего сладости. – Эта девушка – моя соседка и однокурсница, и она может влезть в большие неприятности.

Сорамару меланхолично накрутил хвост гладких черных волос на палец, опустил ресницы.

– Помощь врагу лишь добавляет воину благородства в глазах друзей, – туманно выдал он и опустил руку. Хвост рассыпался по красному шелку. – Что ты хочешь знать?

– Что она от тебя хотела?

– Запретные знания, – с хитрой улыбкой ответил библиотекарь и прикрыл губы широким рукавом шелкового платья. – Но до инициации литература по практической магии будет ей недоступна. Как и вам, най [\[1\]](#) Герман.

В читальный зал зашла группа старшекурсников. Сорамару отвлекся, церемонно поклонившись им. Хитрый остроносый профиль потонул под тяжестью длинной гладкой челки.

Герман ответил на порядок тише:

– Она спрашивала книги по магии? Но зачем?

– То мне неизвестно. И еще она спрашивала про это. Идем. – Сорамару загадочно улыбнулся и потянул его за собой в следующую дверь.

Несколько широких ступенек вели в ярко освещенный магическим светом зальчик. Герман с восторженным трепетом окинул взглядом открытые кабинки с блестящими стеклянными панелями, сейчас потухшими и мерцающими красными и зелеными огоньками. Хранилище цифровых данных, центр подключения к межмировой информационной сети – вершина прогресса артефактной магии. Доступ – только после инициации.

– Она рвалась сюда. – Библиотекарь неопределенно махнул широким рукавом. – Я объяснил правила. А причина?... Кто знает, о чем плачет ива над быстрой водой. Даже ветру неизвестно то, а он везде дует.

Прошелестело шелковое платье, и библиотекарь бесшумно покинул информационное хранилище.

Герман понял, что откровенного разговора со Стефанией не избежать. Ее настрой, ее недомолвки, ее эмоции в конце концов – все говорило о том, что у нее большие неприятности, и сама она рискует с ними не справиться. Герман не стал бы ей помогать, даже пытаться не стал бы, но она могла потянуть за собой и его, и Берта, и кто знает кого еще.

Уходя, он оставил на подоконнике традиционный «подкуп» – сегодня пришлось обойтись куском яблочного пирога, других сладостей в столовой в ближайшие дни не сыщешь. Библиотекарь благосклонно кивнул, спрятал кисти в широких рукавах и повернулся к следующим посетителям.

После окончания учебного дня Герман отправился на поиски всех участников их будущего совещания, в том числе и тех из них, кто о своем участии еще не догадывался. К счастью, все сами собрались в комнате, и Герману нужно было только объявить о начале «мозгового штурма».

– Думаю, не нужно напоминать, что у нас есть небольшая проблема, которую нужно решить. Тренировочные големы, относительно безопасные, вдруг вышли из-под контроля и напали на две команды из более чем двадцати команд. Вопрос касается всех нас, так что я бы попросил Стефанию и Ситри тоже присоединиться к разговору.

Он перевел дыхание и продолжил:

– Для того чтобы внести ясность, я, с разрешения Берта, кое-что скажу. Мы думаем, что нападение могло быть организовано, и целью был Альберт.

Он специально смотрел только на Стефанию, позволив своему ментальному дару считывать ее эмоции. Да, она была шокирована, а еще не верила. Как Герман и думал, у нее есть своя версия событий, которой она не спешит с ними делиться.

Что ж, придется вытягивать клещами.

– Начнем собрание, – объявил Герман и сел на выдвинутый в центр стул. Роль лидера сама липла к нему, хотя он о ней не мечтал. Просто ни на кого из его товарищей такую миссию не взвалишь – один самого себя не помнит, другой успешно притворяется легкомысленным идиотом. Настолько успешно, что сам почти в это поверил. Герман вздохнул и кивнул Рене: – Давай. Ты первый.

Рене надулся от важности, да так, что едва не свалился с верхней полки, которую прочно закрепил за собой с первого посещения. Лег на живот, проявляя чудеса гибкости, свесил вниз руки и начал:

– Задание ты мне дал не бей лежащего. У меня ж батяня и маманя и все остальные родственники известные артефакторы, так что мне разобраться раз плюнуть. Я сразу знакомых подключил, в общем, добрался до человека, который в инженерно-техническом отделе подрабатывает. И все

чистенько так, концов не найти. Короче, провел он меня туда, а я уж не растерялся. Подхожу, значит...

– А если короче?

– Ге-е-е-ра! – Рене дернул ногами от возмущения, и почти сразу ему ответили раздраженным стуком из соседнего блока.

Герман молча приподнял бровь, и Рене показал ему язык:

– Зануда. Такой рассказ испортил. Ну ладно, в общем, для обслуживания учебных големов была создана небольшая команда, дело это не сложное, но хлопотное и требует внимания. Начальник той команды уверяет, что на контрольном тестировании управляющий свиток везде насчитывался в единственном экземпляре и никаких неожиданностей не планировалось. Потом всю партию сдали под ответственность учителя Эрно и его помощников. Обратный путь големов был короче – их сразу направили к техномагам, а те поступили по инструкции и, хм, останки разместили на хранение в специальном изоляторе. Изолятор, как видно из названия, – Рене со значением подвигал бровями, – на то и изолятор, что защищен от внешнего магического влияния. Ну и доступ к нему, само собой, ограничен. И что же вы думаете? Приходят в изолятор, исследования проводить, а ячейки-то уже пустые.

– Големов украли?! – изумился Альберт, слушавший отчет Рене, как ребенок интересную, но страшноватую сказку.

– Да нет же, не гони лошадей. Изолятор устроен так, что магия изнутри ячейки проникнуть не может, а что она там внутри бродить начнет, на это как-то не рассчитывали. Мне так намекнули, что самоуничтожились големы, причем именно те два, которые порченые были. Навроде могла в них быть программа заложена, а там, может, и еще что посложнее. Такие вот пироги.

Герман удовлетворенно кивнул. Произошедшее вполне логично – попади останки поврежденных образцов в руки опытных магов, по остаточным магическим следам можно отследить мага, проводившего над ними манипуляции. Предусмотрительно и очень умно – поставить программу на самоуничтожение.

– Но ведь эту программу нужно было запустить. Если я ничего не путаю. – Герман был не уверен в своих предположениях, но что-то скреблось в мозгу, какая-то тревога.

Рене активно закивал:

– Круто! Гера, я тебя обожаю. Такие программы иногда ставят на бытовых артефактах одноразового использования. Мне сестра рассказывала. И если все так, то среди нас завелась крыса.

– Кто? – Берт заинтересованно подался вперед.

– Предатель, – мрачно пояснила Стефания, решив тоже подключиться. – Если это правда, то он и замел следы, чтобы запутать внутреннее расследование.

Герман попытался увязать новые данные в свою теорию. Вроде ничего не выбивалось.

– Герман.

– А? – Он обернулся к Берту. – Что?

Ожидал увидеть прежнее детское любопытство, но друг был непривычно серьезен:

– Ты думаешь, меня и правда хотели убить?

– Я не могу этого утверждать, – сказал Герман, но голос едва не дрогнул. – Это только предположение, мы же это уже обсуждали с тобой.

– А это похоже на правду, – подключился сверху Рене. – И вокруг ведь не идиоты, знаешь ли. Что с красавчиком что-то не так, я давно заметил. Ничего не хочешь нам рассказать?

Альберт набрал в грудь побольше воздуха и решительно заговорил:

– Я потерял память. Совсем ничего не помню, ни имени, ни кто я, ни откуда. Воспоминания начинаются с ночлежки, где меня ждала незнакомая одежда и папка с документами на поступление. Я просто пришел по указанному адресу и отдал их в приемную комиссию. Декан поговорил со мной и самолично подписал приказ о зачислении. Так что я могу оказаться кем угодно.

Повисла напряженная пауза. Альберт сел обратно на стул, с которого поднялся, чтобы произнести свою короткую речь, Герман приготовился обороняться, а Рене...

– О...еть можно, – совершенно неприлично выдал он, и Герман с Бертом одновременно поморщились. – Обожаю такие истории. Не удивлюсь, если наш красавчик окажется запрограммированным шпионом и именно он уничтожил големов, чтобы прикрыть своего хозяина. Я такое в книжках читал. Ну что?!

– Не те ты книжки читал, – вздохнул Герман. – Это совершенно невозможно, я могу поручиться.

Берт честно пытался остаться спокойным, но от Германа, разумеется, не укрылась острая нотка отчаянной тоски в его настроении. Пришлось сделать вид, что он ничего не заметил.

– Однако я вот что еще не сказал, – продолжил Рене. – Данные о перемещениях со стационарных телепортов фиксируются в специальный журнал. И кто-то несанкционированно телепортировался практически

следом за курсантами.

Вот оно! Круг сужается.

– Для этого нужно быть инициированным магом и иметь доступ в инженерно-технический отдел, – пробормотал Герман. – Для активации телепорта необходимо иметь особое разрешение и магический уровень выше среднего. Таким образом, сокурсники исключаются. Старшекурсники или учителя. В первом случае второй поток менее вероятен, чем первый.

– А мне тоже есть, что рассказать, – встрял вдруг Альберт. – Как ты и просил, я сходил в учебный отдел, якобы за новым расписанием, и потом мы долго пили чай...

– А красавчика, значит, к бабам заслал?! – завопил обиженный Рене. – Чем он лучше меня-то?

– Продолжай, Берт.

– Мы долго пили чай с конфетками...

– Интересно, где они их берут? – снова перебил Рене, и Герман угрожающе схватился за лежащую на столе линейку. Угроза, как ни странно, подействовала.

– И мы долго пили чай с конфетками и такими ма-а-аленькими цветными кексиками, – как ни в чем не бывало продолжил Берт, и в перерыве было прекрасно слышно, как кто-то сглотнул голодную слюну. – В учебном отделе очень милые дамы работают, и они все про всех знают. Например, что учитель Гротт и декан Кишман раньше учились вместе, до того, как декан поступил в Высший университет магики-исторических наук. И очень дружили, почти как мы с Германом. И с ними в одной команде числились учитель Эрно и мастер Гош. Только потом, это уже по большому секрету, учитель Гротт и учитель Кишман поругались и вроде даже бились на дуэли. Руководство училища приложило много сил, чтобы замять конфликт.

– Значит, эти двое не ладят? – Информация пока не казалась особенно важной, но Герман заинтересовался. В общем-то некий холодок в их отношениях был замечен невооруженным взглядом. – И что это нам дает?

Он откинулся на спинку стула и скрестил руки. Выходило, что ровным счетом ничего.

– Из-за чего они поссорились?

Берт пожал плечами:

– Не знаю. Наверное, правда большой секрет.

Рене перевесился через низенький бортик верхней полки:

– Знамо дело из-за чего, из-за девчонки небось. Молодо-зелено, кровь кипит, и все такое.

– Молодец, Берт, – сдержанно похвалил Герман. – Еще что-нибудь?

Чувствовалось, что он еще не все выложил. И правда.

– На столе у Энни, которая ответственный секретарь, лежал приказ об отчислении Ролана, уже подписанный.

– Выходит, все уже решили, допрашивать нас не будут? – Рене посмотрел на Германа. – А если будут, я тут попросить хотел. Вы про меня не говорите, хорошо? Ну, в чем моя роль заключалась, а то решат, что это мухлеж, и накажут.

Им троим ни разу не удалось сесть и обсудить практику в деталях. Тогда-то все происходило быстро и четко, болтать было некогда. И Герман решил воспользоваться ситуацией и утолить естественное любопытство.

– Откуда у тебя этот артефакт, Рене?

– Гогглы? – Он стянул с головы очки и заботливо протер темные стекла. – Ну это самоделка в каком-то роде. Мы с братьями развлекались, тырили батины тетради с рабочими записями. Артефакторы они у меня, оружейник и бытовик, правда, пока они только учатся. Да у нас вся семейка артефакторы, что говорить. Так вот, я взял старые защитные очки и проапргей... в смысле улучшил. Вложил в них готовую формулу, которая помогает видеть энергетические потоки, то есть мы как бы научимся этому после инициации, а я с помощью них магию уже сейчас вижу. По-любому мухлеж получается. Да и батяня узнает – прибьет...

Герман что-то такое и предполагал, поэтому больше ничего спрашивать не стал, зато Альберт вдруг засиял надеждой. Она была похожа на солнечных зайчиков, и Герман едва не зажмурился, будто это на самом деле.

– Рене, ты можешь взглянуть на одну вещь? – Берт шагнул к тайнику, но оглянулся на друга, прося разрешения. Получив, достал из-под половицы замотанную в тряпку шпагу. – Посмотри, нет ли на ней чего... магического.

Оружие они пока решили не сдавать в оружейную. Как бы это цинично ни прозвучало, суматоха после трагедии на практике сыграла им на руку, и они задержали сдачу боевого оружия больше чем на сутки. Но скоро недостачу обнаружат.

Рыжий спустился с верхотуры и взял клинок в руки.

– Ты с ней на практике был? Хм, красивая штука, мне сразу понравилась, хотя я с острыми предметами не очень дружу.

Он положил шпагу на стол и натянул на глаза очки. Минут пять напряженно сопел.

– Ну? – поторопил Альберт, и Герман его поддержал. Было даже

немного стыдно, что ему самому такая идея в голову не пришла, а вот Берт сообразил.

– Ну... Есть что-то. Ребят, вы поймите, я видеть-то вижу, но разобрать все равно не смогу, потому что не понимаю ни черта. Вон, рисунок сложный, витиеватый, через все лезвие идет и куда-то под гарду ныряет. Но что за магия, не скажу. Не моего пока уровня.

Стефания закончила шептаться с подругой и явно на что-то решилась. Как только парни закончили общаться, она попросила минуту внимания.

– То, что я скажу, должно остаться между нами. От этого зависит моя жизнь. – Она сделала паузу. – Я поступила в УВМД, чтобы спрятаться. Меня хотят убить.

Часть вторая

Все дело в шпаге

Урок 1

Никто не поможет тебе лучше, чем ты сам

– Объявление для курсантов первого курса второго потока! Завтра выходной день для тех, кто сейчас слышит это сообщение. А кто его благополучно проспал, может идти на учебу. Всегда – и даже ночью – ваш студсовет!

На лицах всей честной компании застыло одинаковое выражение удивления. И лишь Герман сразу обрадовался передышке. Только что у них состоялся весьма непростой разговор, во время которого открылись всякие неожиданные вещи. Например, что Стефания и правда не так проста, как кажется. Они с подругой пустились в бега после того, как стали свидетелями убийства наследницы трона Виндштейна. Новость о том, что молодая принцесса Эмилия, едва выйдя замуж, сначала потеряла родителей, а потом и сама погибла, оставив супруга, Леннарда Огюстоса, безутешным, но довольно влиятельным вдовцом, Герману была известна. Стефания же утверждала, что Огюстос убийца и смерть королевской семьи – его рук дело. История темная, сразу не разберешь, но главное, что уяснили все, – от Стефании хотят избавиться, и она уверена – голема запрограммировали именно на это.

– Могли выходной проспять, – высказала общее мнение Ситри и полезла на свою полку, спать. Берт поспешил воспользоваться ситуацией и тоже незаметно устранился. Стефания бросила на Германа поразительно беспомощный взгляд, будто умоляющий о помощи, тоже отвернулась и быстро завернулась в одеяло. Никто не хотел продолжать обсуждение, и без того было, о чем подумать.

– Спокойной ночи, – пожелал Герман, ни к кому особо не обращаясь. Выключил свет и под прикрытием темноты быстро переоделся и лег в постель. Сразу навалилась дикая усталость от всего – от волнения за друга, напряжения, ментальных усилий, подозрений. Его затянуло в черную воронку из беспорядочных тревожных сновидений, в которых он парил, пока не услышал суету в комнате.

Открывать глаза не хотелось, хотя Герман никогда проблем с утренней побудкой не испытывал. А тут еще это мерзкое чувство, будто вчера в него влили кувшин домашнего вина – не так, чтобы очень дурно, но голова тяжелая и ни в какую не желает отрываться от подушки.

– А он у вас, часом, не заболел?

Герман открыл глаза как раз тогда, когда Рене склонился над ним и уже тянул руку к лицу.

– Ай! – Рыжий прилипла отшатнулся и едва не сел. – Жу-у-уть! Он всегда так делает?

За его спиной пытался погладить свою единственную кофту Берт. Девушек видно не было.

– Что он тут делает? – спросил Герман и со вздохом сел. – И который сейчас час?

Выходило, что он проспал на два часа дольше, чем обычно. Непорядок.

– Мы собираемся в город, по магазинам! – радостно сообщил Альберт и на время забыл об утюге. – Рене сказал, что поможет мне. А еще надо зайти в бухгалтерию за первой стипендией. Представляешь, нам дадут деньги за то, что мы справились с практикой.

– За то, что мы пережили практику, – уточнил Рене. – Найти бы этот студсовет и... всех разом.

До Германа стало доходить. В том числе и запах.

– Утюг, – коротко скомандовал он и прикрыл глаза. Пока Берт ахал и охал над чудом спасенной кофтой, а Рене над ним издевался, Герман попробовал прикинуть план на сегодня.

Итак, пункт первый, довести Альберта до магазинов в целости и сохранности и оставить на весьма ненадежное попечение Рене.

Во-вторых, незаметно отделиться от компании и отправиться по своим делам. В частности, Герман планировал найти библиотеку и проверить рассказ Стефании. Новости он исправно читал, но те не всегда доходили полностью и вовремя.

Пункт последний и самый важный, сохранить свои передвижения в тайне от остальных. Для этого может понадобиться сносная причина для долгого отсутствия.

– Он опять уснул?

Герман ловко отбил тянущуюся к нему руку:

– Пошел вон из моей комнаты!

Рене пакостно захихикал:

– Это теперь и моя комната тоже! Что, съел? Распоряжение поступило, когда ты сладко причмокивал во сне. Так-то вот.

Это был удар ниже пояса. Он проспал все! И в блоке стало слишком много людей на квадратный метр. Очень шумных, громких и приставучих людей!

Герман понял, что кричит, хорошо, хотя бы мысленно. А Рене меж тем

принял командование на себя:

– Гера, быстро одевайся, позавтракаем в городе. Берт, хватит мучить эту жалкую тряпку, это ее последний выход в свет. Я планирую оторваться на полную катушку!

Альберт тут же с сомнением оглядел растянутую кофту в черно-желтую полоску.

– А мне нравится.

– У тебя не только память, но и мозги отшибло, – резюмировал Рене и махнул рукой. – Пойду только кое-что из своей комнаты заберу и вернусь.

Когда за ним закрылась дверь, Герман с облегчением выдохнул.

– Почему не разбудил?

Альберт с честью выдержал тяжелый заспанный взгляд:

– Так выходной же. Вот девочки уже убежали в город, тоже за покупками, наверное. Интересно, я любил делать покупки?

Он всерьез задумался над этим важным вопросом, и Герман решил, что тот достаточно успокоился после вчерашнего:

– Можешь мне поверить, да. Я себе такого никогда бы не позволил.

– Выходит, я был богат? – У Альберта загорелись глаза. – И тратил деньги? Я хотя бы делал тебе подарки?

Герман припомнил кучу ненужной, но безумно дорогой мелочовки, среди которой попадались вещицы, за продажу которых они с матерью безбедно жили весь следующий месяц. Правда, приходилось осторожничать, чтобы не привлечь ненужного внимания.

– Делал-делал, не переживай. – Он с сомнением покосился на друга. – Ты не винишь меня за молчание. Почему?

Альберт достал из шкафа куртку и принялся методично ошипывать куцую опушку:

– Значит, так надо. Ты сказал, что это ради моей безопасности, потому что меня хотят убить? Скажи только... я хотя бы это заслужил?

Герман поперхнулся воздухом.

– Заслужил смерть? Ты в своем уме?

Берт расценил восклицание по-своему и кинулся с объятиями:

– Герма-а-ан!

Столкновение было неизбежно. Герман не успел испугаться, как оказался стиснут и подмят под Альберта. Да еще и затылком о стену ударился.

– Слезь с меня немедленно! Слезай!

– Герман, я тебя обожаю! Ты такой добрый и хороший!

– Слезай же!

– Ну ничего себе! А у вас все серьезно, я погляжу.

Появление Рене дало Герману шанс спихнуть растрогавшегося не ко времени друга. Рене уже заполз к себе наверх, закопошился там, ругаясь сквозь зубы. Потом спустился и торжественно объявил:

– Пошли, что ли.

Герман бывал в больших городах. Точнее, всего в одном, зато сразу в столице, и навсегда запомнил ее помпезное великолепие, мощные площади с мраморными фонтанами и скульптурными композициями, тротуары, по которым неспешно прогуливались богато наряженные дамы под руку с не менее богато наряженными кавалерами. И много зелени, пусть и не такой первозданной, как в деревнях. Не то чтобы Герман ожидал чего-то подобного, тем более что уже один раз добирался через центр от телепортационной станции до училища, но все равно надеялся, что тогда был просто недостаточно внимателен.

А правда заключалась в том, что город был... странным.

Он возник за счет неудачников, провалившихся на экзаменах, – люди оседали здесь, по разным причинам не желая возвращаться домой. И со временем с подачи местного управляющего органа – Ученого Совета – появилась инфраструктура, сделавшая небольшое поселение чем-то вроде торгово-курортной зоны для тысяч местных студентов. В городе можно было отдохнуть в выходные, закупить продуктов, одежды, сувениров и всего, чего захочется, благо торговля процветала. Но грязь, но отталкивающая пестрота... Ни тебе изысканных нарядов, ни каменных святыниц. Все ходили в странной одежде, мелькали яркие краски и незнакомые ткани, одни, несмотря на жар двух утренних солнц, кутались в меха, другие светили голыми коленями.

– Не кривись так откровенно, – одернул его Рене по дороге, на которую прошедшая мимо веселая компания студентов только что бросила смятые фантики. – Будь проще, кошелек станет толще.

– А почему? – заинтересовался Берт.

– Не знаю, деда так всегда говорил.

Герман тихо хмыкнул и отвернулся. С мусорного бачка на него поглядывала тощая черная кошка.

– Это просто кошмар... – прошептал он и озабоченно потер лоб.

На скамейке, забравшись на нее с ногами, сидел парень в коротких ярко-желтых штанах и синей жилетке на голое тело. Он подмигнул засмотревшемуся Герману, и тот почувствовал себя каким-то ущербным.

Альберт помахал смущающему субъекту рукой, и тот отсалютовал в ответ.

– Правильно, налаживай контакты, красавчик, – похвалил Рене, чувствующий себя в этом хаосе как рыба в воде. – Вдруг этот чудик выпустится и станет влиятельным инквизитором, к примеру. Таких лучше иметь в друзьях.

С этим Герман поспорить не мог, но и пересилить внезапную гадливость тоже. Дождя давно не было, и низы темных форменных брюк испачкались в пыли, а переодеться Герману все равно было не во что – в плане гардероба он недалеко ушел от Альберта, просто одних брюк и пары рубашек ему в прошлой жизни всегда хватало.

– Здесь устроим штаб, – Рене подвел их к скамейке в тени жиденькой аллеи, одним концом упирающейся в рыночную площадь. – Мне надо оружейные мастерские поискать и еще кое-чего. А вы уж как-нибудь сами, встретимся тут через два часа.

Герман встрепнулся:

– Возьми Берта с собой. Ты хорошо ориентируешься, к тому же со мной ему будет скучно.

Альберт обиженно поджал губы:

– Я хочу пойти с тобой!

Но Рене схватывал на лету.

– Не дрейфь, красавчик. – Он приобнял его за плечи. – Со мной всяко веселее. Познакомимся с какими-нибудь цыпочками.

Альберт недоверчиво покосился на Германа.

– Рене, без излишеств. – Герман подошел ближе и понизил голос: – Посматривайте в оба.

Вильтрауд кивнул и схватил Берта под локоть:

– Так точно, мой генерал!

Первую неудачу Герман потерпел, когда осознал, что помощи в поисках просить не у кого. Точнее, вокруг толпилась та самая масса разношерстного народа, среди которого легко узнавались знакомые лица курсантов второго потока. Разве мог он спрашивать у них дорогу? Во-первых, некоторые его откровенно боялись, во-вторых, могли просто засмеять, а в-третьих, никому совершенно не обязательно знать, что он ищет библиотеку Университета инквизиции. И уж тем более Герман был не готов подойти к тому подозрительному типу в желтых брюках, с готовностью подмигивающему с необычной скамейки с навесом. Впрочем, почти сразу, мягко шурша в нескольких ладонях от брусчатки, возле него остановилась неказистая здоровенная карета, больше похожая на длинную лакированную коробку со стеклами, чем на привычный Герману (правда, исключительно с расстояния) пассажирский экипаж. У нее не было колес, а

над лобовым стеклом мигала табличка «402: остановка „рыночная площадь“».

– Лайнер четыреста два следует до Университета инквизиции, следующая остановка... – донесся до слуха неживой женский голос, и двери-заслонки с шорохом закрылись. Какой же была следующая остановка, узнать не удалось. Герман проводил лайнер растерянным взглядом и побрел дальше.

На глаза неожиданно попала вывеска. Или не вывеска – яркая табличка на подставке с бледно-желтой картой, она чем-то неуловимо напоминала панель регистрации в хранилище цифровых данных, куда так рвалась Стефания совсем недавно.

Пока Герман смотрел на непонятную доску, призывно мигающую стрелочкой «Вы здесь!», к ней подошел горожанин. Его пальцы ловко запорхали над панелью, и картинки на ней начали быстро сменяться, а на доске появились буквы. Герман подобрался поближе, с трепетом запоминая странные манипуляции, а когда мужчина развернулся и направился в сторону остановки, сам поспешил занять его место.

Стрелочка-указатель снова устремлялась в схематичную фигурку человека, в которой Герман угадал свое собственное местоположение. В его родном мире совсем не было технологий, даже визор, по которому транслировали межмировые новости, он впервые увидел в комнате отдыха на этаже и довольно долго пытался вникнуть в принцип управления, который оказался настолько прост и интуитивен, что в его реальность просто не верилось.

С некоторой опаской Герман повторил пассы незнакомца, набрал из букв на панели запрос: «Библиотека» – и довольно быстро получил не только необходимые координаты, но и схему пути. Последняя напечаталась на клочке тонкой, почти прозрачной бумаги. И на том спасибо.

Библиотека Университета инквизиции располагалась недалеко. А по карте добраться до нее не стоило ни малейшего труда, и Герману пришлось признать торжество технологий над устаревшим миром.

Искомое здание не сильно отличалось от остальных построек в этой части города, разве что неизвестный архитектор, определенно отчисленный еще до начала занятий, впихнул перед обшарпанным крыльцом две помпезные колонны, уходящие куда-то в пустоту, – если раньше там был навес или крыша, сейчас ее остатки валялись за ближайшим углом и нервно дребезжали под порывами ветра.

Неожиданно Германа обдало серой волной раздражения, и мимо, громко хлопнув кособокой дверью, пролетела Стефания.

– Хозяйка, подождите! – крикнула вслед Ситри, аккуратно придерживая дверь, – кажется, та норовила соскочить с петель, а получить счет за порчу казенного имущества девушке не улыбалось. Герман молча поблагодарил неизвестного архитектора и вовремя успел спрятаться за колонной.

– Говорила тебе, не называй меня так!

– Но мы же не в училище. – Ситри наконец смогла приладить дверь обратно и понеслась за стремительно удаляющейся подругой. Герман, так и оставшись незамеченным, с опаской вошел в здание.

Небольшой коридор с обшарпанным линолеумом предлагал две двери с покосившимися латунными табличками. Герман даже не стал удивляться убогости обстановки, на это сил уже просто не оставалось, к тому же его интересовала дверь с вывеской: «Хранилище периодической печатной продукции».

За ней оказался довольно просторный зал, выгодно отличающийся от всего, ранее увиденного. Герман прошел к окну выдачи и, стукнув в стекло для привлечения внимания, вежливо поздоровался со строгой женщиной в огромных очках.

– У вас есть библиотечная карта? – Она смерила Германа суровым неподкупным взглядом.

– Карта? – Такой мелочи он не предусмотрел. – Нет. Что мне нужно заполнить?

Получив на руки кипу бланков, Герман ретировался к одному из небольших столиков возле демонстрационных стендов. Чтобы завести формуляр на посещение библиотеки Университета инквизиции, не будучи студентом последнего, требовалось не только вписать свои имя и фамилию, что для Германа уже было непреодолимым препятствием, но и еще кучу самых разных, казалось бы, лишних данных.

– Добрый день, Ана! – знакомый жизнерадостный голос отвлек его от грустных мыслей. – Я принесла вам пирог, как и обещала. Приятного аппетита.

Люси Шерилд сунула в окошко выдачи контейнер и забрала увесистую кипу книг в ответ. А потом ее взгляд наткнулся на Германа. Девушка ойкнула и едва не выронила книги, правда, одна все-таки упала, как назло, самая толстая.

– Я помогу! – Герман с непривычной для себя поспешностью вскочил с места и подхватил с пола потерю. – Здравствуйте, мисс Шерилд.

Люси тоже наклонилась, чтобы поднять книгу, и они с Германом едва не стукнулись головами.

– Спасибо, – смущенно поблагодарила она, прижала книги к груди и опустила глаза, мило краснея. – А что вы тут делаете? Выходной же вроде.

Герман кивнул на стол с незаполненными бланками:

– Решил записаться, но это оказалось труднее, чем мне представлялось.

Люси на секунду замешкалась, Герман ощутил внутреннюю борьбу, к слову, довольно вялую. Если девушка сомневалась, то лишь для приличия – в ней ощущалась приятная расслабленность, которую Герман безошибочно приписал к неформальной обстановке.

– Давайте я помогу. – Секретарша Кишмана пристроила на край стола стопку книг и с улыбкой заглянула в бланки. – Что вам здесь непонятно?

Герман смущенно ткнул во вторую строчку:

– Понимаете, я крестьянин. У нас просто нет фамилий.

Теперь смутилась Люси, и образовавшаяся пауза Герману не понравилась. Точнее, нет, Герману как мужчине, будущему рыцарю (а он уже решил, что обязательно будет благородным рыцарем) повисшее в воздухе настроение как раз таки очень понравилось. Даже легкое волнение защекотало живот, вынуждая напрягать мышцы и дышать медленнее. Люси испытывала нежность, которая мягким сиреневым туманом обволакивала их маленький столик, неожиданно ставший невероятно уютным, почти домашним. Откуда у девушки зародилось это чувство, Герман еще не понимал, но все равно взволнованно выдохнул:

– Вы ведь мне поможете... Люси?

Герман, тот самый, который считал себя умным и рациональным человеком, уже вовсю бил тревогу, пытаясь запихнуть как можно глубже свою романтическую натуру. Рыцарем становиться ему было пока рано, а уж будущей дамой сердца он видел далеко не Шерилд, хотя секретарша не только хороша собой, но и довольно умна.

– Простите, мисс Шерилд. – Он поспешил извиниться, пока сиреневый кисель не удушил его окончательно.

– Ой, ну что вы, – отмерла Люси и махнула рукой. Быстро подхватила наполовину заполненные бланки и унеслась к окну регистрации, оставив Германа стеклянным взглядом изучать стопку книг. Это было непостижимо. Он, эмпат, который при желании может управлять целыми толпами, только что сам стал жертвой своей же магии. Как стыдно.

– Вот и все, – вернулась Люси неожиданно, и Герман неловко улыбнулся. – Ана, конечно, повредничала, но в общем-то она хорошая женщина и разрешила для подстраховки вписать еще и мои данные как ответственного лица. Но ведь вы будете вовремя возвращать книги?

И девушка осторожно коснулась его руки, понижая голос. Герман понял, что она тоже пытается скрыть смущение.

– Простите. Мне очень неловко, что вам приходится за меня ручаться.

– Да бросьте, мне вовсе не трудно. – Она снова махнула рукой, той самой, которой пару секунд назад искала ответного прикосновения от него. Герман мысленно выдохнул. – Осталось только заполнить место жительства, поставите общежитие и номер комнаты. И прописку. Думаю, разберетесь.

Люси подхватила книги.

– А мне, пожалуй, пора. Отдадите Ане бланки, она вас зарегистрирует. – И Шерилд ушла, оставив за собой шлейф стыда, смущения и горчинки обиды. Герман прижал ладонь к щеке, ощущая холодными пальцами жар – щеки буквально пылали, а еще он ощущал на себе взгляд из-за стеклянного окна регистрации. Осуждающий, непонимающий, но очень заинтересованный. И Герман поспешил поскорей закончить с формальностями.

Еще какое-то время ушло на перебирание старых подшивок. Герман слышал, что работать с данными информационного хранилища гораздо быстрее и удобнее, но для этого нужно стать инициированным магом, а инициация второму потоку еще только предстояла. В итоге искомое таки обнаружилось, но скупая сводка новостей ничего не прояснила. Не было даже ни одного изображения. Пришлось уйти ни с чем.

И вот Герман стоял возле скамейки, выбранной на роль временного штаба, и понимал – что-то пошло не так, а если быть точнее, то не так пошло абсолютно все. Герман со скуки попытался систематизировать итоги вылазки в город, но на ум приходили только обиженная в лучших чувствах Люси, разгневанная Стефания и полный провал в поиске нужной информации. Да еще и ребята где-то застряли.

Герман поставил на скамейку пакеты с покупками – пока шел сюда, успел заскочить в пару лавок – и приготовился к долгому ожиданию, однако уже минут через двадцать понял, что ждать не может. Не обладая особо развитой интуицией, он тем не менее предчувствовал неприятности, и они обнаружились вместе с взлохмаченной рыжей макушкой, маячившей в начале рыночных рядов. Даже издали голос Рене вколачивался в мозг, и Герман поморщился. Судя по звенящим ноткам, приятель затеял ссору и откровенно нарывался. Последнее Герман предположил, успев изучить его каверзный нрав.

– Рене, – Герман подошел к нему, с трудом протиснувшись сквозь толпу зрителей. – Что ты тут устроил, скажи на милость?

На него посмотрели как на бонус к интересному зрелищу. Рене неохотно отвлекся от перечислений незнакомых Герману деталей и терминов, звучащих как проклятия. Один «транзистор» чего стоит.

– Торгуюсь я, чего непонятного? – Он перевел дух и криво усмехнулся. – Ну не может этот пережиток прошлого столько стоить! Это пневматика, придурок! – Он переключился на растерянного продавца. – Чего ты мне втираешь? Такой механизм магическую формулу не выдержит. Не вы-дер-жит!

Герман ожидал, что продавец огреет наглеца этой самой пневматикой, что бы это ни значило, поэтому поспешил перевести внимание на себя:

– Простите, пожалуйста. – Он схватил Рене за ремешок сумки и, оттащив чуть в сторону, зашипел: – Ты куда Берта дел, бестолочь?

– Берта? – Рене огляделся. – Тут вроде был...

Герман не удержался и отвесил ему смачный подзатыльник.

– Ай! – Рене присел, хватаясь за голову. – За что?!

– Я что говорил про осторожность? Что во фразе «посматривайте в оба» тебе было непонятно?

Страх за друга захлестнул Германа, как недавно его затапливала всякая романтическая дурь. Он схватился за кольцо на пальце, выжимая из него всю мощь. Пьянящее ощущение свободы, прущее от Рене во все стороны, отступило.

– Прости, – потупился тот, и Герман в данный момент был слишком сосредоточен, чтобы проверить его искренность. – Я велел ему стоять рядом и ждать. Пообещал, что мы зайдем в сувенирную лавку потом. Он согласился. Не знаю, куда он мог пропасть.

– Эй, ты! Мы еще не закончили.

Рене дернулся на голос. Продавец и еще пара особо заинтересованных мужчин помахали ему рукой. Рене занервничал:

– Слушай, мой авторитет на кону. Если сейчас себя не покажу, потом мне будут одно фуфло подсовывать. Понимаешь?

– Давно видел Берта в последний раз? – Герман с удовольствием бы вытряс из приятеля душу, но время было слишком драгоценно. Получив ответ, он ненадолго задумался. Идея неплоха сама по себе, а с реализацией могли возникнуть проблемы. – Дай мне свой артефакт. – Он требовательно протянул руку, и Рене, помявшись для виду, вложил в нее очки.

– Только не потеряй и... приведи Берта обратно. Я сейчас закончу и догоню вас.

В его глазах уже загорелись азартные огоньки, и Герман отпустил его.

– Если с Бертом что-нибудь случится... – Герману даже не пришлось

делать страшное лицо, Рене и так вздрогнул и отшатнулся. – Выводы сделай сам.

Он повертел в руках очки и неуверенно натянул на глаза. В оживленном же городе чернота за тонированными стеклами расцветивалась яркими разноцветными узорами. Светящиеся цепочки плыли в воздухе, сворачивались в замысловатые знаки. Герман снял очки, огляделся, снова надел. Стало ясно, что спирали разных цветов, находящиеся в постоянном движении, это люди. От них расходятся узоры их магии. Вспышки, похожие на рассыпавшийся в воздухе порошок, скорее всего, эмоции. Герман привык видеть их иначе, но «порошковую» взвесь легче отследить. Он выцепил взглядом кислотно-розовое облачко и «принюхался». Подмороженная вишня – запах Альберта.

Герман затормозил, заметив, что след обрывается. Что ни говори, а продираться сквозь толпу, которую видишь весьма условно, дело нелегкое и даже опасное. Он стянул очки и обнаружил себя в весьма неприглядном месте. К счастью, не только себя.

– Берт?

Он стоял спиной к Герману и задумчиво созерцал высившуюся перед ним кирпичную стену. Подворотня, в которую их обоих занесло, производила гнетущее впечатление, хотя и была относительно чистой.

Альберт медленно повернулся, взгляд сфокусировался на Германе:

– Герман? Откуда... – Он как-то странно огляделся. – Что это за место, и что я тут делаю? Я что, пришел пешком?

– Хороший вопрос. – Герман шагнул навстречу и протянул руку. – Поговорим потом, нужно вернуться к Рене.

Альберт склонил голову к плечу, будто задумался над его словами, а после восторженно захлопал в ладоши:

– Рене? Подожди-ка... Это правда ты! Как чудесно! Мы не виделись целых два года, я до смерти соскучился! – Он подскочил к Герману и стиснул в объятиях. – Где ты пропадал? Не видел мое письмо? Дядя сказал, ты больше ко мне не вернешься.

– Дядя? При чем здесь твой дядя? – удивился Герман и тут начал понимать. – Ты вспомнил...

– Вспомнил? – Альберт озадаченно нахмурился. – Стоп. Что ты на себя нацепил? Это вовсе не красиво. Стоит только оставить тебя без присмотра...

Он отошел на шаг и придирчиво оглядел друга. Губы капризно поджались, совсем как раньше:

– Я велю портнихе снять мерки, на этот раз ты не убежишь от меня. И

кстати, – Берт опустил голову, рассматривая собственный наряд, – а со мной-то что?

Сомнений не осталось – Альберт вернулся, тот самый, настоящий. И снова без памяти, но на сей раз о событиях последнего месяца. Герман никак не мог решить, это плохо или хорошо и почему именно сейчас. Наконец он осторожно спросил:

– Ты здесь один?

Альберт увлеченно изучал свою одежду и, разумеется, ее не узнавал. А в таком состоянии до него не достучаться, факт известный.

– Это же ужас! Полоска... Меня пытали и заставили надеть этот дешевый кошмар в полоску? Если это шутка, то мне не смешно. Герман, – он вдруг отвлекся и блестящими грустными глазами посмотрел на него, – ты правда хотел меня бросить?

Где-то залаяла собака, кто-то громко на нее шикнул, протопали неподалеку тяжелые шаги. Звуки стали наполнять подворотню. Берт вскинулся, сонно поморгал и неуверенно потер глаза.

– Герман? – Он увидел его и просиял. – Ты меня нашел? Как хорошо, кажется, я заблудился. Герман, почему ты так смотришь?

Преображение прошло почти незаметно невооруженному взгляду, но Герман слишком хорошо знал того Альберта, чтобы заметить разницу – распрямилась спина, развернулись плечи, и смотрел он не как затравленный щенок, а как человек, знающий себе цену. Но вот что-то снова изменилось, взгляд Берта затуманился, и все вернулось на круги своя. Волна позорного облегчения затопила Германа, хотя объективных причин радоваться не было, ну разве только тому, что Берт пока не вернется к прежним замашкам. И не примется болтать о себе направо и налево. Пожалуй, пока это было самой главной причиной молчания Германа.

Он стремительно приблизился к другу и схватил за растянутый воротник:

– Я тебе что велел? Быть рядом с Рене!

Альберт весь как-то сжался, будто даже ростом сделался ниже, хотя был почти на полголовы выше Германа.

– Я случайно... – губы у него задрожали жалобно, а вот взгляд странно заметался. Это обстоятельство разозлило Германа еще сильнее:

– За тобой могут охотиться те, кто стер твою память, хоть это ты запомнить в состоянии? В состоянии, я спрашиваю?

Герман прекрасно понимал, что перегибает палку, но иногда на людей действуют только методы устрашения, как ни прискорбно это признавать. Берт зажмурился:

– Я просто... Ну, мне показалось, я что-то увидел. Нет, вспомнил. Я бывал в этом месте прежде, но не помню, когда и почему. – Он рискнул открыть глаза, но на всякий случай отклонился назад так сильно, что Герман почти держал его на весу. – Я должен был убедиться. Но... наверное, показалось.

– Не смей ничего предпринимать, не посоветовавшись со мной! – Герман перестал сердиться, на смену внезапной вспышке пришла сосредоточенная задумчивость, но Альберт этого не заметил и отчаянно вцепился в его руку:

– Выходит, ты мне совсем-совсем не доверяешь? Ой... Прости, пожалуйста! Герман, прости меня!

Герман растерянно моргнул, не хуже Берта. Убрал руки.

– Нет, – медленно ответил он с небольшой паузой. – Нет, это ты меня прости. Я взял на себя слишком много.

Когда эмоции пришли в порядок, думать стало легче. Герману даже стало стыдно за себя, впрочем, сожалеть было некогда. Альберт перестал жаться, уловив его настроение:

– Ты больше не сердишься?

Герман покачал головой:

– Ты еще помнишь, что показалось тебе знакомым?

Берт старательно задумался. До Германа вновь стали долетать приглушенные блокаторм знакомые эмоции – несмотря на внешнюю беспечность, Альберт сильно переживал и был не на шутку встревожен. Что его беспокоило, Герман мог лишь подозревать, но Берт не дал ему на это времени.

– Я хочу пойти туда, – уверенно заявил он и ткнул пальцем в узкий проход между стенами. Герман дернул его за рукав, тормозя, и пошел вперед. Переулочек вывел его на небольшую площадь перед крыльцом двухэтажного кирпичного дома с унылыми цветами в горшках на подоконниках первого этажа. Владельцы явно имели представление, как сделать свое жилище привлекательнее, но знанием дело и ограничилось. К дверному косяку прислонена не слишком чистая метла, а порожки в пыли. Стекла грязные, оттого и листики у цветков пожухли и опустились. Не слишком ровно приколоченная вывеска подтвердила предположения Германа.

– «Черная дыра», – вслух прочитал Берт и нахмурился. – Я здесь проснулся.

– Помнишь, как заходил сюда? – на всякий случай уточнил Герман, хотя уже знал ответ.

– Только как уходил.

Следовательно, его доставили в ночлежку без сознания и не открыто, а через темную подворотню. И в этом как раз нет ничего удивительного.

Герману было что обдумать, пользуясь тем, что Берт немного озадачился и пока помалкивал. То, что сделали с его памятью, слишком сложно, дорого и без гарантии. Проще было бы сразу убить. Однако же кто-то не пожалел денег и времени, чтобы разыскать нечистого на руку ментального мага и устроить в голове Альберта настоящий хаос. В этом месте своих измышлений Герман притормозил.

Если Берта отправили так далеко от дома и даже не поленились пристроить в военно-магическое училище, выходит, его могли не пытаться убить, а, напротив, защитить? Но не слишком ли экзотический способ?

Герман вначале почувствовал чье-то стремительное приближение, а потом его попросту снесло.

– Бежим, бежим, бежим! Ноги в руки, и бежи-и-им!

Герман чудом устоял на ногах и успел заметить пролетающего мимо на дикой скорости Рене, мелькнули в воздухе цветные пакеты с покупками, и вот уже он скрылся за поворотом. Германа подстегнуло накапывающее с противоположной стороны раздражение, прущее напролом как раз в их сторону. Разобраться, кому оно принадлежало и почему, можно было и потом.

Герман схватил Берта за руку и побежал.

Гонка продолжалась примерно четверть часа, пока Рене не перестал петлять и шлепнулся задом на пустую скамейку.

– Уф! Славно развлеклись!

Герман особо на физическую форму не жаловался, но ничего приятного в забегах по пересеченной местности не видел. Нависнув над Рене, он припечатал его своим самым тяжелым взглядом:

– Что это было? И постарайся объяснить в трех словах.

– Не сошлись точки зрения, – радостно объявил рыжий. – Или частицы тоже считаются?

Берт накинудся на Германа сзади и намертво прижал руки к бокам:

– Не надо! Не бей его!

Брови Рене стремительно поползли вверх:

– Он еще и драться умеет? Ну просто же сокровище! Я б купил, да деньги кончились.

Что бы там ни приключилось с Рене, настроение его взлетело до небес. Судя по ощущениям, он был доволен собой, миром и даже рычащим на него Германом.

– Берт. Отпусти.

Юноша разжал руки, будто сам испугался совершенного святотатства, и смущенно извинился. Рене развязно закинул ногу на ногу и похлопал по скамейке:

– Садитесь, в ногах правды нет.

И поведал, как торги дошли до того, что он обозвал товар в соседней артефактной лавочке «фуфлом», а продавца – «болваном без шестеренок в голове». Неизвестно, как у него с шестеренками, но обиженный мастер терпеть не стал и позвал товарищей на подмогу, чтобы преподать малолетнему хаму урок.

– И зачем тебе это было надо? – устало спросил Герман, поняв, что логика Рене выше его понимания. – А если бы поймали и пожаловались в училище?

– Не поймали бы, – легкомысленно отмахнулся Рене. – Я с пеленок от родственничков улепetyвал, мне не привыкать. Ну да ты лучше расскажи, сам-то как погулял? Небось скучно до икоты. А мы барахлишка прикупили, красавчик пищал от восторга. И очки вернуть не забудь.

А сам искоса наблюдал за Германом, но тот все равно не планировал пока раскрывать свои карты. Протянул артефакт и сухо ответил:

– Экскурсия была интересной.

– Экскурсия... – Рене высунул язык. – Ты бы это еще променадом назвал, интеллигент из глубинки.

То, что подобные слова вообще были Рене знакомы, только убедило Германа, что тот постоянно придуривался и даже иногда откровенно забавлялся над ними всеми.

– Я еще не забыл, что ты бросил Берта на произвол судьбы, – процедил Герман.

– Он сам от меня сбежал. Можешь его отшлепать.

Они скрестили взгляды, и тут рядом зашуршали пакеты.

– А зачем тебе столько шоколада? – простодушно спросил Берт, успевший изучить покупки Германа. – Ты же в столовой никогда не ешь сладкое.

Герман мысленно обозвал себя идиотом и выхватил пакет с конфетами из его рук:

– А теперь буду.

– Это он девчонкам своим накупил, – хихикнул Рене. – Той половине, которая не за мной бежит.

– Фанни, Ситри, – принялся загибать пальцы Берт. – Кто еще?

– Люси. – Рене сделал характерный жест в районе груди, видимо,

обрисовывая главную, по его мнению, отличительную особенность секретарши декана.

Герман хлопнул себя по лбу и выдал, неожиданно для всех и даже немного для себя:

– Про нее забыл!

Первым несмело хихикнул Берт, его громогласно поддержал Рене, и только Герман знал, что на самом деле шоколад предназначался для Сорамару. За полезные знакомства приходится платить.

– Ладно, вы идите, я догоню, – решил Герман и сунул пакеты в руки Альберту. – Увидимся позже.

Урок 2

Красавица в беде одинаково действует на всех мужчин

Во второй половине дня небо неожиданно затянуло тучами, и на ничего не подозревающих людей обрушился настоящий ливень. Стефания, надеявшаяся получить в библиотеке инквизиции, по слухам, самой большой и полной, книги по магии, потерпела в этом неудачу. Хотя кое-что ей все же удалось узнать.

– Вы думаете, стоит связаться с этим Теодором Люциусом, как его там? – спросила Ситри.

– Мы не можем быть уверены, что он на нашей стороне. – Стефания покачала головой. В библиотеке она почитала про человека, который был ее нареченным женихом. Все, что она о нем знала, это имя, остальное узнать не успела, как и увидеть избранника, которого для нее определили родители. Стоило ли обратиться к нему за поддержкой? Ему наверняка сообщили о ее смерти, а это, по идее, сняло с него все обязательства перед невестой. К тому же она не могла доверять тому, о ком знала лишь имя и титул – наследный принц Ландри, Альберт Теодор Люциус-младший. Слишком мало, чтобы доверить свою жизнь.

– Будем придерживаться первоначального плана, – решительно сказала она. – Справимся сами.

– Тогда подождем инициации, – пожала плечами Ситри, которую никакие неудачи не смущали. – Парой дней больше, парой дней меньше, разницы нет.

Для нее, может, и нет, а Стефания чувствовала, что попусту тратит драгоценное время. Леннард нашел ее, даже смог подстроить нападение големов во время практики. Герман тоже наверняка догадался, что причина, по которой обе группы пострадали, в том, что Стефания первоначально была в их команде, а в последний момент ее перевели в команду к Ролану. Это могли сделать специально или случайно, но в таком случае человек Леннарда имел доступ к спискам и мог быстро сориентироваться. Мысль о том, что в любой момент на нее могут напасть, не давала покоя. Стефания этой ночью снова не спала, все думала, как себя обезопасить. Кто же знал, что до инициации она будет так же беспомощна, как и до поступления в училище? Не на это она рассчитывала.

Ей нужна была сила, прямо сейчас.

Несмотря на дождь, вокруг былолюдно, везде пестрели вывески, слышались зазывные крики продавцов из лавочек и лотков. Возле одного такого они и остановились, внимание Стефании привлекли милые вещички вроде кулончиков и украшений для сумок.

– Вы что-то хотите? – спросила Ситри, наверняка в уме подсчитывая, сколько денег у них осталось.

– Нет, просто думаю, где бы укрыться.

И тут на двери ближайшего магазинчика мягко звякнул колокольчик, и молодая женщина заговорщицки поманила Стефанию пальцем.

– Не мокните под дождем, красавицы, – сказала она с доброй улыбкой. – Заходите, заодно новый товар посмотрите. Вам понравится.

По вывеске нельзя было понять, чем тут торгуют, и Стефания поддавалась любопытству.

Хозяйка впустила их внутрь, а потом поманила в небольшую арку в стороне от прилавка. Лавочка оказалась магазином готовой одежды, только повели Стефанию куда-то вниз, где в интимной полутьме стояли многочисленные манекены, наряженные в нижнее белье разной степени откровенности. Стефания смущенно потупилась, не зная, куда деть взгляд.

– Да вы не стесняйтесь, – подбодрила продавщица. – У такой красавицы просто обязан быть возлюбленный, а чем его еще порадовать, как не красивым новеньким бельем. Уж я знаю, о чем говорю.

Она хитро подмигнула, и Стефания поспешила отвернуться, и на глаза ей вдруг попался прекрасный комплект из белого кружева, как будто морозный узор. Хоть Стефания и не задумывалась никогда ни о чем подобном, сразу его захотела.

– В сезон дождей действуют скидки, – словно прочтала ее мысли продавщица. – Послушай меня, взрослую опытную женщину. Мужчины любят глазами, и этим надо пользоваться!

Стефания поспешно замотала головой и уже не один раз пожалела, что согласилась сюда зайти. Обсуждать с посторонними что-то подобное совсем не хотелось, она даже с Ситри никогда не разговаривала на такую тему, слишком уж она была болезненной. Кстати, Ситри где-то по дороге потерялась.

Но продавщица не собиралась уступать.

– На улице все равно льет как из ведра. Давайте я нам чаю налью, а вы пока подумаете?

И хоть прозвучало это как вопрос, она уже засуежилась, доставая чашечки и разливая из чайничка ароматный чай.

– Вы всех покупателей так встречаете? – засомневалась Стефания.

– Только когда плохая погода. Сами видите, клиентов-то у меня не так уж много.

Она усадила Стефанию в кресло, села напротив и пригубила горячий напиток.

– Скоро начнутся инициации первокурсников, – заговорила она. – Вы, я вижу, из УВМД. Как же вас, такую хорошенькую, в военные маги занесло?

Стефания сделала большой глоток, чтобы не отвечать, даже обожглась. У чая был немного странный привкус, Стефания провела языком по губам, принялась к кружке и вдруг почувствовала дурноту.

– ...красивые девушки должны дома сидеть, с мужем. Мужа, его слушаться надо...

Где же Ситри?!

У Стефании задрожали руки, и она поспешила поставить чашку на поднос, но перед глазами плясали цветные круги, и никак не получалось их разогнать. Продавщица продолжала что-то говорить, Стефания слышала лишь неразборчивое бормотание. Нужно было встать, что-то сделать, но тело онемело, и Стефания обмякла в кресле, не способная пошевелиться. В голове все путалось, невозможно было сосредоточиться. Она громко закричала, но, увы, только мысленно.

Когда Стефания поняла, что это конец, сознание погрузилось во тьму, а в ней кровавыми цветами распустились самые страшные в ее жизни воспоминания...

– Идет... Она идет... – пронеслось по рядам гостей. Арочные двери с натужным скрипом отворились, впуская в полутемный, пропитанный душными ароматами благовоний храм девушку в багряном, под стать наряду жениха, платье. Волосы тяжелым темным водопадом струились по спине. Девушка замерла на пороге, рассеянным взглядом окинула залу, глубоко вздохнула и сделала первый шаг. Длинный атласный шлейф, переливаясь в свете многочисленных курильниц, змеился за ней кровавым потоком. Девушка пересекла зал чеканящей походкой, гордо держа королевскую осанку и вздернув упрямо выпяченный подбородок, но во взгляде все еще читалось смятение.

Остановившись возле алтаря, она сложила руки на груди в ритуальном поклоне.

– Леннард Огюстос, верховный и единый правитель Грейнциварта, – торжественным голосом, эхом отдающимся от высоких стен, начал

храмовник, – готов ли ты взять в супруги эту женщину и позволить ей до конца дней пребывать подле себя, любить и уважать, слушаясь во всем, как положено верной жене?

Голос жениха прозвучал громко и уверенно:

– Да.

– Эмилия Керстин, принцесса Виндштейнская, милостью богов и их благословением нарекаю тебя женой этого человека, Леннарда Огюстоса, верховного и единого правителя Грейнциварта.

Согласия невесты никто не спрашивал, древняя традиция не подразумевала, что у нее могло быть свое мнение на сей счет. Та, что называли Эмилией, прищурила голубые, цвета льда, глаза и еще сильнее сжала губы. Плечи, обтянутые красным атласом, чуть заметно дрогнули, но ничем иным она не позволила себе выдать волнения. Брачные браслеты защелкнулись на запястьях, до самой смерти соединяя супругов. В тот же миг Эмилия покачнулась, чувствуя, как магия браслетов безжалостно пытается проникнуть в нее, и добела сжала пальцы, пережидая вспышку боли. Глаза испуганно расширились, в них мелькнуло осознание, но быстро угасло. Принцесса покорно подняла голову, принимая первый поцелуй мужа.

В честь молодых на площади перед храмом грянули дружные залпы, выстреливая в темнеющее небо пахнущие гарью и дымом заряды. Леннард взял жену под локоть и провел сквозь строй солдат. Его шаг громом отдавался у принцессы в ушах, громче, чем грохотавшие вокруг выстрелы. Но она еще могла держаться. Ради себя, ради родителей, страны. Ради своей сестры.

– Не надо бояться, – голос Леннарда обволакивал мысли. День подошел к концу, молодые остались наедине, но Эмилия этого не заметила, все это время упорно борясь с собой. Она сжалась на брачном ложе, зябко обхватывая себя руками за голые плечи. Прозрачная сорочка неприятно холодила разгоряченную кожу. – Я твой муж, я не причиню тебе вреда. Эмилия...

Сквозь слабость и дурноту девушка пыталась понять, что с ней происходит. Прикосновения мужа не вызывали в теле той приятной истомы, о которой судачили служанки. Его жесткие широкие ладони, привыкшие сжимать рукоять двуручного меча, грубовато ласкали напряженную прямую спину.

– Что тебя беспокоит, дорогая? – допытывался он, поглаживая шершавыми пальцами нежную кожу, покрытую капельками пота.

Эмилия ниже опустила голову, пряча лихорадочно горящее лицо за

водопадом длинных темных волос. Перед глазами все плыло, с каждой минутой все сильнее и сильнее.

Когда он целовал ее, она не закрывала глаз, когда толкнул на постель – не обрадовалась, не затрепетала. Просто постаралась быть хорошей женой. Ради себя, ради родителей, страны. Ради своей сестры.

А после, сжавшись в углу огромной постели, рискнула заговорить.

– Почему... почему я ничего не могу вспомнить? – проронила принцесса глухо, фокусируя взгляд на стиснутых в кулачки пальцах. – Что делала вчера? Позавчера? Где моя сестра? Все путается...

– Тсс... – Мужчина жестом заставил ее замолчать, вновь склоняясь над ней и щекоча шею длинными светлыми волосами. Принцесса застыла от ужаса и дурноты, охвативших ее измученное тело, ослабленное загадочным недомоганием. Она видела сквозь мутную кровавую дымку лицо супруга, красивое, но совершенно чужое.

– Лен... нард, – простонала она, из последних сил цепляясь за обрывки гаснущего сознания. – Ты... ты ведь не мой...

– Тише, дорогая. Мужа надо слушаться.

Стефания сумела вырваться из объятий кошмара, разлепила тяжелые веки, и почти сразу поняла, что ее куда-то ведут, точнее, почти несут, потому что сама она едва могла перебирать ногами. Верной Ситри поблизости не наблюдалось – лишь темная глухая подворотня, скорее всего, прямо за магазинчиком. Тут густо пахло гнилью и сыростью, к горлу некстати подкатил тугой тошнотворный комок. Стефания тяжело сглотнула, и похитители догадались, что жертва пришла в себя.

– Давай здесь? – предложил один из двоих мужчин, лиц которых она не могла рассмотреть.

– Нам самим тогда голову оторвут. Тащи ее, не хватало, чтобы труп нашли прямо тут.

Труп. Стефания с пугающей ясностью осознала, что скоро ее убьют. Как бы она ни пряталась, Леннард ее нашел, и второго шанса выжить у нее не будет.

Она собрала волю в кулак и уперлась ногами в землю.

– Эй, она брыкаться удумала!

У них был своеобразный северный акцент, Стефания бы его ни с чем не спутала, значит, Леннард прислал своих людей. А ведь она их принцесса! Предатели!

Стефания смогла вырваться и тут же упала. К ней потянулись руки, и она начала отползать назад. Онемение еще не до конца отпустило, и закричать не получалось, да и зрение еще подводило.

Всего за секунду до того, как свет скрылся за спинами наемников, у входа в тупичок появился человек.

– Простите! – крикнул он вежливо. – Простите, что вы делаете?

Только такой умник, как Герман, мог ляпнуть такой очевидно дурацкий вопрос.

Стефания воспользовалась заминкой, поджала одну ногу и резко выпрямила, со всей силы ударив ближайшего мужчину по колену. Перекатилась в сторону и схватила обломок тонкой металлической трубы. Герман сообразил, что к чему, и побежал к ней на помощь.

Стефания едва успела выставить трубу перед собой, и лезвие кинжала чиркнуло по металлу. Герман, совершенно безоружный, пытался справиться со вторым нападавшим. Стефании вдруг стало страшно, что с ним что-то случится, она поднялась и уперлась спиной в холодную каменную стену. Все вокруг плыло и мерцало, она сжала трубу обеими руками, оттолкнулась от стены и, размахнувшись, обрушила свое оружие на чью-то голову. Запахло кровью.

Герман поймал ее взгляд, и тут что-то изменилось. В голове зашумело, звуки затихли, захотелось бежать отсюда, куда глаза глядят. Герман просто стоял и ничего не делал, а оба несостоявшихся убийцы вдруг попадали на землю, задержались и спустя минуту затихли.

– Стефания... Стефания...

Она отшатнулась. Труба выскользнула из пальцев и с неестественно громким стуком упала на землю. Стефания зажмурилась и побежала прочь. Куда угодно, только бы подальше отсюда.

Девушка обнаружилась в маленьком переулочке в квартале от цветочной лавки – сидела на корточках в узком проулке между домами. Герман облегченно выдохнул:

– Вот ты где.

Девушка тихо вскрикнула и отшатнулась, пряча от него заплаканное лицо. Не удержавшись, шлепнулась прямо в грязь и жалобно пискнула. Из разодранной коленки сочилась кровь. Герман, казалось, был готов ко всему, но такая Стефания его поразила. От печального и жалкого зрелища кольнуло в груди.

– Идем, – Герман взял Стефанию за руку, помог подняться, и та безвольной куклой поплелась следом. Уже одного этого достаточно, чтобы понять – он перестарался. Без оружия у него не было шансов против двух головорезов, так что пришлось прибегнуть к козырю в рукаве – ментальному дару. Старик, учивший его в детстве, наверняка остался бы недоволен таким использованием способностей, но выбора не было.

Ослепленные и оглушенные, они еще какое-то время проваливаются в подворотне под присмотром Ситри, которая, шатаясь, выбежала из магазинчика с желанием порвать любого за свою подругу. Но и самой Ситри тоже досталось, судя по шишке на затылке, кому-то пришлось постараться, чтобы обезвредить храбрую защитницу.

А потом нападавших заберет стража, Ситри обещала их вызвать.

Неподалеку, как по заказу, нашлось уличное кафе за кованой оградой. Герман выбрал укромный столик под зонтиком в самом углу и усадил Стефанию на плетеный стул. На соседний кинул пакеты и ушел. Вернулся спустя полминуты с аптечкой и стаканом воды, рану следовало хотя бы продезинфицировать.

А девушка так и сидела с опущенной головой и никак не реагировала на происходящее вокруг.

– Возьми. – Герман вложил в ее руку чистый носовой платок и опустил перед ней на одно колено. – Вытяни ногу. Будет щипать.

И только это привело Стефанию в чувство. Она подтянула под себя ногу и неожиданно робко запротестовала:

– Не трогай, я сама.

Но при этом не разозлилась, подумал Герман, и сел на стул напротив. Подошла девушка с подносом:

– Что-нибудь будете? Курсантам Военно-магического училища сегодня скидка пять процентов.

Герман бросил на сжавшуюся в кресле соседку задумчивый взгляд и попросил:

– Два лимонада и десерт. На ваш вкус. – Он с удовлетворением отметил, как прислушалась к его словам Стефания, и спохватился: – Хотя нет, давайте горячий шоколад.

Почему-то вдруг показалось, что она, всегда такая холодная, должна его любить.

Когда официантка ушла выполнять заказ, он перегнулся через столик, беря Стефанию за руку, ледяную на ощупь и какую-то безжизненную:

– Давай поговорим, хорошо? Просто поговорим. Те люди, ты их знаешь? Чего они от тебя хотели?

– Я не Эмилия! – вдруг громко воскликнула Стефания, и из глаз брызнули слезы. Глядя на эти искренние эмоции, Герман понял, что не отпустит ее, пока не успокоит.

– Знаю, – мягко произнес он, сжимая ее пальчики. – Принцесса Эмилия мертва, а ты знаешь, кто ее убил. Так ведь? Эти люди хотели тебя убить? Их послал Леннард Огюстос?

Супруг Эмилии Керстин, наследной принцессы Виндштейнской, теперь король и единый правитель Грейнцварта и Виндштейна. И это его имя Стефания повторяла во сне, когда ей снились особенно страшные сны. И это его она винила в гибели королевской семьи.

– Это ошибка.

– Нет, не ошибка. Ты нам что-то недоговорила. Големы, потом это. Эмилию убил ее муж? Ты это видела?

Стефания судорожно вздохнула, жалобно сморщилась и зарыдала. Надрывно, горестно, но совершенно беззвучно. Слезы лились по покрасневшимся щекам, и девушка даже не делала попытки их утереть. Настоящая Стефания вырвалась на волю. Наверное, она всегда была именно такой, но, как и Герман, создала вокруг себя непроницаемый панцирь. Герман придвинулся ближе, беря ее ладонь обеими руками. Прикрыл глаза и едва не взвыл сам.

Внутри у Стефании было так горько, муторно и вязко, что сердце щемило от тоски. Ей было больно, так сильно больно, как Герман прежде и вообразить себе не мог. А она носила в себе эту боль каждый день.

– Стефания...

Она посмотрела на него, в голубых глазах еще дрожала блестящая пелена слез.

– Ничего не спрашивай, – глухо попросила она. – Пожалуйста.

И ее пальцы дрогнули, хватаясь за его ладонь.

– Ты хочешь, чтобы тебе помогли, но в чем? Чего ты хочешь добиться? – Герман держал ее ледяную руку. – Пока ты не расскажешь все, мы ничего не сможем сделать. Ты понимаешь?

Она дергано кивнула, но больше не проронила ни словечка.

Они просидели в кафе, наверное, довольно долго, Герман вопреки привычкам не следил за временем. Каплю за каплей он вытягивал из девушки негативные эмоции. Ненавязчиво и деликатно, чтобы не задеть ее пока еще спящей гордости. Под конец Стефания расслабилась достаточно, чтобы перестать плакать и даже выдать что-то вроде благодарной улыбки.

– Спасибо тебе. – Слова были искренними. – Я оказалась слабее, чем хотелось бы.

– Ты девушка, – мягко возразил Герман. Усталость накатила не вовремя, и его немного подташнивало.

– Я... будущий солдат, – голос ее дрогнул. Она достала платок и быстро привела лицо в порядок. Герман с улыбкой наблюдал за ее неуверенными попытками поправить прическу и, поднявшись и обойдя ее вокруг, аккуратно вставил за ушко крупную белую ромашку. Завалилась в

один из пакетов и потому не помялась.

Лицо Стефании окаменело. Рука метнулась к волосам, но замерла на полпути.

– Идем?

Она медленно кивнула и поднялась на ноги. Ее все еще что-то терзало, но страх и отчаяние легли на дно, до поры до времени. И пусть до самого училища они больше не перекинулись ни словом, эти полчаса в уличном кафе стали настоящей победой Германа.

Урок 3

Если результата не видно, это еще не значит, что его нет

Рано утром их разбудил не привычный сигнал к началу учебного дня, а отвратительно бодрый и радостный голос из динамиков:

– Подъем, подъем! Мальчики, скорее натягиваем штаны, девочки, будьте аккуратнее с чулками! В этот особенный день вы должны быть неотразимы, блистательны и вообще не похожи на себя, потому что это день вашей инициации! Как, вы еще под одеялом? Забыл сказать, что общий сбор перед главным входом через двадцать минут. Ваш обожаемый студсовет.

Последнюю фразу заглушил дружный скрежет зубов поднятых раньше времени курсантов.

Герман успел и помог успеть другим. Пока Берт и Рене наскоро умывались, он прошелся утюгом по мятому кителю друга и вытряс крошки из карманов рыжего. Девушки опровергли общепринятое мнение о медлительности своего пола и собрались точно к сроку. Вся компания неожиданно слаженно двинулась к месту сбора.

Второй поток гудел потревоженным пчелиным роем. Два учителя заканчивали налаживать уже знакомые переносные телепорты.

– Я прям даже волнуюсь, – признался Рене и неловко пригладил волосы, которые все равно тут же вернулись к прежнему беспорядку. Очки пришлось оставить в комнате – сильные артефакты с собой брать запрещалось. – Мало ли, чего там с нами сделают.

– Тебя точно налысо обреют, – хохотнула Ситри и дружески пихнула его в бок. Берт едва успел подхватить летевшего на него рыжего.

– Не позволю! У моих волос уникальный цвет! Берт, скажи ей!

Герман в душе порадовался этой небольшой пикировке. Пока товарищи дурачились, маскируя естественное волнение, он нашел глазами Стефанию. Девушка серьезно кивнула в ответ, но не подошла. О вчерашнем они договорились пока никому не говорить, хотя Герман считал это подозрительным.

Спустя минут десять телепорт был установлен и настроен, и курсантов по цепочке начали отправлять в неизвестность. Герману выпало быть замыкающим, прямо перед ним скрылась в серебристо-сиреневой вспышке

спина Альберта.

– Что стоим? Живее, – поторопил учитель, и Герман шагнул в рамку портала.

Берт и Рене были готовы и подхватили рухнувшего им на руки Германа.

Разочарования начались тогда, когда вместо ожидаемого помпезного здания, отвечающего уровню готовящегося мероприятия, группа обнаружила себя возле бетонных порожков, которые любовно подметал пожилой дворник с окладистой бородой. Двери тоже оказались не трехметровыми арочными створками, а самыми обычными, за которыми не было красной ковровой дорожки, а только унылый коричневый пол. Стефания громко фыркнула, а Вуди что-то возмущенно пропищал. Откуда-то возник Вальтер Гротт и быстро навел порядок. Все расселись на жесткие сиденья вдоль стен и приготовились к долгому ожиданию.

То, что оно обещало быть долгим, стало ясно после того, как первый из курсантов скрылся за дверью в следующее помещение. Что там с ним происходило, никто, разумеется, не знал, а Гротт покинул приемную, оставив группу в тревожном одиночестве. Заняться было нечем, и потихоньку каждый начал выдвигать теории, одну нелепее другой. Немудреное развлечение на некоторое время отвлекло от волнения, пока не огласили имя следующего курсанта:

– Курсант Дзюн Мэй! Оставьте ваши артефакты в ячейке хранения и пройдите в зал для инициации.

Дзюн сняла с шеи камешек на цепочке, вынула из волос длинные острые шпильки с кисточками, достала из воротника крохотную булавку, оторвала верхнюю пуговку кителя... В общем, ячейку заполнила до отказа.

Дверь за Дзюн закрылась и не открывалась еще полчаса. Обратно девушка так и не вернулась.

Когда дошла очередь до Рене, он предпринял попытку скрыться на улице, но двери оказались заперты.

– Курсант Вильтрауд! Повторяю, курсант Вильтрауд, оставьте ваши артефакты в ячейке хранения и пройдите в зал для инициации.

Берт вцепился в рукав Германа, но его все-таки вызвали первым. Шмыгнул носом и, зажмурив глаза, просочился в щелку приоткрытой двери. А никто так и не вернулся.

Герман отлично чувствовал давящее напряжение каждого из оставшихся сокурсников. Особенно выделялась Стефания, казалось, она была соткана из сплошных натянутых нервов. Только тронь, обрежешь пальцы. Кроме нее и Ситри, больше никого не осталось.

– Курсант Герман! Оставьте ваши артефакты в ячейке хранения и пройдите в зал для инициации.

Герман поднялся, оглянулся на девушек и, улыбнувшись, снял кольцо с пальца. Но даже мысленно приготовившись, он все-таки вздрогнул от их сдвоенных переживаний, причем Стефания переживала из-за инициации, а Ситри – из-за подруги. Не дожидаясь повторного приглашения, Герман вошел в дверь.

В первую секунду он ослеп от яркого света, бьющего прямо в лицо, прикрыл глаза ладонью и из-под «козырька» попытался оглядеться.

– Уровень 6,5 из 10 по классической шкале измерения магического потенциала, – прозвучал откуда-то с потолка невыразительный голос. – Присваиваю класс «Дуо», идентификационный номер 91881120709.

Герман растерянно опустил руку, поморгал, отгоняя цветные круги перед глазами. Но тут же кто-то подлетел и схватил за локоть:

– Идемте-идемте, курсант Герман. Нина, ты подготовила документы для подписи?

Девушка в огромных круглых очках положила ладонь на стеклянный куб, который от ее прикосновения засветился и гулко завибрировал.

– Уже. Пожалуйста, поставьте подпись тут, тут, тут и вот тут. – Она сунула Герману стопку листов, появившихся откуда-то из недр стеклянного куба. – В пяти экземплярах.

«Примечание: организация не несет материальной и юридической ответственности в случае гибели обучающегося во время обучения», – выцепил Герман строчку в самом низу, по традиции мелкую и едва заметную. Оптимизма она не внушала.

Потом его подняли и сдали с рук на руки двум девушкам в одинаковых формах медицинского отделения. Они долго брали всевозможные анализы и слепки магической ауры, потом штатный психолог задала несколько вопросов касательно ментального дара, после чего выдала справку, в которой значилось, что его психические возможности достаточны для того, чтобы не представлять угрозы для мирного населения.

– Раз в полгода вам надлежит проходить психическое освидетельствование по месту фактического пребывания, – с улыбкой напутствовала она. Герман забрал странную бумажку и пошел дальше.

Длинный кишкообразный зал походил на полосу препятствий. Еще через десяток шагов его снова поймали и запихнули в небольшую изолированную камеру с тяжелой стальной дверью. Оставшись внутри в одиночестве, запертый и изрядно обескураженный, Герман едва не поддался панике, с ужасом думая, как все эти экзекуции пережил

чувствительный и ранимый Альберт. Где-то здесь он наверняка должен был разразиться бурными рыданиями. А Стефания бы сыпала проклятиями на двух языках, если не больше.

Мысли о друзьях помогли успокоиться.

– Широко откройте глаза и не закрывайте, пока не прозвучит сигнал.

Герман дернулся, когда отовсюду полился слепящий белый свет.

– Благодарю. Можете закрывать.

Герман вытер слезы, но вместо свободы его ждал еще ряд непонятных процедур. Он клал руку на прозрачный шар, ни с того ни с сего появившийся в воздухе перед ним, – это снятие отпечатков. Мерзкий шум в голове – измерение волновой активности головного мозга. Под конец, когда дверь все-таки распахнулась и Герман выполз наружу, казалось, в нем не осталось ни капли сил.

– Курсант Герман, подходите сюда, – услышал он голос Вальтера Гротта и поспешил на зов единственного знакомого тут человека.

– Учитель Гротт!

– Я вижу, как непривычно вы рады моему обществу, – съязвил тот и протянул руку. Позади него высились огромные металлические шкафы с закрытыми ячейками. – И я весьма польщен.

– Это и есть инициация? – задал Герман бестолковый вопрос, но промолчать не смог.

– По-моему, всем объявляли о ней. Или вы были слишком увлечены вашим другом? Или все-таки вашей соседкой? Руку.

Герман выполнил требование, и прохладные пальцы Гротта обвились вокруг запястья.

– Напутственную речь зачитывать не стану, так что, – он резко вытащил из-за спины вторую руку и защелкнул на запястье Германа широкий металлический браслет, – поздравляю, курсант второго потока Герман. Теперь вы инициированный маг. И спрашивать с вас будут соответственно. Как временно исполняющий обязанности декана, я активирую ваш идентификационный браслет. Внимание, будет больно.

Тело вдруг скрутила вспышка горячей пульсирующей боли. Голова наполнилась тяжестью, загудела каждая нервная клетка. И спустя безумно длинный миг все закончилось.

– Подключение завершено, – оповестил все тот же безжизненный и бестелесный голос. – Спасибо за содействие восстановлению магического фона объединенного сообщества миров Ойкумены.

Германа сопроводили в последнюю дверь, но перед этим Гротт сунул ему в руку серебряное колечко. Его блокатор.

– Вне очереди, – неожиданно улыбнулся учитель и вернулся к своим делам.

Герман благодарно кивнул, вышел и мгновенно оказался в крепких объятиях верного Берта. Тот смотрел щенячьими глазами, возбужденный и радостный. Рене сосредоточенно разглядывал свой браслет и хмурился.

– Девочек ждать не будем? – спросил Берт.

– Нет, до завтра мы свободны, так что у них могут быть свои дела.

На самом деле Герману хотелось остаться со Стефанией наедине и еще раз попробовать до нее достучаться. Странно, что в такой важный момент своей жизни он думает о ней. Герман покачал головой и пошел вслед за друзьями обратно в училище.

Рене с ногами сидел на столе, вооружившись отверткой, и сосредоточенно сопел. Под задранным рукавом рубашки гладко поблескивал идентификационный браслет, и именно его рыжий старательно, но, к счастью, безрезультатно колупал отверткой. Именно этот скрежещающий звук так встревожил Германа в коридоре, когда он возвращался в комнату из библиотеки. Было утро следующего после инициации дня.

Берт отирался рядом, с нездоровым оживлением наблюдая за процедурой и периодически порываясь помочь. Девушки расположились в отдалении: Стефания сидела на подоконнике, а Ситри прямо на полу, привалившись к кровати. В руках она держала учебник по межмировой истории, что Герман отметил машинально, чисто из любви к предмету.

Когда сложилась полная картина творящегося безобразия, он все-таки не сдержался и заорал:

– Ты... ты что творишь?!

Рене поднял голову, сдул с носа выпавшую из-под ремешка очков прядку и удивленно спросил:

– А что? Не видно, что ли?

И еще раз со скрежетом провел острием по браслету. Германа передернуло от возмущения:

– Немедленно перестать! Ты сдурел совсем? Это же идентификационный браслет, на него записаны все твои магические параметры и регистрационные данные! Это твой магический... – он замолк, подбирая подходящий и понятный товарищу синоним. Вспомнился только один, подслушанный уже здесь, в училище, – паспорт! Сломаешь его, и все.

Слова у Германа все-таки кончились, хотя в душе все просто кипело от негодования. Он так стремился поступить, для него, сына крестьянки,

безотцовщины из феодального мирка, учеба в Визании была пропуском в настоящую жизнь. Когда на инициации учитель Гротт защелкнул на его запястье браслет и произвел настройку по симбиозу с внутренними энергетическими каналами, Герману показалось, что внутри все перевернулось и пошло вспять. Он не стал видеть магические потоки, не приобрел запредельные магические силы, но почувствовал себя частью Сердца. Отныне его данные были внесены в систему организации магических потоков, он мог называть себя магом с полным на то правом.

А Рене будто не ощущал всего этого.

– Да не сломаю, не бойся, – отмахнулся рыжий. – Не уверен, что его вообще можно сломать, это же не просто механизм или бытовой артефакт. Другой уровень.

– Тогда зачем ты это делаешь?

Вместо Рене влез Альберт. Доверительно улыбаясь, он встал между ними:

– Он сказал, что хочет изучить его устройство. А если получится, создать что-то новое на его основе.

Стефания тихо фыркнула, и Герман мгновенно переключился на девушек.

– Ситри! – воззвал он к ней, как к самой вменяемой. – Почему ты не остановила этого кретина?

Она отвлеклась от учебника и рассеянно посмотрела на него:

– Зачем?

– Ты почему у нее спрашиваешь? – мгновенно взвилась Стефания. Даже щеки запылали. – Твой приятель, ты с ним и нянчись. Набрал себе целый детский сад. В следующем году обязательно подам прошение о переводе на первый поток.

– Да кто тебя возьмет? – в тон ей фыркнул Рене. – Даже через постель не прокатит, потому что никто директора не видел еще.

Стефания покраснела еще сильнее.

– Hálfviti! – выругалась она. – Чтоб тебя Белая Волчица сожра... – Она резко замолчала, получив от подруги болезненный шлепок по ноге. – Идиот.

Берт забегал глазами с одного лица на другое, не зная, что делать.

– Ребят, вы чего? Фанни, не ругайся, особенно на своем языке, Рене же ничего не понял. Герман, где ты был во время завтрака? Почему без меня? И почему ты так смотришь? Герма-а-ан!

Герман вздрогнул, опуская взгляд. К щекам прилила кровь, стоило только осознать мысль, от которой его отвлек Берт. Стефании удивительно

шел румянец, с ее белоснежной кожей и темными косами...

Рене неделикатно кашлянул.

– Ах, да. – Герман нахмурился, возвращаясь к началу. – Никакие эксперименты не оправдывают порчу личного идентификационного браслета. Мы с ними связаны.

Но и Рене больше не улыбался. Опустив рукав, он слез со стола.

– Хорошо. Я все понял. Но не думаешь ли ты, господин Умник, что пора кое-что обсудить?

Все, как по команде, сгрудились вокруг. Герман снова почувствовал нарастающую тревогу. Рене скрестил руки на груди и вызывающе оглядел товарищей. Выждав паузу, он тихо спросил:

– А вам не кажется, друзья, что нас надули?

Герман набрал в грудь побольше воздуха и ответил:

– Нет.

Рене хмурился, но молчал, зато Берт поспешил на выручку, и никогда еще его вмешательство так не радовало.

– Вот и отлично! Учитель Эрно обещал нам все объяснить после инициации. А я так думаю, надо просто лучше кушать и поменьше ссориться. Да?

С этим невозможно было поспорить, точнее, поспорить невозможно было именно с Бертом, когда он так обезоруживающе улыбался и глядел на всех большими сияющими глазами.

– Ладно, – сдался Рене. – Но если нам до конца триместра так ничего и не объяснят, я устрою революцию. Так и знайте.

Серьезно ли Рене говорил насчет революции, но подготавливать ее все равно было особенно некогда. Новое расписание было забито уроками с утра до вечера, относительно свободными оставались часы завтрака, обеда и ужина и еще пару часов после обеда. Зато такой интенсивный график отлично выбивал из головы всякую дурь, как думалось Герману, у которого этой дури внезапно накопилось очень много.

Практические занятия по неорганической магии вела молодая женщина с длинными пшеничными локонами и донельзя милым личиком. Поскольку все ожидали мрачного и пугающего Дамиана Эрно, радости не было предела. Однако небольшой кабинет был занят едва ли наполовину. Одиночные парты стояли в три коротких ряда, но все равно людей было маловато – всего семеро.

Компания Германа была почти в полном составе, только Ситри до занятия не допустили из-за проблем с энергоканалами.

– Что? Это все? – Учитель покачала головой, и накрученные завитки

закачались в такт движению. – Ну что же, не у всех синхронизация с магическим фоном происходит быстро. Давайте знакомиться. Меня зовут Алина Кишман.

Рене ахнул так громко, что его услышали абсолютно все. Однако Алина только улыбнулась в ответ:

– Декан Кишман – мой муж, но это не должно вас смущать. Я буду преподавать вам неорганическую магию, а с межмировой историей и геополитикой это не пересекается.

Стефания, сидящая впереди Германа, подняла руку.

– А почему у нас не ведет учитель Эрно? – прямо спросила она, игнорируя порядок. – Его предмет звучал как базовые основы теории и практики магических потоков.

– Верно, – кивнула учитель. – Поднимитесь. Как вас зовут?

– Курсант Дидрик.

Стефания сидела на первой парте и оказалась лицом к лицу с Кишман. Рост у них был одинаковым.

– Учитель Эрно отказался вести практические занятия, курсант Дидрик. Еще есть организационные вопросы или мы перейдем к уроку?

Герман поднял руку:

– Курсант Герман. Почему нас так мало? Остальных ждать не будем?

Мягкий улыбчивый взгляд Алины устремился к нему.

– Практические занятия по неорганической магии проходят небольшими группами от пяти до десяти человек согласно технике безопасности. Когда мы начнем разучивать приемы боевой магии, мне нужно будет внимательно следить за вами всеми. Понимаете?

– Так точно!

– Тогда начнем с азов. У меня есть данные вашего магического сканирования, и согласно им каждый из вас имеет склонность к той или иной Стихии. Кто назовет мне теорию Стихий? – Она опустила глаза в журнал. – Курсант Кельвин?

– Я! – Берт подскочил с такой готовностью, будто в словах учителя заключалась какая-то ее личная магия. – Есть четыре главные Стихии: Огонь, Вода, Земля, Воздух. Но учитель Эрно говорил о пятой – Дерево.

Ответ Альберта вполне удовлетворил Кишман. Она кивнула:

– Все правильно. Но кроме Дерева, о котором говорил мой коллега, в зависимости от процента личной управляемости Стихией и ее смешения с другими Стихиями могут образоваться новые интересные сочетания. Например, в прошлом году у уже выпускившегося студента Академии неорганической магии было зафиксировано смешение Стихий, которое

привело к тому, что образовалась новая подстихия – Ртуть. Правда, явление прожило недолго, но факт остается фактом.

Что ни говори, а рассказывала Кишман увлекательно и со знанием дела. Привела еще несколько примеров, как из истории, так и относительно свежих.

И незаметно пришло время распределения.

– Курсант Торнтон.

– Я! – Вуди поднялся, сотрясаясь от волнения, как розовощекий пухлый студень.

Алина сверилась с листком:

– Вода.

Вуди плюхнулся обратно, довольный собой и миром.

– Курсант Вайши.

Девушка с копной черных косичек поднялась и села обратно, получив приговор – Земля.

– Курсант Дидрик... – Учитель ткнула пальчиком в нужную строчку. – Вода.

– Как, Вода? – пробормотала Стефания растерянно. – Это точно?

Кишман снова сверилась с листком.

– Совершенно точно. Не расстраивайтесь, Стефания, Вода не самый плохой вариант, и раз уж так вышло, значит, ваши способности заложены таким образом. Садитесь. Курсант Кельвин.

Берт едва не уронил стул, вскакивая.

– Земля. Но советую заниматься дополнительно, потому что ваш уровень по классической шкале измерения магического потенциала слишком велик для этой Стихии. Вероятно, вам еще предстоит трансформировать ее во что-то другое.

Берт сел на место, лучась от радости. Еще бы, ему наговорили комплиментов и приятностей, несмотря на то что ему досталась слабейшая из Стихий.

– Курсант Герман. – Алина улыбнулась ему, и Герман спокойно поднялся. – У вас Воздух. Поздравляю.

Герман пожал плечами и сел на место. Было ясно, что Стефания была разочарована вердиктом, а вот его все устраивало. Его бы и Земля устроила, ведь главное не сама Стихия, а то, как он будет ее использовать. Многим это только предстоит понять.

Все ждали, кому же улыбнется удача.

– Курсант Вильтрауд. Ваша Стихия Огонь.

И дождались.

Рене самодовольно ухмыльнулся, будто такая честь – это нечто само собой разумеющееся. Даже поклонился, как заправский шут. Герман усмехнулся, а Стефания украдкой показала ему кулак.

Остаток занятия потратили на то, чтобы увидеть созданный Кишман магический узор и попытаться его повторить. Что этот узор означал, она не говорила, и Герман, сцепив зубы, раз за разом пытался ухватить «струны» магических потоков и сложить так, как было в образце. От напряжения сводило спину, а руки затекали, даже несмотря на то, что он неосознанно шевелил ими в такт мысленным усилиям.

– Расслабьтесь, курсант Дидрик, – услышал он голос Алины. – В таком напряжении вы не сможете удержать потоки. Учитель Дженааро должен был рассказать вам, как важно сохранять спокойствие.

– Дженааро? – переспросил Герман, забыв спросить разрешения задать вопрос. – Учитель Дженааро вернулся?

– Да, командировка подошла к концу, и он приступил к своим обязанностям. Учитель Гротт сможет вздохнуть свободно.

Учитель Кишман улыбнулась и подмигнула Герману. Тому даже стало неловко.

Вдруг рядом что-то зашипело, в спину ударила волна жара.

Герман резко обернулся и увидел, как от парты Альберта к потолку устремилось облачко огня. Все растерянно уставились на это чудо, и только Герман заметил, что лежащие на парте тетради и учебники тоже занялись веселым пламенем. Он молниеносно схватил со стола учителя вазу, вытащил цветок и окатил водой и парту, и самого Альберта. Все выдохнули с облегчением.

– Спасибо, Герман. – Кишман расцвела милой улыбкой. – Увы, непредвиденные случаи в практике не редкость. Вы молодец, не растерялись, как и полагается солдату.

Герман принял похвалу с легкой вежливой улыбкой и протянул Алине спасенный цветок, попутно отмечая, как меняются эмоции Стефании, окрашиваясь темными тонами. Он считывал ее не специально, просто так получалось.

– А я думал, у красавчика Земля, – выдал с безопасного расстояния Рене. – Как так вышло-то?

Вопрос был резонным, и все повернулись к учителю. Кишман взяла со стола учебник:

– Глава 2, параграф 8. Изучите к завтрашней практике, – и, смилостивившись, коротко пояснила: – Ваша профильная Стихия не ограничивает остальные способности. Просто она будет даваться вам

проще всего, поэтому к старшим курсам заниматься вы будете только ею. Курсант Кельвин лишний раз доказал, что не зря получил рекордно высокий показатель магического потенциала. Понятно?

Значит, вожделенный Огонь еще не для всех закрыт. Герман поймал торжествующий взгляд Стефании и в который раз поразился этой девушке.

Урок 4

Большая тяга к знаниям может привести к не менее большим проблемам

После урока с Алиной Кишман Герман поспешил отделиться от потока сокурсников и отправился бродить по учебному корпусу. Рене кое в чем был прав – Герман тоже не чувствовал в себе никаких принципиальных изменений, браслет просто ощущался на руке, и даже знание своей профильной Стихии пока ничего не принесло. До поступления казалось, что все будет гораздо проще, а не так, как сейчас.

Например, что делать с Альбертом? Скрывать от него правду становилось все сложнее, сам Берт вроде бы и не стремился что-то узнать, но когда-нибудь придется. Для начала нужно узнать, кто стер ему память, спрятал его личное оружие на территории училища и зачислил под вымышленным именем. Для молчания у Германа была веская причина. Берт ни за что не сумеет долго молчать, а где-то поблизости притаился враг, который сразу же заткнет ему рот. Сначала стоит разобраться с этим неведомым противником.

Потом Стефания. Ее история про свидетельницу преступления была шита белыми нитками. Герман просто это чувствовал, хотя звучало довольно складно.

И, наконец, не слишком ли много тайн собралось в одном месте? Нет ли между ними связи?

Герман остановился и, вцепившись в парапет пальцами, налег на него. Это здание имело красивую крытую галерею вдоль третьего этажа, которая выходила во внутренний двор. Внизу виднелась усыпанная песком площадка, похожая на ту, что использовалась для занятий фехтованием, но более обширная. Крышу поддерживал ряд колонн, возле одной из которых остановился Герман. Пальцы правой руки нащупали левое запястье, которое плотно облегал полоска металла, теплого от его тела. Тем временем внизу на площадке кое-что поменялось. Герман передумал уходить, происходящее зацепило любопытство и немного разогнало мрачные мысли. Прислонившись плечом к колонне, он принялся следить за странными приготовлениями.

Два парня в форме курсантов с нашивками первого потока о чем-то беседовали посреди песочной площадки, а незнакомый Герману учитель в

это время расставлял по углам периметра металлические штыри с массивными набалдашниками в виде прозрачных кристаллов. Когда с этим было покончено, учитель покинул огражденную территорию, и курсанты разошлись в противоположные стороны. Кристаллы ярко вспыхнули, так что Герман на миг зажмурился, а когда открыл глаза, площадка была заключена в клетку из соединяющих штыри лучей. Парни одновременно вскинули руки, и стало понятно, что это самая настоящая магическая дуэль.

– Tierra! – закричал один из дуэлянтов, крепкий русоволосый парень с небрежно расстегнутым вопреки правилам воротником. Песок под его ногами взлетел в воздух, и взрывная волна пересекла площадку, устремляясь к противнику. Тот, высокий стройный брюнет, вот-вот должен был исчезнуть под песчаным цунами, но взмах руки, и песок застывает стеной из стекла. Ограничительный барьер заискрился, едва справляясь с такой мощностью, и до галереи донесся ее отголосок. В лицо дохнул нестерпимый жар, щеки запылали.

– Ignis!

Брюнет резко отвел вытянутую руку в сторону, и волна огня скрыла поединщиков с глаз. Герман с интересом следил за происходящим, и в этот момент огненная «шапка» разлетелась сотней алых лепестков, которые осели на землю и с громким шорохом потухли. Учитель быстро снял барьер и подбежал к сидящему на коленях заметно подкопченному курсанту. Тот поднял вверх большой палец. Его оппонент помог ему подняться, и они пожали друг другу руки. После этого «огненный» брюнет покинул площадку.

Увиденное, хоть и произошло довольно быстро, так сильно поразило Германа, что он бросился к лестнице.

– Стой! – Он перепрыгнул через последнюю ступеньку и замер прямо на пути у выигравшего курсанта. – Стой. Ты с первого потока, да?

Парень удивленно приподнял брови. Глаза у него оказались темно-серыми, лицо почти идеальным, как с картинки. Такой образцово-показательный курсант первого потока, красивый, уверенный и, судя по всему, очень сильный.

– Ну да. А ты, – ответил он Герману и бросил внимательный взгляд на нашивку его кителя, – со второго?

В его голосе звучало то фирменное снисхождение, которое первый поток обычно испытывал ко второму.

– Вас учат драться с помощью магии? Как давно?

Парень поджал губы.

– Эмм... Станный вопрос. С инициации, не раньше же. Как потоки

видеть начали. Ах да, у вас же упрощенная программа... Вильям Варма. – Он протянул руку. – Лучший курсант первого потока. А ты, кажется, Герман? Я о тебе слышал.

– Что именно?

– Только хорошее, – улыбнулся он. – Если тебе интересно, то нас инициировали раньше, десять дней назад. Мы уже овладеваем своими Стихиями, а вы, получается, еще нет. Ну это и неудивительно, повторюсь.

Герман старался не обращать внимания на откровенную провокацию.

– Ясно, спасибо, – сказал он и собрался уйти, но Варма его остановил.

– Переводись к нам. Я видел твои показатели, тебе не место среди неудачников. Подумай над моими словами, Герман. Я бы с удовольствием посоперничал с тобой.

Он усмехнулся и подмигнул. Вообще он был странным, хотя Герман о нем тоже немного слышал.

– Пока, – еще раз попрощался Герман и поспешил уйти. Взгляд лучшего курсанта первого потока ему совсем не понравился.

На урок фехтования Берт собрался раньше всех. Утренняя разминка, так им нелюбимая, и полчаса на плацу под аккомпанемент строевой песни сомнительного содержания не умили его боевого азарта, и по дороге из столовой только и было разговоров, что о возобновлении практических занятий с учителем Дженоаро. Проведя всего пару уроков в самом начале года, он пропал, и его подменял Вальтер Гротт. По мнению Германа, тот неплохо справлялся, но о Дженоаро говорили как о настоящем мастере боя, так что возбуждение Берта можно было понять.

Откровенно печалился, пожалуй, только никогда не унывающий Рене.

– Ну зачем надо этими железяками махать? – сокрушался он, в кои-то веки не заметивший, как Берт стягивает с его тарелки овощи. – Позапрошлый век. У нас холодное оружие, считай, и не производят уже. Я отверткой быстрее заколю врага, чем бертовой шпагой.

На упоминание о шпаге Альберт отреагировал радостным бульканьем, едва не расплескав по столу клубничный компот. Рене грустно вздохнул и, перехватив его руку, снял с вилки маленькую помидорку и отправил в рот.

Уроки фехтования по традиции проходили на свежем воздухе, на тренировочной площадке позади корпуса «Д». Приближался сезон дождей, но до этого времени все физические упражнения проходили под открытым небом. Однако на площадке их ждал сюрприз – место оказалось занято первым потоком. Юноши и девушки с красно-белыми нашивками на рукавах отрабатывали странные пассы друг перед другом, будто гоняли воздух из стороны в сторону.

– Герман! – Вильям Варма приветливо замахал рукой. Соседняя пара тут же прекратила тренировку и с интересом повернулась в сторону Германа.

– Привет, – кивнул Герман. Теперь, благодаря вниманию звезды первого потока на них все смотрели. – У нас тут урок сейчас будет.

– Слышишь, Фо, у них тут урок, – засмеялся широкоплечий взъерошенный парень и ткнул друга кулаком в плечо. – Кажется, у нас подрастают конкуренты.

Фо, щуплый парнишка с по-девчачьи длинной пепельной косой, перекинутой на грудь, неприветливо зыркнул желтыми глазищами.

– Уходите, – буркнул он.

Вильям хлопнул в ладоши.

– Зигфрид, Фо, ну что вы такие недружелюбные. Герман когда-нибудь станет нашим товарищем, когда поймет, что его место на первом потоке, среди лучших.

Герман был достаточно близко, чтобы почувствовать эмоции всех троих. Зигфрид лучился неподдельным, но немного снисходительным интересом, его подозрительный дружок прощупывался хуже, и его эмоции мало касались происходящего и были зациклены на чем-то очень личном. А Вильям...

– Мне и на втором хорошо, – ответил Герман уклончиво. Вильям развлекался, и это раздражало. Мало проблем, так еще и кто-то решил поиграться с ним, как с забавной зверушкой.

– Тогда прилежней занимайся. – Вильям протянул руку, но похлопать Германа по плечу не получилось, он вовремя сделал шаг назад, а под грозным взглядом Стефании, как бы между прочим подошедшей ближе, повторить попытку рискнул бы не всякий. – Ваш учитель занял малую тренировочную площадку № 3. Увидимся, Герман.

Взгляды Вильма и Германа скрестились, и тут вперед вылез Берт.

– Приветик, я Альберт, приятно познакомиться!

Герман поспешил взять друга за локоть и оттащить в сторону.

– Идем, а то опоздаем на урок.

Вильям, Зигфрид и Фо тоже вернулись к тренировке, и Герман с сожалением подумал, что хотел бы тоже практиковаться в магии, а не, выражаясь языком Рене, махать железяками. Но даже присутствие на запястье идентификационного браслета мага ничего в его жизни пока не поменяло.

Учитель Дженаро сидел на зеленом газоне и флегматично жевал травинку. При виде своих припозднившихся учеников он грациозно

поднялся и подобрал с земли ножны.

– Приветствую, господа и дамы. – На последнем слове он отвесил изящный поклон. Подобное шутовство в поведении учителя с первой встречи ввергало Германа в уныние. – Я вижу, все в сборе? А где моя дорогая Дзюн? Здесь, хорошо. Ну, что стоим? Рассаживаемся в кружок поудобнее. Травка мягкая и нежная, как волосы юной красотки, а солнце теплое, как влюбленный взгляд.

Парни недоуменно переглянулись, девушки порозовели и заулыбались. Учитель Дженаро – высокий, черноволосый и черноглазый, с широкой белозубой улыбкой и неизменной шпагой на поясе – был тайным кумиром не одной юной студентки военного училища. А уж красавицы из числа будущих медмагов, почти не занимающиеся фехтованием, наблюдали за ним издали с плохо скрываемым восхищением. Пожалуй, тот был хорош во всем, но кричаще-красную шелковую рубашку Герман ему простить не мог.

Берт первым плюхнулся на траву и скрестил ноги. Счастливая улыбка не сходила с его лица, он так и лучился желанием учиться у мастера, а вот сам Дженаро улыбаться перестал. Рядом напряглась Стефания, и Герман не мог этого не заметить.

– Новый курсант? Я не видел прежде вашего лица. – Учитель потер подбородок, и на солнце блеснула массивная печатка со странным рисунком в виде вписанных друг в друга кругов. – Представьтесь же, прошу вас.

– Курсант Альберт Кельвин!

– Альберт, – повторил учитель. – Кельвин. Ну что же, очень рад знакомству, Альберт. Вижу, вы готовы учиться и, поправьте меня, если я ошибаюсь, владеете оружием. Шпага?

– Да! – обрадовался такой догадливости Берт, и Герман украдкой скривился от переизбытка сладости на кончике языка. Все-таки Берт совершенно не владел своими эмоциями. – Эспада с двусторонней заточкой.

А ведь просили же его помалкивать.

– Курсант Герман. – Герман выступил вперед. – Позвольте вопрос. Почему наша тренировочная площадка занята?

Дженаро с видимым трудом отвел взгляд от Альберта и ответил:

– Сегодня у нас особенное занятие, посвященное концентрации. Рассаживайтесь так, как вам удобно. Я расскажу, чем мы будем заниматься.

Когда группа заняла места на траве вокруг учителя, урок начался.

– Весь наш прекрасный мир пронизан невидимыми глазами артериями,

по которым от источника магии растекается его живительная сила. Пройденная инициация дала вам возможность любоваться истинной красотой магии, прикоснуться к творящимся вокруг нас чудесам. Магические потоки готовы подчиняться вам, но чтобы их увидеть, нужно открыть им свое сердце и свою душу. Полюбите то, что делаете. – Джена́ро широко улыбнулся и подмигнул Стефании. – Итак, сядьте поудобнее, расслабьтесь и представьте, что через вас течет океан силы... Вы думаете только о том, как он проходит сквозь вас...

Герман закрыл глаза и прислушался к ощущениям. Голос учителя обволакивал, но перестать думать об отвлеченном Герман все равно не мог.

– Смените позу, если она вас отвлекает. Ничто не должно мешать вам почувствовать мир своим внутренним чутьем. Можете делать, как Герман, и закрыть глаза.

Берт лег на спину и закинул руки за голову. Если кто и удивился, то одобрительный кивок Джена́ро их успокоил.

– Если вы достаточно расслаблены и спокойны, можете открыть глаза. Медленно, будто только проснулись. Думайте о том, что вас окружает магия.

Герман же чувствовал только дикое напряжение Стефании. Он сел рядом, потому что заинтересовался природой столь странных для нее эмоций, но это же и мешало ему сосредоточиться на деле.

– Потянитесь мыслью к вашему идентификационному браслету, – продолжал негромко наставлял учитель. Сам он вольготно расположился на травке, отклонившись на отставленную за спину руку, и жевал травинку. Герман сквозь ресницы наблюдал за тем, как он не сводит глаз с Альберта. Эмоции учителя были спокойными и умиротворенными, все так, как он учил.

– Кто-нибудь что-нибудь видит?

Курсанты заозирались, покосились друг на друга, и вдруг подскочил Берт:

– Я! Кажется, я что-то... Нет, показалось...

Он огорченно вздохнул.

– Не переживай, мой дорогой, – успокоил его учитель Джена́ро, потянувшись и хлопнув по плечу. – Главное, тренировки и хорошее настроение. Возможно, мы с тобой позанимаемся отдельно, вне занятий. Идет?

Альберт довольно закивал.

– Я сразу чувствую талант, – сказал учитель. – Еще изда́лека.

После завершения занятий студсовет сделал новое объявление, на сей

раз приятное. По крайней мере, для подавляющей части студентов. У Германа новость о скором бале в честь завершения декады инициаций не вызвала особых эмоций, не до того было, да и шумные празднества ему не нравились. Много людей – много проблем, такого он придерживался мнения.

Вернувшись в жилой блок, Герман, не медля ни минуты, перехватил Рене и прямо попросил помощи. Если рыжий и удивился, то несильно, зато проявил завидный энтузиазм. Сразу после ужина они с Рене незаметно отделились от компании и, обогнув учебный корпус «Д», вошли в библиотеку.

– Посидим минут пятнадцать, – заявил Рене и подмигнул. – Для отвода глаз.

Герман с сомнением оглядел читальный зал – в такое время мало кто спешил сюда, поэтому, кроме них двоих, лишь за одним из столов сидела долговязая девушка, обложенная учебниками. На парней она даже не взглянула.

– Думаю, это ни к чему.

– Но все шпионы сначала отвлекают от себя внимание, – разочарованно протянул Рене. – Десять минут.

Герман схватил его за локоть и потащил ко входу в информационное хранилище.

На подоконнике напротив двери сидел библиотекарь и задумчиво мастерил фигурки из бумаги. С ним Герман планировал договориться прямо на месте и без слов протянул маленький пакет из блестящего красного картона. Сорамару заинтересованно сунул туда нос.

– Нам нужна помощь.

Библиотекарь покачал в воздухе скрещенными лодыжками. Покосился на подарок.

– Это запрещено?

Герман пожал плечами:

– Нет, но мне бы хотелось сохранить наш визит в тайне.

Сорамару взял сладкий подарок.

– Даже небо подарит дождь тому, кто в нем нуждается. Идемте, най.

Он спрыгнул с подоконника и поманил за собой.

Рене притормозил на пороге и жарко зашептал Герману на ухо:

– Какая фифа! И почему я раньше на нее не смотрел? Вы знакомы? У нее есть парень?

Герман едва не споткнулся. Сорамару оглянулся и бросил на них вопросительный взгляд.

– Ну не томи уже! – Рене пихнул его в спину. То есть он точно не шутил.

– Я понимаю, что ты на него не смотрел, – осторожно начал Герман, понижая голос до еле слышимого шепота. – Но ты что, его еще и не слушал?

Сорамару наклонил голову, и Герман догадывался, что тот слышит каждое их слово. Стало невыносимо стыдно и неловко. Рене же беззастенчиво уставился на хорошенького библиотекаря:

– Ну... ну у него же ноги красивые!

– Это не оправдание! – почти взвыл Герман и прошипел: – Если ты ему не понравишься, он тебя отсюда вышвырнет. Так что попридержи пока свои комментарии при себе.

Рене тяжело вздохнул и, когда Сорамару оставил их наедине, взялся за дело.

Герман уже бывал в хранилище, и всякий раз это место внушало ему трепет. Всегда погруженный в сумрак просторный кабинет тонкими перегородками делился на открытые кабинки. Внутри было по мягкому удобному креслу и плоскому экрану из толстого стекла. После того как инициация дала ему доступ сюда, Герман так ни разу и не воспользовался им. Зато Рене, похоже, был завсегдатаем. И умудрился до сих пор не разглядеть библиотекаря.

– Бабник... – усмехнулся Герман и подошел к товарищу.

Рене выбрал дальнюю кабинку и удобно развалился в кресле. Под его прикосновениями стекло экрана ожило, подсвечиваясь тусклым голубоватым светом. Замигали по краям красные точки. Герман встал позади кресла и положил руки на спинку. Происходящее завораживало и возбуждало любопытство, но он не был уверен, что справился бы один, хотя в ближайшее время стоило заняться этой стороной своего образования.

– Ну, что там? – Герман проявил несвойственное ему нетерпение. Рене уверенно перебирал пальцами едва ли не в воздухе, и из-под них выбивалось необычное сияние, вырисовывая в пустом пространстве геометрические фигуры. Еще минут пять он напряженно сопел, периодически выдавая не слишком приличные комментарии, потом откинулся на спинку и выдохнул. В последний раз протер ладони над экраном, пошевелил пальцами, будто подхватывал что-то. От стекла отделились две воздушные копии и повисли по правую и по левую стороны от кресла.

– Есть! – воскликнул Рене и нагнулся к стоящему в стороне

моноблоку. – Ну и защитка тут у них, я тебе скажу.

– И как... этим пользоваться? – шепотом поинтересовался Герман, стараясь скрыть резко нахлынувшее на него стеснение. В их мире не было ничего подобного, но однажды Герман уже сумел справиться со справочным терминалом в городе, а это воодушевляло.

– У-у-у, темнота, – укорил его Рене, открыл клавиатуру. – Буквы-то хоть знаешь?

Герман сдержался, чтобы не отвесить бесстыдно ржущему приятелю подзатыльник. Но пакостнику хватило и одного взгляда, чтобы спрятать глумливую ухмылку.

– Короче, набираешь запрос, жмешь «ввод» и просматриваешь, что тебе предложит система. Ферштейн?

– Ферштейн, – на автомате ответил Герман. – Что бы это ни значило.

Рене не проявил особого любопытства и скользнул к выходу из зала, обещая тут же предупредить, если кто-то появится. Герман хорошо знал, что у его технически продвинутого друга хватит таланта и умения, чтобы потом преспокойно ознакомиться с запросами. Не мог сказать только, откуда у него такая уверенность. Библиотекарю он сказал, что они ничего запрещенного делать не будут, но общедоступные данные Герману не помогли. Шанс же, что их застанут на месте преступления, был ничтожно мал – Сорамару преспокойно попивал чай с шоколадкой и был готов заверить любого, что никакого взлома не заметил ни он, ни система безопасности.

Герман вбил в поисковую строку «Стефания. Виндштейн» и принялся листать предложенные материалы. Спустя несколько минут понял – база данных располагала совершенно ничтожными данными.

Виндштейн – один из миров Северного сектора Ойкумены. Является одним из крупнейших поставщиков холодного оружия, руд редких металлов, а также стоит у истоков образования Ойкумены. Правители Виндштейна входят в совет по охране Источника магии и участвовали в подавлении самого масштабного восстания в истории Ойкумены, когда небольшая группа миров решила, что магия распределяется совсем не так справедливо, как было обещано. Кстати, Ландри тогда тоже досталось – тогдашний правитель помогал умирять соседние миры, поддавшиеся истерии, и вроде бы даже был за это награжден особыми полномочиями.

Все это Герман в принципе знал, его больше интересовали члены правящей семьи, а конкретно якобы убитая своим мужем наследная принцесса Эмилия Керстин. Герман уже довольно ловко листал страницы с данными. Вот наконец и портрет принцессы.

– Стефания?!

А ведь если подумать, ее лицо сразу показалось ему знакомым. Герман откинулся на спинку стула и помассировал виски.

Стефания – принцесса Эмилия? Но принцесса мертва, об этом везде сообщали.

Герману казалось, что он упускает из виду что-то очень важное. И очень простое, настолько простое, что ему это даже в голову не приходит.

Он продолжил листать изображения. Принцесса Эмилия была точной копией Стефании, точнее, скорее всего, Стефания была ее копией или вообще ею и была. Тут Герман снова начал путаться и решил пока не спешить. Вот Эмилия с родителями, королем и королевой. Вообще Виндштейном по традиции правит именно королева, ей все подчиняются, так что принцесса Эмилия должна была после свадьбы стать королевой Виндштейна, а ее муж – соправителем.

Кстати, о нем.

Леннард Огюстос, единый и верховный правитель Грейнциварта, теперь еще и Виндштейна. Герман щелкнул по его имени и попал на страницу с информацией, касающейся его биографии. И ее оказалось поразительно мало. Откуда происходит – неизвестно, ясно только, что при дворе Грейнциварта он быстро занял не последнее место и буквально за несколько лет стал одним из приближенных к правителю людей. Тогдашний король Грейнциварта был уже стар и прислушивался к молодым советникам. После его смерти преемником стал Леннард Огюстос, уже тогда обрученный с принцессой Эмилией Виндштейнской.

Странно только, что наследницу такого важного и сильного мира отдали за человека, который до появления в Грейнциварте будто и не существовал вовсе.

Эмилия Керстин скончалась через несколько недель после замужества. По официальной версии, девушка умерла от редкой болезни, которую подхватила, совершая дипломатическую поездку в миры-союзники. А после стало известно, что королевская чета вместе со второй дочерью погибли при несчастном случае.

– И куда, интересно, смотрит Служба безопасности? – выругался Герман и потер виски.

Эту историю он смутно помнил, и руки на автомате ткнули в видеоматериалы. Еще тогда церемония, которую показали исключительно урывками, показалась ему несколько унылой, и он с большим интересом слушал голос диктора. Перечисление приданого невесты, перекочевавшего в руки счастливого жениха, было куда интересней ритуала бракосочетания.

Но в этот раз его внимание было приковано к невесте, ведь сквозь камеру безразличным взглядом на него смотрела Стефания. Ее взгляд, непримиримый и все равно будто где-то в глубине растерянный и несчастный. Ее размашистая, неженственная походка, ее упрямо вздернутый подбородок. Не могут люди быть настолько похожи друг на друга, только если...

– Проклятие! – ругнулся он, и тут же на его голос отозвался Рене:

– Чего там у тебя?

– Э-э... Ничего. Все тихо? – Герман мгновенно свернул вкладку и повернулся, но рыжий не собирался подходить. Для верности Герман выждал еще несколько секунд и снова углубился в чтение. Пролистал свадебные фотографии, про себя отмечая, что невесте невероятно идет красный цвет. Но если с Эмилией все ясно, то стоит понять, что это за сестра такая, о которой за всю длинную информационную сводку было упомянуто лишь раз, и то вскользь.

– Время – когда друг, а когда враг. – Сорамару появился беззвучно, за его спиной маячил взволнованный Рене. – И только тот, кто сумеет познать врага, сумеет его победить.

– Я смогу вернуться? Я не все успел...

– Познай врага, и откроется истина тебе, – доверительно посоветовал библиотекарь и, понизив голос, добавил: – Вкусная шоколадка была.

– Он всегда такой дурной? – не вытерпел Рене, когда они вдвоем вышли из библиотеки. Но Герману было не шуток.

– Прости. Мне нужно подумать.

– Будто ты только этим и не занимаешься, – немного обиженно буркнул Рене. – Ладно, тогда я пойду, похавать достану.

Рене, насвистывая, пошел в сторону столовой. Германа его безразличие, конечно, не обмануло, но ему действительно надо было все обдумать. Кто эта девушка, с которой они живут в одной комнате? Эмилия или, быть может, ее сестра? И кто из них погиб на самом деле?

Урок 5

В жизни – как в математике: главное, прийти к правильному решению

После того что удалось узнать, Герман не мог ни о чем думать весь день. Присматривался к Стефании, пытался понять, о чем она думает, но мысли читать не умел, а ее эмоции всегда были такими бурными, что от них быстро начинала болеть голова.

– Со мной что-то не так? – наконец спросила она, когда они собирались покинуть кабинет после занятия. Герман замер, не донеся тетрадь до сумки.

– Нет. С чего ты взяла?

– Тогда не надо просверливать во мне дыру взглядом, – прямолинейно заявила она. – Если хочешь о чем-то спросить, спрашивай.

Герман вообще-то не хотел, но оно само вырвалось:

– Пойдешь с нами на ужин?

Так сложилось, что он, Берт и Рене всегда ходили в столовую втроем, а девушки сидели отдельно. Но ведь они жили все вместе, почему бы не преодолеть эту глупую дистанцию.

Стефания долго обдумывала его слова, пожалуй что, даже слишком долго.

– Хорошо. Мы не против.

Ситри кивнула, и они все вместе пошли в столовую. Берт притащил дополнительный стул, все расселись с комфортом, повар тоже расстарался, как по заказу, и, к радости Рене, капуста сегодня не было.

– Ура! – закричал он, напугав пару соседних столиков. – Я уже боялся, у меня тоже грудь расти начнет, буду как Ситри ходить, двери буферами выносить. Эй, а бить-то за что?!

Стефания улыбнулась, и Герман снова поймал себя на том, что смотрит на нее, и она это тоже заметила.

– Передай соль, пожалуйста, – попросила она, Герман протянул ей солонку, и их пальцы нечаянно соприкоснулись.

Рене не преминул прокомментировать рассыпавшуюся по столу соль:

– Поругаетесь, точняк.

– Не дожدهшься, – в один голос возразили Герман и Стефания, и оба смущенно замолчали. Происходило что-то странное, чему Герман названия

пока найти не мог.

– Ладно, мне надо в медкрыло, – сказала Стефания и поднялась. – Пойдем, Ситри.

– Зачем? – спросил Герман. – Что-то случилось?

Девушка неопределенно повела плечом.

– Ничего, просто Гош наблюдает Ситри, у нее какой-то там феномен энергетических каналов. Увидимся.

– Тили-тили-тесто, жених и невеста, – ни с того ни с сего пропел Рене противным голосом, за что получил подзатыльник. – А что, я неправду говорю? Вы себя со стороны не видели. Прямо голубки, аж противно.

– Еще слово... – пригрозил Герман, не зная, куда деться от неловкости. – Ты понял, да?

– Списывать не дашь, – с готовностью озвучил Вильтрауд. – Жестокий ты, Гера, но милый. Ну я тоже пошел, собеседование у меня. Хочу в инженерно-техническом подрабатывать, все равно стипендия нищенская. Бывайте, господа.

Он ушел, и Герман решил, что пора предпринять кое-что, что он откладывал на последний момент.

– Я хочу тебя кое-кому показать, – сказал он Берту. – Идем со мной.

Берт насторожился:

– Это касается моей памяти?

Герман серьезно кивнул:

– Да, мы пойдем к учителю Гротту.

Парк тонул в густых фиолетовых сумерках, первая луна – бледно-голубая, как весенняя лужица, – уже вошла на небосклон, и оставалось несколько часов до восхода желтой луны, после чего тропинки потеряются в темноте, а деревья и здания превратятся в картонные черные силуэты. Приближение сезона дождей уже чувствовалось в более смелых и прохладных порывах ветра, от которого изредка вдоль позвоночника пробежал озноб. Два дневных светила грели уже не так сильно, только слепили глаза. Герман свернул с тропинки, ведущей в казарму, на дорожку, ведущую в общежитие для преподавательского состава. На входе была специальная панель, считывающая личность. Подобные артефакты, как правило, строились на считывании верхнего ментального слоя, по крайней мере так утверждал взятый в библиотеке учебник по программе второго курса. Впрочем, в их случае нужно было всего лишь позвонить в звонок.

– Добрый вечер, учитель, – поприветствовал Герман, услышав из динамика недовольный голос Гротта. – Можно с вами поговорить?

– Во время занятий не мог подойти? Я только домой зашел.

Однако почти сразу послышался скрежет, и дверь открылась. Альберт замер на пороге, но Герман взял его за руку и повел за собой. Менталисты не доверяют друг другу, не собираются в группы и не оказывают друг другу безвозмездной помощи. Но, может быть, Вальтер поможет ему как учитель, а не как другой менталист?

Герману хотелось верить, что учитель ни при чем, ведь больше ему обратиться было не к кому.

– Что у вас стряслось, молодые люди? – спросил Гротт, едва они вошли в прихожую.

Апартаменты учителей выглядели довольно неплохо, Герман и Берт попали в небольшую прихожую с вешалкой и полкой для обуви, дальше виднелась еще одна комната и, очевидно, где-то в глубине была спальня.

– Нам нужна ваша помощь, – сказал Герман. – В оружейной хранится шпага, которая принадлежит Бέρту, на ней должен быть магический узор.

– И в чем загвоздка?

– Альберт потерял память, – признался Герман. – До того как попал в училище, и я уверен, что это сделали с ним намерено и зачем-то отправили сюда учиться.

Гротт немного помолчал, разглядывая их обоих сквозь прямоугольные стеклышки очков.

– Хорошо. Ты сядь и не мешай. Кельвин, а ты иди ко мне, встань тут и не дергайся. Будет больно.

Он сжал его голову ладонями и прикрыл глаза. Герман пытался почувствовать его, понять, что он делает, но не получалось. Берт растерянно хлопал глазами, но пока не выказывал особого беспокойства.

– Так, понятно, почему ты интересовался третьим уровнем ментального воздействия, – сказал Гротт. – Работал мощный маг, но действовал грубо. Я загляну поглубже.

Альберт моргнул, глаза его расширились, зрачок заполнил собой все, и Берт громко заорал.

– Берт!.. – Герман вскочил.

– Тихо! – Вальтер Гротт вскинул ладонь, призывая к молчанию. В домашнем халате он должен был производить менее грозное впечатление, но Герман застыл, повинаясь приказу. По комнате плыл колючий морозный запах, казалось, высунь язык – и будто сосульку лизнешь.

– Что с ним? – только и смог вымолвить он. Берт перестал кричать, но взгляд его оставался совершенно безумным. – Что вы делаете?

От страха из головы вылетели все заранее подготовленные вопросы. Герман сделал шаг и снова нарвался на предостережение:

– Не трогай его пока. Я еще не закончил.

Гротт не тронулся с места, и они оба стояли в противоположных концах комнаты, а между ними стоял Берт и тонко жалобно хныкал. Вальтер позволил ему плавно опуститься на белый пушистый ковер и только тогда убрал руки. Взял за подбородок, заглянул в лицо. Смотрел долго, целую минуту, после чего Альберт захлопал мокрыми ресницами и попытался встать. Гротт помог ему и усадил на мягкий диванчик.

– А теперь можешь выплескивать свое раздражение, – хмуро бросил учитель и повернулся к Герману. – Хотя я его и так чувствую.

На ум пришла пара фразочек из репертуара Рене, но Герман был иначе воспитан. Прежде чем вступать в дискуссию, он убедился, что Берт действительно в порядке. Эманации боли от него больше не исходили, но поток эмоций был какой-то вялый и смутный, он плохо читался.

– Альберт? Альберт, ты как?

Юноша вздрогнул, точно только что проснулся, и сцапал Германа за руку мертвой хваткой:

– Дядя накажет меня, если узнает о нашей дружбе. Не приходи завтра, хорошо? Встретимся через три дня у нашего дерева. – Он замолчал, взгляд прояснился, и Германа обожгло настоящим взрывом облегчения. – Герман! Как хорошо, что ты здесь. Я немножко устал...

Он прислонился к Герману и положил голову ему на плечо.

Герман немного успокоился и приготовился к общению с Вальтером, тот никуда не спешил уходить и спокойно ждал, опершись на край столика. В глубине полутемной комнаты мерно тикали часы, на оклеенных красивыми полосатыми обоями стенах висели небольшие строгие рамки с пейзажами. Герман переместил взгляд на стол и заметил посреди идеального порядка неаккуратную стопку нотных листов.

– Я ничем ему не навредил, – опережая первый вопрос, произнес Гротт. – Но не пытайся прощупать меня, до этого ты еще не дорос. И между прочим, это была твоя просьба.

– Как мне узнать, что вы ему не навредили?

– Правильный вопрос, – усмехнулся Гротт. – Никак. Но я ему не вредил, там и без меня отлично справились. Уж не ты ли, Герман, ученик Арефия?

Герман едва не зарычал от бессилия – любые логические цепочки рушатся, если под них невозможно подвести точные факты. А Гротт мог играть ими как угодно, и Герман в любом случае оставался в дураках.

– Вы знаете учителя Арефия?

– Старик еще жив? – хмыкнул Гротт. – Когда я у него обучался, он уже

был похож на высохший пенёк.

– Вы учились у него? – удивился Герман. – А...

– Давай отпустим твоего друга, ему лучше поскорее заснуть, иначе потом голова будет раскалываться весь день.

Берт с готовностью согласился уйти, точнее, он почти выбежал вон, отказавшись от провожатого. Гротт велел Герману сесть за стол. Перед учителем Герман всегда чувствовал себя, как говорят, совершенно голым, будто каждая его мысль горящими буквами отпечатывалась на лбу. Он попробовал отвлечься и расслабиться, но это оказалось куда сложнее, чем он полагал.

– И как там поживает этот склочный старикашка? Еще не собрался в лучший мир?

– Наставник полон сил и не собирается умирать, – процедил Герман, не понимая, к чему этот нарочито грубоватый вопрос. Какой бы гранью ментального дара ни владел Гротт, его сила была настолько подавляющей, что даже за сохранность своих мыслей Герман поручиться не мог. Он увеличил мощность своего блокатора, надеясь, что успел скрыть хотя бы самое личное. Гротт самоуверенно усмехнулся, и Герман устремил к нему свои сенсоры, но тщетно. Уловить удалось лишь терпкий аромат превосходства, а пытаться активнее он пока не рисковал.

– Тогда почему ты думаешь обо мне как о враге?

Герман не сразу нашелся с ответом. Вальтер ждал, не сводя с него глаз, мягко мерцающих за стеклами очков.

– Потому что у меня нет основания вам доверять, – Герман ответил обдуманно и взвешенно, но все равно осталось ощущение, довольно неприятное, будто его вынудили признаться. – Вы что-то скрываете.

– А ты нет? – Гротт оставался все так же спокоен, но спокойствие это могло бы обмануть кого угодно, но только не Германа. – Ты ведь понимаешь, что теперь я с полной уверенностью могу заявить, что знаю, кто такой этот несуществующий Альберт Кельвин. Мне стоит озвучить это вслух?

У Германа похолодело в желудке. Дрогнувшей рукой он поставил бокал и заставил себя посмотреть учителю в глаза:

– Если об этом станет известно, жизнь Берта подвергнется угрозе.

– Я знаю.

– Я пришел с добрыми намерениями.

– И это я тоже знаю, – усмехнулся Гротт. – Только до комнаты их не донес.

Герман резко поднялся:

– Перестаньте! Не знаю как, но вы лезете в мою голову без разрешения. Вторгаетесь в личное пространство, угрожаете моему другу, оскорбляете моего наставника...

– Он и мой наставник тоже, – холодно перебил Гротт, вслед за ним поднимаясь на ноги. – Был им. Благодарю судьбу, что вовремя от него ушел.

– Не говорите никому про Альберта. Я... я прошу вас.

Лицо Гротта на мгновение некрасиво скривилось. Он быстро отвернулся, пряча выражение глаз:

– Преданность, преданность... Как все это глупо. Герман, ты идиот.

Герман ждал ответа. Прочее сейчас отошло на второй план. Он не верил Гротту, пугала его подавляющая сила, а умение угадывать мысли вызывало в душе протест и отторжение. Герман не стал прятать этих чувств, все равно скрыть что-то не получилось бы.

Гротт овладел собой достаточно, чтобы закончить неприятный обоим разговор:

– Не скажу. Пока. Подведем же итог. – Он сцепил руки за спиной, как на уроке. – Ты пришел ко мне, потому что больше тебе тут пойти не к кому, однако, полагаю, подозреваешь или по крайней мере подозревал меня в воздействии на Альберта. Я прав? Что ж, все это и так лежало на поверхности.

– Вы ведь можете создать новую личность в человеке?

– Теоретически могу, – не стал он отрицать. – Но точно так же можно предположить, что и ты на это способен. Дело не в силе, а в умении. И да, у меня его нет. Но ты ведь все равно будешь копать, пока не докопаешься до правды самостоятельно.

– Я ничего не говорил Берту, – наконец перешел к самому главному Герман. – С одной стороны, я опасаясь, что он тут же начнет болтать о себе направо и налево, такой уж у него характер. В этом случае если за ним еще следят, то непременно попытаются убить.

Гротт кивнул:

– Ты прав, такое вполне возможно.

– Но и молчать становится невыносимо. Когда он все узнает, то может возненавидеть меня.

– И тебя это беспокоит?

– А вас бы такое не беспокоило?

Гротт только усмехнулся в ответ.

– Я читаю мысли, Герман. Мне плевать на секреты и тайны, я их все могу узнать, если только захочу. Даже если ты захочешь их от меня скрыть.

Он будто бы хвалился, но на самом деле ему было обидно и грустно. Герман даже и сам не понял, как почувствовал это. Но лично ему бы не хотелось точно знать, что думают люди, особенно о нем. Это лишает привязанностей.

– И что же вы узнали? – спросил он, меняя тему.

– Немного. Боюсь, кто бы ни поработал над Альбертом, он либо ужасающе непрофессионален, либо стремился к куда более печальному результату. Но дуракам, как известно, везет.

Герман задумался. К похожим выводам он и сам приходил поначалу. Опыта и мастерства Гротта у него не было, но и по верхнему ментальному слою заметно разрушительное воздействие. Но глубже лезть не решился, а Вальтера было некому остановить.

– А если бы стало только хуже? Это вы предусмотрели?

– Какая трогательная дружба, – саркастично выдал Вальтер. Губы его сложились в горькую усмешку. – Думаешь, он ее оценит?

За окном сгустилась темнота, желтая луна еще не вошла, и зыбкий голубоватый свет лишь делал ночь темнее. Вино в стакане Гротта казалось чернилами, и он пил их маленькими глотками.

– Это не имеет значения, – ответил Герман. – Никогда не имело.

– Когда вернется настоящий Альберт, тебе будет больно, потому что ты привык к этому.

– Просто скажите, если вернуть ему память насильно, вывалить на него все разом, что будет?

– Скорее всего, твой друг, скажем так, перегреется. Повторюсь, в его разум поставили блок на личность. Проще говоря, того Альберта, которого ты знал, больше не должно было существовать. Но что-то пошло не так, и теперь у него две полноценные личности. Если ты попробуешь вмешаться, они уничтожат друг друга. Либо он вспомнит сам, либо тот менталист, который ставил блок, снимет его.

– Тогда мне нужно его найти. Вы мне поможете?

– Дам пару советов, пожалуй. А теперь о шпаге. Когда вы поняли, что на ней есть магический узор?

Герман поколебался немного, но все же рассказал о Рене и его гогглах.

– Мне бы не хотелось, чтобы об этом еще кто-то знал. Рене боится, что их тоже заставят сдать.

– Ясно. Об артефакте вашего товарища мне прекрасно известно еще со дня зачисления. И о том, что с его помощью вы вычислили расположение второго управляющего свитка в неисправном големе, тоже. Кстати, поздравляю, Герман, крайне удачное использование имеющихся ресурсов.

Герман припомнил, что знал о магии, заложенной в шпаге Берта.

– По клинку идет вязь магической именной печати, она должна исчезнуть после смерти владельца, но, похоже, манипуляции с его личностью тоже на время приглушили печать.

Гротт согласно кивнул.

– Я выясню, как она попала в оружейную, оставь это на меня.

Он говорил спокойно, будто читал лекцию, даже заложил руки за спину и прошелся по комнате. От этой холодной отстраненности Германа пробирала нервная дрожь, хотя, скорее всего, просто наступил откат от слишком сильного всплеска эмоций.

– Значит, мне нужно найти того самого менталиста и заставить его снять блок? Откуда мне начать?

– Начни с того, кому выгодно, чтобы Альберт исчез, – посоветовал Гротт. – Проведай наставника. Арефий учил многих из нас, может, он что-нибудь знает.

В окнах их блока уже не горел свет. Герман поднимался по лестнице, когда почувствовал Альберта. Тот стоял у подоконника на третьем этаже и, кажется, ждал Германа.

– Ты долго! – укорил он сразу же. – Все в порядке?

– Это я должен спросить, – перебил Герман, – с тобой все в порядке?

– Да. – Берт понуро опустил голову, мгновенно сменив возбужденную радость на уныние. – Я давно хотел сказать, но как-то не решался... Иногда мне будто кажется что-то знакомым, но я не могу поймать это. А ты ведь что-то знаешь и не говоришь. – Он бросил на Германа затравленный взгляд из-под растрепавшихся золотистых завитков. – И я подумал... Все потому, что я был дурным человеком?

– Что за... – Герман даже на секунду растерялся, – бред?

– Тогда скажи мне, каким я был?! Просто скажи, ты же знал меня, да? Скажи, ты... ты меня любил? Меня хоть кто-нибудь любил? – воскликнул Альберт, и Герман почувствовал себя последним мерзавцем. Он единственный человек, на которого Берт мог положиться, не стоило об этом забывать.

– Ты не плохой человек, Альберт. Я знаю тебя много лет, мы дружим с детства, и мне ни разу не пришлось усомниться в твоей доброте и искренности, так что прекрати на себя наговаривать.

Странно, легче должно было стать Берту, а полегчало ему самому. Будто свалил с плеч часть груза.

– Но большего сказать не могу, пока не буду уверен в твоей безопасности. Поверь, это исключительно для твоего же блага.

Берт тихо всхлипнул:

– Как меня хотя бы на самом деле зовут?

– Альберт. Это твое настоящее имя.

Юноша еще раз шмыгнул носом, но буря уже миновала:

– Ну... Хотя бы это радует. Я к нему уже привык.

Договорившись на этом, друзья вернулись в комнату. Его остановил негромкий вопрос:

– Где вы двое были?

Берт испуганно пискнул, но скрыться в коридоре не успел – Ситри безжалостно включила свет. Стефания стояла, скрестив руки на груди, и сверлила Германа пронзительным взглядом. Под ним он ощутил себя виноватым и тут же поспешил отогнать глупое чувство прочь. Герман привычно впитал окружающий эмоциональный фон, и глаза его изумленно расширились. Быть не может...

Стефания за них беспокоилась!

Урок 6

Чем реже возвращаешься домой, тем больше его любишь

Праздник первого урожая уже прошел.

В пряном горячем воздухе плыли ароматы скошенной травы, дыма и нагретой солнцем свежевскопанной земли. Чуткое ухо вылавливало из подзабытого шума природы – стрекотания кузнечиков, жужжания пчел, шелеста травы и деревьев – отдаленные голоса из деревни. Кто-то пел, собирая с поля остатки урожая, наверняка на мостках узкой речушки женщины полоскали белье и сплетничали, что молодые, что старые. Темы всегда одни и те же, да и откуда тут взяться новым?

Герман постоял немного на утоптанной тропинке, ведущей к селению, усмехнулся так внезапно накатившей ностальгии и пошел дальше.

Каждый шаг отдавался в памяти. Вот здесь его хотели поколотить местные задиры, само собой, у них не вышло. Слишком боялись. Если у развилки повернуть налево, можно выйти к двум сросшимся деревьям, в которые когда-то давно ударила молния. Альберт любил приходить туда и сидеть на нижней ветке, а Герман всегда устраивался на траве, привалившись к стволу. Берт и надпись на коре выцарапал, их имена, кажется. Они тогда еще совсем детьми были.

Деревня лежала в долине между холмами, и Герман, дойдя до верхушки одного из них, мог полюбоваться на свой дом, стоящий чуть особняком, почти на границе летней королевской резиденции.

Герман перекинул сумку на другое плечо и ускорил шаг.

С момента его отбытия в Визанию прошло чуть более трех месяцев, а ему показалось, будто он не был в родной деревне не меньше года. Матушка любила красоту, поэтому каждую весну Герман красил штакетник вокруг дома белой краской, разбивал аккуратные клумбы и ремонтировал скамейки в саду. Фасад их небольшого домика радовал глаз яркими цветами, за чистыми стеклами виднелись милые кружевные занавески, мелькали тени, и Герман очень четко почувствовал в доме постороннего.

Он вошел без стука, отряхнул обувь в сенях и оказался в просторной кухне с печью и столом у окна. Стены были обклеены бумагой в мелкий цветочек, купленной Германом на базаре за большие деньги, полученные, к слову, от продажи очередной бертовской безделушки.

Мать, такая родная, в потертом цветастом платье и накрахмаленном белом переднике растерянно оглядела сына. А вот смутно знакомая девица с толстой длинно-русой косой через плечо опустила взгляд и комкала юбку. Герман крутанул кольцо, проверяя девушку, но та и правда была смущена, причем так, что Герман сам едва не покраснел. После того что произошло с Бертом, он не доверял ничему и никому.

– Герман, сынок! – Мать, совсем не сдерживая эмоций, бросилась обнимать сына. Раньше тот редко отсутствовал больше недели, и то когда тренировки с учителем затягивались. Принюхался – пахло пирогами и свежевывымытыми деревянными полами. – Случилось чего?

– Нет. Увольнительную взял, – коротко пояснил он и кивнул девушке: – Привет, Маришка.

Та взволнованно вспыхнула, то ли от гордости, то ли от радости.

– Вот, как узнала, что ты на учебу уехал, стала мне по хозяйству помогать, поддерживать, – пояснила матушка. – Очень хорошая девочка.

Герман нахмурился. Раньше их домик на отшибе обходили десятой дорогой. О том, чтобы им помогать, речи вообще никогда не шло.

Девица от похвалы попробовала покраснеть еще сильнее, хотя уже просто некуда. Герману невольно вспомнилась Стефания, правда, сходства в них ни на грош, разве что волосы – добротная темная коса, что пальцами не обхватишь, а руки так и тянутся потрогать.

– Да ты проходи скорей, сейчас воду вскипячу.

Герман не перебивал, слушая рассказы матери, и старался сильно не удивляться случившимся в деревне переменам. Маришка больше отмалчивалась, лишь заботливо подливала чай да выбирала пироги посытнее, а вскоре вообще убежала, мол, время позднее, пора и честь знать.

– Не слышно ничего про Альберта? – как бы невзначай поинтересовался он, складывая грязную посуду в рукомойник. Проверил, есть ли вода, и взялся за пустые ведра.

– Нет, а я и знать ничего не хочу, – недовольно отмахнулась мать, смахивая крошки со стола в передник. – Нет его, и на том спасибо.

– Я серьезно. Может, новости какие докатились? – осторожно уточнил Герман. Матушка недолюбливала Берта, и винить ее за это Герман не мог, так же как и не любить единственного друга.

– Слухи только, – засомневалась она. – Поговаривают, что приболел он, из дома не выходит, а может, опять с кем сбежать надумал. Долго, что ли, коль в голове ветер свищет? Да ты забудь, сынок, не ровня ты ему.

Герман кивнул и вышел за водой. Мать говорила совсем не то, что хотела, а то, что должна была. А еще в ее словах проскальзывала ревность.

– Ну ты если что еще вспомнишь, скажи, – пошел он на попятную. – Мне любые новости интересны, ты же знаешь.

– Знаю, как же мне не знать. Сын все-таки родной, – улыбнулась матушка, но тут же недобро нахмурилась. – Если новостями так интересуешься, то вот что я скажу. Непокойно в столице, король наш дела запустил, а брат его, напротив, уж больно себя проявлять начал. Как бы мятеж не приключился.

Она поджала губы и покачала головой.

– Не думаю, что до этого дойдет, – сказал Герман. – Больше ничего не знаешь?

– Знаю, например, что не меня ты хотел проведать, иначе бы так на дверь не поглядывал.

Уж кого-кого, а ее Герман никогда не мог обмануть, да и не пытался особенно. Не вдаваясь в подробности, рассказал, что должен увидаться с бывшим наставником, а дело касается его новых друзей из училища. Матушка не стала выпытывать подробностей, но явно чувствовала, что ей поведали далеко не все. Что поделать, Герман не хотел понапрасну ее волновать.

Сделав уже немного забытые дела по дому, он засобиравшись к учителю. Тот жил за холмом на берегу речушки, плотно граничащей с лесом. Там же на опушке стояла его небольшая хижина, собранная из цельных бревен. От нее по склону вниз, к реке, шла дощатая дорожка, заканчивающаяся мостками. Герман лично помогал достраивать дорожку, а начинали ее, стало быть, еще прежние ученики. Может, даже Вальтер Гротт.

Подъем дался так же легко, как и в детстве, словно и не покидал эти места. Сверху было видно, как солнце садится за деревья, подсвечивая рыжим темные макушки. Деревня лежала как на ладони, в центре уже развели костер, молодежь потихоньку подтягивалась к огню, парами и тройками. На площади в центре деревни собирались люди, сначала молодежь, потом и старики присоединятся, отдохнуть после дневных трудов. Потянуло холодным вечерним ветром. Герман отвернулся и пошел дальше по едва видимой в густой траве тропинке. С этой стороны холма спуск был более пологим, подбирающимся к реке. Дом Арефия – единственная постройка в округе, аккурат перед мрачной стеной леса. Река тут была более узкой и мелкой, чем на других участках, и протекала совсем близко к лесной границе.

Старика в доме не было, Герман почувствовал это сразу, как только подошел к хижине, совсем не изменившейся за последний год. Все тот же чуть покосившийся частокол, те же заросли медуницы и чистотела и

выложенная дощатая дорожка, ведущая к реке. Герман свернул на нее, полной грудью вдыхая приближающиеся запахи полыни и речной тины. Солнце уже успело скрыться за рваной полоской леса, но рассеянный теплый свет отражал в зеленой воде перышки облаков.

Арефий обнаружился у самой реки, сидел на мостушке, свесив ноги в воду. Герман замер неподалеку, потянулся к нему мысленно, но тут же был обнаружен. Впрочем, на что он рассчитывал? Губы сами собой растянулись в улыбке.

Как бы ни выросли способности Германа, старик был ему все равно не по зубам. Слишком много опыта лежало на этих сухоньких, с виду очень хрупких плечах.

– Добрый вечер, наставник. – Герман больше не скрывался, подошел ближе и склонился в поклоне. Арефий, не оборачиваясь, махнул рукой, приглашая присесть. Герман стянул ботинки и с видимым облегчением опустил ноги в воду.

– Добрый, да не слишком, – спокойно отозвался наставник. – С бедой ко мне пришел, бывший ученик? С бедой, я вижу.

Все-таки привыкнуть, что тебя читают как открытую книгу, до конца так и не получилось. Причем иногда казалось, что для этого Арефию не нужно было быть таким сильным ментальным магом, каким он являлся, хватало богатого жизненного опыта и мудрости.

– Мне нужен ваш совет, наставник, – сразу сказал Герман, не сходя с места. Арефий оглядел его и кивнул:

– Все ясно мне. Солнце садится, самое время подумать о былом, глядя на отражение. – Он тепло улыбнулся Герману, как родному, и протянул удочку: – Вообще-то я тебя ждал. Держи-ка, мальчик. Вечером после заката самый клев, послушай старика.

Герман забросил удочку следом за ним, и они принялись в молчании ждать, пока дрогнет чей-нибудь поплавок. На перышко приземлилась огромная стрекоза с прозрачными синеватыми крыльями, посидела немного и полетела дальше. Герман шлепнул по шее ладонью и убил комара. И только потом вспомнил, что может разогнать назойливых насекомых магией. Но отчего-то решил – не стоит. Так как-то... спокойнее, что ли?

– Спрашивай уже, чего стесняешься? – не поворачивая головы, разрешил Арефий. Удочка в старческих морщинистых руках чуть дрожала, и до этого момента казалось, что Арефий вообще заснул, но голос его звучал бодро. – Не просто ж так пришел бывшего наставника проведать. Вы, молодежь, только вперед и глядите.

Герман пошевелил пальцами, и поплавок тревожно запрыгал на поверхности воды.

– Да. Я хотел кое о чем спросить. И посоветоваться тоже.

Солнце окончательно скрылось за самыми высокими елями, и вода потемнела, погрузившись в тень, но все еще оставалась очень теплой, как парное молоко.

– Вижу я, разговор долгим будет, – сказал Арефий после затянувшейся паузы и покачал головой. – Надо нам в дом идти, там и расскажешь все.

Он пружинисто поднялся, точно двадцатилетний юноша, и первым направился по лестнице вверх, к дому, а Герман пошел за ним, взяв обувь в руки.

Для простых селян в горнице было непривычно пусто, только темным пятном на светлом полу выделялся низкий квадратный столик, за которым прямо на голых досках обычно сидел старый лысый мужчина с бородкой клинышком. Его тщедушное сухонькое тело утопало в не по размеру просторной домотканой одежде. Ну точно, ничего не изменилось, подумалось Герману, как только наставник занял свое место на полу.

Никто доподлинно не знал, какими ментальными способностями обладал старик Арефий, но магом он в свое время слыл отменным и потому, с годами отойдя от практики, время от времени брал учеников. Только не всех подряд, да и местом для дома выбрал мир, в котором магия была уделом меньшинства.

– Наставник, – Герман склонился в поясном поклоне, – мне нужен ваш совет. Точнее, профессиональный взгляд.

– К чему так сразу? – Старик усмехнулся, поглаживая бородку. – Ты еще не рассказал, как там поживает другой мой бывший ученик.

– Другой?

– Малыш Вальтер, хотя, – наставник улыбнулся, – уже не мальчик он, но взрослый мужчина. Года бегут. Так как там этот озорник?

– О... озорник? – Герман совсем растерялся. Как-то не вязалось это слово с надменным строгим Гроттом. – Он теперь мой учитель, точнее, он учитель в Училище военно-магических дисциплин.

– Значит, под суд не угодил еще, – довольно прицокнул Арефий. – Хорошо.

– Под суд? – Герман понимал, как глупо выглядит, постоянно переспрашивая, но каждая новая фраза наставника все больше удивляла его. – За что?

– Да все за то же, – получил он туманный ответ, – за озорство неуместное, за то, что силой опасной бахвалился. Но вижу я, печать его на

тебе. Что сделал он? Дай-ка взглянуть.

Он цепко схватил Германа за руку и придирчиво оглядел блокатор, который сам же когда-то для него и создал. Герман боялся пошевелиться, чтобы не нарушить чужой концентрации.

– Талант. Ох, тогда бы мозги у него проснулись, когда надо было... Ты его не суди, он перед тобой не виноват ни в чем. Чувствую вражду затаенную. – Герман не стал отводить взгляда, от наставника ничего скрывать не собирался. – Ты это брось, Вальтер – славный мальчик, хоть и глупостей натворил изрядно. А лучше поучись у него, глядишь, что я не доделал, он доделает. Да и мне спокойнее, если вы вдвоем будете, присмотришь за ним заодно.

Герман кивнул, уяснил для себя, что его подозрения по поводу Гротта для наставника были как на ладони и он не видел для них оснований. Пожалуй, только ради этого стоило отправляться в такую даль. Все-таки как он ни старался это подавить, но Герман хотел иметь Гротта в союзниках, быть уверенным в нем. Так что в некотором роде часть груза спала с плеч.

– По его совету я и пришел сюда. Вы ведь помните Альберта, моего друга? – спросил он, решив опустить прелюдию. – Кто-то стер его память, я не знаю зачем и не знаю кто. Возможно, Альберт до сих пор в опасности.

– В опасности, – спокойно подтвердил Арефий. – Не стоило бы тебе в это дело соваться, да не отступишь ты. Уж я-то знаю.

– Не отступлю.

– Так его любишь?

Герман упрямо наклонил голову:

– Люблю. Вам известно почему.

Арефий поднялся и сам принялся заваривать травяной чай с мятой и ромашкой.

– Это сделал не я, – серьезно сказал наставник. – Но меня просили. И не память ему стереть надо было, а надо было самого Альберта стереть, чтобы даже воспоминания о таком человеке не осталось. Не каждый из нас способен создать новую личность взамен старой, вот и я не взялся. Да и нехорошо это. Дурно.

– Кто? Кто просил? – Герман подался вперед. Ответ был совсем рядом, руку протяни.

– А точно ли хочешь знать? – нахмурился Арефий. – Люди эти те, с кем тебе пока не тягаться. Сдюжишь ли?

– Я прошу вас! – Герман вовсе не собирался отступаться, несмотря на нежелание наставника говорить открыто. – Я прошу! От этой информации

зависит жизнь Альберта. Альберта, который...

Он запнулся, с удивлением замечая, как испаряется привычное самообладание. Он и правда готов был умолять, если понадобится. Но только не уехать ни с чем.

Наставник с отеческой нежностью потрепал бывшего ученика по взъерошенным от ветра кудрям:

– И правда любишь. Всегда любил, хотя ненавидеть должен. Вот что я тебе скажу. Ты с другого конца лучше начни, так оно безопаснее будет. Есть человек, способный такое сотворить с твоим другом, да только в том проблема, что мастер он. Оттого и непонятно мне, как случилось такое с Альбертом, что остался он разрываться между двумя личностями. Будто процесс остановился или помешало ему что. А это, знаешь ли, может плохо кончиться.

– В каком смысле?

– Ты и сам о том догадался, да и Вальтер не зря в этом доме штаны просиживал, подсказал поди. Нельзя сейчас Альберту правду всю выкладывать, иначе сгорит он, как пить дать сгорит. Разум, он себя завсегда защитит пытается.

– Как мне найти этого менталиста? – Герман сжал кулаки. – Я должен заставить его снять блок с памяти Альберта.

Наставник мягко улыбнулся:

– Сам не отыщешь. Но ты знаешь, у кого помощи попросить можно. И будь осторожен – иногда разгадка опасней неведения. Дело это дурное, да ты и сам понимаешь.

– Я должен что-то сделать, и сделать быстро. У меня нет времени сомневаться, – пожаловался Герман и потер висок. – Ну почему так? Я ненавижу действовать наугад. Что вы мне посоветуете, наставник?

Впервые Герман позволил себе пожаловаться и излить негодование. Должно было стать легче, но пока он этого особо не заметил.

– Не посоветую я тебе ничего. Каждый сам свою судьбу вершить должен, иначе что это за жизнь получается? Спроси у него, чего хочет он сам. Это не только твоя беда, не пытайся взять на себя больше, чем сможешь унести.

– Просто назовите мне имя, – попросил Герман. – Я буду осторожен и не стану лезть на рожон. Вашего слова достаточно, чтобы я доверился учителю Гротту, он обещал помочь.

– Хм, я достаточно хорошо тебя знаю, чтобы поверить, но повторю, дурное это дело. Лет так двадцать тому назад ко мне в ученики хотел попасть один очень талантливый молодой человек, – немного неохотно

начал рассказывать Арефий. – Его звали Михель, и был он очень, очень одаренным ментальным магом. Но совершенно лишенным какой бы то ни было морали. Больно смотреть было на то, как он растрчивает свой талант на обман и беззаконие. Вальтер, он не со зла озорничал, скорее по глупости. А Михель другим был, с чернотой внутри. И я ему отказал, велел изменить свое отношение к дару и вернуться с чистым сердцем. Только такие люди не меняются. А талант-то пропал, какой талант...

Арефий совсем по-старчески разохался, покачивая головой. Таким печальным Герман его еще никогда не видел.

– И вы с ним больше не встречались? – уточнил Герман. – Где он может быть сейчас?

– Чего не знаю, того не знаю, – признался он. – Но человек он страшный, потому что ему защищать нечего, а вот на чужое позариться, чтобы душу свою черную потешить, это ему только в радость. Его руку чувствую в этом деле. А слышал я, что был он в Ландри не так давно, а до того по всем мирам мотался да, поговаривают, нашел покровителя. Но кто таков, где обитает, того не ведаю.

К сожалению, больше Арефию было добавить нечего. Герман задумался, пытаясь сразу же вписать новую информацию в ту картину, что у него уже складывалась, но пока судить о чем-то было рано. Понять бы, какое отношение ко всему этому имеет Стефания.

Герман отправился в деревню уже в темноте. На площади успели догореть костры, но девичий смех еще слышался, ему вторили звонкие голоса парней. Герман вдруг почувствовал себя не только чужим тут, но еще и каким-то невероятно старым, хотя ему не так давно исполнилось всего лишь восемнадцать. Наверное, возраст измеряется не только прожитыми годами, но и масштабами проблем, которые приходится решать.

Герман добрался до дома, но не стал заходить внутрь, а сел на скамейку на крыльце, скинул обувь и забрался с ногами. Сквозь переплетенные ветви яблонь сверкали яркие звезды, тонкий серп луны путался в густой листве. Пахло горьким дымом. На душе у Германа тоже было горько.

Прислушиваясь к затихающим голосам, он подумал, что мог бы сейчас гулять с кем-нибудь, говорить ни о чем, думать о прозаических вещах. Герман, если вспомнить, даже на свидания никогда не ходил. Не то чтобы ему сейчас хотелось, но... Но он бы показал Стефании окрестности, летом и ранней осенью тут очень красиво. В ее мире почти всегда лежал снег, Герман читал об этом. Наверняка ей бы понравилось в Ландри. Герман

запрокинул голову, и на нос приземлился листок, как знак, что кое-кто тут немного замечтался.

– Это глупости, – сказал Герман сам себе. Не время забивать голову сентиментальной чепухой, тем более что Стефания на роль романтической героини не очень подходила. Но почему-то перед закрытыми глазами вставало ее лицо с упрямо сжатыми маленькими пухлыми губами.

Скрипнула дверь, и матушка вышла на порог с подсвечником в руке.

– Все хорошо, сын? Почему ты не заходишь в дом?

– Просто так, – увильнул Герман от ответа и, пряча взгляд, прошел мимо.

Урок 7

Играя в сыщиков, не стоит забывать, что преступник – настоящий

А через несколько дней наступила пора промежуточных зачетов.

Герман едва успел вернуться в училище, как пришлось с головой погрузиться в зубрежку, благо весь триместр он исправно поглощал предложенный материал и за судьбу своей зачетной книжки не переживал. Зато вокруг него творился настоящий хаос и кошмар, Рене стоял на ушах, Берт рвал на себе волосы, Стефания не отрывалась от конспектов и рычала на тех, кто пытался ее от них оторвать. И только Ситри на фоне всего этого казалась вполне адекватной.

– Совсем не волнуешься? – спросил Герман, на что девица пожалала могучими плечами. Всем бы такое спокойствие, и жить стало бы легче.

Однако, несмотря на всю уверенность в своих знаниях, буквально накануне первого зачета, сразу после ужина, Герман неожиданно для себя начал нервничать. Ситуация усугублялась тем, что готовиться в тишине было просто негде, даже в библиотеке толпился народ, разом вспомнивший о ее существовании. Кое-как пристроившись на подоконнике в конце коридора своего этажа, он только погрузился в чтение, как услышал свое имя, звучащее из скрытых динамиков:

– Курсант Герман, первый курс второго потока, идентификационный номер 91881120709, пройдите на первый этаж! Повторяю, курсант Герман, первый курс второго потока, идентификационный номер 91881120709, пройдите на первый этаж!

Герман нахмурился, но захлопнул учебник и спустился по лестнице в холл, где увидел стоящего у окна Вальтера Гротта. Учитель повернулся, и Герману не понравился его вид.

– Курсант Герман по вашему приказу прибыл! – на всякий случай отрапортовал он и уже неформально добавил: – Что случилось? Вы что-то узнали насчет...

Гротт выдержал напряженную паузу и совершенно будничным тоном предложил:

– Как ты смотришь на то, чтобы стать моим учеником? Я имею в виду, что хочу научить тебя тому, чему Арефий тебя не научил. Ну как, ты согласен?

Герман растерялся, уж больно неожиданно прозвучало это предложение.

– Я не знаю... Это как-то... – Он замолчал, а потом закончил решительно: – Да, я согласен.

Гротт и глазом не моргнул.

– Отлично. Тогда собирайся, мы отправляемся в маленькое путешествие.

– У меня завтра утром зачет.

– И не надейся остаться у меня на ночь, – поддел Вальтер и поправил очки. – Не бойся, курсант, до отбоя управимся.

Сразу после возвращения из Ландри Герман отправился к учителю Гротту и все ему рассказал. Пришлось даже признать свою неправоту, и Гротт, к его чести, не стал по этому поводу иронизировать. Напротив, внимательно выслушал и обещал со своей стороны помочь с поисками. Поскольку менталисты сами по себе расположены к одиночеству и редко заводят постоянные связи, на быстрый результат не рассчитывали, однако Вальтер явно знал, за какие ниточки дергать.

След Михеля вывел его осведомителей напрямик в столицу одного из самых проходных миров Ойкумены. В учебнике Лисона значилась центром всех торговых путей и дешевых развлечений, в том числе и самых сомнительных, от одной мысли о которых Германом овладевала брезгливость.

Удачное место, чтобы спрятаться.

С виду гостиница в самом неблагополучном районе города казалась невзрачной – блеклый фасад длинной кирпичной кишки, обшарпанные бетонные порожки, примыкающие прямо ко входам в комнаты. Там же в пересушенную землю натыкали жухлых, давно не выдавших воды цветочков. Под жаркими солнечными лучами где-то в подворотнях разлагался мусор, распространяя по округе тошнотворный сладковатый запах гнили.

– Проклятие!!! – прорычал Гротт и в сердцах пнул старую обшарпанную дверь. Та с грохотом ударилась о стену, и с потолка рухнул шмат штукатурки. Прямо на прилизанную прическу Вальтера. Учитель снова ругнулся и вошел внутрь, Герман без промедления проследовал за ним в темное, затхлое пространство.

Номер, на который им указали, внутри выглядел еще более уныло. Железная кровать с продавленным, давно не проветриваемым матрасом, кособокая тумбочка без дверцы (от нее остались только погнутые петли, словно кто-то выдернул ее с мясом), деревянное окно с мутными от

разводов стеклами, безликие серые занавески. Все это под тонким слоем будто прилипшей к поверхностям пыли.

В комнате пахло разочарованием, обидой и испугом – кислыми яблоками и прелой травой, и запах этот точно не принадлежал Гротту. А еще железом и чем-то вязким, слишком реальным для ментальных сенсоров.

– Он умер всего несколько минут назад, – прокомментировал Герман, стараясь не смотреть в угол, где запах чувствовался сильнее всего, но и тот мог развеяться в любую секунду. А вот учитель, напротив, устремился именно туда, безгласно переступая лужицы крови.

– Да знаю я!

– И убийцы здесь нет. Скорее всего, у него была хорошая ментальная защита, я не чувствую здесь присутствия другого человека.

Гротт обернулся и посмотрел на Германа, иронично изогнув бровь:

– Не переоценивай себя. Если не чувствуешь ты...

– Если бы вы почувствовали кого-то или увидели след, то не стояли бы тут сейчас, – поспешил пояснить Герман, совершенно не чувствуя и капли гордости за свою догадливость. Напротив, сейчас ему было горько. Смерть мало кому приносила радость, и неважно, чья она была. Этот человек, тело которого, изуродованное до неузнаваемости, сейчас скрючилось в углу возле старой продавленной койки, для Германа ничего не значил, но именно он мог пролить свет на историю с Бертом. Но теперь этот след потерян, а Герман только и чувствовал, что жалость к человеку, который перед смертью испытывал сожаление и обиду. Потому что его предали. Потому что избавились, когда он стал не нужен.

Или опасен.

– Надеюсь, ты не надумаешь прямо здесь распускать нюни? – проворчал Гротт, ощупывая взглядом скудную обстановку. – Нам больше нечего тут делать. Возвращаемся.

Он еще раз посмотрел на тело и отвернулся, потеряв к нему всякий интерес. Эмоций его, как и всегда, совсем не ощущалось, но по выражению лица Герман прочитал озадаченность и раздражение, отчасти им же додуманные, кивнул и вышел следом за учителем, осторожно прикрыв за собой дверь. Он не собирался «распускать нюни», но на душе стало так уныло, что хотелось просто где-нибудь спрятаться и подумать. Михель был его последней надеждой вернуть Альберту память, и теперь она исчезла. Настолько очевидная мысль, настолько горькая, что продолжала плавать на поверхности. Проще говоря, он не осознал ее до конца. Герман еще раз огляделся напоследок, и что-то блестящее привлекло его внимание. Герман

наклонился и подобрал с пола массивное кольцо-печатку с концентрическими кругами. Темное серебро, вещь не слишком дорогая, но явно необычная. Герман сунул печатку в карман и покинул комнату.

Через несколько кварталов Гротт не выдержал, снял свои белые перчатки и швырнул их в кучу мусора прямо на мостовой.

– Что думаешь? – заговорил он. Герман сразу понял, о чем речь:

– Его убили?

– Неплохо. – Слова учителя больше походили на издевку, чем на похвалу. – Что еще?

– Очень жестоко, обычным ножом. Магического следа не было, даже отголоска. Ментальный след тоже испарился, значит, ранение нанесли раньше. Он умер от потери крови. Думаю, минут двадцать достаточно, чтобы эмоциональный след стерся полностью.

Герман замолчал. Арефий помог Герману победить свой дар, не дать ему завладеть разумом, Вальтер привык использовать его в своих целях. Эти навыки он собирался передать Герману. Вот только было ли это правильным решением – учиться владеть оружием, которого боялся весь мир? Которого будет бояться *она*.

– Ты слишком громко думаешь, курсант Герман, – раздраженно отозвался Гротт. – У тебя все на лице написано. Можешь читать чужие эмоции, а со своими справиться не в состоянии. Так почему его так жестоко убили?

«Потому что мы выследили его», – подумал Герман, но вслух сказал другое:

– Потому что он менталист?

– Потому что он идиот, Герман. После того что он сделал, его не оставили бы в живых, а Михель, похоже, был всего лишь мелким исполнителем. Но, возможно, знал немного больше, чем заказчик желал бы допустить. Это единственная причина. А то, о чем думаешь ты, – не иначе как жалость к самому себе.

– Он сожалел о содеянном, мне кажется, – пробормотал Герман. Он не знал, мог ли Гротт чувствовать то же, что и он, или же его способности заключались в чем-то ином, поэтому никак не мог объяснить свои ощущения.

– Перед смертью любой будет искренне жалеть о своих поступках, особенно если они послужат ее причиной.

– А если у него не было выбора? Этот дар, он как проклятие. Вам ли не знать?

– Выбор есть всегда. Но неправильный выбор сделать всегда легче.

Герману показалось на секунду, что в голосе Гротта проскользнула тоска, щемящая и глубокая. Он резко остановился, глядя учителю в спину. Мимо проходили люди, но они совсем не обращали на них внимания, словно не замечали. Вальтер тоже сожалел, ведь и сам когда-то сделал неправильный выбор, иначе откуда взялся этот поучительный тон?

– Чего ты встал?

– Кому вы говорили, что отыскиали Михеля? – спросил Герман, хотя сказать хотел совершенно иное. Но голова прочно решила заняться делом, а не рефлексией.

Гротт криво улыбнулся:

– Я тоже думаю, что это крыса.

– У вас есть кто-то на примете? – спросил Герман.

Вальтер не ответил, его мысли уже витали далеко отсюда. Он резко сбавил шаг, а потом и вовсе остановился.

– Скажи мне, Герман, как ты чувствуешь? – вдруг спросил он. – Звуками, запахами, ассоциациями?

Они прежде не затрагивали эту тему, и Герман удивился, что учитель выбрал такое странное время и место для этого вопроса.

– Чаще запахами, но в последнее время случается, что и цветами, – ответил он. – Это причиняет боль. Иногда. Вот тут, – Герман потрогал переносицу и виски. – Но почему вы спрашиваете?

– Ты почувствовал смерть в той комнате?

Герман поморщился.

– Не совсем, но я бы сказал, что смерть примерно такая. Но ярче всего ощущались обида и разочарование. Я думаю, что Михеля предал сообщник. Убил его, возможно, чтобы замести следы.

– Тебе нужно было поступать на инквизитора, стал бы расследовать магические преступления, – усмехнулся Гротт. – Я не читаю эмоции, но даже мне было очевидно, что в номере произошло убийство. Только вот кто все же был убит?

– Он был похож... – припомнил Герман полученное от информаторов описание и замолчал. Рост и комплекция ввели его в заблуждение, но ведь лицо обезображено. – Думаете, не Михель?

– Я думаю, нам нужно вернуться. Скорее!

Они побежали обратно в ночлежку, и Гротт, едва добравшись до нужного этажа, встал как вкопанный.

– Он был тут! Только что!

Он резко развернулся и как собака по следу бросился вдогонку. Герман не успел ничего почувствовать, но присоединился к погоне. Они выбежали

через заднюю дверь, по пожарной лестнице спустились в грязную вонючую подворотню, перепугав местных бродяг. Погоня длилась до тех пор, пока Вальтер с разбега не выскочил на узкий мостик через грязный канал.

– Да чтоб тебя!.. – воскликнул он, с досадой снял очки и едва их не выронил. – Вот же гаденыш!

Герман добежал с чуть заметным опозданием.

– Он использовал воду в канале в качестве барьера, – туманно пояснил Гротт, доставая из кармана белоснежный платок и вытирая с лица пот. – Я перестал его чувствовать, дальше бегать не имеет смысла. В той стороне телепортационная станция, скорее всего Михель уже подготовил пути к отступлению. Вернемся в училище – сразу подам заявку. Михель наверняка будет скрываться среди тех, кто сегодня воспользуется услугами телепортационной станции.

Он перевел дух, посмотрел на мокрый грязный платок и без сожаления бросил его прямо в воду.

В свою комнату Герман вернулся далеко за полночь, когда все ее обитатели мирно спали. Все, кроме Стефании, – девушка беспокойно ворочалась, а мятная тоска отдавала горчинкой. Стараясь никого не разбудить, он взял из шкафа чистую ночную одежду и полотенце. Казалось, ароматы грязных улиц въелись в кожу и волосы.

Вода принесла долгожданное успокоение. Из душа Герман вышел в благодушном настроении и тут же столкнулся в коридоре со Стефанией. Сонной, помятой и очень встревоженной.

– Где ты пропадал? – спросила она. – Берт впал в истерику, требовал отправиться на твои поиски.

Герману стало стыдно. Он не рассчитывал так задержаться и никого не предупредил, а ведь мог догадаться, что Альберт будет переживать. Но то Альберт, а вот волнение Стефании неожиданно приятно грело душу.

– Вальтер Гротт предложил мне что-то вроде репетиторства. Но я не рассчитал, что он будет таким требовательным.

Герман улыбнулся, желая смягчить ложь, и Стефания, кажется, немного расслабилась. Как же противно стало скрываться от друзей... Можно было просто сказать им – ребята, я менталист, но это не значит, что меня нужно бояться. И Герман не сомневался, что нашел бы поддержку. Однако момент был упущен, теперь рассказать правду – все равно что признаться в месяцах, наполненных ложью. Чем дольше лжешь, тем страшнее открыться.

– Герман? – Голос Стефании наполнился искренней тревогой.

– Хочу спать, – сказал он и успокаивающе коснулся ее локтя. –

Спасибо за заботу, Стефания. Правда, спасибо.

Он уснул почти сразу, как лег, совсем забыв про волнение перед зачетом. Утром в голове было пусто и глухо, и только одинокие мысли о вчерашнем пытались прорваться сквозь полусонную муть. Тесты по военной топографии казались легкими, Герман ставил галочки и вписывал ответы почти бездумно, полагаясь на память. И в итоге на следующий день к стенду с информацией о результатах зачета подошел с замиранием сердца.

82 балла из ста возможных.

– Почти на десять баллов меньше, чем у того выскочки с первого потока, – озвучил Рене. У него-то получилось написать на пять баллов выше, правда, это все равно ничто в сравнении с результатом Германа. – Дай-ка глянуть. – Он протолкнулся сквозь толпу курсантов, распахивая всех локтями. – Гера, ты где-то серьезно налажал.

– Чего? – Берт втиснулся между ними и заводил пальцем по таблице результатов. – Иногда я тебя не понимаю... О! Ну вы смотрите! Смотрите-смотрите!

Он запрыгал на месте, радуясь своему результату, довольно неплохому, во всяком случае, лучше, чем у бедняги Рене. Тот заскрипел зубами и гордо удалился, а вот Герман впал в настоящее отчаяние. Мысль о том, что из-за посторонних дел он так опозорился, еще долго не давала покоя.

Но почему-то особенно противно было думать, что Стефания поднимет его на смех. Скажет, что иного и не ожидала, и будет права.

На сегодня занятия закончились, и Герман решил посидеть в одиночестве в дальней части парка, чтобы привести голову в порядок и выкинуть из нее уже все лишнее.

– Вот ты где! – Голос Стефании взорвал расслабляющую вечернюю тишину. – Прячешься?

Она подошла и села на лавку рядом. Сразу запахло прохладой и мятной свежестью.

– Нет, просто отдыхаю.

Герман откинулся на спинку и запрокинул голову. Небо было хмурым и серым, но тучи не обещали дождя, хотя в этот сезон погода достаточно непредсказуема. В ветвях чирикали птицы, мягко шуршала мокрая листва. И никаких людей поблизости, кроме Стефании.

– Я видела твои результаты. – Она повернулась к нему, и Герман, даже не меняя позы, чувствовал, что она желает заглянуть ему в глаза. Но головы не опустил. – Что случилось? На практических занятиях и предварительных контрольных ты никогда не позволял себе падать ниже

девяноста баллов, каким бы трудным ни был тест. Так что с тобой творится? Это... это как-то связано со мной и моими проблемами?

Герман все-таки выпрямился и удивленно посмотрел на девушку:

– Нет! Нет, даже не думай так. Ты тут совершенно ни при чем.

– Тогда кто? – Фанни нахмурилась, как будто собралась выбивать из него правду. Герману не хотелось распространяться на эту тему, но Стефания, скорее всего, додумает подробности сама, и станет только хуже. Он нехотя заговорил:

– Это касается Берта. Я уже говорил, что он потерял память, точнее, ее пытались стереть, и сейчас его воспоминания и настоящая личность заблокированы. Я хочу узнать, кто и зачем это с ним сделал, чтобы снять блок и вернуть Альберта домой целым и невредимым. Вчера меня не было, потому что мы с учителем Гроттом пытались поймать менталиста, который мог быть к этому причастен. Такая вот история.

Он не вдавался в детали, но даже такой короткий рассказ ему очень помог. Выговорившись, он почувствовал, как все встает на свои места.

– Это очень серьезно. Я не понимаю, как ты можешь быть таким... таким благородным. Как рыцарь какой-то. Но не перестарайся. – Стефания нахмурилась. – Не знаю, что творится в твоей голове, но я хочу вернуть прежнего Германа, который считает себя умнее других и постоянно это доказывает. За тобой наблюдают, если ты еще не заметил, тебя ставят в пример другим. Встряхнись уже. С таким настроением ты Берту не поможешь.

Когда она закончила, в голове у Германа окончательно прояснилось.

– Спасибо! – поблагодарил он от всего сердца. – Ты мне очень помогла. Спасибо.

– Я не сделала ничего особенного пока. Просто хочу отплатить тебе за спасение. – Стефания как-то странно замялась, будто подбирала слова. – Есть кое-что, что ты должен знать. Перед поступлением, в тот день, когда мы с Ситри шли в училище, я видела в городе человека, похожего на Дженао. Мы заблудились и попали в какой-то мрачный закоулок. Дженао тоже пришел туда, его ждали двое в плащах, они принесли и отдали ему шпагу твоего друга, а он, кажется, забрал ее с собой. Но я не уверена, потому что не хотела вникать и ушла.

– Если Михель стер Берту память, то шпага оставалась единственным, что подтверждало его настоящую личность, – на одном дыхании прошептал Герман. – Тем более если на ней есть магическая печать. Раз Дженао с этим связан, то, может, он и помог спрятать Берта в училище? Он преподаватель, ему было бы проще сделать это изнутри.

– Звучит логично. Я тогда не стала слушать дальше и поскорее ушла.

Но теперь я почти точно уверена, что это была та самая шпага. И учитель Дженаро.

Стефания замолчала. Герман откинулся назад, упираясь макушкой в наружную стену общежития, и посмотрел на небо. В голове уже постепенно собирались кусочки мозаики и складывались в картинки.

Кто-то захотел избавиться от Альберта и создать ему новую личность. Если верить мастеру Арефию, заказчик нашел талантливого, но нечистого на руку менталиста, вот только что-то пошло не так и Берт не приобрел новую память, а потерял старую. Но кто-то состряпал фальшивые документы и запихнул Берта в самое закрытое учебное заведение Визании. Он рассудил довольно верно, после инициации до самого выпуска курсант становился собственностью Визании, а значит, не мог покинуть ее без разрешения. А еще в училище могла быть «крыса», о которой говорил Вальтер Гротт.

Герман совсем забыл о присутствии Стефании и запустил пальцы в каштановые кудри, взъерошивая их.

Из слов девушки выходило, что Дженаро забрал себе шпагу Берта, что, к слову, было очень глупо с его стороны. И если вспомнить, Гротт обмолвился, что знает человека, который очень любит оружие, и это связано с его родом деятельности. К тому же при встрече с Бертом на уроке Дженаро, хоть и видел его якобы впервые, словно уже знал его. Что-то подобное в его реакции точно проскользнуло.

Михель – исполнитель, двое из подворотни – может, это те двое северян, напавших на Стефанию в городе? Тогда все бы связалось воедино, но Стефания никак не желала вплетаться в общую канву. Дженаро не тянул на заказчика, значит, был кто-то еще.

Ищи, кому выгодно...

Все совсем запуталось, словно какой-то детали не хватало.

– Эта вещь тебе знакома?

Он открыл сумку и достал оттуда платяной мешочек, в который поместил найденное кольцо. Взял с собой, собираясь показать Гротту. Стефания протянула руку, но тут же отдернула, точно обожглась.

– Это... это принадлежит Леннард!

Урок 8

Слежка – увлекательное дело, если, конечно, следят не за тобой

Проснулся Герман задолго до побудки. Возбужденный информацией мозг раз за разом прокручивал новые сведения, стараясь уложить их по порядку, но какие-то детали постоянно выпадали. Но интереснее всего то, что кольцо, принадлежавшее Леннард Огюстосу, оказалось среди вещей менталиста Михеля, так что, возможно, заказчиком был Леннард. Он велел Михелю, над которым, кстати, мог взять опеку, как и говорил учитель Арефий, заняться Альбертом, а Дженао просто помогал убрать концы. Так появилось нечто, что внезапно связало Стефанию с тем, что случилось с Альбертом.

Или, может, все-таки Эмилию?

Герман приподнялся, подоткнул подушку под спину и сел. За окном уже теплился рассвет, и предметы обстановки приобретали пока еще размытые очертания. В тишине слышалось сопение Берта с верхней полки, сквозь посвистывание и довольное похрюкивание Рене временами прорывался забористый храп Ситри. И только Стефания с противоположного угла слабо постанывала во сне.

Она беспокойно спала почти каждую ночь – это Герман заметил с первого дня их подселения. Не ворочалась, не металась, просто хныкала, и в комнате становилось невыносимо душно. Сперва ему даже казалось, что она не спала – Герману ли не знать, как тяжело возводить вокруг себя стены, – и давала волю слезам. Но вскоре понял, что ей просто снится что-то очень плохое. Вот и сейчас серая комната окрасилась прозрачно-мятными тонами непреодолимой тоски. Доброй щемящей тоски – спящий человек не способен испытывать злость. Раньше Герман не знал, откуда могла взяться такая печаль, но теперь начинал догадываться.

Он еще долго любовался проступающими из темноты контурами ее профиля, отблескивающими на свету, сочащемся из щели в занавеске, прядями и тонкой кистью, свисающей из-под одеяла. Кровать Стефании располагалась напротив, наискосок, и, если бы Герман лежал, ему бы мешал закиданный одеждой стул Берта.

Успело рассвети. Спина уже затекла, а до подъема осталось еще около часа. Герман оделся, заботливо подоткнул свисающее у Берта одеяло

– друг спал, как всегда, беззаботно раскинув руки и ноги, насколько позволял узкий матрас общаговской койки. В своей прошлой жизни Альберт привык к простору, и эта привычка перешла в жизнь новую, доставляя своему хозяину массу неудобств.

Герман старался не шуметь, и у него это даже получалось, но все же к мятному привкусу во рту добавились недоверие и страх. Обернулся – Стефания не спала. Не меняя позы, она смотрела на Германа, словно испытывала. Он выдавил подобие доброжелательной улыбки – все-таки девушка застала его врасплох – и вышел из комнаты, прихватив по пути полотенце.

Одна из любимых фразочек Рене «меньше знаешь – крепче спишь» показалась Герману спасительной соломинкой от незнакомого чувства, захлестывающего его со вчерашнего дня. Чьи-то семейные скелеты – вовсе не та информация, которую Герман жаждал получить во время обучения в УВМД. Его интересовали история с ее политическими интригами и причинно-следственными связями, но никак не то, что его соседка – возможно, чудом спасшаяся принцесса одного из самых сильных военных миров Северного сектора. И никто, кроме него, об этом даже не догадывался.

«Знание – сила, – говорил наставник Арефий, – а сила – это ответственность!»

Холодная вода немного отрезвила, Герман даже не постеснялся и засунул под кран голову, стискивая зубы, когда тонкие струи затекли за шиворот.

Была ли она в действительности Эмилией или Стефанией, неважно. Если на нее охотились, а это наверняка именно так, ведь обеих принцесс официально объявили мертвыми, значит, ей грозила опасность. Разве он не должен защитить ее?

К моменту его возвращения все еще спали. Приятная сонная тишина окутала и его, вызывая приступ зевоты. Хотелось отложить все эти думы на потом и вздремнуть еще хотя бы полчаса, но Герман не мог позволить себе такую вольность.

Стефания сидела на кровати, совсем так же, как и он некоторое время назад, подоткнув под спину подушку.

– Доброе утро, Стефания, – сказал Герман и повесил влажное полотенце на спинку стула. – Готова к зачету?

– Это я должна у тебя спросить, – отозвалась она и прикрыла зевок ладонью.

– Все будет хорошо, – уверенно сказал Герман и улыбнулся. Утро

принесло с собой потерянное спокойствие. Проблемы нужно решать по мере их поступления, так что для начала – зачет по математике энергетических потоков, в народе просто МЭП.

Дамиан Эрно, принимающий зачет, недовольно постукивал ручкой по столу. Звук мерный, расслабляющий.

– Герман...

– Оставь его в покое, – вполголоса посоветовал Рене и оттащил Берта от парты за локоть. – Видишь, он впал в безумие. Зашибет и не заметит.

Герман как раз, не глядя, отбросил в сторону смятый листок с расчетами, и тот, не удержавшись, скатился на пол. Там его встретили брошенные ранее товарищи. Рене хмыкнул и пошел к столу учителя. Теперь кроме Германа в аудитории остались сидеть только три человека. Герман, Стефания и, как ни странно, Вуди Торнтон. Пухляш и позер Вуди после предательства «лучшего друга» Ролана решил взяться за ум, и у него это даже местами получалось.

Берт еще немного задержался, прежде чем сдать свою работу.

– Ты как вообще? – спросил он обеспокоенно. – Может, ну его?

Герман покачал головой, не отрываясь от чертежа. Расчетная часть обещала дать заветные баллы сверх среднего результата, необходимого для сдачи зачета, и он не мог не воспользоваться таким шансом реабилитироваться.

Учитель Эрно принял тесты Альберта и уставился на оставшихся в живых студентов, как будто надеялся, что они немедленно испугаются, бросят все и убегут. Но Герман был слишком поглощен столбиками цифр. Все должно быть идеально, тем более финальный график. Чуть скривишь – и заклинание даст такой эффект, что мало не покажется. МЭП была особенно важна для будущих артефакторов и штатных государственных магов, имеющих дело с масштабными магическими конструкциями. Они требовали выверенного построения энергопотоков. Герман не планировал становиться ни тем, ни другим, но постарался как следует углубиться в предмет. В конце концов, любые знания могут рано или поздно пригодиться.

– Вы диссертацию пишете, курсант Герман? – наконец не выдержал учитель Эрно. – Может, вам объединиться с курсантом Дидрик? Она с вас глаз не сводит. Даже чертит, не заглядывая в листок.

Стефания покраснела и уронила карандаш. Эрно усмехнулся и, что удивительно, подошел к ее столу, наклонился, морщась от боли в ноге, и вернул потерю:

– Я же вижу, что вы закончили свою работу полчаса назад. Отдайте

мне ее и вон отсюда.

Фанни вскочила, быстро собралась и вылетела из кабинета, оставляя после себя шлейф жгучего стыда. Герман дернул носом – у стыда был очень странный запах – и снова углубился в задачку. Учитель вздохнул, видимо, отчаявшись спровадить и его тоже, и вернулся за свой стол.

Еще через час, буквально за считанные минуты до окончания зачета, Герман устало, но довольно откинулся на спинку стула. Перед ним лежали исписанные мелким убористым почерком листы с такими трехэтажными уравнениями, что от их вида того же Берта хватил бы удар. Финальная схема выглядела безупречной, и Герман не сомневался в том, что так оно и есть.

Друзья толпились в коридоре. Как выяснилось, сдав свои работы, все остались дожидаться Германа. На их компанию косились с опаской, но и с интересом тоже. И дело было не только в фан-клубе Альберта. Прежде Герман этого не замечал, но он давно перестал быть изгоем в училище, другие студенты здоровались с ним, просили помощи по учебе, звали в свои компании в перерывах между занятиями. Но он упорно не обращал внимания на это новое к себе отношение.

– Эй, Герман! – Рене, как всегда, навалился ему на плечо и заорал на ухо. – Давай отметим это дело, а? Мы тут решили типа банкет замутить у нас в комнате, девочек каких-нибудь позовем. Ты как?

С другой стороны его под руку взял Берт и уставился умильными фиалковыми глазками. Стефания переглянулась с Ситри, и девушки многозначительно улыбнулись друг другу.

Герман не знал, что и сказать. Потом выдохнул:

– Спасибо.

Разумеется, никто его не понял, может быть, только Стефания, потому что она точно знала, каково это – вдруг понять, что у тебя есть настоящие друзья.

Обещанного банкета, правда, так и не случилось. Марк Хатти передал девушкам просьбу от мастера Гоша зайти к нему в любое свободное время, да и Вальтер Гротт напомнил о себе. Пришлось отложить праздник до ближайших выходных.

На следующий день все снова собрались у стенда с результатами. Над толпой первокурсников витал душок разочарования и досады. Еще бы! Во-первых, МЭП вообще мало кто сдавал хотя бы на средний балл, во-вторых, таблицу результатов преподнесли в сравнении со сдачей первого потока. А это уже задевало всерьез.

– Смотрите, у кого-то 95 баллов! – раздался удивленный возглас.

Герману даже не понадобилось подходить ближе, все и так сразу повернулись к нему, кто с завистью, кто с восхищением. Прошелся шепоток, мол, уникальный случай! Такого еще не было! Герман вновь оказался в центре внимания, но оно его ничуть не раздражало. Напротив, он ощутил себя наконец-то на своем месте, прошлый позор теперь должен позабыться. Осталось уточнить еще кое-что.

Герман протолкнулся поближе к стенду и нашел первую строчку противоборствующей команды. Вильям Варма ожидаемо выше остальных своих сокурсников. Но ниже Германа – на целых три балла!

– Молодец, – похвалила Стефания, как будто и не сомневалась в итоге. Германа такая похвала вполне устраивала, он-то точно знал, как она им горда.

Остальные отличились не так, но каждый остался в принципе доволен собой и миром. Герман огляделся, однако Вильяма видно не было. А жаль, очень хотелось посмотреть на его лицо в такой момент.

– Давайте уже праздновать! – снова завел свою песню Рене, умоляющими глазами глядя на всех по очереди. – Я берусь протащить в общагу выпивку. А?

– Я не могу, – быстро отказался Берт и как-то хитро отвел глаза. – У меня дела.

– Дела? – подала голос Ситри и нахмурила светлые брови. – Какие дела?

Берт, внезапно оказавшись под прицелом любопытных взглядов, заюлил, покраснел. Герману не обязательно было ощущать его эмоции, он прекрасно знал, что означает и этот взгляд, и сцепленные за спиной руки, и приподнятое левое плечо. Альберт лгал, и лгал он неумело, но со старанием. Обычно это действовало без проблем, подействовало и сейчас.

– А, ну ладно, – приуныл Рене и отлип от Германа. – Если красавчик не может, чего уж тут...

И посиделки снова не состоялись. Все как-то незаметно разошлись кто куда. Стефания вместе с подругой пошла в медицинское крыло, где Ситри приходилось несколько раз в неделю участвовать в бесконечных опытах и осмотрах. Магические потоки все так же оставались ей неподвластны, зато энергия копилась в ней, как в бездонном сосуде: бери – не хочу. Рене в итоге завалился спать и скоро захрапел так, что даже Герману, почти привыкшему к этому, захотелось почитать где-нибудь в другом месте. Но он остался, и все было нормально, пока дверь без стука не распахнулась.

– Привет! – поздоровался Варма и поморщился. – Включи свет, в

темноте читать вредно. Ты не знал? От этого зрение портится.

Герман оторвался от книжки, на этот раз совершенно обыкновенной, про теорию вероятностей в построении многоуровневых магических конструкций широкого охвата территории, и строго велел:

– Выйди и постучи.

Рене особенно громко всхрипнул и шумно перевалился на другой бок, нижняя часть одеяла свесилась вниз, открывая голые ноги в полосатых носках. Герман специально не стал зажигать освещения, чтобы не разбудить товарища, сел почитать ближе к окну.

Вильям и не подумал исполнять просьбу. Герман вынужденно отложил книгу и спросил:

– Чего ты хотел?

Варма по-хозяйски подтянул к себе стул и оседлал. Теперь они с Германом сидели близко друг к другу, пожалуй, это даже вызывало у Германа определенный дискомфорт, как будто Вильям специально пытался над ним доминировать.

– Зашел поздравить. Слышал, ты произвел фурор своими результатами. Я рад.

– Тебе что с того?

Отчего-то хотелось защищаться, хотя ничего оскорбительного Варма не сказал. – Мне нельзя порадоваться за своего друга? – вкрадчиво поинтересовался Вильям и положил подбородок на скрещенные на спинке стула руки. – Помнишь ведь, я хочу победить тебя, как только мы сравняемся в силе.

– Друзья – это немного не то. Найди себе другую игрушку, Вильям, – мягко посоветовал Герман. От чужих причуд уже начала болеть голова.

– Но ты не игрушка. – Он удивленно вскинул брови. – Ты мой друг. Я хочу с тобой дружить.

– Ты странный, Вильям. – Герман устало потер висок. – Ты очень странный. Возможно, у твоих поступков и слов есть логика, но я ее не вижу. О какой дружбе ты говоришь? Я не понимаю. – Он поднялся на ноги. – Давай обсудим это в другой раз, хорошо?

– Ты убегаешь, – уверенно констатировал Варма, тоже вставая со стула. – Заворачиваешься в свой маленький тесный кокон, выстроенный по всем правилам. Но ты сам по себе гораздо интереснее.

– Просто уходи, – велел Герман, не повышая голоса. Он не был зол на Варму или что-то вроде того. Просто не хотел вникать в его замудреную философию после тяжелого дня. Клонило в сон. – Мне надо отдохнуть.

– Мы еще поговорим с тобой, ты обещаешь? – спросил Вильям и, не

дожидаясь ответа, сказал: – Ладно, до встречи, Герман.

Едва за ним закрылась дверь, с верхней полки послышался ворчливый сонный голос:

– Этот хмырь тебя домогается? Хочешь, мы его кучканем?

– Не хочу, – вздохнул Герман. – Спи, и без тебя голова болит.

Утром Герман, как всегда, проснулся раньше всех и пошел в библиотеку. В прошлый раз ему не удалось заглянуть в досье на Эмилию Керстин, принцессу Виндштейнскую, и он собирался воспользоваться свободным временем, чтобы устранить этот пробел. На улице было хмуро, но дожди еще не начались, до смены сезонов оставалось еще несколько недель. Сорамару за конторкой не оказалось, не было его и в читальном зале на любимом подоконнике. Не решившись идти в информационное хранилище без его разрешения, Герман сел за крайний стол и принялся ждать.

– Най.

Герман вздрогнул, успев глубоко задуматься, правда, о чем, и сам не понял. Сорамару стоял за его плечом, расслабленный и отрешенный. Впрочем, он почти всегда выглядел таким.

– Най Герман давно ждет?

– Нет. – Герман поднялся навстречу и сунул руку в карман. Шоколадка в красивой обертке переключалась в широкий рукав библиотекаря. – Поможешь мне еще раз?

– В спешке нет чести, – покачал он головой. – Тот благороден, кто подчиняет время, а не подчиняется ему.

– О чем ты? – не понял Герман.

– Хранилище занято. Урок по артефактике.

В подтверждение его слов мимо пролетел запыхавшийся парень и, стукнув в дверь, крикнул:

– Курсант Алек! Опоздал, виноват!

Похоже, сегодня туда попасть получится разве что после обеда. Герман попрощался и направился к выходу, но его загрохотала запыхавшаяся Стефания. Девушка полоснула по нему взглядом, в котором сквозила тревога.

– Дженаро, – сказала она коротко. – Ушел.

Она явно бежала через всю территорию, спешила сообщить новость.

Герман оглянулся. Сорамару никуда не ушел, смотрел в их сторону с безмятежным видом и, конечно, все слышал.

– Куда ушел?

– Не знаю, но он выходил не через главные ворота. – Она перевела дух

и облизнула губы. – Я видела из окна медицинского крыла, Джена́ро ушел через заднюю калитку.

Герман на пару секунд закрыл глаза. Джена́ро ушел. Чем им могла помочь эта информация?

– Э? Я что-то пропустил?

Все трое одновременно вздрогнули, и Рене удивленно приподнял брови:

– Я так спешил, так спешил, а у вас тут свои дела. Гера, ты просто герой-любовник! Стефания гналась через парк как ошпаренная, и я сразу понял, что дело дрянь. И на свидание что-то не похоже. Ну, так что тут творится? Сами скажете или мне выдвинуть с десятков предположений?

Сорамару, пользуясь моментом, испарился, и Стефания удивленно вытаращила глаза.

– Давай без предположений, – вздохнул Герман. Ну вот надо было ему сейчас прийти? Все сразу усложнилось во сто крат. Однако, услышав про Джена́ро, Рене не удивился.

– Если это он хотел смерти красавчика, то наша цель – помешать ему доделать начатое! Проследим за ним и выйдем на подельников. Кто со мной?

– Выход за территорию в не предусмотренные для этого дни запрещен, – напомнил Герман.

– Что для тебя важнее – поймать обидчиков Берта или соблюсти дурацкие правила?

Германа такая постановка вопроса возмутила, но он знал, что Рене лишь пытается вывести его из себя. Кстати, Стефания неожиданно активно поддержала его идею, так что они все вместе покинули библиотеку.

– Они не дурацкие, Рене, – возразил Герман предельно спокойно, пока они шли в дальнюю часть территории. С такими, как Вильтрауд, приходилось общаться, словно с малыми детьми. – Не знаю, что ты забыл в училище, но я оставил дом для того, чтобы вернуться обратно дипломированным боевым магом.

– Солдатом, тупо исполняющим приказы, – буркнул Рене, но тут же сам свернул тему: – Мы просто одним глазком глянем, куда Джена́ро намылился, и вернемся. Никто даже не заметит. Да, Фанни?

Девушка сверкнула голубыми глазами.

– Если что, свалим все на тебя.

– Эй, разве так можно? – Рене даже поотстал от растерянности. – Ты что?! Гера – мой лучший друг, мы с ним не разлей вода! Он без меня ни шагу ступить не может. Да, Гера?

– Убью, – честно пообещал Герман.

Он тоже хотел проследить за Дженоаро, чтобы убедиться в своих подозрениях на его счет. По всему выходило, что учитель фехтования участвовал в махинациях Михеля с памятью Альберта, а Михель, скорее всего, связан с Леннардом Огюстосом, который, в свою очередь, хочет убить Стефанию, кем бы она на самом деле ни была. Цепочка складывалась вполне цельной, и ключиком к ней стал простой серебряный перстень. Пока не ясно только, откуда она берет начало.

– Через калитку нельзя, – сказал Герман вслух. – Нас не пропустят, да еще и в администрацию доложат.

– Есть обход? – деловито осведомился Рене.

– Да, – внезапно сказала Стефания. – Мы с Ситри нашли парочку ходов. Я покажу.

– Веди, крошка, я прикрою.

Герман только удивился, как ловко эти двое спелись, от него требовалось только слушаться и не лезть вперед. Это он обещать мог, хотя все равно не смирился с нарушением, на которое шел по собственной воле. Рене и Стефания свернули куда-то в кусты, и голос рыжего недовольно прошипел:

– Не тормози! Дженоаро нас ждать не будет.

Герман вздохнул, но покорно полез в самые кусты.

Территория училища кроме высокого забора была обнесена сетью защитной магии, и преодолеть ее, не будучи магом с зашкаливающим уровнем потенциала, невозможно. Это знал каждый, но все равно ходили слухи о студентах, сумевших ее преодолеть. Дженоаро пошел более простым путем, воспользовавшись задней калиткой для обслуживающего персонала. Через нее поставляли продукты, ею пользовались нанятые работники. К празднично шатающемуся учителю ни у кого бы не возникло вопросов, но трое курсантов, в самый разгар дня ошивающихся вблизи выхода, смотрелись бы подозрительно. Однако Стефания уверенно вела их дальше. Под ногами уже давно не было ничего похожего на тропинку, подошвы ботинок утопали в верхнем слое почвы, рыхлом от перегнивающей листвы. Герман и не подозревал, что в училище были и такие неухоженные местечки, будто попал куда-то в лес, что рос за домом его бывшего наставника. Герман отвлекся, и Стефания позвала его по имени. Это подействовало на него лучше недовольного кряхтения Рене.

– Иду. – Он ускорил шаг, уклоняясь от лезущих в лицо веток, одна из них зацепилась за воротник и немного поцарапала шею. – Что это?

Он остановился за плечом Рене и нахмурился. Участок стены перед

ними ничем не отличался от всего остального заграждения, но Стефания была уверена, что не ошиблась. Рене нацепил свои чудо-очки, чтобы рассмотреть магическое плетение.

– Тут какая-то нестыковка, – наконец выдал Рене и ожесточенно поскреб макушку. – Разрыв? Дыра? Не пойму. Гера, глянешь?

Герман принял из его рук артефакт и неуверенно надел. Мир сразу стал черным, вспыхнули огоньки чужих эмоций – голубоватое свечение Стефании, пахнущее мятой, и всполохи янтарного огня с россыпью багровых искорок. Это Рене, и он испытывал странные эмоции, похожие одновременно и на нервное возбуждение, и на почти болезненное любопытство. «И как в нем столько всего умещается?» – подумал Герман, инстинктивно уклоняясь от летящей в него искорки азартного предвкушения. Разумеется, для остальных его телодвижение не имело смысла и наверняка смотрелось глупо. Он выпрямился, кашлянул и переключился на стену.

– Ну?

Герман и сам не заметил, как залюбовался переплетением магических формул. Однако в одном месте рисунок сильно расходился, и в образовавшийся зазор проглядывал обычный серый камень. Если перелезть через ограждение, то только здесь.

Стефания не стала разминаться на обсуждение плана и попросила Германа ее подсадить.

– Что там? – Герман прислушался к тишине за забором, а вместо ответа на вопрос сверху упал серый клубок и размотался тонкой веревкой. Через грубое волокно серебрилась магическая нить.

– Эй, и что это? – Рене прищурился, брезгливо обхватывая веревку двумя пальцами.

– Это я тут спрятала, на всякий случай, – ответила Стефания. – А теперь заткнись и лезь.

– Да она даже мою кошку не выдержит. Ты что, предлагаешь мне лезть по ней? Я лучше поищу что-нибудь посерьезней.

Рене отвернулся, изображая бурные поиски. Теперь вместо любопытства от рыжего тянулись щупальца недоверия и обиды. За забором нетерпеливо прокашлялась Стефания. Герман отмахнулся и взялся за нитку, потянул, отмечая ее прочность, и вскарабкался вверх.

– Нет, ну она точно над нами издевается, – бубнил задетый за живое Рене. – Я взрослый парень, меня эта лесочка пополам разрежет!

Он обернулся и растерянно позвал:

– Герман? Гера...

«Лесочка» недвусмысленно подергалась, привлекая внимание.

Перетащить через забор рыжего оказалось самой сложной задачей, потому что он беспрестанно ныл, жаловался и ничуть не пытался облегчить товарищам жизнь. В итоге на противоположной стороне все трое очутились изрядно измотанными. Герман тут же велел им заткнуться и не высовываться, а сам осторожно выглянул из невысоких зарослей колючего кустарника, росшего вдоль забора, на дорогу. Предосторожность была не лишней. Гаспар Дженаро не сильно опередил своих преследователей и прошел, даже ни о чем не подозревая, под самым их носом. Если вытянуть руку, можно было коснуться начищенных сапог, но Герман только сильнее пригнулся, налегая на спину Рене. Тонкие веточки густого кустарника противно щекотали и кололись.

– За ним!.. – рванулся Рене, однако Герман вцепился в его воротник обеими руками.

– Не будь идиотом, – осадил он и покосился на Стефанию.

– Герман? Что будем делать?

Она просила у него совета, это уже было достижением.

– Вылезаем, только тихо. Пусть отойдет подальше.

Рене что-то хотел сказать или спросить, но передумал. От него ощутимо повеяло неудовлетворением и чем-то похожим на задетую гордость. Конечно, это лишь предположение, но Герману терпкий запах и горьковатый привкус миндаля под языком навевали именно такое сравнение. Герман обернулся, но Рене отвел взгляд. Впрочем, след Дженаро «остывал», надо было спешить. В глубине души Герман считал позорным следить вот так, исподтишка, из кустов, но у него просто не оставалось выбора. Да и отступать поздно, даже если очень хотелось. Учитель меж тем совершенно преспокойно вышел в город и запетлял знакомыми улочками. Точнее, это выглядело так, словно он просто прогуливался, но на одном из поворотов шлейф багряно-черных эмоций окрасился подозрениями.

– Что-то он мутит, кажется, – как бы между делом предположил Рене и пожевал во рту травинку, со скуки сорванную по дороге. Герман же подумал, что Дженаро, скорее всего, не дурак и заметил их нелепую слежку, но виду не подавал.

– Заткнись и иди, – раздраженно шикнула Стефания, и Рене показал ее спине язык.

В городе полным ходом шла подготовка к смене сезонов, горожане и приезжие торопились купить все необходимое (и ненужное тоже), чтобы в долгие дождливые дни лишний раз не выходить из дома. Кроме того, ушлые торговцы устраивали распродажи на старые товары и всюю

продвигали новые, завезенные в Визанию специально к сезону дождей. Особенно бросались в глаза лотки с зонтами – до того они были яркими и красивыми, всех расцветок и рисунков. Пожалуй, Стефании бы подошел тот, белый в бежевый горох, с милыми рюшечками по краям. Хотя узнай она о таком предложении, этим зонтом бы его и побила.

Когда они в третий раз прошли мимо, Рене не выдержал.

– Хреновый из тебя проводник, Гера. Ты уверен, что мы его не потеряли? Мы же кругами ходим!

И остановился прямо посреди перекрестка, привлекая к себе внимание горожан.

– Совсем ум... – Герман перешел на повышенный тон, но вовремя одернул себя, – потерял? Чего раскричался?

Разумеется, он тоже заметил, что они наворачивали третий круг, но поделаться ничего не мог – в такой толпе, несмотря на будничные день, все эмоции сплетались в узел. Не разобрать, кто и что испытывает и уж тем более где этот человек находится. Пришлось признать поражение.

– Да. Да, мы его потеряли.

– Это ты его потерял, – из вредности уточнил Рене, но под ледяным взглядом Стефании сдался. – Ладно, мы его потеряли. Что делать-то теперь? Идти обратно, как кучка неудачников?

Мимо пролетел лайнер, кто-то громко вскрикнул, перебегая дорогу. Звуки, будто специально дожидаясь момента слабости, вторглись в мозг. Герман поморщился и вдруг почувствовал на висках приятную прохладу.

– Герман? – Стефания отдернула руку, смущенно порозовев. – Мне показалось, тебе нехорошо.

– Спасибо, – поблагодарил он и покосился на Вильтрауда. Оставалось только порадоваться, что он отвлекся и в это время смотрел в другую сторону. Но определенно что-то заподозрил. Выгоревшие брови сдвинулись к переносице:

– Что это лица у вас какие-то хитрые? Гера? А ну колись!

Герман почувствовал, как щеки заливают предательский румянец, но если сейчас отвести взгляд, Рене такого напридумывает, что вовек не разгрести. Спасение пришло, откуда не ждали.

Дженаро мелькнул на противоположной стороне улицы, щегольская красная рубашка выдала его с головой. Если он действительно собирался на встречу с подельниками, а не на свидание, то выбор гардероба был до крайности непрактичным. Но вот он внезапно сменил направление и буквально растворился в воздухе. Только что был, и вот уже нет его.

Герман сорвался с места.

– Эй, куда? – крикнул вдогонку Рене, но Герман уже рискованно пересек проезжую часть прямо перед движущимся к посадочной станции лайнером, едва не сбив по пути женщину с сумками. Джена́ро скрылся из виду возле скобяной лавки. Скрипнула дверь, звякнул колокольчик над входом, и дородная дама загородила собой весь обзор. Герман притормозил, оглядываясь, и, подчиняясь интуиции, свернул в проулок между домами. Но там было совершенно пусто.

– Герман! Герман!

Узкий закуток наполнился звуками, из-за угла вылетел Рене и прорычал злобно:

– Предупреждать же надо, блин! Спринтер доморощенный.

– Джена́ро тут нет, – удивился Герман. – Он испарился.

И тут его будто ударили.

Он снова без предупреждения сорвался с места и побежал вглубь темного закоулка. Казалось, что его ожидает тупик, но за поворотом открылся проход, Герман протиснулся в него и буквально вывалился в гору мусора. Выбрался, наспех отряхнулся, морщась от мерзкого запаха разлагающихся отходов. Чуть дальше виднелся выход на оживленную улицу, здесь же было почти невероятно тихо.

Герман сделал несколько шагов, пытаясь уловить, откуда шло это знакомое ощущение, которое уже посещало его в комнате «мертвого» менталиста. Или это обман, или он был здесь...

Темнота навалилась внезапно, перед глазами заплескали яркие искры, потом все вспыхнуло и погасло. Тьма стала плотной и легла на воспаленные веки. Герман рухнул лицом в пыль, где его через несколько минут обнаружили друзья.

Объяснять, что он получил мощный ментальный удар, Герман, разумеется, не стал. Даже не помнил, что именно солгал, ссылаясь на дурноту. Одно сказал точно – Джена́ро покидал училище не просто так. Увы, после этого все равно пришлось вернуться в УВМД, пока до отбоя еще оставалось время. «Дыру» в заборе обнаружили все так же, с помощью артефакта. Стефания и Рене вскарабкались наверх по той самой тоненькой магической веревке. Остался только Герман.

Напоследок оглянувшись по сторонам, он полез наверх.

– Что вы здесь делаете, курсант Герман?

Вопрос был произнесен спокойным будничным тоном, но Герман застыл в неудобной позе, наполовину перевесившись через ограждение. По спине пробежал холодок.

Рене, уже скрывшийся за деревьями, поторопил:

– Ты что там застрял? Отлить приспичило? – Он повернулся к девушке: – Слушай, пошли-ка. Вдруг реально приспичило?

Герман посмотрел на Вальтера Гротта, чудом не замеченного друзьями, и, чуть запинаясь, откликнулся:

– Д... да, идите. Я догоню.

Ребята ушли вперед, и Гротт негромко повторил:

– Я жду объяснений, курсант.

На узком заборе, утыканном острыми шипами, было, откровенно говоря, неудобно, но и спускаться под пристальным взглядом учителя – тоже. Герман чуть развернулся, чтобы не смотреть на него из-за плеча.

– Мы... – Все слова испарились из головы. Следовало придумать себе оправдание заранее, ведь не могло же все действительно пройти без осложнений? – То есть я. Я напишу объяснительную.

– Для этого тебе необходимо как минимум спуститься на землю, – съязвил Гротт и недобро прищурился. – Посмотри на себя, в каком ты виде? А ведь в анкете при поступлении ты указал, что горишь желанием учиться. Что, перегорел? Хочешь вылететь?

Германа прошиб холодный пот. Никогда до этого он не был так близок к провалу, хотя уже нарушал правила до этого, пусть и не по своему желанию.

– Никак нет.

– Я верю, – совсем другим тоном сказал Гротт и заложил руки за спину. – И жду подробных объяснений, желательно уложиться в пятнадцать минут.

Только Герман не мог их дать. Бездоказательно обвинить учителя не последнего в Визании учебного заведения в таких тяжких преступлениях он не мог, поэтому не спешил с откровенными разговорами.

И Вальтер верно расценил его молчание.

– Приведи себя в порядок. И вытри кровь, – бросил он сухо, прежде чем уйти. – Мы поговорим об этом позже, когда ты созреешь.

Герман перелез на территорию училища, не чуя ни рук, ни ног. Перспектива оказаться исключенным не просто вылилась на него холодным душем, она привела его в настоящий ужас. Это была мечта, давняя, любовно хранимая и лелеемая, мечта, к исполнению которой пришлось приложить столько усилий, сколько и представить сложно. Стать магом, даже больше – стать человеком, которого бы уважали и с которым бы считались, человеком, которым бы гордилась матушка и которым бы гордился он сам. И все могло рухнуть в один момент. А ведь он лучший! Не только для себя. Недавно он понял, что является лучшим для Стефании, для

Рене, даже для Вильяма Вармы, обратившего на него свое царственное внимание.

Сейчас нет права на ошибку. На кону оказалось слишком много, чтобы все проиграть.

Урок 9

Во всем можно найти свои плюсы, даже если это всего лишь сложившиеся минусы

Время бала в честь пройденной магической инициации наступило незаметно. В этом году для проведения торжественного мероприятия выбрали Училище военно-магических дисциплин, на один вечер ставшее самым главным местом во всей Визнии.

Административный корпус располагался недалеко от парадных ворот и отделял собой закрытую территорию училища от общественной зоны. Гостям открывался чудесный вид на ухоженный парк, разбитый по обе стороны подъездной аллеи. Свет горел во всех окнах, и было светло как днем. Для проведения торжества подготовили просторный конференц-зал на втором этаже, отдав часть соседних помещений под кухонные нужды, и по коридору разносились одуряюще вкусные ароматы.

Сам конференц-зал в этот вечер было не узнать. Длинные столы для фуршета тянулись вдоль стен, освободив место для будущих танцев. В воздухе парили яркие магические «светлячки», готовые прийти в движение по залу, как только заиграет музыка. Вместо кафедры выступающего соорудили роскошную сцену для официальной части, и, судя по всему, кто-то уже готовился произнести речь.

Герману было здесь очень неприятно, как и во всяком людном месте, а уж людей тут хватало с излишком. Собрались лучшие студенты практически всех образовательных учреждений Визании, а их было немало. Белые мантии инквизиторов особенно выделялись, впрочем, парадная голубая униформа гражданских медмагов тоже привлекала к себе внимание. Герман поборол желание сморщиться, будто проглотил целый лимон, и потянулся поправить узел галстука. Украшение ему нравилось, несмотря на явные неудобства, но это скорее с непривычки.

— Ну как я тебе? — в сотый раз поинтересовался Берт, от волнения оттягивающий кружевные манжеты, выглядывающие из-под рукавов белоснежного приталенного камзола с золотой отстрочкой. На шее красовался пышный бант, сколотый брошкой с крупным голубым топазом. Точно такой же камешек блестел в новой паре сережек. Иногда Альберт становился хуже самой капризной девчонки, и оттащить его от прилавка не удалось даже их с Рене совместными усилиями. Стипендия за последний

месяц улетела в трубу, зато Альберт смотрелся настоящим красавцем.

– Сойдет, – отмахнулся Рене и схватил с крайнего стола вазочку с крохотными глазированными пирожными.

– И все?!

– Ну я пленен твоей красотой и готов затискать тебя в ближайшем углу. Доволен? – Рене шутливо раскланялся и сунул в рот друга, приоткрывшийся для нового вопроса, пирожное. – Или реально нарываешься?

Герман поднес ладонь к лицу, пряча улыбку. Вроде эти двое дурачились как подростки, а бывшего раздражения уже не вызывали.

Когда накануне они с Вальтером посвятили друзей в крайне рискованный план с ловлей предателя на живца, против был только Герман, хотя сам же помогал его разрабатывать. Рене, конечно же, загорелся нездоровым энтузиазмом, Стефания и Ситри обещали оказать силовую поддержку, если понадобится. Разве что взгляд Ситри, обращенный на Альберта, был наполнен странным чувством. Герман решил, что разберется с этим потом. В общем, на бал так или иначе пришлось пойти всем, причем в боевой готовности. Оставлять Берта одного было нельзя.

И вот Герман здесь, среди шумной многоголосой толпы, разряженной в пух и прах. Отчаянно мешался припрятанный в рукаве узкий кинжал, щедро подаренный Гроттом. Герман очень надеялся, что случай воспользоваться подарком не представится, от одной только мысли об этом портилось настроение. Пожалуй, только искренняя радость и оживление Берта хоть как-то оправдывали это опасное и глупое мероприятие. Юноша заранее подготовился и заставил подготовиться остальных, хотя Герман сразу предупредил, что не намерен веселиться и танцевать тем более!

– О чем задумался? – вкрадчиво спросил Рене, пока Берт опустошал поднос с крохотными симпатичными канапе. Мимо продефилировали две смеющиеся девушки с первого потока, обдав парней сладким ароматом духов. Тут бы Рене отстать с глупыми вопросами и устремиться за красотками, но он на них даже не взглянул.

– А о чем, по-твоему, я должен задуматься? – осторожно уточнил Герман. Рене вздернул одну бровь.

– На лице же все написано. – Он ухмыльнулся и карикатурно низким голосом пробасил, явно издеваясь: – «Как мне все надоело. Меня окружают идиоты. Хочу в комнату, оставьте меня в покое». Так ведь?

– Так, – не стал отпираться Герман. Рене не нес угрозы, чаще всего он нес чепуху, но сейчас, похоже, решил поиграть во взрослого. – Но ты же понимаешь, насколько сегодня важный вечер. Мы должны быть наготове.

Рене приобнял Германа за плечи и наклонился ниже:

– Ты правда уверен в том, что сегодня Дженаро попытается убить красавчика? Мы ведь так и не узнали, с кем он встречался.

Герман кивнул. Они уже обсуждали это перед выходом из общежития, хотя свои подозрения Герман поведал только учителю.

– Уверен. Посуди сам, более подходящего момента незаметно устранить одного из доброй сотни собравшихся студентов не будет. При удачном для него раскладе убийца так же успешно скроется с места преступления, затерявшись в толпе.

Рене задумчиво пожевал губу.

– В принципе я с тобой согласен. Будь я на месте потенциального убийцы, не упустил бы такой возможности, как бал. Такая куча непонятого народу, за всеми не уследишь. Обмануть систему пропусков и войти без приглашения – пара пустяков. – И добавил безжалостно: – Сегодня я бы его и грохнул.

Герман вздрогнул, но тут же раздраженно спихнул его руку с плеча:

– С ним ничего не случится, пока я ря... Где он? Куда он делся?

Тревога зародилась в груди и камнем ухнула в желудок. Он вцепился в кольцо на пальце, но не успел снять.

– Герма-а-ан! – Берт замахал им с другого конца зала, и тут прозвучал сигнал к тишине.

Погас свет, и на сцену, подсвеченную магическими огнями, взошли двое.

– Здравствуйте! Мы рады приветствовать вас этим чудесным вечером в Училище военно-магических дисциплин Визании. – Голос декана первого потока, Августа Мореску, легко перекрывал любой шум. – Каждый из вас по достоинству занимает свое место, и ваши индивидуальные показатели на инициации тому подтверждение. Я бы хотел от имени всего училища сказать...

Герман отвлекся, пытаясь взглядом отыскать в замороженно внимающей декану толпе белокурую макушку. Увы, Берт умудрился раствориться без следа.

– ...пора предоставить слово моему уважаемому коллеге, декану второго потока, Савелию Кишману.

Савелий долго, но с чувством, хорошо поставленным голосом рассказывал о перспективах, которые ждут сегодняшних студентов в будущем, шутил и был собой, насколько это возможно, потому что Герман даже со своего места ощущал скуку, которая его одолевала. И не его одного, потому как Рене, стоящий рядом, уже откровенно зевал.

– Лучше бы директора показали, – пожаловался он. – Интересно же. Где вот он вечно пропадает?

Ответа он, само собой, не получил и вновь зевнул в прижатый ко рту кулак.

Свою приветственную речь Кишман закончил немного раньше, чем курсанты и гости училища успели окончательно заскучать. Герман помотал головой и отправился на поиски Альберта.

Конференц-зал и в обычные дни казался огромным, но сейчас будто увеличился еще втрое. Толпа людей мешала продвижению, в какой-то момент стало видно, как Берт оживленно болтает с Ситри у дальнего окна, угощает ее коктейлем, смеется и выглядит довольным жизнью. Удивительное дело, но, похоже, он с ней флиртовал, совершенно неумело, но искренне, и девушка, похоже, наслаждалась обществом. Герман решил подойти к ним, но недалеко от входа в зал затормозил – вошли припозднившиеся девушки с их потока.

Но среди них Герман видел только Стефанию.

Она была похожа на ледяную королеву. Снежно-белое атласное платье струилось по ногам, обтекая стройное тело. Но никаких вольностей. Оставляя открытыми плечи, оно полностью скрывало декольте, крепясь к серебряному вороту-ошейнику с россыпью блестящих мелких камней. Длинные тяжелые волосы девушка уложила в низкий узел на затылке, украсив белыми цветами и маленькой серебряной диадемой. Пальчики в перчатках изящно придерживали подол, из-под которого выглядывали носки блестящих туфелек. Стефания была прекрасна и безупречна, как фарфоровая кукла. Она прошла мимо Германа, обдав ароматами свежести и холода. И даже не заметила его.

– Стефания! – окликнул он. Девушка замедлила шаг и обернулась.

Герман нагнал ее и притронулся к руке. Белоснежный атлас перчатки был прохладным и гладким, пальцы скользили по этой гладкости.

– Что?

И Герман сразу забыл все, что собирался ей сказать.

– Ты замечательно выглядишь, – серьезно произнес он. – Подаришь мне один танец сегодня?

От удивления она широко распахнула голубые глаза, скорее всего, не ожидала подобного. Но тут взгляд ее нашел что-то за спиной Германа, и девушка рассеянно улыбнулась.

– Вильям, – кивнула она благосклонно.

– Вижу, платье пришлось впору, выглядишь превосходно. – Варма припал губами к ее протянутой руке и, чуть повернув голову, бросил на

Германа изучающий взгляд.

– Я украду прекрасную даму. – Он изящно поклонился, и Стефания вложила пальчики в его ладонь. – Обещаю вернуть в целостности и сохранности, но не обещаю, что скоро.

Откуда-то сразу заиграла музыка, светлячки под куполом засияли ярче и закружились, открывая время танцев, хотя все, о чем в ту минуту мог думать Герман, это с каких пор Вильям покупает для Стефании дорогие наряды.

Кроме всего прочего, Герман еще и не любил танцевать, хотя немного умел, но партнерша, доставшаяся ему, на недочеты и оттоптанные ноги внимания не обращала. С Дзюн Мэй вообще было комфортно в любой ситуации, она молчала, не лезла с вопросами и всегда была поразительно спокойна. Стефания с Вильямом уже потерялись в пестрой толпе, но Герман продолжал выискивать в ней блестящую диадему в темных волосах и белую ткань платья. Внутри тихонечко скулила обида, непонятно откуда взявшаяся, но вопреки чужим эмоциям, разлитым в воздухе, принадлежащая именно ему.

В положенный момент она отпустила его руки, танцоры поменялись местами, и перед Германом оказалась...

– Стефания?

Она положила ладонь ему на плечо.

– Ты поведешь или мне самой?

Он опомнился и снова вошел в ритм танца, но музыка как будто исчезла из зала, когда он почувствовал в ладони холодные пальцы девушки, леденящие даже сквозь атлас перчатки.

– Ты отлично выглядишь, – сказал Герман, чувствуя неловкость.

– Ты уже говорил, – напомнила Стефания. – Не обязательно повторять дважды.

Снова повисло напряженное молчание. Ноги двигались сами по себе, ловя ритм танца, а голова пухла от невысказанных мыслей.

– Просто я действительно так думаю.

Стефания не ответила, но улыбнулась немного смущенно, и этого было достаточно, даже про платье перехотелось спрашивать.

Следующий танец Герман пропустил, наблюдая с галереи, как декан Кишман отплясывает под заводную мелодию со своей женой и как за ними с соседнего балкончика мрачно следит Вальтер Гротт. Рядом возник довольный Рене.

– Гера, ты конченный неудачник, – радостно сообщил он и похлопал по плечу. – Красотка в белом снова танцует с первопоточником. Она тебя

отшила, лузер.

– Не пошел бы ты, – совершенно неделикатно посоветовал Герман и, сбросив его руку, отправился на поиски Альберта. Только что его белоснежный камзол мелькнул в толпе неподалеку. Убедившись, что с другом все в порядке, Герман поспешил скрыться подальше и немного передохнуть. Вместо привычной головной боли разум сковывало отупляющее оцепенение, хотелось забиться в угол и просто дожидаться утра, когда все разойдутся и можно будет вернуться в свою комнату. Герман покинул шумный зал и решил углубиться в один из подсобных коридорчиков. Но, похоже, эта идея пришла в голову не только ему.

– Тсс... Тихо. Кажется, тут никого нет.

Герман замер, но шаги приближались, и пришлось отступить в тень. Возможно, его не увидят, и он незаметно уйдет обратно.

Но эти двое, как назло, остановились как раз недалеко от его укрытия и начали самозабвенно целоваться. И Герман, к своему стыду, их узнал – Зигфрид и Фо.

Наблюдать дальше не было желания, Герман собрался аккуратно сдать назад, и тут раздался громоподобный голос Рене:

– Ага, попался! Слышь, ты, вуайерист, там твоя баба сейчас всех крушить начнет. Или я ошибаюсь и она не твоя? В любом случае без кровищи не обойдется.

Парочка отпрянула друг от друга, и Герман побледнел.

– А-а-а... Что значит крушить? Какая такая... баба? – Он бросил виноватый взгляд на двоих смущенных парней. – Прошу прощения за беспокойство. Рене, пошли отсюда.

И он за локоть потащил Рене обратно в зал.

По дороге тот успел вкратце обрисовать ситуацию, и выходила она не то жуткой, не то смешной, сразу и не скажешь. Стефания таки нарвалась на скандал, отказав в танце какому-то выскочке из Университета инквизиции. Герман мысленно помянул недобрым словом ее непримиримый характер и бросился на помощь, пока только не знал, кому именно.

На первый взгляд за время его отсутствия ничего особо не поменялось – играла все та же музыка, пары танцевали, одиночки сметали закуску с фуршетных столов. Но где-то позади этой милой картинки сплелись в клубок не самые приятные эмоции. Тошнотворный запахок превосходства был отлично знаком Герману с раннего детства, так пахли те, кто считал себя выше остальных. Сейчас один такой парень со снисходительной усмешкой важной по праву рождения персоны глядел на Стефанию. Спесивое выражение лица, маслено блестящие глазки, которых Герман не

видел издалека, но прекрасно себе представлял. Вокруг него клубилось глухое раздражение Стефании.

Девушка была на взводе.

– Да кто ты такая, чтобы отказывать мне? – с вызовом спрашивал у нее будущий инквизитор. Ситри стояла за спиной подруги, но вынужденно помалкивала. Похоже, ей велели не вмешиваться.

– А ты кто такой, чтобы я на тебя время тратила? – процедила Стефания.

– А ты не зазналась...

Герман не стал дожидаться окончания фразы, встал рядом со Стефанией и взял ее за руку.

– Она занята, прошу прощения, – сказал он предельно вежливо. С типами вроде этого парня только так и нужно общаться. Стоит только скатиться до их уровня, и все, считай, проиграл.

– Ты еще кто такой? – насторожился инквизитор. Герман отвернулся от него и обратился к девушке:

– Ты не против?

Она поджала губки и медленно кивнула.

– Я тебя спросил, ты. Назовись.

Инквизитор не собирался сдаваться. Герман знал не так много представителей этой братии, но слышал, что некоторая самоуверенность им присуща как будущим блюстителям магических законов. Впрочем, сейчас ничто не могло оправдать подобного хамства. Герман обернулся к нему, не выпуская руки Стефании.

– Меня зовут Герман, – опасно тихо ответил он, подпуская во взгляд ту самую, знаменитую на все училище, мрачность. – И не советую к ней лезть. На самом деле очень не советую.

– А то что? Ты хоть знаешь, с кем разговариваешь? Я Кирос, сын...

– Да плевать я хотел. – Выражение, более приличествующее Рене, само сорвалось с языка. – Обидишь ее и будешь иметь дело со мной.

Зловещая аура, которой славились все менталисты без исключения, сыграла свою роль. Кирос засомневался, а потом, пробормотав что-то оскорбительное, но едва понятное, развернулся и унесся прочь.

– Обязательно было вмешиваться? – спросила Стефания недовольно, хотя Герман ощущал, что ей приятна его забота.

– Обязательно, – ответил он и по-другому перехватил руку. – Ты же подаришь мне танец в награду за свое спасение?

Он потянул ее в центр зала. Вообще-то он и не спрашивал, скорее ставил Стефанию перед фактом, и она неожиданно покорно позволила

вывести себя на свободное место и обнять. Руки у нее были такими холодными, что их прикосновения даже сквозь пиджак жгли кожу.

– Ты нахал. – Стефания решительно подняла голову, глядя ему в лицо, и положила ладонь на плечо.

– Монстр.

– Что? – не поняла Стефания.

– Я монстр, а не нахал. Разве не слышала об этом еще?

– Ты невыносим просто, – фыркнула она.

– Ты можешь хотя бы немного расслабиться и побыть собой? – спросил Герман, увлекая ее в ритм танца.

– А ты? Деревенский парень. Где научился так танцевать?

Герман шагнул навстречу и оттолкнул, покружив ее под рукой.

– Просто я талантливый. – Герман смутился, вновь кладя ладонь ей на талию. – Только и всего.

– Герман?

– А?

– Почему ты за меня заступился?

– Потому что тебе нужна помощь. Я не знаю точно, что произошло в твоей жизни на самом деле, и если ты не захочешь говорить, не смогу тебя заставить. Но избежать неприятностей пока еще вполне возможно.

Стефания нахмурилась.

– А если мне не нужна твоя помощь? Вообще ничья помощь.

– Это ты так думаешь. – Он легко пожал плечами.

– Пф! Мне виднее, нужна мне помощь или нет, – из чистого упрямства ответила она, но левая рука все так же покоилась на его плече, а правая – в его горячей ладони. Стефания зажмурилась, и Герман сделал то, что хотел уже давно, но никак не решался себе в этом признаться.

Он сделал шаг, разрывая приличествующее танцу расстояние между партнерами, наклонился и поцеловал ее чуть приоткрытые мягкие губы.

Пары вокруг продолжали кружиться в танце, плыла по залу легкая приятная мелодия. Только они вдвоем стояли посреди зала, как будто время для них замедлило свой бег.

Герман отстранился, а Стефания все так же стояла, закрыв глаза. Ресницы ее трепетали, на бледной коже расцветал румянец. Герман провел кончиками пальцев по ее щеке.

– Музыка стихла.

Стефания открыла глаза, будто только сейчас поняв, что произошло. Герман чуть поклонился, как того требовал этикет, и повторил с мягкой улыбкой:

– Музыка стихла, Стефания. Позволь откланяться. И, – он улыбнулся более открыто, – эта форма действительно тебе идет.

Он ушел прежде, чем она как-то отреагировала, не хотел портить этот волшебный момент. И без того, поддавшись чувствам, рискнул их планом. Альберт был с Рене, но лучше, если Герман сам за ним присмотрит.

– Все в порядке? – спросил он у Вильтрауда.

– Ага, он в туалет пошел. Крепко его, видать, припекло, – поделился Рене уныло. – Может, и не будет ничего, а? Как думаешь?

Герман прошел мимо него в уборную и обнаружил, что она пуста.

Берта не было.

Урок 10

Идеальные планы существуют только в голове

Ночью в саду перед административным корпусом распускались диковинные маленькие цветочки с нежно-розовыми лепестками и сильным сладким запахом. Возможно, именно поэтому Герман растерялся, едва покинул здание. Внезапная тишина оглушала, все звуки – шум музыки, гул голосов, паутина эмоций – остались внутри, в зале на втором этаже, там же, где сверкали драгоценными камнями глаза Стефании. Под их взглядом он чувствовал себя беззащитным. А тут хорошо, спокойно.

Нет, совершенно не спокойно.

Герман тряхнул головой, отгоняя лишние мысли и чувства, и попытался обнаружить Альберта. Он пропал, судя по словам Рене, не больше двадцати минут назад, так что не мог уйти далеко. Проклятая сладость цветов сбивала с толку, уловить в ней знакомый привкус вишни, свойственный лишь Берту, никак не удавалось. Герман постоял еще немного, пытаясь расслабиться. Наконец ему это удалось настолько, чтобы определить: у Берта был спутник, и спутник этот – Гаспар Дженаро.

– Началось, – самому себе сказал Герман и спустился по широким ступеням. Тихие шаги потонули во внезапно налетевшем порыве ветра, принесшего новую волну удушливого аромата. По мощеной дорожке прошелестели рано опавшие в этом сезоне листья. Герман поежился от странного холода, возникшего где-то внутри его, и решительно направился к парку.

В голове вертелась и никак не желала уходить досадная и несвоевременная мысль. Что, если все же стоило послушать Гротта и оставить разборки с таким сильным противником тем, кто способен с ним справиться?

Вдруг ветер переменился и душный запах цветов сменился насыщенной зимней свежестью, сквозь которую пробивался аромат прибитой морозцем вишни. Такие ощущения вызывал тот, прежний Альберт, и Герману стало страшно.

– ... невозможно. – Ветерок донес до него отголосок разговора. Они были совсем рядом, за деревьями, загораживающими обзор, и Герман переместился ближе, стараясь не выдать своего присутствия. Луна скрылась за облаками, и стало почти совсем темно. – Ты ничего не мог вспомнить! Он обещал, что проблем не будет!

Голос Альберта звучал иначе, чем обычно, но именно так, как помнилось Герману.

– Зря вы так со мной поступили. Моя семья так этого не оставит, и вы это знаете. Как только я выйду с ними на связь, от вас мокрого места не останется. Все еще считаете, что это невозможно, учитель Джена́ро?

Герман готов был поклясться, что почти видит хитрую усмешку на его губах и превосходство в фиалковых глазах. Даже и не подумаешь, что говорил Берт строго тот текст, которому его заранее научили.

Что ответил Джена́ро, узнать не довелось.

– Герман! Герман, где ты? – Стефания шла по тропинке прямо к ним и не подозревала об опасности. Герману нельзя было выдать себя, но если он ничего не сделает, она может подтолкнуть Джена́ро к необдуманным действиям. Герман думал недолго, но все равно не успел. Раздался свист вспарывающей воздух стали, и где-то рядом скрестились клинки.

– Герман! – вскрикнула Стефания и увидела его, выбегающего навстречу.

– Прочь! – крикнул он на ходу и бросился на помощь Берту. Девушка должна послушаться, ему некогда ее уговаривать, а защищать тем более, не тогда, когда жизнь единственного друга под угрозой. Он добрался до центра парка и увидел, как две гибкие фигуры выписывают почти танцевальные па под неверным лунным светом. Он даже не сразу понял, кто есть кто, – оба были вооружены шпагами и двигались почти синхронно, как отражения друг друга.

– Это Альберт, – озвучила очевидное Стефания, которая, разумеется, не стала подчиняться. – И... это что, учитель Джена́ро?! Мы были правы?

Шпаги скрестились с мелодичным звоном. Берт отпрыгнул в сторону, белоснежная ткань разошлась на груди и набухла от крови. Вишней больше не пахло, но зато воздух наполнился удушающим страхом загнанной в угол крысы. Казалось, будто случайно угодил руками в какую-то тошнотворную массу, сразу захотелось вымыться. «Среди нас завелась крыса», – сказал однажды Рене и даже не подозревал, что попал в точку.

Джена́ро парировал выпад Альберта и вдруг совершенно неэлегантно пнул ногой по колену. Юноша охнул и тут же получил по лицу, да так, что из разбитого носа хлынула кровь.

– Убегает! – крикнула Стефания за секунду до того, как Джена́ро развернулся и побежал прочь, в темную глубину парка. Она бросилась вдогонку.

Герман затормозил лишь на пару секунд, чтобы за протянутую руку помочь Берту подняться на ноги, и оба побежали следом за учителем и

Стефанией. Действовать так, сломя голову, совершенно без плана или хотя бы чего-то, отдаленно его напоминающего, не входило в привычки Германа, но приходилось импровизировать. Они промчались через весь парк, а учитель все не останавливался. Насаждения подошли вплотную к краснокирпичной стене казарменного здания для второго потока. Это был конец. Дальше всю их компанию непременно бы заметили, и Дженааро сильно рисковал.

Он что-то задумал.

– Стойте! – Герман остановился так резко, что воздух выбило из легких. Берт по инерции пробежал вперед, а Стефания возмутилась:

– Ты чего? Из-за тебя я его упустила! Он куда-то нырнул... – Она замолчала и попятилась назад. – Герман, что делать? Нужно позвать на помощь.

Она отступила еще немного назад. Тень здания нависала над ними, было тихо, лишь ветер шуршал листвой. Дженааро будто испарился. Однако Германа не оставляло чувство, что сейчас что-то произойдет, по коже гуляла нервная дрожь, на лбу выступил пот. Совсем рядом виднелась освещенная фонарями площадка перед входом в общежитие, там же наверняка были и люди. Позвать на помощь? Но Герман не знал, кого Гротт еще посвятил в их план.

Стефания взяла его за руку и взволнованно сжала. Она тоже чувствовала эту странную дрожь, как будто в ожидании грозы. И вдруг воздух замерцал, сворачиваясь в искрящуюся воронку, создающие ее магические потоки были настолько яркими и плотными, что легко улавливались невооруженным глазом. Такая чудовищная концентрация энергии заставила волосы на коже подняться дыбом.

Герман интуитивно задвинул девушку за спину.

– Это что? – почти с восторгом спросил Альберт и протянул руку. Воронка расширилась и завращалась с дикой скоростью, от нее расходились воздушные волны, от которых с земли поднималась пыль и слезились глаза.

Герман уже знал ответ на этот вопрос, но Дженааро его опередил. Выскочив из ниоткуда, он оказался точно перед воронкой, ничуть ее не опасаясь. Его волосы поднялись в воздух, и сам он, казалось, едва держался на ногах, но ночь оставалась все так же спокойна и тиха. От этого противоречия кровь стыла в жилах.

Учитель кинул на них затравленный взгляд. Портал за его спиной расширился до такого размера, что сквозь него стало видно голубое небо другого мира. Берт стоял слишком близко, Герман просто не успевал ничего

сделать.

– Берт! – вскрикнула Стефания, рванулась вперед, протягивая к нему руку, но он уже летел в гигантскую воронку вместе с Дженаро. Короткая ослепительная вспышка, и воронка начала стремительно сужаться.

Герман не находил в себе сил двинуться с места.

– Там Берт! Берт! – Стефания схватила его за руку. – Твой друг!

Герман точно очнулся. Оттолкнув девушку с пути, он прыгнул в портал, едва успев до того, как он беззвучно хлопнулся за его спиной.

На сей раз тошнота была едва ощутимой, только казалось, будто приложили по затылку, а потом стало нечем дышать. Герман попытался пошевелиться, но ему что-то мешало, забивалось в нос и в рот, сдавливало грудь. Он ненадолго поддался панике, забарахтался в этом странном нечто, загребая руками и ногами. Воздуха не хватало. А еще было холодно.

Рывок за воротник рубашки вздернул его вверх, в легкие хлынул кислород, и Герман жадно задышал и затряс головой, с которой посыпалось что-то белое и ледяное на ощупь.

– Снег? – удивился он и взял горсть в руку, сжал. Ладонь скоро закололо от холода. Тело под мокрой рубашкой тоже.

– Снег, – авторитетно подтвердила Стефания. Ее лицо появилось прямо перед ним, нос к носу. – Ты в порядке? Я нашла тебя с головой в сугробе, ты, кажется, задышался.

Она разругалась от свежего морозного воздуха, волосы растрепались, а в глазах появился особенный блеск. Герман поднял голову к небу. Цвет почти такой же, как ее глаза.

– Где мы? – Он поднялся и оглядел местность. – Где Альберт и Дженаро?

Стефания тоже выпрямилась и откинула с лица выпавшие из прически пряди.

– Полагаю, мы в Виндштейне. – И, опережая вопросы, пояснила: – Я просто знаю. И да, я в порядке.

Вокруг лежал ровный белый слой снега, а неподалеку высилась стена хвойного леса. Снега в той стороне было меньше, и Герман решил переместиться туда. Стефания подчинилась и пошла за ним след в след. Складывалось ощущение, что ей вовсе не холодно в тоненьком бальном платье, напротив, она держалась куда спокойнее, чем обычно. Герман заставил себя сосредоточиться на основной задаче.

Мир, в который их перекинуло – Виндштейн, – прямо говорил о причастности Леннарда. Герман оглянулся на Стефанию, она была бледнее обычного, но держалась молодцом, учитывая, какие воспоминания у нее

должны быть связаны с домом.

– Слышишь? – Она тронула его за плечо, привлекая внимание. Они остановились, едва войдя в тень леса, снег под их шагами перестал скрипеть. Стали слышны другие звуки – треск старых сучьев, свист ветра в густых еловых кронах, шум их дыхания. Холод пробирал до костей, еще немного, и скрывать болезненные судороги замерзающего тела станет невозможно. Герман стиснул зубы и покачал головой. Губы слушались едва-едва.

– Нет. Ты что-то услышала?

Стефания наклонила голову и прикрыла глаза. С минуту они оба напряженно прислушивались, пока Герман не догадался использовать свои способности. Уровень магического фона на них никак не влиял, и одновременно с ощущением близости Берта он услышал звон стали. Прозрачный морозный воздух скрадывал расстояние, но все равно это было где-то рядом.

Стефания забежала вперед и ткнула пальцем в цепочку следов:

– Они вывалились из портала здесь. Я их слышу, пошли скорее.

Она нетерпеливо протянула руку, и Герман с благодарностью за нее ухватился. Он вяз в мягком липком снегу, которого по мере продвижения становилось все меньше, но зато идти по нему стало все равно что по зыбучему песку. Герман закусил побелевшую губу и почувствовал на языке соленый привкус крови.

Звон клинков стал громче, ели расступились, и перед ними открылся каменистый берег, перетекающий в ярко-голубое идеально круглое озеро. От воды исходил теплый пар, облизывающий горбатый деревянный мостик, на котором ожесточенно сражались двое.

Герман сорвался на бег, спотыкаясь и скользя по влажным камням. При нем не было оружия, магией он пока толком пользоваться не умел, но Альберту требовалась его помощь. Белая ткань одежды пестрела красными пятнами, Берт взмахивал шпагой лениво и редко, больше обороняясь, чем атакая. Он устал.

В тот самый момент, когда Герман подбежал к самой кромке воды, чувствуя исходящее от нее невероятное тепло, Дженаро сделал резкий обманный выпад, острое его шпаги вошло Альберту в плечо. Юноша удивленно проследил за тем, как окровавленный клинок входит в его тело, и, взмахнув руками, рухнул через перила.

– Берт! – закричал Герман что есть силы. Жаль, его крик не мог уберечь раненого друга от падения в горячую воду. Дженаро вскинул голову на звук, и до Германа наконец дошли его эмоции, липкие, мерзкие,

от них зудела кожа и малодушно кололо в груди. Гаспар Дженоаро боялся и... сожалел.

Стефания проявила недюжинную прыткость – обогнула Германа и, намотав длинный подол платья на кулак, поспешила к Берту. Несколько секунд назад чистая, невероятно голубая вода окрасилась кровью.

– Что вы делаете, учитель Дженоаро? – Герман выпрямился прямо перед мостиком, краем глаза следя за тем, как Стефания пытается вытащить Берта из источника. Слово «учитель» далось ему с большим трудом, ведь учитель – тот, кому можно доверять, кто никогда не предаст своих учеников, кто в ответе за них. Гаспар Дженоаро учителем не был, причем, возможно, никогда. С этого момента он враг Герману, и никак иначе. С этой мыслью придется смириться.

Гаспар молчал, облизывая губы. Пытался сосредоточиться. Герман чувствовал, как фон его эмоций рябью колебался на поверхности кожи, становился разряженной и вот почти исчез.

Это была первая ошибка Германа – упустить момент. Теперь противник был собран.

– Ответьте же!

– Мне жаль, я не думал, что придется его убивать. – Дженоаро вскинул голову, тряхнул волосами и выставил вперед руку со шпагой. – Это совсем некрасиво, но придется. Я бы с удовольствием преподавал еще один урок, но он тебе уже ни к чему.

Он бросился на Германа сверху, ловко оттолкнувшись от перил мостушки. В свете невероятно белого солнца угрожающе сверкнуло лезвие. Герман ахнул и отскочил в сторону. Дженоаро не собирался драться, он стремился просто убить.

Герман испугался. Инстинкт приказывал спастись, но бегство означало подписать себе другой смертный приговор – за пределами источника Герман просто замерзнет. Он мог попытаться, у него еще оставались силы для бегства, но после этого он сам себя возненавидит. Ведь оставались еще раненый Берт и безоружная Стефания. Маленькая хрупкая девушка, которой нужна защита. Его защита.

– Можешь бегать сколько угодно. – Дженоаро плавно приблизился, словно кошка, и сделал новый выпад. Герман снова увернулся, только нога увязла в иле, и он уселся прямо в горячую лужу. Одежда и обувь тут же пропитались влагой, волосы, и без того вьющиеся, мокрыми кольцами прилипли ко лбу и шее. Дженоаро победоносно улыбнулся. – Если бы ты не совал нос не в свое дело, остался бы жив.

– Чем вам помешал Альберт? – Герман пытался выиграть время.

Гаспар уже предвкушал победу.

– Я здесь ни при чем! Я просто делал свою работу!

Снова просвистело лезвие и наполовину ушло в ил, Дженаро едва удержался на ногах. Герман успел перекатиться в сторону и хлебнул горячей воды с песком. Воспользовавшись замешательством, вскочил на ноги и забрался на твердую почву. Ботинки противно чавкали, рубашка облепляла грудь, все это мешало двигаться. И все же он не желал вступать в бой, пока оставался малейший шанс обойтись без кровопролития.

Дженаро навис сверху, перед глазами мелькнуло острое шпаги. И тогда пришлось прибегнуть к подарку Гротта, пользоваться которым очень не хотелось, но иногда жизнь не оставляет выбора.

Герман перекатился в сторону и, выхватив из крепежа под пиджаком короткий узкий кинжал, поднырнул под руку Дженаро и вонзил клинок ему в стопу. Мужчина вскрикнул, выругался, и этой заминки Герману хватило, чтобы отскочить подальше и выставить перед собой свое скромное оружие.

– Вы работаете на Леннарда? На Михеля? Кто велел вам убить Альберта?

– Зачем тебе знать? – Дженаро справился с болью, но пока не спешил переходить в наступление. Он устал и был загнан в угол. Он сам понимал, что пути назад нет, а впереди его никто не ждал. Герман пытался понять его мысли, но мог лишь ощущать чувства, из которых наугад строил предположения. И в этом была его главная сила.

– Вы не должны были оказаться здесь. Так ведь? Вас обманули? Бросили разбираться с проблемой без поддержки и помощи?

Герман жадно следил за реакцией и видел, что его слова попадают в цель хотя бы отчасти и рождают в Дженаро зерна сомнений.

– Они хотели от вас избавиться, – безошибочно угадал Герман его тайный страх. – Вы провалили задание.

– Это не так!

– Вы понимаете, что вас списали со счетов?

Он говорил, а сам подпускал в голос внушения, понемногу, чтобы слова казались учителю убедительными. Ведь он сам верил в это, Герман лишь помогал ему осознать истину. Дженаро был растерян, рука со шпагой чуть подрагивала. Еще немного усилия, и он сдастся. Оружие Германа – не магия, не артефакт и не кинжал. Менталисты могут управлять людьми, нужно только очень захотеть.

– Они обещали, что все пройдет хорошо, – неуверенно пробормотал Гаспар. – Нужно было только убедиться, что память не вернется, а если это случится, аккуратно его устранить. Но все пошло не так. Михель обещал,

что проблем не будет, я должен был только убедиться, что все в порядке. Я не понимаю. Я не виноват, это не моя вина.

Они. Значит, Михель и Леннард.

– Почему Альберт?

– Мне просто заплатили, – отмахнулся Дженаро, еще больше теряясь. – Просто заплатили!

Дженаро почти сдался, Герман внутренне ликовав. Все обойдется без крови, он сможет.

Это его и подвело.

Герман расслабился и не заметил, что Стефания подняла шпагу Альберта и подходила к Дженаро со спины. На ее лице была написана отчаянная решимость. Герман увидел ее, и его собственная решимость дрогнула. Стефания смотрела прямо перед собой и сжимала рукоять обеими руками, как меч. Она собиралась убить Дженаро, и эта слепая жажда убийства напугала Германа. Он не мог отвлечься, чтобы остановить ее, он должен продолжать говорить с Гаспаром, но голова наполнилась шумом. С непривычки Герман слишком переутомился. Чуть дальше лежал на камнях Альберт, он не двигался, но Герман чувствовал, что тот жив, скорее всего, потерял сознание. Воля Германа рассеялась между ними тремя, и непрочная нить, связывающая его с Дженаро, прервалась.

Стефания прыгнула, выбрасывая вперед руку со шпагой.

Дженаро рванул шнуровку рубашки и сдернул с шеи кулон.

Герман зажмурился на мгновение, а когда сумел открыть глаза, увидел, что Стефания висит в воздухе, держась за горло. Шпага валялась на земле, а прямо над ней конвульсивно дергались носки ее туфелек.

– Та самая принцесса? – Дженаро предупредительно взмахнул шпагой, и Герман отшатнулся. – Я знаю, кому бы очень хотелось получить в подарок ее труп. Два тела вместо одного, и я не только получу обещанную награду, но и гораздо, гораздо больше! – Он захохотал точно безумный. – Спасибо тебе, спасибо, моя Богиня! Ты не оставляешь меня и в этой дыре!

Стефания захрипела, пальцы до крови царапали пережатое невидимой удавкой горло. Германа затопила паника, он потерял контроль, и все потраченные усилия вернулись к нему увеличенным зарядом. Грудь сдавило.

– Отпусти ее, – попросил он, больше ему ничего не оставалось. Мозг работал на износ, но выхода как будто бы не было. Гаспар же его словно не слышал:

– Ее всюду ищут, а она так хорошо спряталась. Умная маленькая красавица. Гаспар не обидит тебя, просто расслабься.

Стефания попыталась что-то сказать, скорее всего, какое-нибудь проклятие, но глаза закатились, и она стремительно слабела.

– Фанни! – Забытый всеми Альберт, шатаясь, подбежал к ней и неловко обхватил за пояс, пачкая в своей крови. – Герман! Она же умрет!

Возможно, не хватало именно этих слов, произнесенных вслух. Герман снова перехватил взгляд Дженоаро и грубо ворвался в его тонущее в безумии сознание. Едва ли наставник Арефий гордился бы такими успехами бывшего ученика, но сейчас главное – спастись. Нет, главное – спасти друзей.

Это было противно и мерзко, верхний ментальный слой будто покрыт слизью, и Герману казалось, что он копается руками в болотной тине. Он устремился глубже, хотя прежде никогда этого не делал, лишь читал в учебнике истории, как менталисты древности вселяли ужас в жителей всех обитаемых миров. Герман отдавал себе отчет в том, что может повредить рассудок учителя или даже убить его, но никто не учил его, приходилось импровизировать. В какой-то момент страх причинить боль отступил, и на его место пришла холодная сосредоточенность хирурга. Возможно, мелькнула и исчезла мысль, он сейчас походил на Вальтера, и это сравнение Герману не понравилось.

Дженоаро понял, что происходит, попытался воспротивиться подчинению, но его воля уже принадлежала ему не в полной мере. Его глаза панически расширились и налились кровью. Кровь же хлынула из носа и ушей, и Герману понадобилось все его мужество, чтобы продолжить. Пришло время дать команду.

Отпусти Стефанию и сдавайся.

Собственный голос оглушил Германа, хотя он не произнес ни слова вслух. Он не позволил Гаспару отвернуться и мысленно повторил:

Отпусти Стефанию.

Сдавайся.

Сдавайся!

Колени задрожали от перенапряжения, к горлу подкатил тугой комок, хотя поесть на балу особенно не пришлось. Герман выпрямил спину, стиснул кулаки.

Отпусти Стефанию.

Шпага со звоном ударилась об отполированные водой камни. Дженоаро ссутулился, глаза его потухли, с лица ушли все краски. Он выглядел жалко, и Германа с удвоенной силой затошнило от мысли, что это его рук дело. Пожалуй, если бы не это, он бы раньше обратил внимание на новых действующих лиц.

Стефания рухнула на руки подоспевшему вовремя парню, в котором Герман узнал Вильяма. Странно, но он даже не удивился, удивление забрало бы последние крупницы сил, которых и так почти не осталось. Главное, что девушка яростно вцепилась в его одежду и часто, судорожно задышала. Рядом с Бертом тоже кто-то был, а со стороны моста приближалось еще двое людей, но как Герман ни приглядывался, перед глазами все подозрительно плыло, как в тумане, и становилось только хуже.

– Герман! – кажется, кричал Гротт. Его неизменный сливовый камзол мелькнул на мосту размытым пятном.

Что он хотел сказать, спросить? Его голос звучал странно, можно предположить, что взволнованно. Герман хотел что-нибудь ответить, но комок в горле поднялся выше, и, прижав ладонь ко рту, Герман закашлялся, давась чем-то горячим и липким. Пальцы окрасились красным.

– Герман!

Гротт снова окликнул его, и Герман наконец понял, но немного позже, чем надо.

Дженаро сбросил наваждение и с отчаянным воплем развернулся, одновременно с этим взмахивая рукой. Что-то сорвалось с его пальцев и полетело в Стефанию. Зрение подводило Германа, но даже если бы он четко видел, что это, ни за что не смог бы остановить полет. За долю секунды его сердце успело покрыться льдом от ужаса, и тепло, ударившее в лицо, было будто из другого мира. А следом за этим волна горячего воздуха снесла его с ног. Он в очередной раз оказался в воде, она хлынула в рот, в нос, смешалась с пенившейся на губах кровью. Боли Герман пока не чувствовал, хотя подозревал, что без ожогов не обойдется. Торопливо вскочив, он попытался выбраться на берег, чтобы подбежать к Стефании, но не прошел и пары шагов.

Судя по голосам впереди, девушка была в порядке. Чего не скажешь о Гаспаре Дженаро.

– Она жива, – непонятно как тут оказавшийся Вильям Варма сразу понял, какой ответ требовался Герману, хотя вопрос еще даже не был задан. Странно, но, как ни старался, Герман не мог почувствовать фон его эмоций. И не только его. Побережье было окутано тишиной, но не блаженной, о которой он всегда мечтал, а мрачной и недружелюбной. И Герман почувствовал себя без своего привычного дара как без рук.

– Герман... – позвала Стефания слабо, голос срывался, и девушка почти прошептала его имя.

– Гаспар Дженаро, вы подлежите аресту по подозрению в несанкционированном использовании магии, нарушении Устава Училища

военно-магических дисциплин и покушении на убийство, – Савелий Кишман зачитал приговор. – Как представитель администрации УВМД, я задерживаю вас до выяснения обстоятельств, – и негромко добавил: – Хорошо я сказал?

– Не ерничай, Сава, – хмуро осадил его Дамиан Эрно. – Дженаро, я заблокирую твой браслет.

Гаспару, скорее всего, досталось гораздо сильнее Германа. Судя по запаху подпаленной плоти, ожоги должны быть жуткими, и прежде красивое лицо учителя теперь вызовет сострадание и желание поскорее отвернуться. Герман же еще ощутил отвращение, но к самому себе, за то, что недавно творил с его разумом.

Со спины подошел Альберт и навалился всем весом. Теперь от него пахло лишь кровью, но запах вишни, неотделимый от него, все равно призрачно ощущался на языке. Зажатый в объятиях, Герман пытался понять, что же сам чувствует в большей степени – радость и облегчение или усталость и грусть. А окружающий мир был все так же пугающе тих и пуст.

– Все больные, а ну живо разошлись и страдаем поодиночке, – приказал Савелий. – Вальтер, скажи курсанту Калькбреннер, что барьер больше не нужен, пора возвращаться. И поздравляю, твой план удался, как и обычно.

Тепло Альберта отдалилось, он отошел в сторону. Герман остался один.

– Герман, – Гротт позвал его по имени, – с тобой мы поговорим позже, вас с Дидрик нужно срочно доставить в лазарет. Курсант Варма.

– Я! – отозвался Вильям.

– Благодарим за помощь от имени администрации училища. А теперь выдвигаемся, экстренный телепортационный канал слишком нестабилен.

Все пошли за ним, а Герман не тронулся с места.

– Тебе нужно особое приглашение? – не слишком дружелюбно поинтересовался Вильям. Его голос с едва различимыми нотками превосходства, но без излишней самовлюбленности, будто разбудил Германа.

– Подошва, – сказал он, продолжая смотреть прямо перед собой, первое, что пришло на ум. – Кажется, от сырости отклеилась.

– Разумеется, более дешевой модели во всей Визании не сыщешь.

– Не лезь к Герману! – поспешил на выручку Альберт. Его шаги протопали по камням обратно, и он взял Германа под руку. – Не будь таким злым, смотри, как ему досталось.

Вильям хмыкнул:

– Прошу прощения за то, что обидел нашего героя. Идемте, а то застрянем тут до скончания веков.

– Я не могу, – Герман глубоко вздохнул. Пальцы подрагивали, но он не мог этого заметить.

– Что значит не могу? – Берт прижался к его плечу. – У тебя что-то болит? Что значит не могу?

Герман прислушался к себе и медленно проговорил:

– Я ничего не вижу.

Урок 11

Иногда, чтобы не видеть грязи, недостаточно просто закрыть глаза

Мир никогда не был таким пустым, черным и страшным. Из него пропали не только цвета и образы, но даже, казалось бы, неотделимые от Германа ощущения чужих эмоций. Он не видел совершенно ничего, его дар молчал, и без него, такого надоевшего и порой мучительного, он чувствовал себя беспомощным. И он не чувствовал себя собой.

Их со Стефанией разместили в разных палатах, но в одном коридоре, только вот встать и навестить ее Герман не мог, иначе мастер Гош грозил приковать его цепями. И что-то подсказывало, что именно так он и поступит.

Первый визитер, которого пустили в палату, явился как раз тогда, когда Герман все-таки поддался слабости и заснул. Неглубоко и тревожно, но на сие настаивал мастер Гош, лично взявшийся поставить его на ноги. Кто-то оставил открытым окно, не иначе как по ошибке, и прохладный ветерок шуршал занавесками, с улицы доносились приглушенные звуки жизни, и убаюканный ими Герман не сразу понял, что его одиночество нарушено.

– Спи. Я найду позже. – Шелест одежды выдал положение Вальтера Гротта. Он стоял у самой двери, наверное, только вошел. Герман рефлекторно шире раскрыл глаза, но это, разумеется, не помогло. Темнота оставалась все такой же непроглядной.

– Нет! – Он резко сел и протянул руку. Пальцы ухватились за пустоту. – Я в порядке, не хочу спать.

Многие вещи оказались гораздо сложнее для слепого, нежели зрячего, и Герман неловко завожился, пытаясь сесть и не уронить одеяло на пол. Гротт пришел на помощь.

– Как Альберт? – задал Герман вопрос, на который никто не желал отвечать и который его сильно мучил. В последний раз, когда они виделись, Берт старался бодриться, шутил и хвастался первым в жизни боевым ранением, но крови было слишком много, чтобы не волноваться. Альберта забрали медики и поместили в отделении для тяжелораненых.

– Живее всех живых, – легкомысленно отозвался Гротт и как-то слишком заботливо расправил складки на одеяле. – Не волнуйся, он уже все крыло на уши поставил, требуя тебя.

Что ж, это похоже на Берта. Возможно, ранение только казалось ужасным.

– А вы? Вы же не просто так пришли? – Герман не стал благодарить и сразу решил прояснить ситуацию. Возможно, он не так хорошо изучил Гротта, но о чем-то мог догадаться и без своего ментального дара. Например, что все это время им умело манипулировали.

– Отлично! – Вальтер, кажется, был доволен. Стало любопытно, какова на цвет и вкус его радость. – Я не принес фруктов, уж прости. Но после выписки мы могли бы поговорить в более дружеской обстановке. Во внеучебное время, конечно.

Герман дернул головой, стремясь посмотреть туда, где, по его мнению, было лицо учителя.

– Вам не надоело играть, учитель Гротт?

– Смотря что ты считаешь игрой. – Вальтер сел на край койки, матрас промялся под его весом. – Тебя никогда не утомляла чужая глупость? Признайся, ведь утомляла. Ты злился на то, что другие не понимают очевидных вещей. Ты привык быть далеко впереди, и, кроме тебя, там никого не было. Тебе было скучно и одиноко там?

Герман вздрогнул, комкая пальцами край одеяла:

– Не пытайтесь сбить меня с мысли. Мы с вами не похожи.

– Похожи. Ты видишь ту же грязь, что и я, ту же человеческую мерзость.

– Это не так!

Герман почувствовал, что задыхается, не физически, а где-то внутри. Слова Гротта душили его, но в них была своя правда. Но это вовсе не то, о чем хочется думать.

– Дженаро не рассказал больше ничего полезного? – задал Герман вопрос. Коль пришел навестить, пусть рассказывает. Герман страдал от нехватки информации, факты, которыми он располагал, не желали связываться между собой без посторонней помощи.

Вальтер пошевелился. Зашуршала ткань, скрипнула кожа сапог – закинул ногу на ногу.

– Ты же и сам почти все понял. Не в курсе как, но ты пришел к тем же выводам, что и я в свое время. Дженаро предатель. – Голос Гротта обрел твердость и холодность. – Я не мог найти доказательств, но мой дар не ошибается, и вот ты всю работу сделал за меня. Жаль только, телепортацию учесть не удалось. Какая-то новая разработка, прежде не сталкивался с таким видом телепортов.

– Да плевать, – тихо ответил Герман, подавляя раздражение. От него

все равно не было толку, кроме усталости. – Так Дженаро сознался во всем?

– Он упрям, как и все уроженцы его мира. Им займется Служба безопасности Визании, допрашивать – это их конек. Пока могу точно сказать следующее. Дженаро и правда работал на кого-то, кто велел ему устроить Альберта в училище, не просто так, а за деньги, разумеется. Наш учитель фехтования оказался не тем, за кого себя выдавал, он разыскивался по многим мирам как наемный убийца, вор и аферист. Вот и верь после этого рекомендациям. – Гротт вздохнул и, похоже, сменил позу. – Михель, по моим данным, некоторое время назад обзавелся влиятельным покровителем, которым, я так подозреваю, является нынешний правитель Виндштейна. Я могу только предположить, что это по его просьбе Михель пытался переписать личность Альберта, но по какой-то причине произошло наложение, обе личности остались в одном человеке, а память просто заблокировалась. Тут в дело вступает Дженаро. Он устраивает Альберта в УВМД и наблюдает за ним, чтобы убить в том случае, если поступит такой приказ.

– Стефания видела, как Дженаро получал от кого-то шпагу Берта.

– Скорее, он получал подтверждение того, что Альберт доставлен в Визанию. И ему бы избавиться от шпаги, но Гаспар имел пагубную тягу к красивым и смертоносным вещам.

Что ж, примерно так Герман и думал.

– Почему сразу его не убить? – все-таки спросил Герман. – Зачем все эти сложности с переписыванием личности?

– Кто знает. Лучше спросить у Леннарда, но пока мы не можем ничего требовать от правителя двух миров. Возможно, живым Берт еще мог ему пригодиться. Кстати, его родители уже намекают, что пора возвращать блудного сынка домой. От лица училища я попросил их не спешить, пока расследование не закончено, а злоумышленник не пойман.

– Вы все рассказали Берту?! – Герман рванулся вперед, желая схватить Гротта, но тому даже не пришлось уворачиваться. Герман просто промахнулся.

– Нет, я же обещал. Но ты же не думаешь, что пропажа такого человека, как Альберт, останется незамеченной в течение аж трех месяцев?

– Могли бы предупредить. Вы отвратительны.

– Ты так не думаешь.

Герман не стал отвечать.

– Если тебе интересно, – Вальтер будто не заметил неловкости, – я расскажу, как мы нашли вас. Я снабдил Кельвина артефактом-маяком.

Голубой топаз, ты должен был заметить. Имея его координаты в пространстве, мы могли настроить экстренный телепорт, опасный и нестабильный, пожирающий невероятное количество энергии. Обычно для такого рода магических манипуляций нужно пять сильных магов. В тот момент у меня в распоряжении было лишь двое. Но у курсанта Дидрик оказался смелый поклонник, Вильям Варма, лучший студент первого потока. А вот ее подруга, Ситри Калькбреннер, – Гротт, кажется, широко улыбался, – вообще настоящая находка. Гош готов посадить ее в колбу и изучать до скончания веков. Энергетические каналы Калькбреннер не замкнуты. Лучше спросить специалиста, но главное, что она способна пропускать через себя чудовищное количество магической энергии. С такой батареей мы могли бы проделать тоннель через всю Ойкумену.

Герман слушал так внимательно, что едва не забывал моргать. Вальтеру доставляло настоящее удовольствие делиться своими успехами с ним. И в этом было что-то очень печальное, что-то очень надрывное и одинокое внутри этого человека.

– Кстати, я навестил Альберта и немного с ним поработал. Блок, конечно, сам собой никуда не делся, но теперь ты можешь рассказать ему правду, не рискуя, что его мозги закипят от этой информации. Благодарить не надо. Впрочем, я бы дождался, когда память вернется естественным путем.

Герман упрямо мотнул головой.

– Но все-таки зачем Леннард у избавляться от Берта? Ему нужна смерть Стефании, но при чем здесь Берт? Мне нужно разобраться.

– Тебе все еще мало? Ослепший и потерявший способности, тянешься к свету знаний? Не боишься сгореть?

– Это все временно, я просто высвободил слишком много ментальной энергии. Вы же мне скажете, если Дженаро продолжит говорить?

– Пока ты не поправишься, не скажу ни слова, – жестко ответил Вальтер и поднялся. – Оставлю тебя на попечение мастера Гоша. Если он не поднимет тебя на ноги, то никто не сможет.

Дверь за ним закрылась, и Герман обессиленно рухнул на жесткую подушку. Поднял руку, пробуя пальцами воздух. Он сладковато пах Гроттом и резко – медикаментами. Но это временно, зрение вернется, а вместе с ними и ментальный дар. Вот тогда можно будет поставить точку.

Герман быстро шел на поправку, гораздо быстрее, чем прогнозировали медики. Зрение восстанавливалось, правда, немного медленнее ментальных способностей, но когда в очередной раз к нему заглянул мастер Гош, в целом Герман чувствовал себя гораздо лучше.

– Знаменитый курсант Герман? – Голос Гоша был мрачен, несмотря на иронию во фразе. – Поздравляю, вы едва не загнали себя в могилу. В следующий раз старайтесь лучше. А теперь соберитесь и посмотрите на мою руку.

Герман прищурился, пытаясь навести фокус на пятерню в белых медицинских перчатках, но вышло не очень, только глаза заслезились. После того как они все угодили в лазарет, прошло несколько дней, и только вчера в непроглядной тьме неожиданно начали вырисовываться мутные очертания предметов, а незадолго до этого из тьмы ментального пространства выплыли первые смутные образы окружающих эмоций.

– Сколько пальцев?

– Вижу много, – честно признался Герман, – а так смею предположить, что пять.

Мастер Гош довольно хмыкнул – неловкая шутка определенно показалась ему смешной, и рыжевато-синее пятно, которое Герман видел вместо доктора, будто потеплело. Хотя мастер Гош одним взглядом внушал безотчетный страх.

– Ладно, умник, запрокинь голову. – Заскрипело кресло на колесиках, Гош отъехал к столу и закопался в ящиках и склянках. Герман перестал болезненно щуриться, и не очень четкое пространство процедурной вдруг прошилось тонкими цветными нитями магических заклинаний. Этого еще не хватало. Он запрокинул голову. Доктор подкатил свое кресло обратно и аккуратно нанес на открытые глаза мазь. Пахла она противно, зато приятно холодила воспаленные глаза.

– Еще один такой необдуманный подвиг, и можешь совсем ослепнуть, – безрадостно предупредил Гош. – Дашь глазам отдохнуть, вечером повторим процедуру. И никакого своеволия, постельный режим и строгий график.

– Мастер Гош, – неуверенно начал Герман. – А Стефания, то есть курсант Дидрик... Как она там?

– Лучше, чем ты. – Гош улыбнулся, это ясно чувствовалось в голосе. – Но даже не мечтай ее навестить, сделаешь шаг из палаты, и я прикую тебя к койке цепями.

Герман смущенно сжал руки на коленях и вынужденно кивнул. Когда лишаешься чего-то важного, всегда чувствуешь себя беззащитным перед другими. Сейчас ему казалось, будто любое неосторожное слово способно ранить очень глубоко, намного глубже, чем потеря зрения и способностей, и ему необходимо было увидаться со Стефанией.

– Глаза не открывать, слушаться моих указаний, не перечить и не

пытаться сбежать, как пациент с колотой раной.

Герман удивленно вздернул брови. Альберт пытался сбежать? Неужели... неужели рвался к нему?

– Мастер Гош! – В палату, коротко постучавшись, ворвался Марк. – Стажер Марк, то есть просто Марк, то есть студент Хатти. Можно обратиться?

От потока бессвязной информации заболела голова, а от клубка искрящихся путаных эмоций Марка захотелось зажмуриться еще сильнее. Гош фыркнул, скрипнуло, поворачиваясь к двери, кресло.

– Что еще? Я, кажется, просил не лезть ко мне во время планового осмотра? Просил же?

Скрип, стук каблуков и смачный звук подзатыльника. Марку снова досталось.

– Но мастер Гош... Вас вызывают на совещание в кабинет директора, это срочно.

– По поводу?

Герману тоже было крайне любопытно.

– Секрет, – разочаровал его Марк. – То есть мне не сказали.

– Ну да, – вздохнул Гош. – Еще бы тебе сказали, в тебе информация едва держится.

– Мастер Гош!

Новый подзатыльник прервал его неначавшееся возмущение. Над Германом нависла тень.

– Так, наложи повязку, я не успеваю. Вечно они устраивают бессмысленные совещания в разгар рабочего дня. Кто тебя прислал?

– Учитель Гротт.

– Тогда ладно. Инструкция на столе, разберешься. Из палаты его не выпускать. Я ушел.

Гош прошел к двери, и его уверенная жесткая аура перестала давить на Германа. Да и Марк, кажется, вздохнул с облегчением.

– Хорошо хоть не линейкой, – порадовался он, спеша выполнить указания Гоша. – В прошлый раз так поперек спины получил, думал, след останется. Но мастер Гош в этом деле специалист.

– В деле избиения студентов? – не удержался от колкости Герман, привыкая к тугой повязке.

– В деле воспитания ценных кадров, – явно процитировал Марк и, судя по звуку, развалился в кресле своего наставника и кумира. – О, он твой медицинский лист оставил. Дай-ка мне взглянуть. Хм... хм, интересно.

Поскольку Герману так никто и не удосужился объяснить, что с ним

случилось и как долго будет продолжаться, Марка ему будто сама судьба послала.

– И мне скажи, хорошо? Кажется, я имею право знать.

– Мастер Гош придерживается мнения, что пациент не нуждается в лишней информации. – Марк зашуршал страницами. – Я, правда, тут с ним не согласен, и знаешь, с ним очень сложно быть не согласным. И иногда больно.

В общем, о мастере Гоше у Германа потихоньку складывалось не самое приятное впечатление, но вот Марк испытывал к нему безграничное уважение и, похоже, почти боготворил.

– Он настолько хорош?

Если Марк и удивился резкой смене темы, то не обратил на это внимания. Его настрой менялся куда резче и чаще, и не зная Герман его лично, решил бы, что имеет дело с безумцем. Возможно, все медмаги такие, кто знает.

– Он лучший, – уверенно ответил Марк. – Смотри, что он написал в колонке диагноза. Хотя нет, это для тебя будет сложновато. Давай я своими словами?

– Давай как тебе удобнее, – сдался Герман и потрогал повязку. Она немного стесняла его, не давила, не мешала, но сам факт ее присутствия смущал.

– Прежде менталисты не попадали к нам с такими повреждениями, а все потому, что ты перенапрягся. Источник ментального дара – человеческий мозг. Соответственно, существенно превысив доступный тебе порог ментального воздействия, ты заставил свой мозг защищаться. Если совсем просто, перенапряженному мозгу пришлось ограничить поток информации, поступающей из внешнего мира, чтобы сохранить себя в рабочем режиме. Он ограничил работу сенситивной системы. Короче говоря, начал с того, что отключил тебе зрение. Если бы помощь не подоспела вовремя, ты мог бы потерять еще и слух, обоняние или вообще впал бы в кому. Так что делай выводы. А вообще это все очень интересно...

Он говорил что-то еще, но Герман перестал слушать.

– Прости, в общей библиотеке есть учебники на эту тему?

– Что? А, нет, наверное, у нас своя библиотека в медицинском крыле. А тебе зачем? Все равно же не поймешь ничего.

Герман упрямо наклонил голову:

– Пойму. Просто понадобится немного времени.

– Ладно. Главное, что процесс обратимый. Только не пойму. Тут данные о твоём уровне ментального дара, и выходит, что ты просто не мог

так выжаться, воздействуя всего на одного человека. Мастер Гош предполагает психологические причины. Будто ты сам довел себя до срыва. Но почему? Это же просто для тебя.

– Не просто. – Герман спрятал лицо в ладонях, хотя смутно представлял, смотрел ли Марк на него в этот момент или нет. – Ты не понимаешь. Я... не хотел этого.

– Ты мешал сам себе?! – воскликнул Марк и добавил тише, почти шепотом: – Ты монстр. Понимаешь, что сам себя чуть не угробил? Тебе было жалко Джено, что ли?

– Я не хочу быть монстром. – Герман поднял голову, интуитивно находя закрытыми глазами источник голоса. – То, что я сделал, отвратительно.

– Дела-а-а...

Они замолчали, и Герман не желал продолжать разговор на эту тему.

– Герман.

– Чего тебе?

– Герман. – Тон Марка стал странным, а в эмоциях появилась какая-то хитринка. – Хочешь навестить свою девушку? Я могу проводить тебя, и если мы кого-нибудь встретим, я скажу, что веду тебя на процедуры. Идет?

Герман неуверенно кивнул, боясь поверить в удачу. Даже просить не пришлось, хотя он уже подумывал об этом.

– Буду благодарен.

Таким образом Марк желал загладить неловкость, и Герман действительно был ему благодарен.

Марк взял его под локоть и вывел в коридор. Слепому Герману он казался бесконечно длинным, самой настоящей пропастью. Но все-таки он старался сохранить остатки достоинства и побороть в себе малодушное желание крепче схватить Марка за руку.

Перед дверью в палату они остановились. Марк распахнул ее и тихо проинструктировал:

– Три широких шага вперед, кровать справа, обходи слева. Справишься?

Герман снова кивнул и положил ладонь на холодный косяк, вошел в палату. Дверь позади закрылась – Марк оставил их вдвоем.

Стефания спала. Герману не нужно было зрение, чтобы увидеть мятно-зеленый комочек и ощутить на языке освежающий вкус мяты и талого снега. Он воспользовался советом, сделал вперед три широких шага и схватился рукой за холодный металл спинки кровати. Осторожно обошел, нащупал край матраса и опустил на него.

Дар вернулся к нему, скоро вернется и зрение, а до этого момента он спешил воспользоваться шансом и поговорить со Стефанией. Он и сам до конца не понимал, почему ему так важно сделать это сейчас, когда он чувствовал себя ограниченно и неуверенно. Наверное, Стефании так будет легче – если он не увидит ее лица.

Стефания трогательно сопела во сне, изредка задерживая дыхание, как перед прыжком. Короткая вспышка страха, и она проснулась.

– Герман? – ее голос, еще сонный и невнятный, произнес его имя. Закрытых глаз под мягкой повязкой осторожно коснулось сожаление. Нет, скорее жалость. Эти два чувства всегда путались между собой.

– Привет. – Он улыбнулся, отдаленно представляя, каким видится ей сейчас. – Мне разрешили немного размяться, и я пришел к тебе. Как себя чувствуешь?

– Это ты как себя чувствуешь? – перебила Стефания и смутилась. – Нормально. Скоро выпишут. Как Берт?

– Хорошо. То есть, – Герман быстро поправился, – ему повезло, удар должен был пробить сердце, но Берт оказался проворнее. Мастер Гош сказал, что если он перестанет дергаться и пытаться сбежать, от раны даже шрама не останется. Но пока к нему не пускают.

Эмоциональный фон Стефании изменился, и Герман рефлекторно дернул головой и едва не открыл глаза, чего совершенно нельзя было делать.

– Что с тобой?

Дрожь волнения утихла, но девушка все равно была напряжена:

– Он тебе ничего не говорил... обо мне?

– Кто? Берт?

– Гош! – воскликнула она и, удивительное дело, извинилась: – Прости. Забудь.

– Не хочешь сама мне что-нибудь рассказать?

Герман намеренно сделал паузу, чтобы дать ей время решиться. Однако пауза нужна была и ему тоже, унять разошедшееся сердцебиение. Наверное, впервые он так хотел и так боялся узнать правду.

– Спрашивай, – ответила Стефания коротко, но в ней не чувствовалось желания улизнуть, обмануть. Может, ей нужно было поговорить, причем именно с ним.

Тонкая занавеска колыхнулась от сквозняка, и солнечный лучик упал Герману на нос. Стефания улыбнулась, пусть даже Герман и не мог этого увидеть.

– Эмилия... – Он сильно прижал ладони к коленям. – Это твое

настоящее имя?

– Эмилия Керстин, наследная принцесса Виндштейнская, любимая дочь короля и королевы Виндштейна, будущая королева. – Стефания отдалялась мысленно, погружаясь вглубь себя. – Ее с детства учили быть первой, быть лучшей. А я... я ее близнец. Стефания Ирмелин, вот мое имя.

Тоску можно было резать ножом, и ее источник был почти переполнен. Должен был неминуемо грянуть взрыв.

– Вы обе должны быть мертвы, – припомнил Герман сводки новостей почти трехмесячной давности. – Что с Эмилией?

– Ты сам сказал. Мы должны быть мертвы – наследная принцесса и ее капризная сестренка, которую прятали в замке как потенциальную замену на непредвиденный случай. И знаешь, так оно и есть. Я всего лишь замена Эмилии. Ее больше нет, и Стефания Ирмелин последовала за ней в небытие.

– Но ты здесь! – Герман вытянул руку и нащупал ее холодную ладонь поверх одеяла. – И я не хочу, чтобы ты исчезала. Расскажи все, тебе станет легче.

– Легче? Легче... – Она тихо вздохнула и сжала его руку. – Этого никогда не будет, Герман, мне никогда не станет легче, хотя ты прав в том, что нужно поговорить, рассказать. Очень больно. Я не думала, что будет так больно. Я мечтала о мести и правда считала, что это поможет, но мне кажется, что я умерла, по ночам мне снится, что это все-таки случилось со мной. Герман, я ведь еще жива?

Он погладил ее ладонь большим пальцем, надеясь, что она его поймет. И девушка глухо продолжила:

– Все было хорошо, пока к Эмилии не посватался этот страшный человек.

– Леннард Огюстос?

– Да. Он очаровал всех, даже Ситри однажды сказала, что он ничего. – Стефания горько усмехнулась. – Мне тогда еще подумалось, почему он не выбрал меня, ведь мы с сестрой одинаковые, хотя бы внешне. Только у нее было право престолонаследия, а у меня нет. Мне хотелось такого жениха, как Леннард. А потом... потом...

Новость облетела замок сверху донизу буквально за считанные минуты. Стефания слышала ее далеко не первой, а как только слышала, тут же бросилась к сестре.

– Это правда? – спросила она, когда обнаружила Эмилию в беседке, во внутреннем дворе замка. Сегодня выдалось солнечное утро, и иней сверкал

в ярких лучах. Эмилия поднялась ей навстречу и протянула руки.

– Стефания, сестра моя! – Она улыбнулась. Суровое лицо Стефании ее не смутило. – Как быстро разлетаются слухи.

– Так это... это неправда? Ты не выходишь замуж?

Стефания недоверчиво следила за безмятежно улыбающейся сестрой. Эмилия изящно приподняла подол своего красивого платья из тяжелой парчи густо-синего цвета и спустилась по ступенькам к сестре. Рядом они становились почти не отличимы друг от друга, но стоило лишь присмотреться внимательнее, и все становилось на свои места. Резкая, капризная, грубая и непримиримая Стефания – младшая. Очаровательная, кроткая, воспитанная и женственная Эмилия – старшая. Конечно, Стефания завидовала, но и любила тоже. Даже больше, чем себя.

– Выхожу, – ответила Эмилия и взяла сестру за плечи. – Но не печалься, ведь скоро придет и твой черед.

– Я не хочу!

– Таков наш долг, дорогая, – напомнила Эмилия и ласково пригладила растрепанные волосы сестры. – Третьего месяца я войду в храм и стану супругой Леннарда Огюстоса из Грейнциварта.

Стефания замотала головой и оттолкнула сестру.

– Я не хочу! – заявила она, сама не понимая, что имеет в виду.

Зависть дала о себе знать несколько седмиц спустя. Леннард Огюстос посетил Виндштейн с визитом. Стефания наблюдала со стороны за приготовлениями, за тем, как старательно Эмилия украшает себя, даже еще более старательно, чем обычно. Ее густые темные волосы, такие же, как у Стефании, блестели на морозном солнце, белая нежная кожа жемчужно сияла в обрамлении парчи и горностаевого меха. И тогда Стефания впервые подумала о том, что может быть такой же красивой. Они же одинаковые. Так почему все смотрели на старшую и никто не замечал младшую, ее бледную невыразительную тень?

Леннард был прекрасен. Стефания стояла по левую руку от отца и смотрела, как жених ее сестры размашистым шагом идет навстречу и улыбается. Не ей. Высокий, статный, широкоплечий, со светлыми волосами, убранными назад и украшенными тонким золотым обручем, символом его власти. Когда его взгляд случайно пал на Стефанию, ее сердце затрепетало. Она хотела, чтобы он выбрал ее. Передумал, перепутал – все равно. Разве она этого не заслуживает точно так же, как и ее близнец?

Следующая их встреча поселила в душе еще большее смятение. Леннард улыбнулся. Он улыбнулся Стефании! Именно ей, а не ее улучшенной версии.

– Давайте прогуляемся, ваше высочество. – Он предложил ей руку, и она за нее взялась, чувствуя непривычную робость.

С тех пор все изменилось. Леннард задержался в замке, и все время, что он был тут, Стефания ждала их редких встреч, в которых он неизменно был благороден, умен и галантен. Стефании казалось, что он сияет как солнце.

– Что ты делаешь, сестра? – сказала ей раз Эмилия после одной из таких встреч. – Не теряй головы.

– А в чем проблема? – Стефания гордо вскинула голову. – Разве могу я чем-то помешать будущей королеве Виндштейна?

Спрашивала, а сама внутри ликовала. Пусть немного, пусть чужое, но и ей перепало счастья, которого прежде она не знала. Это опьяняло ее и не позволило одуматься прежде, чем случилось непоправимое. В своей зависти к сестре, прежде так горячо любимой, она не заметила, как все стремительно катилось к печальному финалу.

– Старшая что-то поняла, – говорил Леннард тому, кого Стефания не видела сквозь дверную щелку. Подслушивать недостойно венценосной особы, но Стефания почему-то не ушла. – Придется ускорить события. От старшей избавьтесь, а...

Стефания не дослушала. Бросилась бежать прочь, к отцу. Надо скорее сказать ему, что их обманывали. Эмилия. Эмилии грозит опасность! Она так спешила, подгоняемая не столько страхом, сколько чувством вины и стыдом, что даже не поняла, что случилось. Просто мир потемнел, рассыпался искрами, и она рассыпалась вместе с ними...

Стефания всхлипнула, пока еще сдержанно, но отголоски грядущей бури витали в воздухе.

– Продолжай, пожалуйста. Что было потом? Он обманул тебя?

– Он обманул нас всех! Ему не просто нужна была наследная принцесса, чтобы править вместе с ней, ему нужен был сам наш мир, без Эмилии, без меня, без мамы и папы. Меня учили не так тщательно, как Эмилию, но я прекрасно знала, насколько важен Виндштейн для военной сферы Ойкумены. Кроме отличных солдат, мы поставляли в другие миры сверхпрочную железную руду и еще целый ряд металлов. И Леннард решил получить все разом, женившись на Эмилии и убив ее после свадьбы. И у него почти получилось.

Герман задумчиво покачал головой. План был не нов, совершенно не оригинален, зато проверен многотысячелетней историей всех обитаемых миров. Эмилия мертва, значит, у него все получилось.

– Мне жаль твою сестру.

Стефания вспыхнула непонятным чувством и окрасилась черными тонами беспросветного отчаяния. Она еще не все сказала, и Герман чувствовал, что его ждало нечто ужасающее.

– Тогда дослушай мою историю. Леннард убил Эмилию, я видела это своими глазами, но до свадьбы оставалась целая седмица. То есть мне кажется, что я видела, потому что все дни, что я провела в нашем замке после этого, до сих пор будто в тумане. Ситри была со мной, она лучше знает, но даже она не могла бороться в одиночку. И свадьба состоялась.

Арочные двери с натужным скрипом отворились, впуская в полутемное, пропитанное душными ароматами благовоний помещение храма девушку в багряном, под стать наряду жениха, платье. Она замерла на пороге, рассеянным взглядом окинув обстановку, глубоко вздохнула и сделала первый шаг. Длинный атласный шлейф, переливаясь в свете многочисленных курильниц, змеился за ней кровавым потоком. Девушка пересекла зал чеканящей походкой, гордо держа королевскую осанку и вздернув упрямо выпяченный подбородок, но во взгляде все еще читалось смятение. Остановившись возле алтаря, она сложила руки на груди в ритуальном поклоне.

Герман вспомнил запись свадебной церемонии, и многое, что казалось ему тогда странным, стало вдруг пугающе ясным. Блуждающий взгляд невесты, мутный и непонимающий. Чеканная походка и упрямый подбородок – теперь все это выдавало для него Стефанию. Ее жесты, ее глаза. И не ее свадьба.

Брачные браслеты защелкнулись на запястьях, до самой смерти соединяя супругов. В тот же миг Эмилия покачнулась, добела сжала пальцы. Глаза испуганно расширились, в них мелькнуло осознание, но быстро угасло. Принцесса покорно подняла голову, принимая первый поцелуй мужа.

Он отлично знал, какими лживыми могут быть чужие чувства, знал, что редкие браки среди людей ее уровня заключались по любви, но в этой церемонии все было не так. Потому что невеста не понимала, что с ней происходит.

– Он заставил тебя выдать себя за Эмилию? – дрожащим от гнева голосом спросил Герман. Он готов был в этот момент убить Леннарда Огюстоса своими руками.

– Он заставил меня поверить, что я и есть Эмилия. А потом все запуталось, я не понимала, кто я на самом деле, кто он, зачем... зачем нам делать все эти странные... вещи. Я просто хотела, чтобы все закончилось.

Ох, Герман!.. Я так хочу, чтобы это было не со мной!

Скрипнули пружины, рука Стефании исчезла из его ладони, но почти сразу на Германа навалился приятный вес теплого девичьего тела. Стефания обхватила его за шею, ее распущенные волосы защекотали лицо.

– Ситри помогла мне сбежать, она спасла мою жизнь, и я решила посвятить ее мести. Накопить сил, найти союзников, подчинить себе магию и вернуться домой, чтобы убить Леннарда. Я думала, что выучусь, стану сильной и убью его.

– Стефания! – Говорить было не очень удобно, волосы лезли в рот, точно живые, но Герман несмело обнял девушку за талию и погладил по спине. – То, что ты пережила... Прости, если бы я знал...

Ее спина вздрогнула, раз, другой. Герман обнял ее сильнее, и тут Стефания заплакала. Сначала негромко, будто не решаясь показать слабости. Но постепенно рыдания стали громче, Стефанию затрясло. Герман совершенно растерялся, но девушке было достаточно того, что он просто рядом. Она так цеплялась за него, будто боялась, что ее унесет в открытое море, где ей снова придется бороться за свое существование. Через этот отчаянный плач она выплескивала всю свою боль, которой скопилось слишком много для нее одной.

– Не смотри на меня... – сквозь слезы хрипло повторяла она. – Я не слабая! Я не слабая...

– Тише, тише. Я с тобой.

Он гладил ее по спине, по волосам, чувствуя, как ее мокрая щека касается его щеки.

– Только не уходи, – проскулила она, крепко к нему прижавшись, почти задушив в не по-женски крепких объятиях. – Если ты бросишь меня, я тебя убью!

– Дурочка. – Герман улыбнулся, хотя повода вроде бы не было. – Теперь я буду тебя защищать. Ничего не бойся, хорошо? Ничего не бойся.

– Ты обещаешь?

Объятия разжались, кажется, Стефания чуть отстранилась, но все равно была так близко, что обжигала губы дыханием. Герман подавил желание облизнуться, так жарко ему вдруг сделалось.

– Конечно, обещаю. Я стану твоим рыцарем, если ты мне позволишь.

– Просто рыцарем? – Она будто бы ожидала иного, но Герман не мог сказать того, что вертелось на языке. У него не хватало смелости, ведь она – принцесса.

– Самым верным.

– Мне нужно больше...

Стефания тихо выдохнула, и щеки коснулось что-то мягкое, горячее и влажное. Герман не сразу понял, что это был поцелуй.

– Герман! Герман, скорее... – взволнованно позвал от двери Марк. Потом коротко вскрикнул, и в палату стремительно вошел мастер Гош. Он был крайне мрачен, сосредоточен и, как Герману показалось, озадачен. Не обращая внимания на нарушение постельного режима, он жестко приказал:

– Пошли вон оба.

Стефания задрожала так сильно, что ее дрожь передалась Герману. Он взял девушку за руку и повернул голову на голос Гоша.

– Если это касается Стефании, то я...

– Вон, я сказал.

Марк схватил Германа за рукав и потянул:

– Пошли. Пожалуйста.

Стефания выпустила его ладонь и ни слова не сказала. Марк потащил Германа к выходу, и, проходя мимо доктора, Герман уловил что-то смутное, даже не эмоцию, а намек на нее. И понял, что оказался прав, – дело касалось Стефании. И это было что-то очень... тревожное.

– Подождите...

Однако Марк с неожиданной силой выпер его в коридор, и дверь в палату с грохотом захлопнулась. Марк не остановился на этом и потащил Германа дальше, но тот не собирался смириться. Он вырвал локоть из пальцев Хатти, при этом едва не потеряв равновесие, и, нащупав его плечо, толкнул к стене.

– Что происходит? Почему Гош встревожен? О чем он собирается беседовать со Стефанией? Ты знаешь, что меня сложно обмануть. Отвечай!

Тут он немного блефовал, но нужного эффекта все же добился. Марк занервничал.

– Я не могу сказать, это медицинская тайна. Правда не могу! Не заставляй меня.

– Хотя бы намеки, – почти взмолился Герман и схватил Марка за второе плечо. – Ты отвел меня к ней и теперь не можешь бросить меня на полпути! Мне нужно знать, я обещал защищать ее!

Марк засомневался, его эмоции снова пришли в бесконтрольное хаотичное движение, и наконец он негромко признался:

– Мы провели кое-какие анализы, в том числе и магическое сканирование глубинных слоев ауры. В общем, ты не все знаешь об этой девушке. Ее уже давно не должно было существовать на этом свете. На ней лежит сильнейшее заклятие медленной смерти. Недавно что-то остановило процесс, но в любой момент может начаться обратный отсчет. Прости.

Он вывернулся и оказался рядом с Германом. Осторожно тронул его за плечо.

– Если эта девушка тебе дорога, не оставляй ее, она может этого не пережить.

Урок 12

Чужие секреты всегда кажутся увлекательнее своих

На Германа вдруг накатила невероятная усталость. Казалось, он только сумел сложить все фрагменты невероятно сложного пазла по имени Стефания, и вновь оказалось, что не хватает деталей. Марк рядом занервничал, сильнее сжимая его плечо.

– Ну не переживай ты так. Она же пока еще жива.

– Пока? – Герман готов уже был вцепиться в Марка и вытрясти из него все, что тот поклялся держать в секрете, как в коридоре послышались шаги. Герман по инерции обернулся, вновь забывая, что повязка полностью лишала его зрения.

– О! Какая удача! – Герман без труда узнал голос Вильяма и насупился. – Привет! Стефания ведь в этой палате лежит? Мне сказали, что сегодня я могу ее навестить.

Марк отпустил его, и Герман вдруг почувствовал себя посреди высокого моста без ограждения. Неверный шаг – и он упадет вниз.

– В этой, но к ней пока точно нельзя, ее осматривает мастер Гош. – Он, казалось, обрадовался появлению Вармы, ведь тот спас его от продолжения неприятного диалога. А Герман подумал, что это несправедливо – разрешить навестить Стефанию только одному Вильяму. А он ведь ей даже не родственник.

Даже не ее парень.

– Жаль. – Вильям вздохнул. – Тогда зайду к Герману. Ребята попросили занести ему гостинцев.

– Вообще-то я здесь, – хмуро встрял Герман.

– И правда! А ослеп вроде ты, а не я, – фыркнул Вильям и вновь обратился к Марку: – Его палата соседняя? Давай отведу, у тебя дел, наверное, полно.

Молочное облако всколыхнулось и потянулось к его локтю, но Герман вдруг, резко отдернул руку. Присутствие Вильяма его раздражало и, стыдно признаться, обижало. Особенно сейчас, когда он беспомощен, как слепой котенок, а меньше всего хотелось в этом прикосновении ощутить презрение и жалость. Те самые чувства, которые люди привыкли испытывать к калекам.

– Про твою гордость я уже наслышан, но она сейчас неуместна.

Герман понял, что со стороны наверняка выглядел очень глупо, и скрепя сердце позволил себе помочь. Но в неожиданно теплом прикосновении он ощутил не жалость, а уважение, совершенно расходящееся с едкими словами Вильяма. Стало невыносимо стыдно.

– Прости, – вздохнул Герман, когда они остановились перед дверью. Вильям хмыкнул:

– За что же?

– Плохо о тебе подумал.

– Я тебя не понимаю. Аккуратнее, порог.

В палате, где Герман провел последнюю неделю, пахло цветами и уже привычно – лекарствами. Солнце било в окно, словно и не ждало со дня на день сезона дождей. Даже с закрытыми глазами Герман ощущал его тепло на щеках и очень жалел, что не может выглянуть на улицу, чтобы запомнить последнее цветение хризантем в парке перед медицинским крылом.

Вильям помог Герману добраться до койки, но сам на кровать не сел. Зашаркал по палате и, видимо, принес табурет.

– Зигги и Фо тебе привет передавали, – начал Вильям. Его словно и не смущала возникшая неловкая пауза. Герман же испытывал внутреннее напряжение и дискомфорт, Вильям запомнился ему другим – заносчивым и немногословным, а теперь был готов болтать без умолку. – Да и приятели твои обивают порог медицинского крыла. Гротт даже обещался всучить им метлы, чтобы не просто так ошивались.

Герман вздохнул. Ребята волновались о нем. Это было приятно.

– Корзинку я на тумбочку поставлю.

– Почему только тебя пустили? – оборвал его Герман.

– А ты кого хотел увидеть? Люси Шерилд? Она тоже на вахте была, это, кстати, она передала цветы. А я... я просто показался им достаточно разумным, чтобы не наговорить глупостей.

– Плохо у тебя получается.

– Просто ты меня не видишь, – серьезно ответил Варма. – Сейчас это твое преимущество. Ты ведь был у Стефании? Как она? Вы вроде неплохо ладите, ты ведь знаешь подробности? Ее слишком долго держат здесь для той незначительной травмы, что она получила.

Герман невольно стиснул кулаки на коленях, молочное пятно в темноте колыхнулось и окрасилось подозрением. Впрочем, видение тут же исчезло, лишая Германа зрительного восприятия. Такое иногда случалось, когда он начинал сильно нервничать.

– Не знаю.

Неожиданно захотелось поделиться страхами и догадками, Вильям бы все понял, даже то, что не было бы произнесено вслух, но тайна принадлежала не ему одному. Герман опустил голову.

– Не хочешь говорить, – догадался Вильям и цокнул языком. – Вы встречаетесь?

Вопрос оказался настолько внезапным, что Герман вздрогнул и невольно подобрался. Щеки защипало от одной только мысли об этом.

– Нет.

– Ну и дурак.

– В каком смысле?

– В прямом. Прими бесплатный совет от друга – не заставляй ее слишком долго ждать.

Похоже, что все, что хотел, Вильям уже сказал. Он поднялся, прошел к окну и закрыл ставни. Стало гораздо тише.

– Простудишься. – Он пересек палату и замер возле выхода. Герман почти видел, как тот обернулся, взявшись рукой за дверной косяк. – Выздоровлявай, Герман, нам еще предстоит с тобой немало побороться. До встречи.

Герман просидел в одной позе еще минут двадцать, пытаясь понять, значит ли этот разговор то, что в любви Варма ему не соперник, а потом рухнул на бок и провалился в сон. И снились ему яркие хризантемы под теплым солнечным светом.

Спустя два дня ему позволили снять повязку. От новой, дурно пахнувшей и едкой мази щипало веки, но уже к обеду мастер Гош лично удалил ее смоченным в травяном настое тампоном. Герман сидел на койке и ждал, пока доктор закончит заполнять документы на выписку.

– Вещи заберешь у дежурной медсестры. – Гош отложил ручку и крутанулся в кресле. Герман привычно отметил скрип колесиков. – А теперь медленно открой глаза.

– Открыть?

– Могу смело утверждать, что со слухом у тебя пока все в порядке. Открывай глаза, только не торопись, дай себе привыкнуть, если будешь испытывать дискомфорт.

Герман кивнул.

Сначала было немного страшно – ничего не увидеть. Но вот сквозь узкую щелку пробился дневной свет. Герман смахнул с ресниц набежавшие слезы и попробовал еще раз. Сквозь мутную пелену проступили очертания комнаты, светлый прямоугольник окна сбоку, стол, а ближе всего – силуэт

мастера Гоша. А Герман уже успел забыть, как внушительно он выглядит с этим правильным, но очень суровым лицом. Впрочем, мелкие детали пока смазывались, к тому же очень быстро глаза защипало и слезы хлынули градом.

– Это нормальная реакция, – прокомментировал Гош и пальцами безжалостно приподнял ему одно веко, светя в глаз тонким фонариком. – Через пять минут повтори попытку, если будет то же самое, выжди еще пять минут. А потом переодевайся в форму и дуй отсюда. Больше тебе здесь делать нечего.

– А Стефания Дидрик?

– Выписалась вчера, – не оборачиваясь, ответил Гош и, закончив записи, протянул Герману тонкую тетрадь. – Отдашь дежурной.

За конторкой скучала студентка-старшекурсница. При виде Германа она расцвела приветливой улыбкой.

– Уже выписываешься? – Она приняла медицинскую карту и убрала в стол. – Здорово! Мастер Гош и мертвого на ноги поставит.

В ее голосе слышалось то же обожание, что изредка проскальзывало в речи Марка. Все студенты-медики и медмаги были в восторге от Гоша.

– Да, уже. Спасибо. – Герман сощурился, глаза все еще болезненно реагировали на свет. – Скажи, пожалуйста, а Альберт Кельвин из отдела для тяжелораненых уже выписался?

Девушка сверилась с записями в журнале.

– Кельвин... Такой хорошенький и белокурый? Да, сегодня с утра, правда, пришлось применить силу. Он никак не желал уходить, все к кому-то рвался. Я не знаю, мне друг рассказывал. А что? Твой знакомый?

– Однокурсник, – отмахнулся Герман и, попрощавшись, покинул медицинское крыло.

Он уходил последним, значит, все уже собрались и ждали только его. Герман ненадолго остановился, с наслаждением подставляя лицо солнышку, которое будто торопилось отдать все тепло до скорого прихода холодов. Его ждали. Это было необычно и очень приятно.

В фойе общежития было все так же темно и прохладно, ступени привели его на третий этаж, из-за двери с табличкой «313» слышались голоса. Герман остановился и подумал, что, кажется, не был тут целую вечность. Достал чистый платок и тщательно промокнул слезы, а то еще подумают, что он растрогался.

– Он скоро придет, сядь ты уже.

– Его надо встретить! Вдруг он споткнется, упадет с лестницы, сломает что-нибудь...

– Разве что стену лбом прошибет, – хмыкнул Рене. – Наш Герман крепче, чем кажется. Утихомирься, красавчик, или я тебя привяжу.

– Ты не понимаешь, он же... он же теперь такой беззащитный! – Берт готов был разрыдаться, и Герман решительно распахнул дверь.

Берт цеплялся за рубаху Рене, рыжий цеплялся за стул, чтобы не упасть под таким напором, Ситри без особого усилия держала Берта за воротник. А Стефания стояла у окна и смотрела на улицу.

– Всем привет, – поздоровался Герман, не сводя с девушки взгляда. Казалось, что она растворяется в ярком свете, хотя на самом деле на глазах просто снова выступили слезы.

– Гера, – за всех констатировал Рене. Берт пару раз растерянно моргнул, а потом выпустил рыжего, и Герман понял, что не успеет уклониться.

– Герма-а-ан! – Юноша рванулся к нему, чудом не оставив в кулаке Ситри свой воротник. – Наконец-то, Герма-а-ан!

Поморщились все, но никто не стал затыкать захлебывающегося в эмоциях Берта. Он сгреб Германа в охапку и поднял над полом. Герман только сдавленно захрипел:

– Поставь. Поставь на место!..

– Герман, я так переживал! Так переживал! – Берт выполнил требование, но зато впился в него как клещ и без предупреждения разразился плачем. – Это все из-за меня, я знаю! Учитель Гротт сказал, что ты обидишься, но поймешь. Ты ведь не обижаешься на меня? Скажи, что не обижаешься!

Герману и слова некуда было вставить. Обняв друга за плечи, он затравленно смотрел на остальных в ожидании поддержки. Только вот Рене сделал вид, что взгляда этого не заметил, а Ситри вообще покраснела и отвернулась. Стефания по-прежнему не реагировала на его появление.

Чего-то такого Герман подсознательно опасался. Но не мог не признавать, что время действительно пришло. Он бросил на Стефанию быстрый взгляд и вздрогнул, когда она сделала то же самое.

– Не пора ли нам уже поговорить начистоту? – Рене, серьезный как никогда подошел к двери и плотно ее закрыл. Берт захлопал мокрыми ресницами, Ситри скрестила руки на груди, всем видом показывая, что готова его поддержать. Стефания подошла к столу и опустила голову. Герман сжал кулаки – или сейчас, или никогда:

– Хорошо. С кого начнем?

– С нас. – Ситри выступила вперед и положила ладонь на стол.

– Ситри!

– Молчите, госпожа. Вы не можете скрывать это вечно, тем более от людей, которые желают помочь. Мы же сами пришли сюда, чтобы найти помощь и защиту. Никто не пойдет за вами, если вы будете лгать.

– С этого места поподробнее, красавицы, – сказал Рене.

Герман вздохнул и коснулся необычно холодной и влажной ладони Стефании. Девушка вздрогнула и кивнула.

– Позвольте мне. – И, получив разрешение, Герман кратко рассказал, что ему известно. О том, что Стефания – объявленная умершей принцесса Виндштейна, Эмилия. А если быть точнее, Стефания – сестра той, кто должна была стать королевой, но умерла от руки Леннарда Огюстоса немного раньше. Лицо Берта вытягивалось по мере приближения рассказа к завершению.

– И как давно ты... знал это? – обиженно протянул он.

– С... некоторых пор, – туманно ответил Герман, и между ними словно натянулась невидимая нить.

– Простите, что прерываю, – снова встрял Рене и нагло сел на край стола, чтобы возвышаться над остальными. Ну, разве что кроме Ситри. – Но что там с помощью и защитой? Мы заделались благородными героями? А почему никто не в курсе?

– А? Чего? – Берт, кажется, снова собрался плакать. – Я не понимаю.

– Ушами хлопать меньше нужно.

– Заткнись, Рене, – оборвал Герман. – Стефании угрожает опасность, и едва ли она минует тех, кто ее окружает. То есть нас с вами. Никто не может припереть к стенке правителя не последнего в Северном секторе мира.

– А мы можем? – хмыкнул Рене. – Опомнись, Герман. Ты же не такой дурак, чтобы бросаться в бой с системой. Слышь, принцесса, а ты от нас больше ничего не скрываешь? Ну так, мало ли.

– Это допрос?

– А если и допрос? – Рене погрозил ей пальцем. – Мы уже столько знаем, что нехорошо оставлять нас в дураках. Я понятно выражаюсь?

– Что, пойдешь и сдашь меня? Если что, награды за мою голову не предлагают.

Герман ударил по столу:

– Прекратите оба! Рене, твои шутки неуместны. А если ты говорил серьезно, то предупреждаю, со мной тебе тоже придется иметь дело. Мы прояснили этот вопрос?

Его речь была вознаграждена благодарным взглядом Стефании. Она вынужденно пояснила:

– Я хочу вернуться в Виндштейн и отомстить за свою семью. И мне нужна помощь.

В повисшей паузе было почти слышно, как все напряженно думали. Пока Рене не рассмеялся:

– Ой, не могу! И что ты сделаешь одна? Или украдешь чью-нибудь армию? А кормить ее чем будешь? Обещаниями сладкой жизни в ваших вечных сугробах?

– Рене.

– Что Рене? – Он ткнул в девушку пальцем. – Где она таких идиотов найдет? Упс...

– Я надеюсь, что вы будете на моей стороне, – тихо проговорила Стефания и опустила голову.

Берт неловко заелозил на стуле и поднял руку:

– Я понял, Фанни хочет, чтобы мы ей помогли. Я согласен.

Герман не стал ему возражать, хотя Альберт просто не представлял, на что подписывается. Зато Рене просто не мог пропустить такие слова мимо ушей. Он крутанулся, разворачиваясь к нему лицом:

– Кста-а-ати. Может, пора покопаться в еще одной корзинке с грязным бельем? Герман, не скажешь ли ты нам наконец, кто такой Альберт? Не думаю, что короткая биографическая справка сильно навредит нашему беспамятному другу.

Ходить вокруг да около не было смысла, и все же прямолинейность Рене заставляла Германа злиться:

– Зачем тебе все это нужно?

– Информация – это сила, тебе ли не знать. – Он подмигнул Герману. – Ладно, мне просто интересно, во что я теперь замешан. И все же мы ждем ответа. Кто такой Альберт?

Герман посмотрел на Альберта и четко произнес:

– Старший из принцев, наследник трона Ландри.

– Вау! Наш красавчик – принц, что ли? Не похож что-то. – Герман недоверчиво покосился в сторону Рене, а тот что-то потыкал на своем коммуникаторе, и в воздухе над запястьем появился прозрачный экран. – Я тут на досуге навел справки. Знакомьтесь – Люциус-старший, король Ландри. На кого похож?

У Германа внутри все похолодело. С полупрозрачного экрана на него смотрел харизматичный мужчина с длинными выющимися волосами теплого каштанового цвета и карими глазами. Даже улыбка – широкая и добродушная – у них с Германом была одна и та же, если бы Герман чаще улыбался. Присутствующие напряглись.

– Ну знаешь, – прошипел Герман, пытаясь развеять голограмму. – Это уже слишком! Если прикидываешься идиотом, делай это до конца!

Рене сжалился и убрал изображение:

– Совершенно не похож на Альберта. Так кто из вас настоящий принц?

– Берт, – хмуро ответил Герман. Сам виновник дискуссии растерянно хлопал глазами и не решался ничего сказать. – Я не имею никакого отношения к этому человеку.

– Да у вас лицо одно, – усмехнулась Ситри. Стефания напряженно молчала.

– Колись, умник.

Герман молча смотрел на Альберта, а Альберт смотрел на него и ничего не понимал.

Историю своей матери – первой красавицы на деревне – Герман пытался забыть едва ли не со дня своего рождения – мало приятного родиться безотцовщиной, еще хуже – родиться бастардом. Участь их, как правило, была туманной. Дворяне для улучшения рода иногда наведывались к хорошеньким крестьянкам, детей же потом забирали у матерей и воспитывали в благородных семьях, либо как прислугу, либо, что гораздо реже, как своих собственных детей.

Но у Германа совсем другая история. Юный и горячий принц Люциус, улыбчивый и кудрявый, по глупости своей влюбился в хорошенькую девушку, что носила каждый день в летний королевский дом свежие овощи с огорода. Ответные чувства не заставили себя ждать, а итог у их короткого романа, который удалось скрыть от всей деревни, матушка назвала совсем не крестьянским именем – Герман.

К его рождению Люциуса успели женить на какой-то белокурой принцессе, Герман слышал, что бурную свадьбу играли в летнем доме, а матушка, будучи почти на сносях, помогала готовить угощения. Иногда он даже думал, что свою силу впервые испытал именно тогда, забирая у матери всю боль, отчаяние и страдание, которые она испытывала, помогая любимому мужчине жениться на другой.

После свадьбы принц Люциус переехал в столицу и в деревню не возвращался. Никто не узнавал в Германе отличительных королевских черт, да и не любили его. Деревенские женщины присматривались к нему, выискивая черты своих мужей. Они боялись, что рано или поздно одинокая красавица явится в их дом и заявит свои права. Хотя сам Герман не видел в их страхах совершенно никакой логики.

И всего этого Герман так и не произнес вслух.

– Прошлое моих родителей не имеет ко мне настоящему никакого

отношения, – отрезал Герман и повернулся к Берту. – Я скрывал это от тебя лишь потому, что не хотел неприятностей ни для тебя, ни для нас с матерью. Наша дружба и так вызывала слишком много вопросов.

– Значит, ты мой брат? – наконец ожил Альберт и сжал кулаки. Герман вздохнул – тот, кажется, пропустил его оправдания мимо ушей.

– Щас кто-то по лицу схлопочет, – тихо выдала предположение Ситри, но прогадала.

– Я так счастлив! – взвыл Альберт и бросился Герману на шею, обволакивая розовым липким облаком.

– Итак, у нас тут собралась интересная компания, – заключил Рене. – Принц, от которого почему-то захотел избавиться муж принцессы, которую все считают мертвой, и королевский бастард. Хоть книжку пиши. Кстати, как принца на самом деле зовут?

– Альберт Теодор Люциус-младший.

– Что?

Герман вздрогнул и обернулся на голос резко побледневшей Стефании. К слову, после выписки она и без того выглядела не лучшим образом.

– Альберт Теодор Люциус-младший – мой жених. Мы были обручены сразу после того, как Леннард посватался к Эмилии. Но я никогда с ним не виделась, знала только имя.

– Очешуешь можно! – воскликнул Рене, и Герман был готов треснуть ему по башке. – И правда книжку можно писать. Какие еще секреты кроются в этой комнате?

Но никто не спешил ему отвечать. Берт устало рухнул на стул и потер веки. Герман же закрыл глаза, чувствуя, как внутри все покрывается тонкой корочкой льда, как холодеют легкие, как становится тяжело дышать. Стефания разглядывала сцепленные перед собой руки. Герман догадывался, о чем она думала – о том, что поддалась слабости тогда в больнице, позволила себе больше, чем могла позволить, желала забыть. Он стиснул кулаки, глядя прямо на девушку, и так яростно желал, чтобы она наконец посмотрела на него, что Стефания повиновалась. Голубые глаза были слишком холодными для такого необычно солнечного дня и очень грустными.

– Я не откажусь от своих слов, – сказал он, обращаясь только к Стефании, и никому больше. Он с самого начала знал, что все его геройство и эта розовая чушь не более чем иллюзия. – Так и знай.

– Эй, что здесь происходит? – обиженно возмутился Рене и тут же был схвачен за ворот форменного кителя.

– Что, наигрался в дознавателя? – прорычал Герман и с силой

тряхнул. – Понравилось вытаскивать на свет чужие тайны? Понравилось, да?

И не в силах сдержать эмоции, занес кулак. Но бить не стал, выдохнул сквозь сцепленные зубы и оттолкнул Рене от себя.

– Не надо, пожалуйста! – Альберт сжал его плечо. – Рене не хотел никого обидеть. И он прав, между нами больше не должно быть никаких секретов. Учитель Гротт сказал, что опасность еще не миновала, так что нам нужно держаться вместе, чтобы защищать друг друга. Ну и что, что я обручен со Стефанией. Я не хочу на ней жениться, не хочу и не буду. И она тоже не хочет выходить за меня замуж. Да, Фанни? Это все ерунда, когда мы со всем разберемся, я всем скажу, что помолвка недействительна.

Стефания застыла столбом посреди комнаты, невидяще глядя перед собой, потом шумно сглотнула и с блестящими глазами поблагодарила, сдержанно, как и подобает принцессе.

– Спасибо, Берт. Когда я вернусь домой и стану королевой, я сама выберу себе мужа, которого люблю.

И она посмотрела на Германа.

От каких-то ответных слов его спас стук в дверь. Почти сразу в комнату вошел Вильям Варма и с порога объявил:

– Дженоро мертв. Был убит в камере с помощью вложенной в голову ментальной программы. Что за взгляды? Я вообще-то в курсе вашей истории, так что радуйтесь. Будем готовить ответный удар.

Часть третья

Менталист ее величества

Урок 1

Хитрость – лучшее оружие, оно всегда под рукой

С ответным ударом пришлось немного повременить. После бала не дали отдохнуть и пары дней, завалили практическими занятиями, чтобы сократить разрыв в магической технике между первым и вторым потоками. Некогда было даже вздохнуть, не то что заниматься любительскими расследованиями. Дни превратились в вереницу нескончаемых магических дуэлей, командных тренировок, и даже сверх расписания Герману приходилось уделять время для уроков с Гроттом, Рене трудился в инженерно-техническом отделе, постигая азы мастерства у штатных артефакторов училища, а Стефания добилась частных уроков от самого Дамиана Эрно, своего тайного кумира. Так что время подведения итогов первого триместра подошло неожиданно.

Курсантов-первокурсников разбили на команды и отправили на полигон, сдавать экзамен по всем практическим дисциплинам сразу. Боевое задание – захватить базу, занятую командой-соперником.

– Эй, Герман!

В воздухе, наполненном шорохами травы и веток, звонко прожужжал комар. Раздался шлепок и следом недовольное фырканье.

– Мы целый день уже идем, – продолжил Рене, потирая шею. – Этот лес вообще закончится когда-нибудь? И почему мы опять в лесу? Что это за издевательство такое?!

– А ты можешь не орать? – спокойно поинтересовалась Ситри и ткнула рыжего в спину. От еще более возмущенного крика разлетелись, казалось, все окрестные птицы.

– Так, все! – Герман резко остановился и объявил: – Привал!

Он скинул рюкзак в высокую траву и с облегчением помассировал плечи. День пути по давно заросшим тропинкам от одной контрольной точки к другой давал о себе знать – ноги в тяжелых армейских берцах гудели от усталости и зудели от пота, позвоночник под тяжестью рюкзака того и гляди сложится, как гармошка. А ведь Герман не сомневался, что достаточно натренирован и вынослив для такого похода, а все равно выдохся. Однако кому-то приходилось еще сложнее – лицо Берта от укусов насекомых покрылось пунцовыми пятнами, и он старательно отгонял от себя мошкар, но без особого результата.

Только Ситри и Стефания сохраняли невозмутимость. Первая могла

спокойно понести их всех на себе, а Стефания позволила Герману забрать часть своего инвентаря.

– Ура... – вяло отозвался Берт и рухнул прямо в траву между деревьями, не обращая внимания на сухие ветки и шишки, которые так и норовили впиться в кожу.

– Пятнадцать минут. – Герман плюхнулся рядом, глотнул воды из фляги и развернул карту.

– Хотя бы полчасика, – жалобно простонал Альберт, но отозвалась на его мольбу только Стефания.

– Слабак! – укорила она.

Садиться она и не думала. Сбросила с плеч багаж и засемила куда-то за деревья под бдительной охраной Ситри. Герман проводил их взглядом, на всякий случай прощупывая намерения, и слегка смутился.

– Пятнадцать минут, – повторил он. – Темнеть начнет через пару часов, а, судя по карте, мы недалеко от базы. И, Рене, – он обратился к рыжему, который тоже грохнулся поблизости, но подозрительно молчал. Похоже, выдохся. – Будь добр, води себя потише. Наша цель захватить базу, а не угодить в плен.

– Может, лучше в плен? – неуверенно предложил Берт, и мягкий розоватый ореол вокруг него окрасился желтым – сомнением.

– И не надейся, что тебе дадут там отдохнуть, – отмахнулся Герман.

Исходя из сухих данных на карте местности и в коммуникаторе Рене, база находилась под покровительством команды первого потока. И главный там – их «приятель» Вильям Варма, самоуверенный тип, обожающий трудности. Такой расклад не очень приятен с личной точки зрения, слишком уж заинтересованно Вильям относился к Герману, но выбирать не приходилось. Список команды первого потока тайной не был, к тому же Герман никогда не гнушался поиском информации, собирая ее буквально по крупицам и раскладывая в своей голове.

Бесспорный лидер седьмой команды первого потока, конечно, Вильям. Иногда надменный, очень сильный маг-огневик, но в то же время для Германа чаще странный и нагловатый парень со специфическим чувством юмора. Контраст казался настолько невероятным, что Герман предпочитал держать такого противника подальше – ни одно из его противоречивых состояний не было лживым, а это пахло шизофренией. Примерно так охарактеризовал подобные симптомы учебник, который ему порекомендовал Марк.

Дальше шла не менее странная парочка, которая не воспринималась по отдельности. Зигфрид Йель и Фо Эльдингер. Первый обладал магией

Земли, второй, как и Герман, управлял Воздухом. В магии с ними соперничать сложно, учащиеся первого потока в сто крат сильнее, именно поэтому и получали после обучения офицерские звания.

А вот последнего участника, Сидни Хэймана, Герман лично не знал, но уповать, что он слабее своих согруппников, самонадеянно и глупо.

– Ну и что мы будем делать, капитан? – Стефания плечом навалилась на ствол дуба и нависла над Германом, заглядывая в карту.

– Если верить коммуникатору, мы в получасе от восточной части базы. До ближайшей контрольной точки два километра.

Длинные косы девушки щекотали ему щеку, мигом спутывая все мысли. Герман чуть сдвинулся, но Стефания будто специально наклонилась ниже, и он ощутил тепло ее тела, прижавшегося к плечу.

Их отношения до сих пор оставались весьма спорным вопросом. То есть их как бы и не было, но с того поворотного разговора начистоту что-то изменилось. Стефания словно ожила, и Герман чувствовал, что она тянулась к нему, а он тянулся к ней. Если бы только она не была принцессой, а он – бастардом. Впрочем, тогда это уже были бы вообще не они.

– Нужен четкий план. – Стефания наконец присела, при этом прижавшись коленом к его бедру. – Нам придется иметь дело с Вильямом, а он серьезный противник. Умный, сильный, талантливый...

– Сколько эпитетов, – прервал Герман немного раздраженно. Речь девушки его почему-то задела, хотя он был совершенно согласен с ней. – Мы ничем не хуже, особенно если подойти к делу с умом.

– Так давай подойдем. Времени осталось мало, нечего прохлаждаться.

Как всегда Стефания не изменяла себе. От нее веяло решимостью и жадой боя, неважно с кем. Она готова была кинуться в драку в любую минуту.

– А я хочу охладиться, – простонал со своего места Рене. – Жа-а-арко!

– Лентяй, – осадила Стефания. – Лентяй и трус. Так и скажи, что боишься.

– Сама дура, ничего я не боюсь!

Герман перевел взгляд на карту с отмеченной контрольной точкой. Они и правда уже близко, и если Варма не идиот, должен подготовиться к встрече.

– Подожди! – Его вдруг осенило. – Стефания, ты говорила так, будто уверена, что команда Вильяма гораздо сильнее нашей.

– Ну да. – Девушка кивнула. – Это очевидно.

– Ну спасибо за доверие, ваше высочество, – буркнул Рене,

демонстративно перевернулся на спину и закинул руки за голову.

С другой стороны подполз Берт и приготовился внимать. Ситри встала рядом с хозяйкой, а Дзюн Мэй еще не вернулась с разведки.

– Уровень Вильяма по классической шкале измерения магического потенциала – 9,5 из 10, то есть бесспорный класс «Уно». Он почти гений, так что вполне очевидно, что он уверен в себе. Но нас интересует другое. Все, подчеркиваю, все уверены, что нам не победить.

Герман сделал паузу, ожидая, что друзья поймут. Но те смотрели на него большими глазами, даже Стефания.

– Ну подумайте же! Все уверены, что мы слабаки в сравнении с ребятами Вильяма, и сами они думают так же. Нам только нужно им подыграть.

Берт первым решился на вопрос:

– А... зачем?

Герман оглядел соратников, пытавшихся осознать услышанное.

– Мы дадим им то, на что они рассчитывают.

Стефания задумчиво приложила палец к губам и уточнила:

– А потом застанем врасплох?

Взгляд ее потеплел, она незаметно нашла руку Германа и накрыла ладошкой. Большого одобрения ему и не надо было.

– Тогда распределим роли и выдвигаемся. – Он повернулся к девушке и улыбнулся: – Мы их сделаем. Точно сделаем.

База, которую по заданию необходимо захватить, представляла собой укрепленный лесной лагерь на небольшой стратегической возвышенности. Протекающая рядом река делала крутой изгиб и обтекала холм с лагерьем по дуге. Таким образом, подойти к ограждению можно было лишь с одной стороны. Если, конечно, в команде не было хорошего мага Воды, специализация которого – Лед. У Германа такой как раз имелся.

Дзюн Мэй выскользнула из-за деревьев и возникла перед Германом так внезапно, что тот вздрогнул и не сумел этого скрыть. Дзюн довольно хмыкнула. Специально для лесной практики она сменила темные тона в одежде на обтягивающий коричневато-зеленый костюм и издалека терялась на фоне лесного массива. Герман отметил скорость, реакцию и ловкость Дзюн Мэй и доверил ей функцию разведки, с которой девушка справлялась играючи.

– Все чисто, – сразу же доложила она, пока остальные поспешили воспользоваться минуткой отдыха. – Нашла безопасный подход. Точнее покажу с его помощью.

Рене понял, что речь о нем, и расцвел.

Таланты Вильтрауда в полной мере раскрылись с введением в программу обучения курса артефактики. Поскольку Герман до сих пор старался обходить техномагические штучки десятой дорогой, если была возможность справиться своими силами, талант Рене сильно упрощал жизнь. Сейчас Вильтрауд вальяжной походкой подплыл к Дзюн и вытянул руку. На левой, как и у остальных курсантов, у него был идентификационный браслет, а на правую он нацепил коммуникатор. Как Герман понял, это такая штука, которая имеет доступ к межмировой информационной сети и, кроме того, может хранить в себе заранее записанные данные. Разумеется, осуществлялось все это исключительно с помощью формул, которые в устройство помещал маг-создатель. И продолжает помещать, потому что Рене был неудержим «на пути апгрейда». Что бы это слово ни значило.

– Смотри, детка, – Рене откинул кожаную крышку чехла и прикоснулся кончиками пальцев к открывшемуся стеклянному экрану. Замигали синие огоньки, Рене сделал несколько только ему понятных пассов свободной рукой в воздухе, и над коммуникатором всплыла объемная карта местности.

– Сколько осталось до точки назначения? – рисуясь, задал он вопрос. В ответ в центре голограммы вспыхнули цифры – 1.20.

Ситри скептически хмыкнула.

– Это в часах или километрах?

Рене беззлобно огрызнулся:

– Вот ты неуч! Не разбираешься в таких вещах – не лезь. – Но под укоризненным взглядом Германа сообразил: – Это я еще не доработал.

В общем, на увеличенном плане Дзюн указала место в стороне от главных ворот базы, и Герман объявил контрольный военный совет. Еще через четверть часа решительно настроенная команда отправилась дальше.

Непосредственно до самой базы добрались только к вечеру. По мнению Германа, лучшего времени и не придумаешь – высокие сосны и ели роняли длинные густые тени, в которых легко было притаиться, а особая чувствительность Германа позволяла не переживать из-за возможности внезапного нападения. Когда последние солнечные лучи скрылись за макушками деревьев, Герман хлопнул в ладоши, привлекая внимание команды:

– Итак, все всё помнят? «Карманы» проверили?

Все дружно кивнули. Сейчас окружившие Германа со всех сторон ребята выглядели как никогда сплоченными, несмотря на то, что Рене любил подшутить над Германом, Стефания насмехалась над всеми, Ситри интересовалась только ею, Берт был на своей позитивной волне, а Дзюн

Мэй вообще как будто не с ними.

Возможно, общественное мнение не зря поставило на них жирный крест...

Дзюн заверила, что кроме тех двоих больше противников не предвиделось. К сожалению, по именам она их назвать не могла, а ведь это существенно бы упростило задачу. Герман потратил немало времени на составление списка сильных и слабых сторон не только своей команды, но и команды Вильяма Вармы. И был уверен, что Вильям сделал то же самое. Не очень приятное чувство – знать, что кто-то собирает о тебе информацию, но Герман слишком высоко оценивал Варму, чтобы не учесть такой возможности.

Все нервничали, каждый по-своему, но Герман ощущал их волнение как свое собственное. Ближе к реке деревья стали реже, зато подлесок все густел, приходилось пробираться сквозь разлапистые кустарники, расцарапывая кожу. Наконец подошли к границе леса, и дальше, вниз по склону, шел спуск к реке. Место для переправы, выбранное Дзюн, находилось с той стороны, где растительность доходила до самого берега. Под ее прикрытием он планировал спуститься к воде.

– Псс! – Рене, пригнувшись, подошел к Герману. – Может, все-таки возьмешь пистолет?

– Отстань, я же сказал, что не возьму.

Рене пожал плечами и спрятал свое странное оружие в специальные чехлы на поясе. Вообще Рене недавно закончил разработку системы телепортации оружия из специального межпространственного хранилища-«кармана» в качестве экспериментального проекта для будущей курсовой работы. Изобретение полезное, хотя еще не прошедшее и половины необходимых тестов. Хорошо еще, оружие никому на голову не свалилось.

Так что талантливый артефактор честно отрабатывал свое место в команде.

Герман повернулся к команде:

– Первыми пойдут Рене и Берт, остальные пока держат оружие в «карманах». Дзюн следит за тылом. Идемте.

По одному, пригнувшись и перебежками, ребята приступили к пересечению опасной полосы на стыке леса и равнины. Цель возвышалась на противоположном берегу, на вершине холма, огороженная высоким прочным забором. Устье реки делало крутой поворот, и вода бурлила. Переправиться на ту сторону вплавь было почти нереально, сплавиться на плоту – маловероятно, а перенести такую толпу по воздуху Герман смог бы

разве что к концу последнего курса.

– Отойдите шагов на двадцать, – прикинула на глаз Стефания и размяла кисти. – Если что, размораживать себя будете сами.

Предупреждению вняли все и подчинялись беспрекословно. Помнили самые первые тренировки, когда верную Ситри пришлось тащить в медицинское крыло – сама она идти не могла, мешали замороженные по колено ноги. С тех пор Стефания многому научилась, но рисковать на учебном задании не хотел никто.

Спустя пару минут довольная девушка продемонстрировала друзьям узкую ледяную дорожку. С трудом огибая вздыбившиеся острые пики, переправились через реку, и с этого момента начиналась самая сложная часть операции – захват базы.

Перебраться через ограждение помог Берт и его сверхпрочные вьюнки. Он специализировался на Природе, так что в этом деле на него можно было положиться. Чаще всего. Ситри, например, поначалу отказалась наотрез, пока Герман не пригрозил ей своим фирменным левитированием предметов. Пришлось приврать – Ситри не ходила на практические занятия по магии, так что не могла знать, что такой вес Герману попросту не одолеть.

Таким образом, вся команда пересекла забор и оказалась в секторе хозяйственных построек. Поскольку база использовалась для отдыха, в сараях и погребах хранилось все необходимое для ее обслуживания, но на время экзаменов персонал покидал территорию. Петля между одинаковыми деревянными постройками, ребята вышли на центральную площадь перед зданием администрации, где на втором этаже была комната связи, в которую нужно проникнуть для завершения задания. А на крыльце их уже дожидался крайне добродушный, но все равно – враг. Условный враг, как значилось в методичке по прохождению командного экзаменационного задания. Герман почувствовал Зигфрида Йеля издали, его поза была расслабленной, от него не исходило угрозы, к тому же при виде Германа с командой парень приветливо улыбнулся.

– А я уже думал, вы заблудились, устал ждать. – Зигфрид запустил пятерню в жесткие русые волосы. – Добрались без происшествий? Надо было Сиду послать вперед, чтобы проводил.

– Он долго так трепаться будет? – Рене демонстративно зевнул и щелкнул пальцами. Над его ладонью зависли маленькие огненные бабочки. – Я есть как бы хочу, вечер уже.

Он подмигнул Герману и вышел вперед.

– А если он не один? – Берт потянул Рене за локоть. Опасения брата

разделял и Герман, но пока все шло согласно его плану. Он кивком разрешил Рене действовать по своему усмотрению. Вильтрауд стряхнул руку Берта и вышел на усыпанную песком площадку. Вокруг его головы летали огненные бабочки, внешне безобидные яркие искорки, но Рене умел обращаться со своими «крошками».

– Спорим, я надеру тебе зад, Зигги? – с вызовом бросил он.

Зигфрид нахмурился и крутанул в руках протазан с остро заточенным наконечником:

– Сначала я покажу тебе свое гостеприимство.

– Ну да, ну да, – протянул Рене. – Мне вот прямо уже страшно. Советую отступить, пока я тебе не навалял.

– Не зазнавайся. Ты на моей территории, – оборвал Зигфрид, и, повинаясь его едва заметному жесту, почва под ногами задвигалась, по песку прошла волна, как от сильного ветра. Рене раскинул руки, удерживая равновесие:

– Ух! Круто! Что там у нас дальше по расписанию?

Будь на месте Зигфрида кто-то более вспыльчивый, бой прошел бы иначе, но Герман предусмотрел темперамент соперника, а также его магическую специализацию.

Зигги без особых усилий одной рукой перевернул протазан в воздухе и острием вниз вогнал в землю. Песок сыпанул в стороны, но не упал, а взлетел вверх. Песчинки собрались вместе, выстраиваясь в стену, земля вновь задрожала, и стена, возвысившись в рост человека, вдруг закрутилась в смерч. В лицо дохнуло ветром, мелкие песчинки царапнули кожу, и Герман смахнул их со щеки. Зигфрид сильнее вдавил свое оружие, и песчаный торнадо направился в их сторону. В последнюю секунду Герман успел выскочить вперед и встать рядом с Рене.

В следующую же секунду их накрыло колючей желтой волной. Песок тут же попытался ворваться в рот, в нос, дышать стало нечем, и Герман поднял вверх большой палец, надеясь, что нигде не просчитался и Рене заметит его жест. И ответит тем же.

Германа обдало жаром, челку опалила одна из «бабочек». Рене мрачно ухмыльнулся, и Герман с готовностью вплел свой узор в подготовленный им магический рисунок. Две Стихии объединились – Воздушная и Огненная. Герман старался изо всех своих не слишком больших сил, Рене пылал не столько своей магией, сколько сшибающим с ног азартом. «Бабочки» облепили его фигуру и разлетелись. На миг все замерло, и Герман почувствовал, как от нестерпимого жара кожа мгновенно покрывается потом. Подумалось вдруг, что ничего не получится, но смерч

разлетелся на части и над площадкой зависли прозрачные кристаллы кварца.

– А как тебе такое, крот ты песчаный? – Рене щелкнул пальцами, и Герман взмахом руки направил на Зигфрида кварцевый дождь. Острые осколки обрушились на воздушный щит, вовремя выставленный напарником Зигги, Фо Эльдингером. Фо бросил на Германа злой взгляд:

– Нечестно.

– А честно, что ваш товарищ подкрадывается к нам с тыла?

Рене подпрыгнул:

– Что?! Уже? Ты говорил, у нас есть в запасе...

– Рене! – Герман показал ему кулак. – Заткнись, идиот.

Зигфрид вытер выступившую на щеке кровь – несколько осколков все же добралось до него – и вынужденно похвалил:

– Отличный трюк, ребята.

Фо довольно громко фыркнул и еще раз покосился на Германа, который под таким напором сдерживаемой ярости едва не присел. Стефания не выдержала:

– Эй! Сюда!

На ее пальцах уже поблескивал иней, предвестник готовящейся магической атаки. Со стороны хозпостроек выбежал парень, тот самый Сидни. Пока Зигфрид и Фо готовились к атаке, он пустил по земле серые щупальца тумана, в котором блуждали болотные огоньки. Стефания развернула круговую защиту, и волны морозного воздуха, исходящие от нее, заставляли туман оседать, не добираясь до команды. Тяжелый запах сырости пропитал все вокруг. В тишине негромко затрещали электрические разряды магии Фо.

– Главный, значит, к нам не выйдет, – пробормотал Рене, и только Герман его услышал. – Тогда зададим им жару. Давай, Гера!

Рене выбросил вперед стайку своих «бабочек», и те взорвались, долетев до занявшей крыльцо парочки. Герман пригнулся и побежал, чувствуя прохладу обнимающего его водяного щита Стефании. С такой защитой молнии Фо ему не грозили. За спиной из земли вырвались толстые зеленые побеги лиан и схватили Сида, ударные волны от мини-взрывов Рене разогнали туман, впрочем, Герман уже подобрался достаточно близко, чтобы вступить в ближний бой. Рене продолжал отвлекать обоих противников точечными ударами, и яркие вспышки немного дезориентировали, но Герман переключился на ментальное восприятие. Пахнущий грозой Фо встретил его меч на два парных кинжала. Щит Стефании исчез, но на таком расстоянии еще никто из обеих команд магией

пользоваться не мог, не хватало концентрации. Герман обманным движением заставил Фо раскрыться, толкнул на Зигфрида и, оставив друзей разбираться, забежал в здание.

Согласно плану, нужная комната располагалась на втором этаже в южной части, вторая дверь слева. Герман, помогая себе левитацией, почти взлетел по лестнице. Коридор разветвлялся на два противоположных направления, и обе эти ветки были похожи друг на друга как две капли воды. Как будто специально, чтобы запутать. Даже щитки из толстого матового стекла висели на стенах совершенно идентично и мягко мерцали красным светом. Герман поднял голову и заметил, что красное же свечение исходило от стеклянных панелей-ламп на потолке.

Он остановился и прислушался. Проникнуть внутрь оказалось куда легче, чем он думал. Пожалуй, что даже слишком легко. Наверняка Вильям приготовил для незваных гостей ловушку, знать бы еще какую. Ощущения подсказывали, что кроме него и Вармы больше на этаже никого не было, и Герман направился вперед, благо план дома крепко отпечатался в мозгу.

Вторая дверь слева была незаперта. Германа и правда ждали.

– Отличный план, – без приветствий заявил Варма, поворачиваясь к нему. – Я бы составил такой же, если бы был так же слаб, как и вы.

Он стоял у окна и смотрел на парадный вход, сквозь стекло почему-то не доносилось ни звука, хотя бой шел полным ходом. Сам Вильям еще не вступал в битву ни разу и на фоне покрытого сырым песком и копотью Германа выглядел выигрышно. Прекрасно это осознавая, он подмигнул Герману:

– А где же Стефания? Я надеялся повидаться и с ней.

– Растирает твою команду в пыль, – в тон ему ответил Герман. – Я за нее.

Варма на миг, кажется, растерялся, а после разразился смехом:

– Прости! Правда, прости, ты не в моем вкусе. Юношеская худоба – это к Зигги.

Герман вопросительно приподнял бровь, но Вильям уже посерьезнел. Дар Германа не успел засечь эту перемену, слишком быстро менялось настроение Вильяма, или же он умело его контролировал.

– Но я счастлив видеть тебя. Я хочу, – Вильям медленно отставил правую руку, – сразиться с тобой.

Справа от Вармы висел очередной стеклянный щиток, но в отличие от тех, что в коридоре, был прозрачным, с мерцающим в центре гербом училища. В нижней части панели внимательный взгляд Германа выцепил узкую консоль для ввода данных и прямоугольник магического сканера.

Судя по всему, это и было устройство для оповещения. Нужно лишь поднести свой идентификационный браслет к окошку сканирования, и артефакт считает данные и сам произнесет нужные слова. Но для начала предстояло убрать с пути Вильяма.

Пальцы Вильяма сложились в щепоть, и Герман услышал щелчок. В тот же момент что-то в помещении изменилось.

Урок 2

Собираясь на свидание, стоит заранее подумать о самозащите

Герман обманным движением потянулся к мечу, но в последний момент завершил заранее подготовленное магическое плетение воздушной петли. Собрался набросить ее на щиток, но ничего не вышло.

То есть совсем ничего.

– Не получается, да?

Герман попробовал снова, с тем же результатом. Вильям уже вооружился узким длинным мечом и стоял в расслабленной позе, поигрывая клинком. Ловушка сработала.

– Антимагический периметр? – спросил Герман, хотя уже понял, что прав. – Его используют для магических поединков, чтобы атаки изнутри не повредили зрителям.

– Я перенастроил его на обратное действие, чтобы магия не действовала внутри периметра, – похвалился Вильям с видимым удовольствием. – Разобраться в системе оказалось непросто, а в команде нет годного артефактора. Но, как видишь, и я сгодился. В конце концов, я гениален.

Герман не смог нащупать ни единой ниточки магических потоков, пространство было совершенно чисто.

– Невероятно! – не сдержался он. – Ты справился с этим один? Но как же ты будешь со мной...

Вильям бросился в атаку, и Герману пришлось резко закончить разговор. Он уже понял, зачем Варма пошел на такой непростой шаг. Не для того, чтобы лишить Германа возможности колдовать, нет. Со своим уровнем магического потенциала он мог не опасаться хоть всей команды Германа разом, однако его собственная, масштабная и разрушительная, сила совершенно не подходила для ограниченных пространств. И он просто поставил Германа в равное положение с собой. Жаль, высказаться по этому поводу Герману было некогда – Вильям взял такой темп боя, что оставалось только уйти в глухую защиту. Стандартный меч Германа был коротковат, и у Вармы оказалось преимущество, но он будто играл с противником, нанося неглубокие обидные царапины, и пока даже не пытался выбить оружие из его рук. Герман читал его эмоции, но в этом бою

от эмпатии не было проку. Знать, что Варма с ним развлекается, не слишком-то приятно. К тому же ощущение своей ущербности в сравнении с ним заставляло Германа злиться и терять концентрацию.

А тот еще и болтать умудрялся:

– Ты слабак, Герман. Нет, я не в обиду. – Вильям сделал резкий выпад, ушел в сторону и плашмя ударил Германа по плечу. – Случай не безнадежный, но работать придется долго. А зачем?

Герман физически не мог ответить, впрочем, Вильяму ответ и не требовался.

– Хочу победить тебя, когда ты дотянешься до моего уровня. Так будет интереснее. Я люблю трудности, это весело.

– Ты псих, – выдохнул Герман, отпрыгивая назад, но меч Вильяма достал его и там. Болезненный удар по пальцам, и Герман выронил оружие.

Дверь открылась, и в переговорную заглянул хмурый Фо.

– Всех взяли.

Следом за ним в комнату вошли понурый Альберт, Рене с синяком под глазом, Ситри, и последней завели отчаянно шипящую Стефанию. Вильям довольно улыбнулся:

– Сидни, снимай свою иллюзию.

Сид на секунду замер в дверях с отсутствующим взглядом, и комната в одну секунду поменяла свой вид, став обычной гостиной с мягкими диванчиками, парой кресел и журнальным столиком у окна. Артефакт со стены, разумеется, тоже исчез.

– Прости, Герман, – развел руками Варма с искренним сожалением. – У мага Воды в моей команде интересная специализация, Туман. Она наложилась на его природные способности, и вот, что получилось. Отличная иллюзия, почти неотличимая от реальности. Молодец, Сидни, можешь отдохнуть.

Герман не ожидал такого. В своем плане он не мог учесть такого развития событий, его информация оказалась недостаточно точна.

Стефания оценила расстановку сил и зло сбросила руку Зигфрида со своего плеча.

– Мы проиграли, Герман! – Она толкнула пытающегося ее урезонить Зигги. – Не трогай меня, я разговариваю.

Герману хотелось провалиться сквозь землю, ощущая ехидное веселье Вильяма.

– Так вышло...

– Да, – перебил его Вильям и шагнул вперед. – Так вышло, что я сильнее.

Чувство превосходства в его тоне вызвало у Германа нервную дрожь. Звучало на редкость неприятно, но Герман вдруг вспомнил, как сам однажды прилюдно выдал нечто подобное. А Варма будто догадался и обдал его новой щекочуще-снисходительной волной.

– Руки, Герман. – Он достал из кармана два стальных браслета, соединенных обманчиво-тонкой цепочкой. – По традиции я должен связать лидера проигравшей команды.

Альберт неожиданно оживился:

– Неправда! Ты это только что придумал.

Вильям поморщился:

– Ну ладно, придумал. Но раньше так все делали.

– Тогда и меня свяжи, – решительно выступила вперед Стефания. – Иначе я тебя поколочу, честное слово.

Ситри, которую, к слову, никто не решился удерживать на месте против воли, деликатно кашлянула, и Сид испуганно присел.

– Хозяйка...

– Нет, пусть связывает! – Стефания протянула руки.

Под таким напором даже Вильям смутился:

– Да не буду я. Я девушек не связываю, уж точно не при таких обстоятельствах.

Герману не потребовалось как-то намекать на продолжение, Рене и так все понял, поспешно вставая в эту бредовую беседу.

– Ах ты извращенец! – завопил он, потрясая обожженным кулаком. – Нашу Фанни связать хочешь непотребно!

– Что?! – в один голос воскликнули Стефания и Вильям. Потом переглянулись и покраснели. Герману даже притворяться возмущенным не пришлось.

– Поосторожнее со словами, пожалуйста! – попросил он. – На что бы ты ни намекал.

– Да что с вами творится? – растерялся Варма. – Герман, о чем они говорят?

Герман пожал плечами:

– Они иногда бывают не в себе.

– Да я тебе сейчас эту цепочку знаешь куда затолкаю... – угрожающе начала вдруг Ситри и играючи отпихнула с дороги Фо, едва достающего ей до подбородка.

– Ты будешь вязать или нет? – потребовала Стефания, почти вплотную подойдя к Варме. Герману даже стало его немножечко жаль.

– Кого? Его или тебя? – Бедный Вильям, похоже, на самом деле ничего

не понимал. – Вы все сумасшедшие. Все пятеро... Стоп. – Он резко побледнел. – Пятеро. Пятеро?

Он бросил ничего не понимающий взгляд на свою команду, те тоже переглянулись между собой, но уже ничего не поделаешь – они допустили фатальную ошибку. И Вильям моментально это понял:

– Вас должно быть шестеро!

– Прости, но ты разгадал только один из моих планов. – Герман мысленно перевел дух, еще до конца не уверенный, что все пройдет как надо. Нужно было еще потянуть время. – А мне казалось, ты способен предусмотреть все.

Еще пару минут, их точно должно хватить.

– Кто шестой? – Вильям попытался спрогнозировать развитие событий. – Дзюн Мэй, значит.

– Ага, и ты наверняка знаешь, в чем она хороша.

Последнее слово едва отзвучало, как лампы под потолком сменили цвет с красного на зеленый. От неожиданности Герман даже зажмурился.

– База тренировочного лагеря бета-бета-три-пять-джи-пи-восемь перешла под командование учебно-боевой группы второго потока номер тринадцать. Подтверждено капитаном команды. Регистрационный номер 91881120709. Повторяю, база тренировочного лагеря бета-бета-три-пять-джи-пи-восемь перешла под командование учебно-боевой группы второго потока номер тринадцать...

Герман почувствовал такое сильное облегчение, что с трудом подавил желание шумно выдохнуть. Механический женский голос несколько раз прогнал запись и затих. После коротких помех громкоговорителем завладела Дзюн:

– Мне надоело ждать. Я ухожу.

Связь оборвалась. Герман выхватил из пальцев Вармы наручники:

– Руки, Вильям. Надо отдать дань традициям.

Тот усмехнулся и, не сдержав совершенно искреннего веселья, начал смеяться во весь голос.

– Ты меня провел! Нет, ты правда меня провел. Это уму непостижимо.

Герман принял своеобразную похвалу благосклонным кивком:

– Тебе будет о чем подумать на досуге.

Впрочем, под его пристальным взглядом пришлось выложить все по порядку:

– Все пошло не по плану после того, как я понял, что вы иллюзией заставили меня пойти не в тот коридор. Видимо, именно поэтому с улицы не доносилось ни звука, хотя взрывы Рене сложно не заметить.

Вильтрауд отвесил шутовской поклон.

– А магию ты ограничил, потому что она могла разрушить иллюзию Сида раньше времени, – продолжил Герман, обращаясь к Варме. – Впрочем, и сама комната тоже бы изрядно пострадала. По поводу Дзюн. Мы договорились, что она отделится от команды, пока мы все вместе будем имитировать яростную атаку. По идее, внутрь базы мы должны были попасть уже в качестве пленных, после чего Дзюн, пользуясь эффектом неожиданности, напала бы на кабинет управления и помогла нам освободиться. Но у меня вышло прорваться. И это уже должно было меня насторожить. В любом случае существовал запасной план.

В комнату неслышно вошла Дзюн и остановилась возле Германа.

– Я не понял. – Фо посмотрел прямо на Германа. – Объясни.

– Он имеет в виду, – пришел на выручку Зигфрид, – как так вышло, что система оповещения сработала, хотя ты был тут? Это противоречит правилам. Только капитан команды может объявить о взятии базы.

Фо кивнул. Вильям углубился в размышления, хотя все равно ловил каждое произнесенное слово. Все жадно ждали ответа. Герман почувствовал себя в центре внимания, и это почему-то раздражало не так сильно, как раньше. В каком-то смысле он наслаждался моментом своего триумфа.

– А вот это самое интересное. – Он неспешно закатал рукав и продемонстрировал присутствующим идентификационный браслет. – Прежде чем отправиться на задание, я внимательно изучил его от корки до корки. Мелким шрифтом там был указан перечень исключительных возможностей капитана команды. В том числе и право временно передать ряд функций своего идентификационного браслета заместителю. Разумеется, это потребовало времени и выполнения разных бюрократических процедур. Зато...

– ...Дзюн фактически пользовалась твоим браслетом, – закончила за него Стефания.

Герман поежился под взглядами друзей, удивленными, но и раздосадованными тоже.

– Извините, что не сказал. – В первую очередь он нашел глазами Стефанию, так и пышущую яростным жаром.

– Да чего уж тут, – первым отозвался Рене и обиженно скрестил руки на груди. – Мы же идиоты, мы не поймем.

Берт, похоже, еще переваривал информацию, поэтому обидеться не успел, зато Стефания реагировала одна за всех:

– Об этом мы с тобой поговорим позже. – Глаза ее сузились. –

Предатель.

Не нужно быть эмпатом, чтобы почувствовать хлещущую из девушки ревность. И Германа это, пожалуй, даже радовало. Он вообще остался доволен тем, как все в итоге сложилось, хотя невольный обман команда простит ему не сразу.

Дзюн решила, что они уже закончили препираться, и тоже задрала рукав, они с Германом соприкоснулись браслетами, и он почувствовал, как рвется связывающая их нить.

– Ну что же, все складно вышло. И очень хитро. – Вильям пожал плечами. – База твоя, Герман.

Зигги переглянулся с Фо, и они вместе пошли на выход. Сид тоже собрался уйти, но Рене схватил его за рукав.

– Эй, Гера! Давай хоть его свяжем, а? Он мне вон какой фингал поставил.

Но его уже никто не услышал.

К Герману подошла Стефания, но не остановилась, а протянула руку Вильяму:

– Мне понравилось. Идея с иллюзией гениальна.

– Спасибо. У нас есть два дня, чтобы познакомиться поближе, я уверен, что понравлюсь тебе еще больше.

Вильям наклонился и припал к ее ладонке губами.

Герман напрягся, но его опередил Берт. Подскочил к девушке и обнял за плечи, рискуя здоровьем:

– Фанни тоже молодец. И Герман молодец. Мы все делали вместе. Правда, ребята? Давайте крикнем нам «ура»!

Разумеется, никто его не поддержал, зато Стефания улыбнулась и махнула рукой Ситри:

– Пойдем выбирать комнату, я хочу отдохнуть.

Жилые коттеджи располагались за главным зданием, пара отличных милых домиков в два этажа, с балкончиками и широкими террасами. Самое то для отдыха после утомительных блужданий по лесу и прочих неприятностей. Предполагалось, что девочки займут один домик, а мальчики другой, но привычка жить вместе, как ни странно, оказалась слишком сильна. В итоге решили поселиться все в одном коттедже, благо комнат хватало и в каждой было по четыре спальных места.

– Как в школьном лагере, – прокомментировал Рене и решительно направился к ближайшей комнате. Оттуда выглянул хмурый Фо и захлопнул дверь у него перед самым носом.

– Э?

– Прости! – отозвался изнутри Зигфрид, и следом щелкнул дверной замок. Вильям и Сидни философски переглянулись и пошли дальше по коридору, и только Рене никак не мог успокоиться:

– Чего это они там вдвоем заперлись, а? Там же еще две койки есть!

Герман не стал никак комментировать вопли Рене, тем более что комнат всем хватило.

Спальни оказались небольшими, но очень уютными. Даже двухъярусные, как в казарме, кровати тут смотрелись куда привлекательнее. Вместо огромного стола, занимающего большую часть пространства, у окна приютился аккуратный письменный столик с букетом цветов, и большим плюсом стали мягкие кресла, которых так не хватало в аскетичной обстановке общежития.

Герман по традиции разместился вместе с Бертом и Рене, а вот четвертым к ним прибился Варма.

– Места не хватило, – нагло солгал он и подмигнул Герману. В его хитром взгляде читалось: «Я все про тебя знаю». А ведь кроме Берта и Рене, который сам догадался, никто об эмпатии Германа не знал. Пора было рассказать, но выйдет так же, как с идентификационными браслетами. Его обвинят в предательстве и недоверии. Точнее, обвинит.

Стефания.

– Эй, Герман! – Вильям свесился с верхней полки, с которой каким-то образом сумел согнать Альберта. – Только не говори, что собираешься сейчас спать. Давайте пообщаемся? Вы все такие интересные.

– Ты точно это слово имел в виду? – буркнул со своего места Рене, и Берт согласно закивал. Он сидел на полу возле койки Германа, протянув ему руки, и тот заматывал ссадины на кистях бинтами, пропитанными лекарством.

– А есть варианты? – заинтересовался Вильям, заворочавшись под одеялом.

– Ну знаешь, обычно в таких случаях говорят «чокнутые».

В итоге проболтали полночи, и первым из всей компании бодро захрапел Рене. А поскольку делал он это регулярно на протяжении последних месяцев, Герман довольно быстро заснул, несмотря на то что голова была полна мыслей и вопросов.

Весь следующий день им со Стефанией никак не удавалось остаться наедине. То Вильям влезет в разговор, в который его не звали, то Рене затеет очередную бестолковую стычку с Сидом, мстя за налившийся синевой фингал, то еще какая-нибудь мешающая ерунда. После обеда девочки собрались купаться. Само собой, мальчикам с ними идти

запрещалось, о чем красноречиво говорил взгляд Ситри, вышедшей из домика последней, зато в каком виде!

– Это точно наша бой-баба? – уточнил Рене, подбирая с пола отпавшую челюсть. Ситри распустила светлые волосы и надела легкий пестрый сарафан. Крепкие руки и широкие плечи он не скрыл, зато грудь показал во всей красе. К девушке подскочил Альберт, и в его руке возник цветок с розовыми лепестками. Берт что-то радостно затараторил, и Ситри слушала его подозрительно внимательно. Потом выдернула у него из пальцев цветок и неловко запихнула за ухо.

– Я хочу это развидеть, – сообщил Рене и отвернулся к Герману. – Как я ненавижу всю вашу романтическую дурь.

Герман почувствовал себя обделенным. Солнышко припекало, со стороны леса тянуло свежестью, от реки – прохладой. Вчера он не заметил, как тут красиво и уютно, можно было просто прилечь на травку где-нибудь за оградой или посидеть в беседке и почитать книгу...

– А давай за ними подсмотрим, а?

Герман вздрогнул, возвращаясь в реальный мир. Рядом как ни в чем не бывало стоял Рене и азартно потирал руки.

– Подсмотрим? За кем? Зачем?

Рене быстро огляделся и сделал характерный жест в районе груди:

– За девочками. Ну там... Может, им опасность угрожает? Река-то за забором. Я бы от наших любимых учителей всего ожидал. Ну?

У Германа просто слов не нашлось:

– Ну ты и...

И тут заметил позади Рене брата. Берт неуверенно мялся, но явно был заинтересован.

– Вся компания собралась, значит, – сдался Герман и скрестил руки на груди. – Ни за что! Без меня, пожалуйста, это недостойно, неблагородно и...

– А я бы сходил. – Вильям появился с другой стороны и кивнул ребятам. – Рене прав, мало ли что.

Герман все равно нахмурился:

– Слушай, Вильям, это уже слишком. Стефания не твоя девушка.

– Но и не твоя тоже, я прав? – невозмутимо заметил он и закинул руки за голову. – Спорим, ты еще никогда не видел, как она купается?

И пошел к дальней калитке, выходящей к реке. Рене и Берт пошли за ним. Герман выждал десять минут и, выругавшись сквозь зубы, побежал догонять.

Тропинка спускалась к самому пляжу, скрытому за полосой густой

растительности. Из-за деревьев слышался девичий смех, разговоры и плеск воды. Герман снова засомневался. Друзья ведут себя как мальчишки, и Вильям, оказывается, недалеко от них ушел. Нельзя им уподобляться. Герман же выше всего этого...

И сам не заметил, как успел спуститься по тропе и осторожно раздвинуть ветви.

Стефания как раз заходила в воду. Спуск был пологим, а дно ровным, и девушка сначала погрузилась в воду по колени, потом по пояс. Герман видел выглядывающие из-под длинной маечки упругие ягодицы. Нет, пожалуй, не стоило приходить. Он пошевелился, собираясь аккуратно отползти назад, и тут Стефания взялась за полы майки и потянула вверх. Длинные волосы перекинулись на плечо, и нескромным взглядам предстала голая, будто вытесанная из белого мрамора, спина. А ведь где-то тут ошивались парни. Герман восторженно, наделав шума, и сидящая на травке Дзюн повернула голову в его сторону. Ну разумеется, ее сверхслух не мог не обнаружить его. Однако девушка уверенно ткнула пальцем в противоположную сторону. Ситри, до этого задумчиво теребившая в пальцах, привыкших держать меч, хрупкий цветок, решительно поднялась на ноги и направилась к кустам.

«Хоть бы там был Вильям», – мстительно подумал Герман, сдавая назад. Щеки пылали, ему было ужасно стыдно за них всех, а за себя особенно. И еще он испытывал прежде незнакомое чувство, определенное им как ревность. Варма смотрел на спину Стефании. Пальцы сжались в кулаки, и, чтобы не натворить глупостей, Герман поспешил обратно в лагерь. Через четверть часа ему повстречались Рене с подбитым вторым глазом и сконфуженный Берт, тут же кинувшийся извиняться. А вот Вильяма видно не было, как будто он потерялся где-то по дороге в лагерь или девочки его все-таки утопили.

Думая об этом, Герман постепенно приходил к мысли, что Вильяма приставил к нему учитель Гротт. Мало того что он знает больше, чем надо, так еще и совершенно невозможно понять, что у этого парня на уме. Это настораживало.

Однако, несмотря ни на что, ближе к вечеру Герман созрел до того, чтобы снова позвать Стефанию прогуляться за периметром. Погода стояла замечательная, солнце еще цеплялось жарким боком за макушки сосен, но прохлада уже приятно ласкала кожу. На Стефании было прелестное голубое платье с открытыми плечами, очень идущее к ее белой коже и темным волосам, которые она распустила, склов пару прядей на затылке блестящей заколкой. Герману все еще было неловко, хотя она ни словом не

обмолвилась об утреннем происшествии у реки, быть может, не догадывалась о его участии, а может, проявляла неожиданную деликатность.

Размышляя об этом, Герман пытался подавить в себе два желания, одно из которых – поцеловать ее.

– Кхем-кхем!

Герман рефлексивно вскинул голову на голос Рене из громкоговорителя. Звук разнесся по всему лесу. Вильям, неведь как снова оказавшийся рядом и вызывающий у Германа то самое второе желание – набить ему морду, хмыкнул.

– Можно уже, да? – в динамиках неуверенно прозвучал голос Альберта. Потом что-то зашуршало, захлопало и, кажется, кто-то рядом успел подражаться, пытаясь поделить микрофон. – Уважаемые обитатели тренировочного лагеря бета-бета-три-пять... Что за чушь? Можно, я по своему, да? Друзья! До конца каникул осталось два дня! Всего два дня свободы! И мы должны провести их весело! Предлагаю собраться всем через десять минут возле костра.

– Твой братец непроходимый оптимист, – беззлобно отреагировала Стефания. В ее словах Герман не уловил ничего обидного. Это в самом начале Фанни и в самом деле терпеть их обоих не могла, теперь же в ее голосе скользила подозрительная теплота.

– Он прав. – Герман украдкой сжал ее ладонь. – И он очень дорожит тем временем, когда может быть свободным.

Стефания тоже молчала, склонив голову. Герман потянулся к ней мысленно и вздрогнул, когда она вдруг заговорила.

– Давай пока не пойдем обратно, – попросила она и смущенно отвела взгляд. Герману не верилось, что это правда. Теперь точно настоящее свидание.

Стараясь не шуметь, он увлек ее в сторону от тропинки, туда, где глухая стена леса плавно перетекала в приветливую зеленую лужайку. Недалеко журчал ручеек, скорей всего, там было много комаров и прочей неприятной живности, но разве Герман не маг Воздуха? Подумаешь, разогнать насекомых, да ему сейчас море по колено было.

– А Берт? – Стефания села на китель, постеленный парнем на траву.

– Он поймет. Он вовсе не такой дурак, каким кажется.

В воздухе всколыхнулась заинтересованность, и Герман ревниво поджал губы. Стоило бороться с этим неуместным чувством – они поговорили с братом о Стефании. Альберт заверил, что Фанни его совсем не интересуется, к тому же он слишком ценит Германа, чтобы переходить ему

дорогу. Любой бы засомневался в правдивости таких слов, но только не Герман.

Однако все было куда сложнее. Статус парня принцессы очень шаток, особенно когда у принцессы уже есть суженый, к тому же самый настоящий принц, плюс еще один поклонник, куда более подходящий для роли жениха, нежели простой крестьянин.

Герман не сумел подавить напряженного вздоха.

– Если ты не будешь верить в себя, в тебя больше никто не поверит, – сказала Стефания, прижимаясь грудью к его плечу. Герман невольно напрягся, и Фанни, будто почувствовав его напряжение, рассмеялась.

– Когда мы вернемся в училище, все начнется сначала, – сказала она, отсмеявшись. – Давай ненадолго забудем, кто мы такие? Не только Берту хочется побыть свободным.

Она села прямо на траву и посмотрела на Германа снизу вверх, щурясь на лучи заходящего солнца, проникающие сквозь ажурное плетение крон.

Герман присел рядом и отыскал рукой ее маленькую теплую ладошку, неуверенно коснулся пальцев. Стефания просто не представляла, какой могла быть милой иногда и какие мысли сейчас в нем пробуждала. Он сильнее сжал ее ладонь. Легкий шлейф ожидания опьянял.

– Так и будешь на меня смотреть? – спросила Стефания.

– Я могу отвернуться.

– Я серьезно, Герман!

Она толкнула его в плечо, но не удержала равновесия, и Герман обнял ее за талию. Притянул к себе и уже не смог удержаться от соблазна. Поцелуй вышел не таким нежным и трепетным, как представлялось ему в самых смелых фантазиях, но Стефании, похоже, понравилось. Она обняла его за шею и уткнулась носом в плечо.

– Фанни... – выдохнул Герман. Поток не его эмоций хлынул в голову и разлетелся на тысячу осколков. – Прости.

Они не были парой, и им не стоило ею становиться. Но чем дальше, тем сложнее было скрывать свои чувства.

– Почему ты так любишь все усложнять? – прошептала Стефания и прижалась к нему горячей щекой. Растрепанные волосы щекотали даже сквозь легкую форменную рубашку, а тепло ее тела разливалось по коже словно раскаленный воск, заполняя каждую пору.

– Да ты тоже, хочу заметить, очень непростая. – Герман попытался немного разрядить обстановку, хотя она и не казалась накаленной.

– Вообще-то я принцесса. – Стефания вздернула носик и, отстранившись, потрепала Германа по взлохмаченным волосам. От

влажного воздуха они вились особенно сильно, и тонкий пальчик запутался в жестких прядях.

– Я знаю. – Он поднялся и протянул Стефании руку. Зря они об этом вспомнили, только испортили момент. – Пойдем в лагерь, там нас теперь заждались.

Стены тренировочного лагеря уже показались за деревьями, однако Герман внезапно остановился и предостерегающе поднял руку.

– Ты что? – Стефания резко затормозила. – Не делай так, я в тебя врежусь.

Герман приложил палец к губам, призывая к молчанию, и посмотрел в сторону калитки. Она была закрыта, как они ее и оставили, только вот Герман уже скользнул мыслями дальше, «прощупывая» территорию, невидимую отсюда глазами. Стефания, кажется, прониклась его беспокойством, и фон ее эмоций подернулся серой тревожной рябью. Она коснулась его локтя, неосознанно делясь теплом. Герман передернул плечами, закрыл глаза, стремясь расслабиться как можно сильнее. Он видел цепочку ментальных следов Вильяма, Рене и их собственные – они тянулись по тропе вверх, но уже почти растаяли. За забором было сложнее, все странным образом перепуталось, наслоилось, и Герман зашипел, натолкнувшись на чужой след. Из-за путаницы невозможно было разобрать, какой именно эмоцией это когда-то было, но явно не слишком хорошей.

– Стой тут и жди меня. – Герман поспешил продолжить, потому что Стефания уже открыла рот, чтобы возразить: – Нет, лучше спрячься. Если что, я дам знак.

Он отвернулся, но Стефания крепко схватила его за рукав:

– А объяснить не хочешь?

– Дурное предчувствие. – Герман вдруг понял, что снова не может рассказать ей о том, что видит своим ментальным даром. Это сильно усложняло ситуацию. – Слишком тихо вокруг и, – он нахмурился, – дыма нет. А ведь Берт обещал большой костер.

– Ждут нас? – не слишком уверенно предположила Стефания, но сомнения уже зародились и в ее голове.

– Я быстро проверю, что там, и вернусь, хорошо?

Герман погладил ее по щеке и вдруг, сам себе удивляясь, поцеловал в трогательно приоткрытые губы. Так, как хотел, нежно и трепетно.

– Жди тут, поняла?

Стефания кивнула, и Герман продолжил путь один. Калитка открылась без сопротивления, песчаная дорожка привела его на площадь перед

административным зданием. В глаза сразу бросилось множество следов, а вот обещанным костром даже и не пахло.

С этой точки сенсоры Германа развернулись на полную мощь. Он снял кольцо с пальца и попытался в первую очередь отыскать брата. Но его здесь попросту не было, как не было и Рене, и Вильяма, и Дзюн. Не было даже Ситри.

Лагерь на первый взгляд был абсолютно пуст.

Урок 3

Нельзя узнать, верен ли выбор, пока его не сделаешь

Герман видел базу иначе, чем все остальные люди. Если бы его попросили описать свои ощущения, он бы просто не смог этого сделать, но это не мешало ему быть совершенно уверенным, что тут никого нет. Конечно, его сбивали остаточные эмоциональные следы, но они быстро развеивались. Герман буквально продирался сквозь разноцветные облака эмоций, уже непонятно кому прежде принадлежавших.

Он незаметно опустил руку к правому бедру и мысленно выругался – разумеется, оружия не было, он же собирался на свидание, а не на войну. Хотя в случае со Стефанией это почти равноценные понятия. И тут сработали инстинкты, Герман резко отпрыгнул в сторону, разворачиваясь.

– Это я!

Стефания вскинула руки и замерла на месте. Тень от сарая падала на нее, но светлое платье разглядеть было несложно. Пока Герман сосредоточивался на прочесывании местности, она смогла неслышно подкрасться к нему со спины. Это было очень и очень нехорошо.

– Что ты тут делаешь? – рявкнул он, не особо сдерживая раздражение, вызванное собственной оплошностью. Если бы на месте девушки оказался враг, Герман был бы уже мертв. – Я велел дожидаться меня!

– Не командуй мной! – в тон ему ответила Стефания и скрестила руки на груди. – Где все? Ты кого-нибудь нашел?

Герман покачал головой:

– Нет. Понятия не имею, куда все делись. Но мы здесь, кажется, одни.

Сказал и понял, что прокололся. Судя по взгляду, Стефанию крайне заинтересовала причина такой уверенности, только вот сказать она ничего не успела.

С крыши сарая спрыгнул человек в черном и приземлился позади Стефании. Она заметила это одновременно с Германом, согнула руки в локтях, готовя какую-то магическую формулу, но времени категорически не хватало. На таком расстоянии Герман тоже был весьма ограничен в возможностях. Единственное, что сразу всплыло в памяти, это та самая так и не использованная воздушная петля. Он выбросил ее вперед, надеясь, что Стефания разгадает маневр и уйдет с линии атаки.

Девушка подпрыгнула, сделала немыслимое сальто и, оказавшись позади обездвиженного противника, подключилась к заклинанию Германа. Воздушные пути покрылись коркой льда и превратились в непробиваемые оковы.

– Хорошая работа, – похвалила она и вытянула руку, в которой тут же возникла покинувшая «карман» секира.

– Гляди в оба, – хмуро отозвался Герман. Странно, что он проморгал присутствие чужака в такой близости от себя. Об осечке речи не шло, он был предельно внимателен. Более того, он не чувствовал постороннего присутствия и сейчас тоже. – И будь осторожна.

– Всегда.

Стефания крутанула в руках секиру и улыбнулась. От девушки исходили волны горячего нетерпения, и Германа передернуло. Он не понимал этой жажды боя, это было ему совершенно чуждо. Наставник учил его, что лучший бой – тот, который ты выиграл еще до его начала. Иное – лишь вопрос грубой силы.

Стефания была сильной. Даже слишком, на взгляд Германа, но когда темные фигуры вдруг повалили со всех сторон, дрогнула и она. Герман все еще был безоружен, так что коротко скомандовал:

– Отступаем к крыльцу.

Из здания администрации можно было выйти на связь с училищем, и, похоже, эта идея посетила не только его.

– Сзади! – предупредила Стефания. Режущая кромка ее секиры покрылась изморозью. Герман подпрыгнул, помогая себе магией, и что-то просвистело на месте, где только что были его колени. Стефания уже врезалась в гущу нападавших, и Герману стало некогда следить за ней – его собственный противник решил во что бы то ни стало убить его. В магии Герман был слабоват, впрочем, пару хитростей он придумал еще когда планировал взятие тренировочной базы. Они оба стояли на песчаной тропинке. Короткий изогнутый меч в руках чужака казался продолжением руки. Черная одежда, прикрывающая рот и нос, не давала разглядеть лица. Герман устремился к Стефании, пытаясь на бегу схватить нужные энергетические потоки.

– Ко мне! – крикнул он, завершая узор. – Живо ко мне!

Стефания неохотно, но подчинилась. Через пару секунд мощные воздушные волны подняли с земли весь песок и закружили. Ненадолго воцарился настоящий хаос – колючие песчинки лезли в глаза, в рот, нос, уши, царапали лицо. По крайней мере так оно планировалось. Сам Герман защитил себя и Стефанию плотным воздушным коконом.

Герман схватил Стефанию за руку и потащил к зданию. На ступеньках он затормозил.

– Фанни, ты...

Он хотел спросить, в порядке ли она, но в этот момент двери резко распахнулись, едва не прибив их обоих, и учитель Гротт молниеносно схватил Германа за воротник:

– Курсант Герман! Глухой идиот!

Смысл претензии Герман не понял, но присутствие учителя его успокоило.

– Живо в телепорт! – приказал Вальтер. – Я разберусь.

Он обнажил узкий длинный клинок с причудливой вязью от крестовины до острия и сбежал по ступеням вниз. Стефания проводила его взглядом и вцепилась в руку Германа с такой силой, что тот едва не вскрикнул.

– Это Леннард! – с отчаянием воскликнула она. – Я не могу сбежать, я должна дать отпор!

– Его тут нет, – перебил Герман. – Но где-то поблизости есть сильный менталист, поэтому нам лучше скорее отсюда уйти.

Он потянул ее в здание, но Стефания заупрямилась. В итоге пришлось силком затаскивать ее внутрь.

– Отпусти! Я принцесса, я не могу больше убегать!

Герман захлопнул дверь, схватил девушку за плечи и как следует встряхнул.

– Ты просто умрешь, и никому от этого не станет лучше или легче. Ты понимаешь? – Он заставил ее смотреть себе в глаза. – Мы отомстим за тебя и твою семью, но для начала уберемся отсюда и останемся живы. Это не тот бой, Стефания. Мы еще не готовы.

Он убедился, что слова дошли до нее, и быстро поцеловал в лоб.

– Побежали.

Они миновали небольшой холл и свернули под лестницу. На плане эта дверь была отмечена как кладовка, но на деле вела в подвальное помещение с установленной аркой переносного телепорта, в сумраке переливающейся сиреневыми магическими всполохами. Выглядело это красиво и немного пугающе.

– Ты первая, – велел Герман и только что не пропихнул ее в арку телепорта, а потом шагнул туда сам. Знакомое ощущение ухнувшего в пятки желудка, цветные пятна перед глазами, и вот уже Герман летит с высоты человеческого роста прямо в гостеприимно распахнутые объятия Альберта.

А спустя всего час Герман, только успевший искупаться и переодеться в форму, стоял по стойке «смирно» перед столом декана. За стеклами широкого арочного окна уныло шелестел дождь.

– Итак, курсант Герман, вы превзошли все мои ожидания! – Савелий Кишман так и лучился радостью. – Сделать лучшую команду первого потока! Да еще так ловко!

Герман и не подумал улыбнуться, хотя слышать от представителя руководства подобные выражения было странно и забавно. Впрочем, Савелий частенько выпадал из образа строгого декана. Вот и сейчас он выскочил из-за стола, будто ему вдруг стало там тесно, и хлопнул в ладоши. Герман от неожиданности все-таки вздрогнул.

– Что можете сказать в свое оправдание?

Герман растерянно хлопнул ресницами. Складывалось впечатление, что инцидент с нападением на базу решили проигнорировать. Как будто ничего не было. Под внимательным взглядом декана Герман вытянулся в струнку и выпятил грудь, как положено по Уставу:

– Я старался! Это мой долг как капитана команды!

Савелий поморщился:

– А вот орать не обязательно. Я еще молодой, и так прекрасно слышу.

Герман поумерил пыл и продолжил обычным голосом:

– А теперь могу я задать вопрос?

Он, признаться честно, сильно устал и толком не успел поговорить со Стефанией с тех пор, как они вернулись в училище. Он даже с братом почти не пообщался, сразу получил приказ доложиться в деканате. Но кое-кому тут придется объясниться.

Кишман присел на краешек стола и скрестил руки на груди:

– Какие могут быть вопросы, курсант? Баллы вам начислят в учебном отделе, не забудьте зайти в течение трех дней. Но мне же нужно вас как-то дополнительно наградить? Внеочередной выходной подходит? Я думаю, идеальный вариант. По рукам? – Савелий снова резко подскочил и ударил себя по коленям. – Тогда свободен.

– Кто напал на тренировочный лагерь?

Герман смотрел декану в глаза в ожидании ответа. За спиной Кишмана порыв ветра ударил в стекло, и форточка с треском распахнулась, впуская в кабинет брызги дождя, прохладу и запахи сырой земли и камня.

– Если одного выходного мало, – пожал плечами Савелий, – можно дать вам и два, заслужили. Погуляете в городе, если погода позволит.

Итак, он сделал вид, что не слышал вопроса. Это неожиданно подействовало на Германа как открытый вызов.

– Нападение было совершено с целью устранения принцессы Виндштейнской, – прямо сказал он. – Вы должны это понимать. Я уверен, что прав. Курсанту Дидрик нужна дополнительная защита.

После кругового допроса, учиненного Рене сразу после выписки, выяснилось, что декан в курсе всего, поэтому и принял беглую принцессу. Только предпринимать ничего не собирается. Вроде как дело политическое, нужно действовать не спеша и с умом.

Кишман прищурился, и Герман понял, что немного перегнул палку. От мужчины ощутимо повеяло угрозой.

– Дополнительная защита в самом защищенном учебном заведении Визании? Молодой человек, вам не кажется, что вы дерзите? Один выходной. Свободны.

Только Герману уже не с руки было отступать, зайдя так далеко.

– Я прав. Учитель Дженао оказался предателем, а после его убили в стенах училища. А ведь он находился под охраной.

– Нет, ну это уже слишком! – воскликнул Савелий, больше восхищенный настойчивостью Германа, чем ею разгневанный. Подошел к окну и закрыл. – Один выходной, и неделю будете всей компашкой дежурить по кухне утром и вечером.

– А курсант Дидрик...

– А ну брысь отсюда! Сами разберемся!

Герман выскочил в коридор и поспешно закрыл за собой дверь. Безусловно, он повел себя не по Уставу и вообще не очень вежливо, но определенный результат был. Похоже, он не ошибся, и нападение, кем бы оно ни было организовано, имело своей целью избавиться от Стефании. Хотя в таком случае гадать, кто организатор, и не приходилось.

Леннард Огюстос, верховный и единый правитель Грейнциварта. Супруг Стефании.

Дождь лился стеной. Герман покинул административный корпус через заднюю дверь и вышел к плацу. Серая брусчатка потемнела, в трещинах была вода, она собиралась в ручейки и разбегалась во все стороны. А вода все прибывала. Сезон дождей – один из пяти хаотично сменяющих друг друга погодных сезонов Визании. Сказывалось влияние близкого Источника магии. За время обучения Германа дожди зарядили во второй раз, и каждый раз – неожиданно. Положение спасали воздвигнутые магами непромокаемые «коридоры» между учебными корпусами и основными зданиями. А вот от корпуса администрации к общежитию такого «коридора» не сделали. Герман поежился и сделал первый шаг под дождь.

Похоже, никто не собирался обсуждать с ним случившееся. Они не

могли не понимать, что с этого момента все будет только хуже, опаснее. Сидеть и выжидать удобного момента больше нельзя, и если придется, Герман сам найдет способ раз и навсегда избавить свою принцессу от страхов прошлого.

– Что-то умник наш задерживается. – Рене нарушил гнетущую тишину столовой. Остальные курсанты успели поужинать, и занят был только столик команды № 13 второго курса второго потока. Стефания покосилась на пустое место Германа и его поднос – Берт позаботился о еде для опаздывающего брата. Очень на него похоже.

Рыжему никто не ответил, а он и не спешил продолжать, только активнее заработал челюстями.

– Не чавкай, – рыкнула на него Ситри, но как-то вяло, устало. Стефания покрутила в руках вилку с наколотым на нее помидором. За последний год она уже смотреть не могла на капусту и помидоры, но выбирать не приходилось.

– Ну, если он не придет, тогда я заберу его булки. – Рене потянулся рукой к подносу Германа, но тут же получил по ней вилкой. Помидорка сорвалась с зубьев и, откатившись к Берту, моментально попала в плен.

– Руки убери, – огрызнулась Фанни и на всякий случай отодвинула поднос подальше от наглежащего огневика. – Если он не придет, я сама ему их отнесу.

В столовой в этот день и впрямь расщедрились, каждому досталось аж по две булочки. Одна с жирной ароматной котлетой, от вида которой Стефанию сразу начало мутить, вторая – щедро посыпанная поплывшим в духовке сахаром.

Берт все это время как-то подозрительно молчал, только хрустнул последний помидор. За столом ощущалось странное напряжение, словно все ждали чего-то плохого. И чем дольше Германа не было, тем сильнее сгущались над столом сумерки. Или так казалось одной только Стефании.

– Это же твой муженек напал на базу? – все-таки заговорил Рене, лениво катая крохотную помидорку по тарелке. – Это становится небезопасным, а?

Стефания сникла, даже спорить не хотелось, хотя конопатая физиономия Вильтрауда всегда так и напрашивалась на скандал.

– Думаю, да. Герман сказал, что там был тот менталист, который на него работает, уж не знаю, как он это понял.

Рене насадил помидорку на зубцы, брызнул сок.

– А ты не догадываешься, типа?

– О чем? – удивилась Стефания, и в голову сразу полезли дурные

мысли, одна хуже другой.

– Тогда молчу, сами разбирайтесь, – усмехнулся Рене.

– Мне жаль, что вам приходится рисковать, – честно сказала Стефания и поднялась из-за стола. – Правда жаль.

Она схватила со стола бумажный пакетик с булочками, обычно в такие Герман собирал после обеда и ужина все, что оставалось от десерта. Правда, Фанни никогда не видела, чтобы он потом это съедал.

Нужно было найти Германа, ведь за все это время им так и не удалось толком поговорить, обсудить то, в чем она наконец сумела ему признаться. Она не знала, что скажет ему, но испытывала острую необходимость быть рядом, видеть выражение его лица, читать по его глазам то, что не произносилось вслух. Неприятное, щемящее сердце предчувствие постоянно щекотало легкие и не давало вздохнуть. Рядом с Германом будет спокойней, по крайней мере так ей сейчас казалось.

В деканате Германа не оказалось, в комнате тоже. Никто из попавшихся на пути курсантов не видел Германа в общежитии, а в административном корпусе по коридорам вообще гулял ветер.

– Кого-то ищите, курсант Дидрик? – из неожиданно открывшейся двери деканата, возле которой Стефания оказалась во второй раз за последние четверть часа, выглянул Гротт и недовольно поморщился, поправляя очки на переносице. Из помещения дохнуло жаром, как из печки. Фанни спрятала пакет с ужином за спиной и сжала в пальцах. Всегда казалось, что Вальтер читает ее самые сокровенные мысли – не самое приятное ощущение, особенно когда есть то, что хочется ото всех скрыть. И сейчас заместитель декана окинул ее таким взглядом, что захотелось поспешно прикрыться.

– Он ушел минут двадцать назад. Куда – не отчитывался.

Взгляд из-под блестящих отполированных стекол снисходительно скользнул по ней в последний раз, и Вальтер скрылся, хлопнув напоследок дверью.

Германа видели идущим в корпус «Г» вместе с курсантом с первого потока, об этом Стефании доложил Вуди. Вместе с другими однокурсниками он разыгрывал прямо в парке какой-то непонятный спектакль, в последнее время он часто страдал подобной ерундой. Речь, скорее всего, шла о Вильяме Варме, и Стефании не очень нравилось, что Герман начал с ним общаться. Может, со стороны он казался таким идеальным, но в его взгляде читались какие-то совершенно звериные инстинкты. Стефания покачала головой. Герман же сможет о себе позаботиться...

- А ты не догадываешься, типа?
- О чем?
- Тогда молчу, сами разбирайтесь.

Стефания снова остановилась. На макушку упала первая тяжелая капля, небо было тяжелым и хмурым, как и на душе у Стефании. Нужно поговорить с Германом, спросить, что происходит, даже если это какая-нибудь ерунда. Лучше знать, чем придумывать самой. Потому что...

Потому что она его любила.

Это чувство родилось само собой, как будто было всегда, просто Стефания его не замечала. Наблюдала из-под полуприкрытых век за тем, как Герман собирается по утрам в душ, встав раньше остальных. Как тщательно готовит форму, собирает тетради. Смотрела, как в столовой он не спеша потягивает компот, яблочный, его любимый. Как внимательно он слушает лекции, хмурится, если не сразу понятно, а когда решает сложную задачу, улыбается краешком губ, немного самоуверенно, но ему это идет.

Ей нравилось в нем абсолютно все, и к этому постороннему любованию добавились новые желания – ощущать тепло его рук, почувствовать трепетное прикосновение губ, запах волос. Его глаза такие карие, такие теплые, что могут плавить лед, а в Стефании накопилось очень много льда. Ей так хотелось, чтобы ее согрели.

Чтобы он ее согрел.

Она сорвалась на бег и остановилась, только когда увидела, как из библиотеки выходят двое, Вильям и Герман. Варма держал над ними зонтик и смеялся, а Герман хмурил брови, то и дело пригибаясь, если спицы зонта цепляли густые русые кудри. Стефания и не заметила, что пошел дождь.

Парни почти поравнялись с ней, но за мокрыми кустами пока ее не замечали.

– И что я упустил? – спросил Герман.

– Ты полагал, что я кручусь поблизости, чтобы увести у тебя девушку, – ответил ему Вильям серьезно. – Тут даже не надо уметь читать мысли, все и так понятно.

Герман устало вздохнул.

– Мне не нужны проблемы, – вяло отмахнулся Герман. – Я здесь за другим.

– Ах, да. Чтобы получить диплом и вернуться в свою деревню с гордо поднятой головой. Я мельком видел твое досье.

Герман рывком заставил его остановиться. Зонт дернулся, и дождевые капли сорвались с острых спиц, затерявшись в густых кудрях Германа.

Стефания дернулась, но интуиция велела ей затаиться и ждать.

– Не смей иронизировать, ты... – Он с трудом сдержал порыв выпалить ему в лицо какое-нибудь оскорбление. Так бы он пал ниже своего уровня. – Ты даже не понимаешь, о чем говоришь!

– Эй, спокойнее! – Варма выпрямил руку с зонтом, накрывая их обоих от холодных струй. – Я не хотел тебя расстроить, или что ты там себе вообразил.

– Я знаю. – Герман провел ладонью по лбу. – Извини. Но что тебе, собственно, про меня известно?

Варма хитро сощурился:

– Да почти все. Не один ты любишь составлять досье.

Стефания уже видела только их спины, и тут Варма повернулся к Герману и сказал, лукаво улыбаясь:

– Кажется, я знаю твой секрет.

Они уже скрылись в аллее, ведущей к казарме второго потока, а Стефания все никак не могла решить, что ей делать. А потом решительно пошла догонять Германа.

Вильям как раз с ним прощался, проводив до крыльца. Когда его зонт скрылся среди деревьев, Стефания вышла на дорожку. Дождь лил как из ведра, но она этого почти не ощущала.

– Стефания? – удивился Герман. – Что ты там делаешь? Иди скорее сюда.

Она не двинулась с места, было страшно начинать разговор, и она продолжала упрямо мокнуть, пока Герман не подошел к ней сам.

– Фанни? Что случилось? – Он потянулся ладонью к ее лицу, но она вдруг резко шагнула назад. – Да что такое?

– Что за секрет? – спросила она, и замерзшие губы едва шевельнулись. – Что за секрет, о котором знают все, кроме меня?

Она шмыгнула носом, и Герман поменялся в лице.

– Не плачь! – испуганно попросил он, хотя Стефания и не собиралась, просто замерзла. – Давай зайдем под крышу, ты вся дрожишь.

Она позволила увести себя в фойе общежития, но в комнату идти отказалась.

– Просто скажи, я пойму.

Герман отвел взгляд, и Стефании стало по-настоящему страшно. Страшно, что сейчас она потеряет все, снова.

– Скажи...

Герман, кажется, что-то для себя решил, вскинул голову, и его глаза потемнели, а взгляд стал жестким и холодным.

– Ладно, – сказал он отстраненно. – Я менталист. Эмпат. Я точно знаю, что чувствуют люди, и могу этим управлять.

В груди закололо.

Стефания прислушалась к себе, но услышала только, как оглушительно стучит кровь в ушах. А может, это всего лишь перестук дождевых капель за окном.

– Я менталист, Стефания, – повторил Герман. – Я чудовище.

– Нет.

– Ты не понимаешь! – Он уже почти кричал. – *Я знаю, что ты чувствуешь!*

– Нет, не знаешь. – Стефания покачала головой. – Ты совсем ничего не знаешь, Герман. Я люблю тебя.

Слова вылетели, и их уже не вернешь назад. Стефания сжалась, как пружина, готовая убежать в любую минуту. На глаза набежали слезы и скатились по щекам.

Герман скинул на пол сумку, притянул Стефанию к себе и крепко обнял, позволяя ей уткнуться во влажную рубашку. И не стал успокаивать.

– Прости, Фанни, – сказал он.

Стефания всхлипнула последний раз и отстранилась.

– И это все? Больше ничего сказать не хочешь?

Он смущенно улыбнулся, наклонился и шепнул на ухо, чтобы услышала только она:

– Я тоже. Люблю тебя.

Урок 4

Самая большая ошибка – думать, что хуже уже не будет

Следующее утро началось с того, что Герман открыл глаза и увидел Берта сидящим на полу, и вокруг него в беспорядке валялись исписанные листочки.

– Берт? – позвал Герман тихо. – Ты что делаешь?

Он отмахнулся и застрочил с еще большим энтузиазмом. Очередной листок отправился в кучу. Герман не на шутку встревожился, подошел к брату и присел рядом, взял верхнюю бумажку и прочитал написанные на ней слова.

Берт отвлекся и посмотрел на Германа сияющим, полубезумным взглядом.

– Ты все вспомнил? – спросил Герман растерянно. – Но когда? Почему ты молчал?

Берт виновато улыбнулся.

– Ты не рад? Я помню тебя, помню, как мы дружили. Дерево помню, страшное такое, я выцарапал на нем наши имена. Герман, они возвращаются, мои воспоминания! Я не знаю почему, но я как будто вижу их, как картинки.

– Когда это началось?

Берт замотал головой:

– Не знаю... Сначала я думал, что это просто сны, а сегодня все понял. Ночью. Проснулся и сразу начал записывать. Вот, смотри. – Он порылся в кипе бумаг и сунул ему в руки листочек. – Это имя моей матери. Да? А это, это Нелли, горничная мамы. Ты понимаешь?

Герман понимал только то, что скоро снова потеряет друга, на этот раз – милого, мягкого, наивного Берта. Как и обещал Вальтер, когда настоящий принц вернется, Герману это причинит боль.

– Здорово, – через силу улыбнулся он. – Поздравляю.

– Это совершенно ничего не меняет. – Альберт решительно нахмурил светлые брови. – Разве теперь ты перестанешь считать меня своим другом?

– Нет, но... – Герман замолчал, не зная, в чем именно проблема на самом деле. – Теперь ты точно знаешь, что ты принц, будущий король целого мира. Ты должен вернуться в Ландри, твой отец в курсе, что ты жив.

Берт улыбнулся и взъерошил волосы.

– Я знаю. Но не вернусь во дворец, пока не получу диплом и не стану настоящим магом. И пока мы не спасем Стефанию, ты же хочешь, чтобы мы спасли ее. Только вместе у нас получится, и никак иначе.

Герман и не думал, что разговор заведет их в эту сторону. Он растерянно потер висок.

– А ты помнишь, кто сделал это с тобой? Имя, лицо, хоть что-то?

Берт покачал головой:

– Нет, до этого я еще не дошел, наверное, нужно подождать. Так ты прощаешь меня?

– За что?

– За то, что я снова стану другим. – Берт выглядел сконфуженным. – Все привыкли видеть меня тем, кем я стал после работы менталиста. Но что, если настоящий я им не понравлюсь?

Герман вспомнил похожий разговор в самом начале их совместной учебы и поспешил успокоить брата:

– Поверь мне, разница не настолько бросается в глаза. Но лучше, наверное, будет признаться ребятам. Хотя это решать только тебе.

Берт задумался, а Герман пытался разобраться в собственных ощущениях. Испытывал ли он облегчение от того, что ситуация фактически разрешилась сама собой? Или чувствовал, что больше не имеет над «неразумным» братом власти, которую давала его осведомленность об их общем прошлом? Все так перепуталось.

– И ты меня прости, – сказал он наконец. Берт округлил глаза:

– За что?!

– За то, что эгоистично желал, чтобы все осталось как есть. Так мне казалось, что пропасть между нами становится меньше.

– Нет никакой пропасти, – улыбнулся Берт и взял Германа за руку. – Я всегда любил тебя, даже не зная, что ты мой брат. И это не изменится никогда. Только теперь мне кажется, что я знаю тебя даже еще лучше и от этого люблю еще сильнее.

С верхней полки послышалось шуршание и недовольный голос Рене едко прокомментировал:

– А теперь целуйтесь. Развели тут слюни-сопли.

Берт засмеялся, и Герман был вынужден признать, что они и правда устроили трагедию на пустом месте. Сигнал будильника разбудил Ситри, она шумно зевнула, вылезла из-под одеяла и потребовала объяснить, что тут происходит.

– Ко мне вернулась память, – сразу сообщил Берт без лишних

предисловий. – Точнее, возвращается, но я уже точно помню, кто я и откуда.

Эффект не заставил себя ждать, но был не совсем таким, каким его ожидал Герман. Ситри резко побледнела, почти до синевы, поднялась с кровати и так выпрямила спину, что позвоночник должен был сломаться.

– Все ясно, – сказала она бесстрастным голосом. – Я очень рада, ваше высочество.

И, больше не проронив ни слова, развернулась и вышла.

Даже у Рене не сразу нашлось, что на это пошутить, поэтому он только присвистнул и покачал головой:

– Горячая штучка. Мне показалось или это бабская истерика?

Альберт проводил Ситри взглядом и побежал догонять.

– Я ничего не понимаю, – жалобно протянул Рене. – Кто-нибудь объяснит мне, что происходит? В чем проблема-то, а? Ясно же было, что память рано или поздно вернется сама или ее кто-нибудь вобьет ему обратно в голову. В честь чего переполох?

Поразительно, но самый ушлый и сообразительный из их компании так и не понял, что Ситри влюблена в Альберта, а вот Герман уже какое-то время это ощущал. И так же, как сам Герман иногда чувствовал себя недостойным своей принцессы, думала, что не подходит кронпринцу Ландри. А если уж девушка что-то для себя решила...

Рене зарычал, яростно дергая себя за рыжие лохмы.

– А-а-а-а! Что за бред? Они что, тоже парочка?!

На что Герман спокойно ответил:

– Предполагаю, что это возможно.

– Вы меня убиваете, люди, – простонал Рене. – Ну просто каждой твари по паре, а я что? Самый рыжий?

Герман подошел и похлопал друга по плечу:

– Прости, но это действительно так.

Стефания лежала тихо, только сонно поглядывала на них, обняв подушку, и казалась больной.

– Все в порядке? – спросил Герман, присаживаясь рядом на корточки. Она вяло улыбнулась:

– Не знаю. Голова болит.

– Сходи в медицинское крыло. Наверняка это после вчерашнего. Не надо было мокнуть под дождем.

– Да, мой господин, – отшутилась она. – Идите, я еще минут пять полежу и за вами.

Герман погладил ее по волосам, взял полотенце и ушел купаться.

Стефания лениво ковырялась вилкой в овощном салате, наматывая вялые капустные листья на длинные зубья.

– Ты в порядке? – спросил Рене и сунул любопытный нос в ее тарелку. – Я его съел, так что не бойся, не отравлено. Или все-таки отравлено?

Он изобразил удушье, но на его гримасы никто не обратил внимания.

– Отстань от нее. – Ситри хлопнула Рене по руке, которую он между делом протягивал к отложенным в сторону рогаликам Берта.

– Все нормально, – отозвалась Стефания и выдавила улыбку. – Правда, все хорошо. Просто спать хочется.

Она прикрыла рот ладонью, скрывая смачный зевок, и ей поверили. Герман незаметно коснулся ее ладони, и Стефания улыбнулась уже более живо.

– Я, наверное, пойду, – сказала она и поднялась из-за стола. – Лучше и правда загляну к мастеру Гошу. Не хватало еще заболеть перед каникулами.

Она собрала нетронутый завтрак и ушла.

За пределами столовой стало легче. Стефания глубоко вдыхала и выдыхала, пока сердце не перестало бешено колотиться в груди. Потом зашла в уборную, умылась и отправилась на занятия.

Наверняка всего лишь простуда, все-таки дождь был очень холодным...

– Толкните ее, она же спит.

Голос Рене прорвался сквозь вату в ушах, и Стефания вскинулась, уронив на пол все свои наполовину исчерканные листы. Тест был в самом разгаре, а она, кажется, задремала или что-то вроде того. Рене сидел сзади и тыкал в спину карандашом.

– Курсант Вильтрауд. – Преподаватель сощурил глаза. – Неужели вы уже все сделали, раз нашли время на развлечения?

– Никак нет! – рявкнул Рене и закопался в листки с заданиями.

Стефания провела ладонями по лицу. Странно, она не помнила, как пришла в кабинет, как получила задание и начала его выполнять. Как будто сразу после завтрака она уснула, и вот ее только что разбудили.

– Можно выйти? – попросила она и, получив разрешение, покинула душный тесный кабинет.

Мастер Гош. Да, нужно пойти к нему. С ней что-то не в порядке...

Стефания открыла глаза и обнаружила, что лежит на траве недалеко от казармы. Вокруг толкаются люди, что-то у нее спрашивают.

Она села, взялась за голову. Больно...

– Разойдись! – скомандовал Варма. – Иди сюда. Не волнуйся, я отнесу

тебя в лазарет.

Она не поняла, о чем он говорит, а потом Вильям подхватил ее на руки и понес. Надо бы воспротивиться, но все казалось, что это сон и она все еще спит. Возможно, даже завтрака еще не было.

Просто сон...

Тише, дорогая. Мужа надо слушаться.

– Нет! Пусти! – закричала Стефания и ударила Вильяма по лицу. От неожиданности он разжал руки, и она упала на землю. Из лазарета выбежали медики, подняли ее, а она продолжала кричать и вырываться, ведь Леннард где-то рядом, она слышала. Она точно слышала!

Все окончательно перепуталось.

– К ней уже можно?

Герман сразу бросился в лазарет, как только узнал о случившемся. Строго говоря, проведать Стефанию пошли все, но никто не стал оспаривать право Германа встретиться с ней первым. В коридоре возле палаты стоял Вильям, он помахал рукой, подзывая к себе.

– Что с ней? – сразу спросил Герман. Ему было известно, что это Варма принес Стефанию в лазарет.

– Это ты у Гоша спросишь, – ответил он и озабоченно нахмурился. – Она вела себя странно. Знаешь... как будто была не в себе. Кажется, она приняла меня за кого-то другого.

– Она назвала имя?

– Нет. Но ты знаешь, в чем дело?

Герман покачал головой:

– Только предполагаю. Ладно, я должен ее увидеть.

Варма с пониманием усмехнулся:

– Ну конечно. Передавай красавице привет и скажи, что я совсем не обижаюсь за синяки и шишки.

Герман толкнул дверь в палату и почувствовал густой тяжелый запах страха и боли. В груди похолодело.

– Стефания!

– Кричать будете за дверью, – строго осадил его мастер Гош. – Стажер Хатти убедил меня, что ваш визит пойдет больной на пользу, исключительно поэтому вы здесь.

Стефания слабо застонала и, кажется, даже его не заметила.

– Скажите, что с ней?

Гош крутанулся на стуле и оказался к Герману лицом, на котором тот прочитал глубокую задумчивость, что не внушало оптимизма.

– Ну если опустить детали, то она умирает.

На Германа будто рухнула каменная плита, дыхание перехватило, стоять стало тяжело. Все тело словно онемело.

– Простите?...

– На курсанте Дидрик лежит заклятие медленной смерти. Его действие на момент поступления было приостановлено неизвестной мне силой. Я наблюдал Дидрик все эти месяцы, однако только после того, как заклятие снова активировалось, стало понятно, что его останавливало.

Герман слушал, но будто не понимал ни слова. В голове только бились те, первые, слова. Она умирает. Умирает. Это было как-то дико, не настоящему. В реальности так не бывает.

– Вы готовы слушать? Насколько мне известно, для вас эта информация важна.

Герман заторможенно кивнул и спросил глухо:

– Ей больно?

– Боюсь, что да.

Герман помотал головой, пытаясь собраться с мыслями. Паникой Стефании не поможешь.

– Что можно сделать, мастер? Ей ведь можно как-то помочь?

– Мы работаем над этим, – ответил Гош. – У вас есть пять минут, а потом на выход.

Он отвернулся, позволяя Герману побыть со Стефанией.

Она вся горела. Было странно ощущать такой жар, в то время как Герман помнил, какие холодные всегда у нее руки. Буквально вчера они признались друг другу в любви, и вот сегодня она на пороге гибели.

Это несправедливо.

Он взял ее за руку и переплел с ней пальцы.

– Все будет хорошо. Мы найдем способ тебя спасти. Ты отомстишь и станешь королевой. Я обещал тебе это и выполню обещание.

На секунду почудилось, что Стефания его услышала и поняла, сжала пальцы в ответ, но всего на секунду.

Гош кашлянул.

– Все, хватит. Возвращайтесь на занятия, курсант.

Герман покинул медицинское крыло и сразу отправился на поиски учителя Гротта, но тот был то на занятиях, то на совещании, то просто пропадал непонятно где. За столом во время ужина царила скорбная тишина, никому кусок в горло не лез, а Ситри вообще отказалась покидать лазарет и сидела на полу возле палаты подруги.

Герман едва дождался конца ужина, отдал поднос с едой, к которой так и не прикоснулся, и пошел в общежитие для преподавательского состава.

Поднялся по ступеням и положил ладонь на магическую панель. Умный артефакт считал его личность и открыл дверь. Гротт тоже жил на третьем этаже, его комнаты находились в конце коридора. Скорее всего, он уже знал о визитере и, наверное, даже о причине его появления. За время их совместных тренировок Герман успел убедиться, что для Гротта нет неизвестных вещей.

Однако дверь оказалась заперта.

Герман постучал, но ответа пришлось ждать какое-то время.

– Заходи.

Вальтер распахнул дверь, за плечо втащил Германа в комнату и спросил:

– Что, пришел рассказать о своих бедах?

– Бедах? – Он попытался сохранить лицо, но по нему все равно пробежала судорога. – Значит, и вы тоже в курсе. Что ж, странно, если бы это было не так.

– Я вижу, ты держишься, но если прикоснуться к твоему панцирю пальцем, он рассыплется в прах. Ты слишком спешишь закрываться.

Герман помотал головой. Слова учителя казались одновременно и правильными, и раздражающими. Герман пришел не за советами... А зачем тогда?

– Так, мне все ясно, – резюмировал учитель. – Доверься Гошу, он первоклассный специалист. Если решение есть, он его найдет.

– Мастер Гош сказал...

– Гош не умеет быть деликатным, хоть и медик, – отмахнулся учитель. – Сразу вываливает на тебя проблему. Кстати, это он посоветовал мне стать твоим наставником. Сказал, что я этого хочу. Как будто ему виднее, чего мне хочется.

Герман хмыкнул.

– Вы с ним друзья, так ведь? И с деканом Кишманом, и с учителем Эрно, и с Алиной Кишман.

Вальтер ожидаемо нахмурился:

– Мы просто учились вместе.

– Вы были в одной команде?

– Это вопрос?

– Хочу вас понять, – признался Герман. – Вы стали моим наставником, но я собираю информацию о вас по крупицам.

Гротт расслабленно откинулся на спинку диванчика и скрестил руки на груди. Свет из окна упал на его очки, скрывая выражение глаз. Он помолчал немного и наконец заговорил жестко:

– Понять меня? А себя ты понять пробовал? Ты постоянно думаешь, что вы с курсантом Дидрик слишком разные, она принцесса, а ты нищий, вы никогда не сможете быть вместе. У вашей сказки никогда не будет счастливого конца. Ну и все такое. – Гротт усмехнулся. – Я прав? А еще ты считаешь себя чудовищем, потому что ты не такой, как остальные. И это так, ты же давно это знал. Мы особенные, Герман. Твоя проблема в том, что ты боишься совершить зло, только ты на это не способен. Многие считают, что менталисты – монстры без сердца и души, но запомни одно. Не твой дар руководит тобой, а ты руководишь им.

– Ваши слова хороши, но отдают дешевой философией, – ответил Герман. – А она совершенно непригодна к жизни.

– Это ты будешь непригоден к жизни, относясь к себе так. Не позорься и возьми себя в руки. Ты должен гордиться собой, иначе превратишься в скулящую тряпку.

Герман чувствовал, что должен защищаться, только каждое слово учителя наваливалось, как каменная плита.

– Вы, может, и гениальный стратег, но вы не можете знать, что я чувствую. Я люблю Стефанию, я понял это слишком поздно. Что, если завтра она умрет и я ничего не смогу сделать?

Вальтер вопреки ожиданиям не стал насмехаться. Покачал головой и неожиданно улыбнулся:

– «Просто так вышло, что я умнее. Вот и все».

– Перестаньте. – Герман ссутулился, пряча лицо в ладонях. – К чему это вспоминать сейчас?

– Тот Герман был дерзким, уверенным и самодостаточным. Ему не нужны были советы, чтобы принимать верные решения.

– Вы считаете, что я жалок?

– Дай-ка подумать. – Гротт сложил пальцы под подбородком и прищурился. – Ты больше не уверен в том, что делаешь, ты растерян и разбит. Можно, я скажу честно? Не мне ты кажешься жалким, а самому себе. Сейчас это не ты.

Герман ловил каждое его слово, не веря своим ушам. Его будто наизнанку вывернули, встряхнули и показали ему же безо всяких прикрас. И зрелище было так себе.

– Вы правы... Нужно собраться. Я нужен Стефании сильным.

Гротт подался вперед, оперся на локти и напряженно следил за лицом Германа. Света не хватало, чтобы разгадать его собственные чувства, а ощутить их Герман, как и прежде, не мог.

– Скажи мне, Герман, как ты чувствуешь? – вдруг с искренним

любопытством спросил Гротт. – Звуками, запахами, ассоциациями?

Они прежде затрагивали эту тему, Герман объяснял, как мог, однако сейчас догадывался, что Гротт добивается чего-то иного.

– Чаще запахами, но в последнее время цветами, – ответил он. – Это причиняет боль. Иногда. Вот тут. – Герман потрогал переносицу и виски. – Но почему вы снова спрашиваете?

Вальтер поджал губы, его беспокойные тонкие пальцы музыканта передвигали по столу пустой бокал, вправо-влево, вперед-назад, выдавая внутреннее напряжение. Он опустил взгляд и сказал:

– А я слышу мысли. Будто живой голос, только внутри моей головы. Ты не говоришь, а я тебя слышу. Я могу узнать почти все, о чем ты думаешь. Прямо сейчас. – Он с вызовом посмотрел Герману в глаза. – И так всегда и везде. Как думаешь, кто из нас больше чудовище, ты или я?

– Вы... – Герман хотел сказать «не чудовище», но слова застыли на языке. – Простите, я не подумал об этом. Наверное, это еще тяжелее, чем...

– Ну конечно, с чего тебе об этом задумываться. Ты... ты не понимаешь, ты не знаешь, каково это – смотреть на другого человека и слышать в своей голове...

– «Прости, но я тебя не люблю»?

Герман сказал это прежде, чем осознал смысл этих слов. Просто осенило, и все. Как будто глаза открылись.

Гротт замер, окаменев от непонятного Герману чувства. Оба молчали какое-то время, пока Гротт не заговорил первым.

– Да что ты знаешь, мальчишка, – устало бросил он и провел ладонью по лицу, как будто стирал несуществующие слезы. – Никакие сенсоры не передадут тебе этого чувства, пока не испытаешь на себе.

И Герману казалось, он знает, о ком идет речь, что за женщина отвергла любовь Вальтера Гротта и до сих пор не может уйти из его головы. Но произносить это имя вслух не стал.

– Вы ее до сих пор любите, но... Почему не пытаетесь вернуть?

– Очень просто. Потому что это нужно было делать сразу, а я счел себя слишком жалким и ничтожным, совершенно ее недостойным. И она поверила в это и нашла того, кто был достоин.

– И вы не хотите, чтобы я поступил так же? Не хотите повторения своих ошибок?

Не верилось, что Гротт был когда-то участником любовной трагедии, но эти взгляды, эта тоска, которую не удержать даже самым сильным ментальным щитом. И Герман рисковал стать таким же, как он.

– И что же мне делать, учитель?

Вальтер долго не отвечал.

– Что делать? – он пожал плечами и поднялся на ноги. – Если бы я знал ответ, все сложилось бы иначе... Кофе будешь?

Переход был очень неожиданным, впрочем, почти сразу Герман почувствовал приближение новых действующих лиц. В дверь постучали, и в итоге кофе Гротт заваривал на всю компанию – декан Кишман, мастер Гош и Герман с Бертом.

– Хорошо, что и курсант Герман здесь. Есть кое-что, что мне хотелось бы обсудить в узком кругу, – сказал Гош. – Вальтер поправит, если я ошибаюсь. Так вот, кажется, я знаю, как спасти вашу принцессу.

Урок 5

Героические поступки иногда заводят очень далеко

Чем дальше они шли по колено в свежавыпавшем снеге, тем тяжелее становилось. И не только физически. Это место будто высасывало из них силы, не позволяло в полную мощность использовать магию. С магическим фоном творились странные вещи, он был разряженным, точно воздух на вершинах гор.

Таков был Виндштейн, попавший под власть узурпатора и убийцы. Как будто сам мир сопротивлялся ему.

– Давайте живее! – подстегнула Ситри, указывая в сторону леса. – Будет легче.

И правда, снега стало в разы меньше, густые кроны и молодая поросль на опушке оберегали от сильных снегопадов. Из-под снежкой корки местами пробивались сухие стрелы травы и кустарника.

Девушки шли впереди, Вильям Варма, взятый для боевой поддержки, пристроился следом. Какое-то время двигались молча, пока вся их мокрая от усталости процессия не уткнулась в небольшой деревянный домик. Должно быть, прежде здесь жил лесник или охотник. Ситри вошла первой, отряхнув с сапог прилипший снег. Порожек скрипел, дверь тоже, но внутри было сухо, а это главное. Варма сразу присел на корточки возле очага. Небольшое усилие, и дрова занялись огнем. Сразу стало светлее и уютнее.

– Откуда тебе известно это место? – спросил Герман. Он не спешил скидывать куртку, как Рене, который чуть ли не с фырканием стянул с себя мокрую одежду, оставшись в одной майке и штанах.

– Мне рассказал о нем верховный жрец храма, – ответила Ситри. – Я показывала вам это место, помните, хозяйка?

Стефания молча кивнула и придвинулась ближе к огню. В последние дни под действием заклятия, лишь ненадолго приостановленного усилиями медмагов, она постоянно мерзла, и ничто не могло согреть ее достаточно надолго.

Тогда, два дня назад, они собрались в комнате Вальтера Гротта, и мастер Гош сообщил, что знает способ спасти Стефанию.

– Это же отличная новость! – обрадовался Герман, но, глянув на притихшего брата и на мрачного медика, поумерил пыл. – Да?

– Давайте сядем, – предложил Гротт и бросил на Германа предостерегающий взгляд. Тот собрался и потянулся к гостям ментальными сенсорами. Гош был озадачен, серьезен и сконцентрирован на деле. Кишман умело экранировался, поэтому Герман не рискнул себя выдавать. А вот Альберт был сконфужен, встревожен и чувствовал себя виноватым.

– Заклятие медленной смерти замерло из-за того, что личность вашего друга была заблокирована менталистом, – пояснил Гош. – Между женихом и невестой после определенной церемонии, проведенной без их присутствия, появилась тесная связь, сродни ментальной. Я прав, Вальтер? Эта же связь помешала менталисту уничтожить старую личность Альберта, так как она была скреплена с личностью Стефании. Таким образом они друг друга спасли, сами того не ведая. Это моя теория.

– Ко мне вернулась память, ну почти, – добавил Берт, – и процесс возобновился.

– Он прав. Чем быстрее будет возвращаться память, а вместе с ней изначальная личность, тем быстрее заклиние будет убивать девушку.

Герман попытался осознать услышанное. Все звучало логично, доступно для понимания, но совершенно не объясняло, как спасти Стефанию.

– А если порвать эту связь? – спросил он. – Тогда восстановление Альберта не будет влиять на состояние Стефании.

– Или она просто сразу умрет, – предположил Кишман.

– Не припомню, чтобы ты заканчивал Академию медицины и медмагии, – припечатал его мастер Гош. – Да, я не могу со стопроцентной уверенностью заявить, что все будет хорошо. Я поговорил с курсантом Калькбреннер, с помощью декана всю ночь изучал особенности их мира. Ситуация пока такова. Если Стефания, как единственная выжившая из королевской семьи, предъявит права на трон и станет королевой, то сможет сама разорвать связь с женихом.

– И заодно разобраться с узурпатором, – подсказал Гротт.

– Но дело внутривластическое, пока нет доказательств причастности Леннарда к гибели королевской семьи, – напомнил Кишман, – так что действовать придется осторожно.

Герман поймал его взгляд и сразу все понял.

– То есть вы хотите, чтобы мы самостоятельно разобрались с этим, а потом вы явитесь, как тогда, во время бала, и скрутите преступника?

Декан сконфуженно почесал затылок.

– Ну зачем сразу так утрировать? Ведь даже если я сейчас запрещаю что-либо предпринимать, вы же уйдете в самоволку? Разве нет? Конечно, я в курсе, как учитель Гротт самоотверженно прикрывает ваши похождения.

Поэтому всего лишь предлагаю свой вариант, который мог бы устроить все стороны.

– То есть вам нужны доказательства?

– Ну, было бы здорово, – ответил декан.

Герман переглянулся с Гроттом. На размышления не было времени.

– Мне нужно сначала поговорить со Стефанией. Это возможно?

Гош кивнул, и Герман с чистой совестью прогулял первое занятие, благо оно было у Вальтера Гротта.

Сначала он узнает, что думает по этому поводу Стефания. Как она решит, так и будет.

Скоро домик прогрелся достаточно, чтобы не бояться обморожения. Стефания наконец сняла верхнюю одежду и тоже повесила ее поближе к очагу, сушиться. Ситри соорудила из взятых с собой припасов быстрый перекус, и все расселись вокруг грубого деревянного стола и молча принялись за еду.

– А что дальше? – спросил Берт, едва притронувшись к еде. – Мы просто придем в храм, проведем ритуал и уйдем?

– Примерно так, – ответила Стефания. – Он не занимает много времени. Я должна совершить ритуал приветствия Белой волчицы, тогда она признает меня, и я смогу претендовать на трон. Внутри мы сразу направимся к алтарю. Он выглядит как высокий круглый постамент из красного камня. Мы с Бертом оба должны коснуться его, после этого я обращусь к Белой волчице за благословением.

Стефания говорила, а сама прятала горящий взгляд. От нее исходили пульсирующие волны давно отболевшей злости, которая снова начала ее мучить, чем ближе они подходили к храму. Заклятие пока не действовало, но оно уже подточило ее силы, и девушка куталась в тонкий походный плед. Герман не выдержал, сел рядом и прижал к себе, накрывая сверху своим пледом.

– Сначала Леннард Огюстос потеряет контроль над тронным залом, – продолжила она. – В нем находится, выражаясь простым языком, артефакт, связанный с правящим родом древней магией крови. Когда погибли родители и сестра, я стала для него единственной наследницей, но, похоже, с помощью заклятия медленной смерти Леннард смог обмануть артефакт, и тот принял меня за мертвую, а его – за единственного и полноправного правителя. Как только артефакт почувствует появление законной королевы, Леннард не сможет отдавать приказы. Сначала все в замке, а потом во всем Виндштейне узнают, что он не настоящий король. Армия перестанет ему подчиняться, каждый житель совершенно безнаказанно сможет убить его.

Но его убью я.

– У меня вопрос, – подал голос Берт. – По закону Леннард перестанет быть правителем, но что помешает ему силой удерживать этот мир? У него есть целое войско головорезов, а у тебя пока только мы.

Герман решил ответить вместо Стефании:

– Все верно. Но Виндштейн недавно вступил в состав Ойкумены, поэтому все остальные миры вправе вмешиваться в его внутренние дела в экстренных случаях. Думаю, лжеправитель-убийца – случай достаточно экстренный, чтобы Визания выслала сюда лучших боевых магов и элитных солдат для восстановления порядка. На это и был расчет декана.

Судя по взгляду, Стефании понравился такой вариант развития событий. Она переглянулась с Ситри, и Герману очень захотелось услышать ее мысли. Будто почувствовав его взгляд, она повернула голову, и Герман подставил плечо, чтобы она могла на нем устроиться.

Их ждала холодная долгая ночь.

Стефания знала лишь один путь к храму, и он лежал через небольшую деревеньку. В это время года все ее население обычно ничем не занималось, кормясь за счет запасов. Это значило, что незамеченными пройти едва ли удастся, а ждать ночи не было времени, к тому же, как успел заметить Герман, да и все остальные тоже, ночи в Виндштейне опасно проводить под открытым небом, есть риск не проснуться.

– Стефания, тебе лучше не вступать в разговоры и как следует спрятать лицо, – решила Ситри. – Возьми еще один шарф, если понадобится.

– Можно подумать, тут каждая собака в курсе, как выглядит младшая принцесска, – грубовато пошутил Рене, но Ситри спокойно ему ответила:

– Примерно так и есть.

– Мы выглядели одинаково, я и Эмилия. Отец придерживался мнения, что для сохранения единства народа и укрепления авторитета власти нужно, чтобы между ним и его людьми было как можно меньше барьеров, – глухо пояснила Стефания. – А Эмилия выезжала с отцом на ежегодные осмотры территории.

На одном из таких королевская чета и погибла, вспомнил Герман информационную справку.

– Тогда возьми мой. – Рене стянул с шеи широкий красный шарф в клетку и протянул девушке. – Проблем нам еще не хватало.

Они остановились неподалеку от спуска в долину. За деревьями начиналась дорога к деревне, уже отсюда были видны темные крыши домов. Герман прислонился к древесному стволу и стал присматриваться к

округе. Ветер немного стих, но холод не собирался заканчиваться. Таков уж этот суровый мир, холодный, неприветливый и полный опасностей. Стефании он подходил. Интересно, а какой была Эмилия Керстин, ее старшая сестра-близнец? Были ли они похожи только внешне?

– Надо выдвигаться, скоро начнется метель. – Стефания подошла неслышно и взяла за руку затянутой в шерстяную перчатку ладонью.

– Небо такое голубое, – ответил он. – Ты уверена?

– Уверена. Этой мой дом все-таки.

Небо и впрямь было именно таким, как Стефания рассказывала. Пронзительно синее, яркое до рези в глазах. Размытое пятно солнца на нем казалось слепящей вспышкой. И сыпал снежок, мягкий и пушистый, совсем не похожий на метель.

– Ну раз так, – неуверенно согласился Герман и подул на замерзшие руки, – тогда лучше поспешить.

Стефания кивнула и присоединилась к остальным. Герман еще немного постоял и собрался уже уйти, как к нему подошел Варма и протянул перчатки.

– Ты свои потерял, – пояснил он. – А мне все равно не холодно.

Он говорил неправду. Магический фон Виндштейна буквально таял на глазах, потоки рвались, фигурально выражаясь, под пальцами. Вильям мерз так же, как и остальные, и знаменитая огненная магия его не грела. Но он скорее удавится, чем признает слабость, поэтому Герман не стал спорить и натянул чужие перчатки на замерзшие руки.

– Мне не нравится это место, – сказал Варма, хмурясь.

– Виндштейн?

– Да и он тоже. Вообще все не нравится.

Герман пожал плечами:

– Это из-за большой разреженности магического фона. Мы все чувствуем себя не в своей тарелке.

– Выходит, мир и правда сопротивляется захватчику, – задумчиво протянул Вильям. – Удивительно.

Они в последний раз обернулись на деревню. А может, разгадка их общей нервозности лежала гораздо ближе? Герман прищурился, но не увидел ничего нового.

– Ладно, пойдём.

Дорогу накануне сильно замело, пришлось спускаться осторожно и медленно, хотя без приключений все равно не обошлось. Бедняга Берт в лютом холоде чувствовал себя как оранжерейный цветок, выставленный на мороз, к тому же его Стихия совершенно не отзывалась на призывы, и он

совсем поник. Ситри приходилось разрываться между ним и хозяйкой. Впрочем, последней помощь не требовалась – даже несмотря на слабые энергетические потоки, ее специализация существенно облегчала жизнь. Снег под ее ногами почти не проминался, да и холод, кажется, щадил. Вот Варма быстро растерял азарт, когда противоборствующая Стихия начала высасывать из него силы. Чем сильнее потенциал и выше коэффициент, тем сильнее отдача от снижения магического фона.

«Это затягивает, – сказал как-то Вальтер Гротт. – Чем чаще и дольше ты контактируешь с энергетическими потоками, тем больше страдаешь от их отсутствия».

Не сказать, чтобы Герман так уж страдал, для его уровня магии пока хватало. Хорошо бы покончить со всем поскорее и вернуться. Путешествие оказалось даже тяжелее, чем он мог себе вообразить.

Урок 6

Ничто так не объединяет, как наличие общего врага

Чем ближе становился храм Белой волчицы, тем меньше они разговаривали между собой, каждый замкнулся в своих мыслях и переживаниях. Герман чувствовал их как что-то липкое, мешающее, сковывающее. Хотелось поскорее скинуть с себя эту паутину.

За деревней снова начался хвойный лес. Никто не молился местной богине уже очень давно, снег лежал нетронутым, идти по нему было тяжело, а Стефания слишком выдохлась, чтобы помогать им своей Стихией. Впрочем, силы заканчивались у всех.

– Когда мы вернемся, я напьюсь, – заявил Рене и тут же упал на одно колено, погружаясь в снег почти по пояс. – И отправлюсь в жаркие миры!

Ситри подцепила его за капюшон и потянула на себя. Вынужденная задержка всех окончательно доконала. Берт растроенно шмыгнул носом, Стефания зябко потерла ладони друг о друга. Даже неунывающий Вильям Варма не улыбнулся над потугами Рене сохранить свое уже несколько раз подмоченное достоинство. Герман видел, как он украдкой вызывал огонь на кончиках пальцев, согревая их, но с каждой попыткой получалось все хуже и хуже. Виндштейн выкачивал из них магию.

– Леннارد блокирует почти все телепортационные тоннели, ведущие к Виндштейну, – зачем-то пояснил Вильям, почувствовав взгляд Германа. – А если закрыть их все, то магия со временем уничтожит сама себя. В безмагическом пространстве первыми умрут маги. Энергетические каналы в них станут ядом, отравляющим тело. Потом дойдет очередь до природы, до всего, что нас окружает. Трава, деревья, вода, воздух. Все начнет гибнуть.

– Это ты к чему? – насупился Рене. Он сидел в сугробе и зло выскребал снег из-за пазухи.

Вильям не ответил, но Герман и Стефания его поняли. Девушка решительно сверкнула глазами.

– Этого не случится. Хватит сидеть. Давайте, нам уже пора. К ночи должны быть на месте.

Альберт тоскливо вздохнул, и Варма хлопнул его по спине, отвлекая.

– Не забивай голову, принцесса права. Чем быстрее придем на место,

тем больше будет времени подготовиться. Да к тому же с вами самый сильный курсант первого потока.

Проходя мимо Германа, Вильям слегка его задел, и Герман ощутил легкий импульс тепла от его прикосновения. Вильям подмигнул и пошел вперед, ничего не говоря. Они с Ситри возглавляли отряд, следом шли Рене и Берт. Герман со Стефанией замыкали.

Храм пристроился на возвышенности, ели с тяжелыми от снега темными ветвями поднимались по склону, но строение из серого камня все равно одиноко торчало, как указующий перст. Уже издалека виднелись устремленный к небу пик и черные стрелы окон-арок. Пошел снег, мягкий и легкий, следы тут же заносило, что было ребятам только на руку.

Герман мог легко рассказать о чувствах каждого из членов их небольшой команды. Обо всех, кроме Стефании. Она неосознанно закрылась от него, а может, ото всех сразу, сковав свои мысли и чувства ледяным панцирем под названием «долг». Лишь это Герман в ней сейчас ощущал. Она возвращалась домой, чтобы вернуть его себе, не просто из мести или обиды, а потому что должна была это сделать, ведь она единственная, кто на это способен.

– Эй, не кисни. – Варма неожиданно оказался рядом, а Герман и не заметил, как отстал от товарищей. – Или совсем замерз?

– Не больше, чем остальные, – ответил Герман.

– Присматривай за принцессой, – вдруг посоветовал Варма, наклоняясь ближе к нему. – Даже мне видно, что она взвинчена до предела.

Герман перевел взгляд на спину Стефании, прямую и гордую, даже несмотря на усталость, тяжелую дорогу и толстую неудобную одежду. Они уже как раз подошли к подножию холма. Наверх должна была вести лестница, выбитая прямо в земле и укрепленная камнем. Она была и сейчас, но едва угадывалась под слоем снега.

– Дождемся темноты здесь, – велел Герман и скинул рюкзак. – Поднимемся в храм, когда стемнеет. Не хочу рисковать.

– Но осталось всего ничего! – возразила Стефания резко.

– Он прав, – поддержал Вильям и тоже скинул поклажу, достал флягу с водой и отошел в сторону. Берт соорудил умоляющую рожицу, а Ситри подошла к хозяйке и что-то тихо заговорила. После этого Стефания бросила в снег свою поклажу и склонила голову.

Солнце уже клонилось к закату, ждать осталось недолго, и во рту все пересохло от волнения. Ребята на скорую руку обустроили временный лагерь под открытым небом, точнее, под крышей из раскидистых еловых лап. Стефания сидела на одеяле рядом с подружкой, устало положив голову

ей на плечо. Альберт в отдалении лепил из снега фигурки, но они рассыпались под его пальцами, замерзшими и неловкими.

До наступления темноты каждый занимался своими делами. В ложбине между деревьями они были отлично укрыты, огня, само собой, не разводили, грелись кто как мог. Варма сидел по очереди с каждым, делясь крупницами огненной магии, только Рене гордо отверг его помощь.

– Много энергии не тратьте, – посоветовал Герман. – Она еще может нам пригодиться.

После заката они с Вильямом, Ситри и Рене, не сговариваясь, собрались вместе.

– У меня дурное предчувствие, – сразу сообщил Варма и досадливо поморщился. Все посмотрели на Германа.

– Никого не ощущаю, – ответил он на невысказанный вопрос. – Но на стороне Леннарда опасный менталист, так что точно сказать ничего не могу.

Такой расклад ему совсем не нравился. Столько сил было потрачено на уроки с Гроттом, но против Михеля Герман все еще был отвратительно бессилён. Оставалось надеяться, что здесь его не окажется.

– Извините, мне нужно поговорить со Стефанией, – сказал он и оставил друзей дальше обсуждать детали предстоящего дела.

Стефания сидела одна, закутавшись в два пледа, свой и Ситри. Из-под них выглядывал красный нос и ярко-голубые глаза под тенью длинной челки. Герман опустился на колени рядом.

– Наверное, я не вернусь назад, – тихо сказала девушка и покосилась на него потухшим взглядом. – В УВМД.

Герман не хотел себе в этом признаваться, но тоже думал об этом.

– Место принцессы в родном замке?

– Ты жесток, – вздохнула она, выпуская облачко пара. – Поэтому я не хотела ни с кем в училище... дружить. Потому что мое место с моим народом. Больше им не на кого надеяться.

– Дружить...

– Влюбляться, – еще тише сказала Стефания. – Я не знала, что встречу там тебя.

От смущения ее щеки стали еще краснее, чем были, и Стефания глубже ушла в складки пледов, теперь только глаза и торчали.

– Но это ничего не изменит.

– Ничего не изменит...

Герман обнял Стефанию за плечи, привлекая к себе. Ребята дружно сделали вид, что и не думали на них смотреть, и Герман прижался лбом к

опушке ее капюшона.

– Но я хочу это изменить, – признался он. – Только пока не знаю как.

– Если придумаешь... – Стефания тяжело сглотнула. – Когда придумаешь, приходи за мной.

Она верила, что он сможет все исправить, расставить по местам. Но она принцесса, вскоре, если все пройдет как надо, королева. А это уже приговор. Герман до головокружения хотел поцеловать ее сейчас, но вместо этого обнял еще крепче, делясь теплом.

В свете восходящего солнца, пробивающемся сквозь битые витражные стекла высоких стрельчатых окон, храм выглядел особенно убого. Герман еще помнил его помпезное великолепие, наполненный людьми и звоном колоколов зал, разноцветные блики витражей на полу. Он видел все это когда-то на записи церемонии в информационном хранилище. Теперь же ближние к стенам лавки занесло снегом. И тишина стояла такая, что слышно было собственное сердце.

Алтарь из красного, почти багряного камня они увидели сразу. Вильям кивнул и похлопал Стефанию по плечу.

– Удачи, – пожелал он, положил ладонь Герману на плечо и сжал, так что чувствовалось даже сквозь толстую куртку. – Давай оставим ее одну.

Он покинул храм, чтобы покараулить снаружи на всякий случай. Стефания же пошла к алтарю уверенным шагом. Герман чувствовал, как внутри она колеблется, как что-то в ней ломается и затухает, но ничего поделать не мог и просто остался стоять на месте. Стефания встала спиной к товарищам и положила руки на шершавый ледяной камень. Вздохнула.

– Я, – голос ее сильно дрожал, но постепенно набирал громкость и уверенность, – Стефания Ирмелин, дочь Торстена Арнелла, принцесса Виндштейна и единственная наследница трона по праву крови! Прошу благословения у Белой волчицы, властительницы снегов и покровительницы рода!

Стефания замолчала, тяжело дыша. Герман чувствовал, как она была открыта, ждала знака. С его места было видно, как трясутся ее плечи, то ли от рыданий, то ли от нервного напряжения.

Но ничего не происходило.

И тут в плечо Ситри вонзилась короткая толстая стрела.

В окна ворвался багровый свет огненной магии, и Герман сразу узнал энергетический узор любимого заклинания Вармы. А следом за этим в храм хлынули люди. Все произошло так быстро, что не было времени разбираться. Герман выхватил рукоять магического меча и едва успел активировать клинок, прежде чем на него обрушился вполне реальный

тесак мужчины в маске на пол-лица. Такие были у всех, как и темная одежда и потухшие глаза. Убийцы. Они пришли убивать.

– Защищать Стефанию! – закричал Герман и заслонил ее спиной. Воздух мгновенно потеплел, и по сторонам разлетелись крошечные обжигающие «бабочки». Ситри выдернула стрелу, застрявшую в доспехе, и с глухим рычанием замахнулась мечом с другого бока.

Они, не сговариваясь, стали действовать как настоящая команда.

Никаких сомнений, кто подослал убийц, – они даже не скрывали печаток с гербом Леннарда – концентрическими кругами. И Герман не ощущал присутствия посторонних людей в храме и поблизости от него, так он лишился возможности обозреть все пространство, не сходя с места. Это дезориентировало, злило и внушало беспокойство. Значит, без Михеля не обошлось.

– Придурок! – рыкнул Рене и оттолкнул не вовремя задумавшегося Германа с линии атаки. Удар широкого клинка пришелся рыжему в плечо, вскользь, да и толстая куртка помогла. Герман поймал его яростный взгляд и коротко кивнул, благодаря.

– Ребята? – В храм ворвался огненный поток, сметающий все на своем пути, а следом за ним вбежал Вильям. – Эй, все живы?

Его руки все еще были объаты огнем, но уже совсем нехорошо тряслись от напряжения. Огненная волна схлынула, на несколько секунд показалось, что все кончено. Герман обернулся на Стефанию. Девушка сидела на коленях и смотрела прямо перед собой застывшим взглядом. Берта вообще нигде не было.

– Где Берт? – спросил Герман. В животе поселилась острая игла страха. – Где он? Ты видела? Кто-нибудь его видел?

И вдруг еще одна стрела прошила воздух и на два пальца вошла в каменный алтарь. Совсем рядом с головой Стефании. Варма послал в сторону предполагаемого стрелка огненный шар, но тот развеялся, так и не долетев до цели.

– Нет! Не надо так! – Варма потряс руками, но с кончиков пальцев опало лишь несколько одиноких искорок. Герман попытался призвать магию, но у него это едва получилось.

От магии больше не было никакого проку, и они вдруг стали совершенно бессильны.

– Нужно уходить. – Герман схватил Стефанию за руку и вздернул на ноги. – Срочно, все. Уходим. Операция провалилась.

Ситри бросилась за братом. Альберта все еще не было видно.

– Выведи ее. – Герман передал Стефанию в руки Вармы. – Я за вами.

Стефания внезапно вырвалась и отскочила в сторону:

– Нет! Я никуда не пойду!

– Не дури, – осадил ее Герман. – Тут нас перестреляют как курят.

– Им нужна я. – Она материализовала в руке секиру. – Значит, их прислал Леннард. Если мы...

Договорить она не успела. Воздух вдруг странным образом застыл, почти превратился в стекло. Герман пытался пошевелиться, вдохнуть, но горло спазматически сжималось, не пропуская кислород в легкие. То же самое испытывали и остальные. Рене оказался самым слабым, он упал на колени, судорожно открывая и закрывая рот.

Нужно было что-то делать. Незвестная магия убьет их за считанные минуты. Из них лишь Герман был магом Воздуха, нужно лишь суметь отключиться от физических ощущений и попытаться схватить непослушные энергетические потоки. Он потянулся к ним, ухватился за край и начал собирать в узор. Одновременно с этим двери храма распахнулись, впуская внутрь порыв морозного воздуха, хлопья снега и высокого мужчину в меховом плаще.

Герману оставалось всего ничего. Перед глазами уже пульсировала кровавая пелена, он не дышал слишком долго, сосредоточившись на заклинании. «Узелки» складывались в хитрое плетение. Теперь тут накинуть, там потянуть...

Рядом с грохотом упала на каменные плиты секира, и Стефания рухнула как подкошенная. Это всего на секунду отвлекло Германа от заклинания, и оно едва не развалилось.

– Его величество, верховный и единый правитель Грейнциварта и Виндштейна, король Леннард! – провозгласил кто-то из свиты, и мужчина в плаще прервал его властным жестом. В тишине его тяжелые шаги отдавались от стен гулким эхом. В его уверенных движениях, во взгляде светлых прищуренных глаз под густыми нахмуренными бровями ощущался хищник, настигший наконец свою жертву. Все ближе и ближе. Герман опустил взгляд, в спешке заканчивая сложное плетение. В этом замерзшем мире не выживали ни Огонь, ни Земля. Но Воздух обязан подчиниться.

– Ты пришла, любовь моя, – сказал Леннард, обращаясь к коленопреклоненной Стефании. – Дражайшая моя супруга, Эмилия.

– Я... Я... – Стефания едва хрипела. – Я не...

Сил не хватило, и она не смогла закончить. Герман зажал готовое заклинание в пальцах и посмотрел на Леннарда.

Он был красив особой, суровой и жесткой красотой. Высокий и

статный, с волевым открытым лицом и широко расставленными голубыми глазами. Светлые волосы цвета пшеницы спускались по широким плечам и терялись в густом черном меху. Можно было понять сестер, попавших в его власть. И понять, почему ему подчинялись, – мужественная крепкая фигура Леннарда излучала легко улавливаемые не только менталистами эманации силы, уверенности и угрозы. Его энергетика подавляла.

– На этом закончим, – сказал Леннард и вдруг перевел взгляд на Германа. – Мне жаль, что такие талантливые молодые люди пошли на поводу у лжецов и негодяев. Я мог бы показать вам мир, свободный от ограничений. Но уже поздно. Гораздо проще будет убить вас.

– О чем вы? – с вызовом спросил Герман, отвлекая внимание от своих манипуляций с энергией.

Взгляд Леннарда приковал его к месту.

– О справедливости. Всего лишь о ней.

Он отвернулся, снова обратив внимание на Стефанию.

– Ты была прекрасна в алом, моя королева, – сказал он и пошел прочь.

– Леннард! – крикнул Герман и отпустил заклинание. Энергетические потоки затрепетали, как струны, тронутые пальцами. По воздуху прошла заметная глазу рябь, невидимые тиски отпустили, и Герман первым от души вдохнул.

– Леннард! Вы не хотите узнать наше мнение? – спросил он, зная, что друзья в это время готовятся к нападению.

Если они схватят его, разве это не будет самым лучшим исходом?

Альберт появился как раз вовремя. Спрыгнул откуда-то сверху и приземлился точно перед Леннардом, прямо посреди кучки его охранников. Среди них были и маги, но они не успели ничего сделать. Берт пронзил одного, ранил второго и ловко увернулся от удара третьего. Стефания схватила секиру и ринулась на помощь несостоявшемуся супругу.

– В бой! – скомандовал Герман, доставая меч. Стоило отвлечься, как Стефания уже с криком кинулась на Леннарда. Посеребренное лезвие секиры блеснуло морозным инеем. И в следующее мгновение сокрушительный магический удар отбросил девушку и припечатал спиной об алтарь. Герман заслонил ее, выставив перед собой меч.

– Я не знаю, зачем вы это делаете, – заговорил он быстро, – ради чего весь этот кошмар, но вам ни за что не победить, пока мы защищаем Стефанию.

– Это уже не имеет значения.

Он сделал шаг назад, и его место вдруг занял мужчина с неприятного вида старым ожогом над левым глазом, от которого кожа некрасиво

стянулась, уродуя вполне привлекательное прежде лицо. Но важно не это. Герман с первого взгляда понял, кто перед ним.

– Очередной щенок Арефия, – проскрипел Михель и усмехнулся, отчего его лицо еще больше перекосилось. – Приятно было познакомиться перед твоей смертью.

Герман не стал тратить время на пустые обмены любезностями. Он мало что успел перенять у Гротта, но самое важное, чему тот успел его обучить, это защита. Он заслонил свое сознание так плотно, как только смог, и Михель одобрительно качнул головой:

– Отлично.

И сразу за этим голову пронзила боль. Герман сцепил зубы и упал на колени. Сопротивление ни к чему не привело, он лишь причинял себе еще большие страдания. Силуэт менталиста начал расплываться, тускнеть, голоса и шум битвы отдалились. На колени закапала кровь, потекшая из носа.

– Вам, цепляющимся за правила и запреты, выбравшим судьбу пресмыкающихся трусов, никогда не понять настоящей силы, – услышал Герман. – Мы достойны повелевать. Мы! У нас есть сила, которой нечего противопоставить, и только Леннард это понял. Мы настоящая мощь! Я покажу тебе ее.

– Ты чокнутый, – пробормотал Герман, медленно поднимаясь с колен. – Помешанный на себе и своих комплексах. Что, в детстве часто обижали?

Еще Гротт сказал ему очень важную вещь: почти все менталисты – это травмированные люди, и самое слабое их место – они сами.

Михель дрогнул, и Герману хватило этой секунды, чтобы перехватить контроль. Теперь его разум доминировал, и Герман от всей души пожелал...

Сдайся.

Этот человек едва не убил Альберта, оставил чей-то труп вместо себя, у него нет жалости и, похоже, никакой морали. Он, считай, что безумен, и Герман хотел, чтобы он остановился.

Сдайся.

– А-а-а-а! Ублюдок! – взревел вдруг Михель, и Герман едва успел поставить блок, иначе его бы просто потоком концентрированной ментальной энергии. Где-то рядом шумел бой, слышались голоса друзей, вспыхивали огни заклинаний. Герман вдруг понял, что может отрешиться от всего этого, а на занятиях с Гроттом никогда не получалось.

– Я сражаюсь за тех, кого люблю, а ты? – жестко спросил Герман. – Ты

никому не нужен, даже Леннард. И ты это знаешь.

– Нужен! Он никто без меня!

– Или ты никто без него.

Герман бросил в Михеля плетением воздушной петли, сдавливая горло. Все-таки Герман учился, а не заикливался на своем даре. Он сильнее, нужно просто не терять головы.

Он добавил в заклинание энергии и поймал взгляд менталиста, повторяя мысленный приказ.

Сдайся. Ты проиграл.

– Нет! Нет! – Михель закричал, становясь из пугающего грозного менталиста просто жалким. – Леннард! Леннард!

Но его покровитель не пришел на помощь, и Герман усилил напор. Михель сначала упал на колени, потом распластался на полу, тоненько хныча. Герман испытывал отвращение и немного страха, ведь тот, кто смог уничтожить чудовище, сам становится им.

Герман поднял голову, ища взглядом Стефанию. Она пыталась прорваться к Леннарду, которого защищала целая толпа отличных бойцов. Девушка яростно размахивала секирой, будто не ощущая ее веса, и Герман, мигом забыв про Михеля, устремился к ней на помощь. Они встали спина к спине, Герман прикрывал ее, а она продолжила свой путь к цели. Врагов же будто не убавлялось, а только прибывало. Герман в какой-то момент оказался лицом к Стефании и вдруг почувствовал спиной холод. И он ничего не успел бы сделать, чтобы защититься от летящего на него меча, даже повернуться и встретить смерть лицом к лицу. И Стефания обхватила Германа за пояс и силой развернула, подставляя свою спину под удар.

В глазах Стефании он увидел отражение себя.

А потом храм дрогнул. Стефанию охватило белое сияние, она стала такой холодной, что Герман почувствовал боль от ее близости. Она разжала объятия, отступила на шаг. Ее лицо застыло, глаза смотрели в никуда.

– Фанни?

Она вдруг резко выгнулась, раскинула руки, и ее ноги оторвались от пола. Сияние стало нестерпимым, Герман прикрыл слезящиеся глаза ладонью, глядя из-под козырька на парящую девушку. Из-за ее спины вышли два снежных волка и встали по обе стороны от нее, защищая. Герман не решался пошевелиться, а меж тем храм продолжало трясти. Сверху начали падать камни, рушилась крыша, колонны трескались и осыпались на пол.

– Сейчас все рухнет! – заорал Варма. – Бежим!

Герман видел его и махнул рукой. Волки предупреждающе оскалили

белоснежные клыки, а потом бросились вперед. Герман отскочил в сторону, сбив с ног Ситри, но звери исчезли, не коснувшись лапами пола. Стефания начала падать, и Герман успел подхватить ее на руки.

Под грохот камнепада они побежали к выходу...

Урок 7

Власть и ответственность – это кандалы, надетые добровольно

Они еще не замерзли, и это, пожалуй, первое, о чем подумала Стефания, разлепив глаза. Холодное, но яркое солнце щекотало веки, и она инстинктивно прикрыла их ладонью.

– Эй! Эй, есть кто еще живой? Ау!

Стефания узнала раздражающе громкий голос Рене, он не давал рухнуть обратно в блаженную темноту. Она пошевелилась и почувствовала, как еще глубже погружается в мягкий ковер свежевывпавшего снега. Именно этот момент холод выбрал, чтобы добраться до нее, впиться в тело под одеждой, обжечь лицо.

Кто-то навис над ней и, схватив за воротник куртки, потянул вверх.

– Ребят, я нашел принцессу! – оповестил Варма и отпустил воротник. Стефания пошатнулась, ощутив внезапный приступ слабости, и Вильям снова схватил ее, придерживая. – Жить будешь? Посмотри на меня. На меня!

– Герман... Где Герман? – Язык распух и едва ворочался. Отвратительная беспомощность никак не желала отпустить. Стефания вцепилась в плечо Вильяма и старательно перебирала ногами, сапоги вязли в снегу, как в трясине.

– В порядке, не волнуйся. Вон он, наш герой. Эй, Герман!

Стефания разлепила тяжелые веки и увидела его, спешащего к ним с другой стороны. На Германе не было лица, но гораздо сильнее Стефанию встревожил его взгляд, потухший и какой-то отстраненный.

– Хорошо, – выдохнул он и вяло улыбнулся. – Ты в порядке?

Стефания кивнула.

– А ты? С тобой все хорошо?

– Потом поболтаете, – прервал их Вильям. – Давайте греться, пока не околели.

Стефания увидела костер, который разводила Ситри. Пламя было самым обычным, немагическим, пахло наскоро подсушенными дровами и дымом. И теплом.

– Кого еще нет? – спросил Рене. Он только что вернулся с разведки, и Стефания, подняв голову, увидела, что храма на холме больше нет. Все, что

от него осталось, это груда камней и торчащие из земли остатки стен. Храм походил на гнилой зуб с неровными краями, темный, больной и ненужный.

– Я, Ситри и Стефания, – принялся загибать пальцы Рене. – Первопоточник. Нет только красавчика.

Герман стоял рядом со Стефанией, но ей казалось, что это не он, а только его тень. Однако слова Рене его растормошили.

– Нет Берта? Что это значит? Вы хорошо искали?

– У нас было не очень много времени на это, – ответил Варма. – Мы очнулись уже утром, раскиданные по округе...

– Как шишки после урагана, – подсказал Рене.

– Как шишки, ага. Пока выкопались, нашли друг друга, развели огонь. Мы не завершили ритуал, храм обрушился, Альберт пропал. – Варма нахмурился. – Ситуация критическая.

– И мы с вами, товарищи, в полной... – начал Рене, но резко замолчал. – Погодите-ка.

Он надвинул на глаза гогглы, которые носил поверх теплой вязаной шапки. Артефакт позволял ему видеть магию без концентрации внимания и затрат энергии. Один раз они уже помогли отыскать Альберта, хотелось верить, что помогут и сейчас.

– Дай мне. – Герман требовательно протянул руку. – Я знаю, как найти Альберта.

Рене покачал головой:

– Ты сам не свой, так что, извини, я лучше сам.

И он побежал к руинам.

– Я с ним, – распорядился Вильям. – Ситри, пойдешь с нами, Стефания и от мороженый, сидите и грейтесь.

Герман не стал спорить и снова закутался в одеяло. Стефания подошла и села рядом с ним.

– Он найдется, – тихо сказала она, воспользовавшись тем, что их оставили одних. – Белая волчица не позволит никому умереть.

– Даже Леннарду?

И Стефания поняла, что его гложет. Или ей казалось, что она поняла.

– Ты думаешь, он выжил и вернется, чтобы нас добить? Тебя это беспокоит?

В его карих глазах читалось какое-то странное чувство, которое Стефания не могла распознать. Это отвлекало ее от своих собственных переживаний. Никто не видел тела Леннарда Огюстоса, а это значит, что ее месть еще не завершена.

Стефания тронула парня за локоть, но он не ответил на неловкую

нежность, лишь ниже опустил голову. Мокрые от снега кудри перепутались и липли к лицу.

– Мы не справились, – наконец сказал он. – Я обещал тебе помочь, но не смог. Я только... только доказал самому себе, что могу быть чудовищем.

Так вот в чем его проблема! Стефании захотелось рассмеяться, она прижала ладонь к губам, борясь с неуместным порывом, но смех все равно прорвался, и она расхохоталась. Прозрачный морозный воздух далеко разнес звук ее смеха.

– Что с тобой? – удивленно спросил Герман.

– Я... ой, прости. – Она уткнулась лбом ему в плечо и вдруг поняла, что уже не смеется, а плачет. – Разве мы не отлично подходим друг другу, Герман? Я сейчас жалею об одном. Что не смогла убить Леннарда, и его грязная кровь не испачкала мои руки. Кто из нас, по-твоему, большее чудовище?

Он, с трудом высвободив руку, погладил ее по спине.

Стефания почти смогла. Секира пела в руках, предчувствуя долгожданную жертву, но все пошло прахом. Почему? Ее богиня не позволила крови пролиться в этот раз. А будет ли следующий? И сможет ли Стефания снова быть такой же беспощадной, как за секунды до того, как замахнуться для решающего удара?

Быть может, тогда ей суждено было не убить, а спасти. Спасти своего любимого.

– В любом случае, – сказала она, – Белая волчица признала меня. Теперь нужно вернуть себе замок и сообщить всем, что Стефания Ирмелин жива.

Со стороны леса слышались голоса друзей. Альберт прихрамывал, но в целом выглядел невредимым, только на виске багровела свежая ссадина. Ребята принесли с собой еще хвороста, подкинули в костер и снова разбрелись в поисках погибших во время обвала. Они надеялись найти тела Леннарда и Михеля. Нашли только последнего. Герман не захотел на него смотреть и остался у огня.

А потом они собрались и отправились к замку. Стефания втянула носом морозный воздух родины и прижала ладонь к груди. Даже сквозь теплую куртку ощущалось частое биение.

Она вернулась домой.

Через полчаса повалил снег, крупные белые хлопья, и идущая рядом Ситри накинула капюшон, а вот Стефания, напротив, его сняла. В затылок дохнуло холодом, ветер быстро прогнал остатки тепла. Вскоре на вершине холма показались острые очертания замка, дорога пошла вверх, змеясь по

склону. Стефания узнавала родные места так, будто не видела их долгие годы. Впрочем, для нее лично прошло очень много времени. Целая вечность, никак не меньше. Она не знала, что ждало ее за высокими замковыми воротами, но стремилась к ним, как бабочка к огню. И это было странно, ведь она не раз представляла себе свое возвращение, но на самом деле ужасно его боялась. Как будто само это место навсегда запомнило ее предательство.

Эмилия умерла, а ее сестра пусть глубоко в душе, но желала ей этого, наверное, всю свою жизнь. И это было отвратительно, совершенно мерзко. Стефания ненавидела ту себя, что метила на место наследной принцессы. И теперь трон сам шел к ней в руки, и не было ни единой возможности его избежать. Он нависал над ней, как топор палача.

Стефания больше не хотела быть принцессой. Она хотела быть свободной.

– Будь осторожна, – напомнил Герман и вместе с Вильямом догнал ее и остановил. – Дальше мы пойдем впереди. Кто знает, какие сюрпризы мог оставить для нас Леннард Огюстос.

Стефания обернулась и увидела, что друзья уже взяли в кольцо.

– Спасибо, – она кивнула, – за вашу заботу.

Перестроившись, они продолжили путь. Ворота не были заперты, и двое человек с трудом, но смогли их отворить. Стефания ступила в замковый двор. Снег превратился в метель, белый рой залеплял глаза, лез в рот, не давал дышать. Стефания заслонила рукой и как наяву увидела сестру. Эмилия стояла перед ней в своем любимом белом платье и плаще, подбитом горностаевым мехом. Стояла и улыбалась.

– Сестра?... – Стефания протянула руку, сделала шаг вперед, но пальцы схватили лишь горсть снежинок.

– Стефания. – Ситри мгновенно оказалась рядом и взяла за локоть. – Не отходи далеко.

Стефания снова покорно кивнула. Видение растворилось в завывании ветра и танце вьюги.

Двор преодолели без происшествий, добрались до массивного крыльца, и перед Стефанией открыли двери в замок. Изнутри повеяло сыростью. Что Леннард сделал с ее домом? Стефания решительно обошла своих сопровождающих и первой перешагнула порог. Видение прошлого отступило, оставив после себя терпкий вкус разочарования и досады. Стефания была такой глупой, что поверила чужому человеку, уже раз обманувшему, а от родной сестры отвернулась.

– Куда теперь, ваше высочество? – спросил Рене. Стефания сделала

над собой усилие и, выпрямившись, ответила:

– В тронный зал.

После этого сразу стало легче, и холодный застывший воздух старого замка перестал колоть легкие. Стефания стремительно пересекла просторный холл, на ходу отдавая распоряжения:

– Найти слуг, все не могли сбежать. Кто-то наверняка остался. Велите им заняться каминами в главном зале и большой трапезной. Одного направьте ко мне, я дам личные распоряжения насчет спальных мест.

– Эй, ты что-то увлеклась! – возмутился Рене. – Вы гляньте на нее, какая цаца!

Ему что-то сказали, он продолжил ворчать, но уже тише. Стефания без остановок поднялась по пыльной лестнице и направилась напрямик в святая святых замка королей Виндштейна – тронный зал. За стенами бушевала вьюга, ветер с силой бился в высокие узкие окна, где-то наверху, под самой крышей, свистело и завывало, на голову падали снежинки. Стоит посмотреть, что с крышей, явно есть какие-то проблемы. И узнать, как дела с кухней, есть ли провизия. А еще нужны свидетели ее коронации, пусть даже это будет простой поваренок или судомойка. Нужно сделать так много.

Стефания замерла перед огромными дубовыми створками с гербами Виндштейна на каждой из них. Она кивнула, и два солдата открыли перед ней двери, заскрипевшие от натуги. В лицо дохнуло затхлостью, и Стефания поморщилась. В душе снова закипал гнев, который она, казалось, уже отпустила. Леннард ответит за то, что превратил ее дом в пустую развалину. Она могла отказаться от мести за себя, но не за свой дом. Только сейчас, на пороге покрытого пылью тронного зала, она поняла, как сильно скучала.

– Я вернулась, мама, папа, – прошептала она. – Простите меня.

С гордо поднятой головой она прошла к двум строгим дубовым тронам, перед которыми был установлен плоский круглый камень, называемый Королевским. В его середине было выдолблено углубление, но едва ли руками людей. В нем всегда была вода, темная матовая поверхность, не отражающая ничего и никого, кроме истинного короля или королевы. Стефания не рискнула заглянуть в него, пока еще рано.

– Стефания.

В зал вошел Герман, а с ним пожилая женщина в национальном платье с вышивкой по подолу. Стефании понадобилось всего несколько секунд, чтобы вспомнить ее лицо. Любимая кухарка отца, Марта.

– Ваше высочество! – она бухнулась на колени и почти прижалась

грудью к полу. – Вы живы, принцесса! Какое счастье!

– Ты узнаешь меня? – спросила Стефания.

– Конечно, ваше высочество! – Кухарка подняла заплаканное красное лицо. – Вы принцесса Стефания.

Стефания вздрогнула. Ей казалось, что все видят только Эмилию, даже в ней, в ее сестре, только одну наследную принцессу Эмилию. Стефания, сама того порой не замечая, с детства возвращала в себе зависть к близнецу. И вот во что все вылилось.

– Встань, – велела она, и голос не дрогнул, отдавая приказ. – Ты засвидетельствуешь восхождение на трон новой королевы Виндштейна.

Все завертелось, закружилось, как будто ее слова запустили какой-то сложный механизм. Марта привела еще работников, которые укрывались в замке в надежде на лучшие дни. Они принялись драить и украшать тронный зал, пока Стефания отправилась в свои прежние покои. Каждый шаг рождал в памяти обрывки воспоминаний, которые ранили, даже если были полны радости и света. Возле двери она остановилась, и Ситри, не спрашивая разрешения, распахнула ее перед Стефанией.

– Жалости к себе не нужно бояться, – сказала она, отходя в сторону. – Мы сестры по несчастью, я понимаю твои чувства. Войди в свой старый мир и сделай его новым.

Такие родные голубые глаза Ситри пристально смотрели на Стефанию, и она нашла в себе силы переступить порог.

«Она от меня без ума, так что проблем не будет. Передайте в Ландри, чтобы приступали к нашему плану».

– Леннард виновен в том, что случилось с Альбертом, – сказала Стефания и, подойдя к окну, толкнула створки. В спальню ворвался холодный колющий воздух и целое облако снежинок. – Он отдал приказ.

– Кому?

– Этого я не помню, – призналась Стефания. – Нужно рассказать Герману, позовешь его? Я пока переоденусь.

Она открыла дверь в гардеробную. Ее платья все еще висели тут нетронутые. Наверное, Леннард даже счел это забавным, оставить все как было. Но подходящего платья для коронации тут не было, могло найтись в гардеробе Эмилии, однако Стефания уже решила – она не зависит от сестры, родителей, общественного мнения. Она это она, какая есть. Другой у Виндштейна не осталось.

– Вот это подойдет, – сказала она и сняла платье с вешалки.

– Потом скажем, – решила Ситри. – Давай лучше я тебе помогу. Не пристало без пяти минут королеве одеваться и причесываться самой.

Ситри помогла ей одеться. Холод из открытого окна кусал обнаженную кожу, но Стефании это даже нравилось, бодрило. Как будто кто-то из тех, кто ушел, подталкивал ее.

«Иди, – выл ветер за стенами замка. – Иди и не бойся».

Темно-синее платье из тяжелого бархата, с квадратным вырезом и широкими длинными рукавами. Талию обнимал широкий пояс, сплетенный из золотых шнуров, подол спускался до самого пола. Стефания распустила волосы, и они темной волной рассыпались по спине.

– Что мне сделать с ними? – спросила Ситри.

– Ничего. Я готова. Можем возвращаться в тронный зал.

Стефания повернулась лицом к зеркалу и расправила плечи. Королевская осанка – начало ее новой жизни и самое простое из того, что в ней будет.

В тронном зале уже закончили приготовления, Марта и две ее помощницы заняли свои места свидетелей коронации. Ситри следовала за Стефанией как тень и встала за ее плечом возле Королевского камня. Стефания глядела на два трона на возвышении перед собой, один из них скоро станет ее.

– Смотри на меня, Эмилия, – еле слышно сказала Стефания и склонилась над камнем.

Черное блюдце водной глади показало ей растерянное заплаканное лицо с распухшим носом. На волосах светлели хлопья не то снега, не то пепла. Стефания поднесла к лицу ладонь, и пальцы ее были измазаны в крови.

– Что ты видишь? – не удержался Герман. Стефания не ответила, продолжая смотреть на ту себя, которую Королевский камень разглядел внутри ее души. Несчастную, сломленную, размазанную по подошве вражеского сапога. Не такой Стефания хотела видеть будущую королеву, не такой ее ждало опустошенное королевство.

Одинокая слезинка сорвалась с ресниц и упала в воду, от нее разбежались круги, стирая отражение. Стефания вцепилась в каменные бортики до скрипа ногтей. Губы дрожали, но никто не видел этого за завесой распущенных волос.

– Смотри на меня, Эмилия, – повторила она сквозь зубы. – Я такая же, как ты, я не хуже тебя. Мы равны.

Слезы высохли на глазах, и из глубины на Стефанию смотрела королева. Да, вне всякого сомнения.

– Камень принял ее, – шепнула Марта, и эта фраза обошла зал. – Камень принял ее... принял ее. Камень принял ее!

Стефания, не жалея длинных рукавов, погрузила руки в воду и достала оттуда простой стальной обруч и надела на голову. Корона обхватила ее как родная, самую малость холодя лоб. Стефания потрогала ее, и внезапно все в тронном зале одновременно опустились на колени, даже Герман.

– Мы приветствуем вас, королева, – сказала Марта, и Стефания поднялась по ступеням и встала спиной к трону.

– Я, Стефания Ирмелин, королева Виндштейнская, приказываю всем моим воинам вернуться в замок.

Корона отозвалась на повеление легким холодком, и где-то за пределами замка сотни выживших из королевской армии почувствовали ее зов. Отныне каждый в Виндштейне знал, что королева заняла трон.

Стефания вмиг ощутила себя смертельно уставшей, ноги задрожали от волнения, в горле пересохло. Она чувствовала, как новая ноша легла на ее плечи, и она придавливала к земле. Стефании нужен был кто-то рядом сейчас, кто-то, на кого можно было бы опереться. Ей нужен был Герман.

– Если это все, то тебе стоит отдохнуть, – безошибочно угадала Ситри, подойдя ближе. Стефания кивнула, но с места не тронулась.

– Еще минуту, – попросила она. – Я сейчас.

Сиденье трона оказалось твердым, на нем долго не просидишь. Стефания положила руки на подлокотники и прикрыла глаза, воскрешая в памяти образы, которые так боялась забыть. Вот отец принимает крестьян, его фигура будто вырезана из камня. А рядом мама, такая сильная и такая красивая женщина, с любовью смотрит на своих подданных. Стефании предстояло стать такой же, как она, или даже лучше ее. Кровь предков заставляла сердце биться быстрее, прогоняла холод, который в нем поселился. Люди никогда не остаются одни, если им есть кого помнить.

Уже к вечеру в замок начали стягиваться люди, изможденные, но не потерявшие надежды. Стефания приказала не закрывать ворота всю ночь, организовала караул из тех, кто прибыл первым. Ей и самой было некогда спать, она лично встречала своих людей, контролировала работу кухни, где женщины почти из ничего готовили горячую еду для вновь приходящих. Холодок короны ни на миг не давал ей забыть, кто она теперь и что должна делать.

Только через час ей удалось осуществить свое желание и поговорить с Германом. За этот час она раздала столько приказов и приняла столько решений, сколько не принимала за всю свою прежнюю жизнь. Но вот наконец зал опустел, и она спустилась по ступеням с тронного возвышения.

– Я выглядела убедительно? – спросила она, принимая руку Германа, помогающего ей удержаться на ногах, которые подкашивались от

пережитого стресса.

– Еще есть чему поучиться, – ответил он. – Но начало хорошее.

Он улыбнулся ей, и Стефания впервые за минувшие сутки почувствовала, как становится легче. Стефания понимала, что для нее нет обратного пути, поэтому особенно ясно осознала свои истинные чувства. К друзьям, которым регулярно трепала нервы, к Ситри, без которой было так пусто, что хоть вой. К Герману, который незаметно стал для нее всем.

– Если тебе грустно, поплачь, королева, – сказал он. – Я побуду с тобой.

– Нет, мне не грустно. – Стефания покачала головой. – Мне некогда грустить. Пойдем, я должна убедиться, что на кухне все в порядке и припасов хватит, чтобы накормить всех.

Стефания обернулась на свой трон, и на долю секунды ей показалось, что кто-то невидимый обнял ее сзади за плечи.

– У меня впереди много дел. – Она отвернулась и взяла Германа за руку.

– Ты справишься, – подбодрил он, но Стефания все равно видела, как ему грустно.

– Вот и мой дом, Герман, – сказала она. – Я давно мечтала тебе его показать.

Герман не отводил от нее взгляда, и она отмечала все новые детали его незаметного преображения. Как будто после ее коронации из его глаз ушла улыбка.

– Нас ждут, поговорим позже, – сказал он и повел ее к выходу.

– Ваше величество, – в коридоре к ним сразу подбежала Марта. – Из деревни пришли люди. Впустить их?

– Конечно. – Стефания кивнула своей помощнице и, повернувшись к Герману, сказала: – Я буду занята некоторое время. Марта покажет, где можно расположиться на ночь. Увидимся позже.

Позже. Увидимся позже...

Позже наступило на закате, когда багровый шар солнца спускался по небу, окрашенному в лиловые, розовые и фиолетовые цвета. Заснеженные шапки гор вдалеке сверкали, отражая этот свет, и казалось, будто они горят огнем. Герман ждал Стефанию во внутреннем дворе, зябко переступая с ноги на ногу. Ветер утих, снегопад тоже, но мороз только крепчал, и Герман недоумевал, почему девушка выбрала для встречи такое странное место.

– Прости, пришлось задержаться, – извинилась она, появляясь из-за стеклянных от мороза деревьев. На ней было то же платье, что и днем, только сверху накинута легкая короткая шубка из белого меха.

– Тебе не холодно? – обеспокоенно спросил Герман, беря в руки ее холодные пальцы. – Давай вернемся в тепло.

Стефания покачала головой и повела его за собой в глубину парка, разбитого ближе к крепостной стене. Снег хрустел под ногами, Герман пытался угадать, что хотела показать ему Стефания, а она сохраняла интригующее молчание. Наконец деревья расступились, и Герман увидел семейное кладбище королей и королев Виндштейна. Небольшое святилище, состоящее из гранитного валуна с выбитыми на нем именами, одними из многих, каменной женской фигуры и сидящей у ее ног волчицы.

– Здесь нет праха ни моих родителей, ни сестры, – тихо сказала Стефания. – Их пепел развеяли со скалы, и они стали ветром, который гуляет среди горных вершин. Их имена привязаны к земле, и только они. Герман, – она повернулась к нему, – я хочу, чтобы они видели тебя оттуда, где они сейчас находятся.

И словно в ответ на ее слова порыв ветра взметнул ей волосы и послал Герману в лицо горсть снега.

– Тогда пусть они заодно услышат кое-что очень важное, – сказал он серьезно. – Я люблю тебя, Стефания. Я больше не хочу сомневаться и идти на попятный.

Она шагнула к нему навстречу, и солнце скрылось, оставляя их наедине друг с другом. Еще пару часов назад Герман чувствовал себя самым несчастным человеком всех миров. Он своими глазами видел, как его любовь стала для него окончательно и бесповоротно недостижимой, как будто железный обруч на ее голове превратился в щит, сквозь который ему не пробиться. Наедине в тронном зале Стефания искала его поддержки, а он мог думать только о том, как ему жить дальше.

А сейчас понял как. Ради нее.

У Стефании были очень холодные руки. Спустя четверть часа, когда они с Германом пришли в ее спальню, скрываясь от охранников, как парочка влюбленных подростков, ее пальцы совсем заледенели. Герман помог ей справиться с завязками легкой шубки, и та полетела в сторону, белой мягкой шкуркой ложась на спинку кресла.

Волосы Стефании растрепались и намокли от растаявшего инея, и она неловко убирала их с покрасневшегося лица. Горели свечи и огонь в камине, загодя разведенный служанкой. Тьма за окном казалась беспроектной, словно мира за пределами этой комнаты не существовало.

Но они в нем и не нуждались.

Поцелуи были совсем другими, не как всегда, и Герман тонул в их всепоглощающей нежности. Волны жара блуждали по телу, учащали

дыхание, заставляли сердце биться быстрее. Стефания стояла так близко, пахла так сладко. Была такой нужной и такой родной, что кружилась голова.

– Герман, – шептала она, словно в полубреду. – Герман...

Он гладил ее плечи, путался пальцами в густых длинных волосах. Она горячо дышала ему в шею, и ее губы задевали чувствительную кожу. Внутри что-то напряженно натянулось и вибрировало, как звенящая струна. Герман не знал названия этому чувству, что сжигало его изнутри и делало каждый глоток воздуха горячим и иссушающим. Герману нечем было дышать, и Стефания делилась с ним своим дыханием с каждым новым жадным поцелуем. Их обоих окутывало шелковое покрывало почти осязаемой трепетной нежности с легким привкусом страха и предвкушения. Герман почти растворялся в этих чувствах – своих и Стефании, сейчас слившихся воедино. В какой-то момент он перестал их разделять и погрузился в терпко пахнущее облако желания, одного на двоих.

Стефания не собиралась отступать. Ее платье тяжелой парчовой волной соскользнуло с плеч и упало на пол. Она перешагнула его, и трепетный свет камина охватил стройное тело, едва скрытое белой сорочкой, грудь часто вздымалась, туго обтянутая тонкой тканью. Белое на белом, и водопад темных волос на нем.

– Я люблю тебя, – сказала Стефания и взялась за бретельку.

Герман опередил ее, перехватил за запястье и, отведя ее руку в сторону, поцеловал плечо. Стефания тихонько охнула, смущенно отворачиваясь, и Герман сам сдвинул бретели. Сорочка с шелестом заскользила по обнаженной коже. Герман не чувствовал своего тела, но ее – всем своим существом. Стефания стояла перед ним такая беззащитная, красивая, любимая. И Герман желал ее, как никогда и никого не желал.

В неверном дрожащем свете среди пляшущих по стенам теней они оба были словно и не они вовсе. Сами как два языка огня, сплетающиеся в жарком танце. Одно дыхание, одно бешено колотящееся сердце на двоих, жар обнаженной кожи и прикосновение сухих горячих губ. Герман слышал сквозь шелест простыней неразборчивый хриплый шепот. Стефания повторяла его имя, и ее волнующий голос все сильнее погружал его в неизведанный мир собственных глубоко спрятанных чувств.

Он ощущал ее всей кожей, каждый изгиб юного женственного тела, находил губами каждую родинку, каждый мелкий шрам. Это все принадлежало ему, он и владел, и подчинялся.

И это было прекрасно.

Корона лежала на кресле, забытая до утра. Герман целовал не королеву, а женщину. Свою женщину.

Стефания еще спала, когда Герман проснулся и открыл глаза. За окном едва-едва занимался рассвет, по стеклу растекались морозные узоры, и сквозь проталинку в самом центре виднелось серое предрассветное небо, готовое вот-вот окраситься в розовые цвета зари. Герман повернул голову и обнаружил, что девушка лежит к нему спиной, тесно прижавшись и устроив голову на сгибе его локтя. Это ощущение приятной теплой тяжести и начинающегося онемения в руке его, похоже, и разбудило. Стефания же дышала размеренно и глубоко, спутавшиеся волосы щекотали Германа, одеяло приоткрывало белоснежное плечо и краешек спины.

Герман вдруг почувствовал стыд за то, что произошло между ними вот так, почти случайно. Все должно было быть по-другому, он хотел, чтобы Стефания запомнила эту ночь как что-то волшебное, замечательное. Он вздохнул и осторожно вытащил руку.

С другой стороны, какая разница? Что было, то было.

Стефания пошевелилась, медленно перевернулась с боку на бок и, оказавшись лицом к Герману, открыла сонные глаза.

– Ммм... – промычала она неразборчиво. – Доброе утро.

Желтый лучик упал на ее щеку, пробившись сквозь узоры на окне, и девушка поморщилась.

– Доброе утро, – сказал Герман. Больше добавить было вроде нечего, и он замолчал.

Стефания потянулась, выскальзывая из теплого плена одеяла, и прижалась к его плечу мягкой грудью.

– Что бы ты себе ни придумал, я не девушка в беде и не соблазненная красавица.

– Я знаю.

– Тогда почему ты так на меня смотришь?

Герман не знал, что она увидела в его взгляде, а спросить не решился. Ее белые гладкие плечи будто светились изнутри жемчужным сиянием, Герман хорошо чувствовал сонный жар, исходящий от ее обнаженного тела, запах ее волос. Все это было до удивления естественно, так, как оно и должно было быть давно. Он приподнял краешек одеяла, приглашая Стефанию прижаться крепче, и накрыл их обоих, сохраняя тепло. Огонь в камине успел погаснуть, и комната быстро остывала. Стефания устроила голову у Германа на груди и обняла его за пояс горячими руками.

– И все-таки я до сих пор не могу понять, – начала она издалека, – почему ты меня полюбил? Именно меня? Когда вокруг столько других,

хороших девушек. Без проблем, бывших мужей и смертельных проклятий. Мягких, добрых, милых девушек. Скажи, Герман? В чем секрет?

Она чуть приподнялась, заглядывая ему в лицо, и длинные пряди защекотали кожу.

Сейчас от девушки шли ровные и чистые эмоции, светлые, как морозное небо. Она была спокойна, расслаблена, где-то на дне улавливались отголоски пряной страсти и жгучего желания под легкой пенкой из персиковой нежности. Ощущать это было приятно.

– И ты думаешь о такой ерунде? – спросил он.

– Это для тебя ерунда, – капризно протянула она. – Ответ на вопрос.

Герману не хотелось копаться в причинах – это только бы все испортило, но Стефания смотрела ему в глаза, не позволяя улизнуть от ответа.

– Когда вас поселили к нам, я был очень зол и очень недоволен, – нехотя сказал Герман. – Я только тогда осознал, как сильно привязан к своему брату, пусть он об этом и не догадывался. Нам как будто дали второй шанс, и тут вы. И твой эмоциональный фон всегда как бушующий шторм, это... это раздражало.

– Ты чувствовал все мои эмоции?

– От них не получалось отгородиться, – оправдался Герман, и это было чистой правдой. – Даже во сне я знал, что рядом тебе снятся кошмары. Это так, словно меня тянуло к тебе против воли. Я испытывал подобное лишь к одному человеку.

Он даже не закончил, а от Стефании уже потянулись тоненькие ростки ревности.

– И кто же это? – спросила она, когда пауза уж слишком затянулась.

– Альберт.

– Серьезно? – Она забавно фыркнула. – Я похожа на Берта?

Герман напомнил ей про их брачную связь, и Стефания, кажется, поняла, что он имел в виду.

– Извини, – шепнула она и легко поцеловала в плечо. – Я не подумала.

– Теперь мы имеем все основания ревновать друг друга, – пошутил Герман.

– У меня они всегда были. Ты же, наверное, даже не осознаешь, какой ты хороший, – укорила его Стефания и глубоко вздохнула. Герман с пугающей четкостью ощутил этот вздох, и по телу прошла волнительная дрожь. Им стоило сначала одеться и привести себя в порядок, а потом разговаривать, Герман боялся попросту потерять нить беседы, когда Стефания невольно жалась к нему, вздыхая или устраиваясь поудобнее.

Такого он никогда не испытывал и надеялся больше никогда не испытать ни с кем, кроме Стефании.

– А что дальше? – напомнила она. – Когда ты понял причину?

– Я полюбил тебя такой, какая ты есть, – ответил Герман, не задумываясь. – Тебе не нужно в этом сомневаться, я говорю правду. И ты бываешь несносной, с этим трудно поспорить, иногда ты и правда меня раздражала, особенно поначалу, но нельзя вот так просто взять и убрать из человека все дурное, чтобы полюбить сухой остаток. Это невозможно. Ты нужна мне вся, полностью.

Может быть, Стефания была права, затеяв этот разговор, может, для него сейчас самое подходящее время. В быстро тающих предрассветных сумерках гораздо легче открывать душу, а то, что там накопилось, с радостью рвалось наружу. Пожалуй, что Герман испытывал облегчение.

– Ты тоже мне нужен, – выдохнула Стефания, пряча лицо, и облако темных волос скрыло ее от Германа. – Я не хочу, чтобы это время заканчивалось...

Урок 8

В счастливые финалы гораздо проще верить, если самому пережить хотя бы один

Снова Стефания проснулась уже после того, как солнце встало из-за гор, и в проникающих в комнату лучах играли озорные пылинки. Стефания осторожно выбралась из постели, на ходу заплела косу и оделась, стараясь сильно не шуршать. В последнюю очередь взяла с кресла корону и аккуратно надела на голову. Тяжесть уже казалась привычной, почти незаметной, как и холод металла.

Стефания оглянулась на спящего Германа и не сдержала улыбки. Парень был таким милым, уютно устроившись на боку и подтянув под голову подушку, которую обнимал обеими руками, почти так же, как недавно обнимал ее, Стефанию. Вечная тревожная складка на лбу разгладилась, густые ресницы чуть дрожали, а на губах играла легкая полуулыбка. Кажется, ему сейчас снилось что-то очень приятное.

А в коридоре было так холодно...

Стефания поправила немного кривовато севшее платье, гордо выпрямилась, нацепила на лицо достойное королевы выражение и пошла в сторону тронного зала. До завтрака нужно было разобраться с кое-какими делами. Замок выглядел пустым и застывшим, но внизу, на кухне, уже шумела работа. Стефания остановилась, на миг ей показалось, что она слышит могучий храп Рене. Но, конечно, это была лишь иллюзия.

Стефания улыбнулась и продолжила путь. Тело было бодрым, настроение неожиданно хорошим, хотелось сделать как можно больше до того момента, как она снова увидится с Германом. Интересно, если предложить ему провести эту ночь в ее спальне, он согласится? Щеки обожгло смущенным румянцем, и Стефания прибавила шагу, чтобы стылый воздух остудил лицо.

– Ваше величество! Ваше величество! – ее догнала Марта. – Ваше величество, вашей аудиенции просят старосты двух деревень к востоку отсюда. Ночью, стало быть, пришли. Вы велели всех пускать.

Стефания на миг задумалась.

– Давай так... Скажи, что я приму их через час.

– Но завтрак, ваше величество!

– Позавтракаю потом. Ступай.

Марта поклонилась и убежала, а Стефания миновала наконец коридор и подошла к тронному залу. Надо оборудовать себе удобный теплый кабинет, обязательно с камином.

Она толкнула одну из створок, вошла, и дверь со скрипом закрылась за ее спиной. В зале были большие витражные окна, выходящие на темную сторону, так что тут всегда было довольно сумрачно. А тут еще и свечи никто не зажигал. Стефания прошла немного вперед и заметила – тут что-то не так. На одном из тронов – ее троне! – сидел Леннард.

На секунду тело охватила предательская слабость. Сердце сжалось, и Стефания ощутила самый настоящий, пронизывающий ужас. Но стоило Леннарду победно усмехнуться, как уверенность вернулась к ней.

– Как ты посмел вернуться в мой дом? – спросила она ледяным тоном. – Ты проиграл, Леннард. Все кончено.

– Вы все так же прекрасны, ваше высочество. – Леннард поднялся и посмотрел на нее сверху вниз.

Стефания хладнокровно поправила:

– Ваше величество.

Тяжесть короны на голове напоминала – она больше не беглянка, она королева, и этого уже не изменить, что бы ни происходило.

– Сейчас я позову на помощь, и тебе уже не сбежать, – добавила она. – Я же говорю, все кончено.

– Я знаю. А еще я знаю, что ты никого не позовешь, Стефания Ирмелин.

Она непроизвольно вздрогнула, своей реакцией только подтверждая его правоту. Да, она не станет звать на помощь, ведь она мечтала об этом – самой, собственной рукой, сразить убийцу своей семьи. Сейчас для исполнения ее желания было самое удачное время.

Она вытянула руку в сторону, материализуя в ней секиру из пространственного «кармана». Ее привычный вес вернул ощущение реальности.

– Ты не похожа на сестру, – сказал Леннард, спускаясь к ней с пьедестала. – Ни нежности, ни хрупкости, ни хитрости. Неукротимая, как зимняя буря, и прямая, как древко копья. Но никто и никогда не видел разницы. Разве это не обидно?

– Видели. Все видели разницу, – возразила Стефания, вспоминая слова Марты. – Кроме меня.

Второй рукой она помогала себе плести сложный магический узор, самый сложный из тех, что ей доступны. И Леннард это заметил.

– Думаешь, магия тебе поможет сразить меня?

В этом вопросе сквозила неприкрытая насмешка. Как будто... как будто обвинение в трусости.

Стефания разжала пальцы, выпуская энергетические нити.

– Весь ваш род – одни сплошные трусы и подкаблучники. Твой отец пресмыкался перед женой, перед мнимой мощью Ойкумены, даже перед своей старшей, любимой дочкой, – жестко сказал Леннард. – Он делал все, что ему прикажут. Это он отдал приказ казнить моего отца после подавления восстания против ограничения магии. Что, не знала об этом? Проклятая Визания держит Источник магии в кулаке, и остальные миры лишь перебиваются ее жалкими подачками. И только мой отец посмел выступить против.

Стефания об этом не знала.

– И поэтому ты...

– Я должен вас уничтожить. Вас и тех, кто вам помогал, – подтвердил Леннард. – Все просто, принцесса, тебе ли не понимать.

Месть. Как все, однако, сложилось – они мстят друг другу за своих родных. Но Стефания ни в чем не виновата, как и Эмилия. Да и отец никогда не был трусом. В этом она уверена точно.

Леннард не стал больше ждать и первым нанес удар. Его мастерство владения мечом когда-то приводило Стефанию в восторг, она наблюдала за тренировками издали – даже во время визитов к невесте Леннард не отказывался от них. Но и Стефания, лишенная чисто девичьих радостей просто от того, что родилась второй, знала, с какой стороны братья за оружие.

Первые несколько мощных ударов она блокировала, а потом в груди разгорелось яростное пламя. Даже длинный тяжелый подол бархатного платья перестал мешать. Они с Леннардом кружили по тронному залу, обмениваясь ударами и не пытаясь больше разговаривать. Каждый экономил силы. Тишину разрывал звон стали, бьющейся друг о друга, шорох одежды и топот подкованных каблуков по плитам пола. Стефания резко выдыхала, ощущая, как с каждым взмахом становится все легче. Не в физическом плане, а глубоко внутри. Скрещивая оружие с достойным противником, она очищалась от грязи, которую в себе накопила.

– А ты стала сильнее, – признал Леннард, уклоняясь и отходя дальше, чтобы перевести дух.

Стефания сцедила зубы и ринулась в атаку. Лезвие секиры со свистом рассекло холодный воздух.

Леннард вопреки ожиданиям не блокировал удар, а ушел от него. Он начал уставать – раньше, чем Стефания. Она поймала себя на мысли, что

еще один рывок, и все это закончится. Она убьет его.

Убьет.

Двери зала распахнулись и с грохотом ударились о стены. Свет заполнил его, и Леннард инстинктивно моргнул. Стефания подскочила к нему и легко сбила с ног, ударив в живот. Сталь радостно пела в руках...

– Стой! Фанни!

Леннард бросил взгляд на оброненный меч. Стефания наступила на него и оттолкнула в сторону. Секира прижалась к открытой шее.

– Фанни!

Голоса друзей пробивались сквозь кровавый туман, заволакивающий сознание.

– Я убил твоих родителей, – сказал Леннард, открыто и без страха глядя на нее. – Убил сестру, которая узнала правду. Обманул тебя, насильно сделал своей, а потом наложил смертельное заклятие. Я почти разрушил твой мир. Покончим с этим сейчас.

Стефания надавила, и по серебряной кромке потекла алая струйка.

– Почему ты просто не сбежал? – спросила она. – Я не понимаю. У тебя был шанс.

Леннард гордо поднял голову, хоть и стоял на коленях.

– А ты не догадываешься?

Стефания крепче сжала древко секиры. Сейчас или никогда. Сейчас...

Она отошла на шаг и убрала оружие. Руки Германа мягко обняли за плечи, и Стефания нашла в себе силы произнести:

– Королевской властью, которой обладаю в пределах этого мира, я задерживаю тебя, Леннард Огюстос. Теперь тобой займутся представители Ойкумены. – Она выдохнула и расправила плечи. – Смерть – это слишком просто.

Зал быстро наполнился людьми, многих из них Стефания видела прежде, в училище. Декан Кишман и Дамиан Эрно в компании сурового седовласого мужчины с военной выправкой – представителя Службы безопасности Визании. Леннард выкрикивал ее имя, просил закончить начатое, но его увели, и Стефания поняла, что ничуть не жалеет, что не обагрила руки его кровью.

Тогда она не смогла бы обнимать ими Германа.

– Теперь все хорошо, – сказал он ей, продолжая обнимать, и Стефания, наплевав на зрителей, повернулась и обняла его в ответ.

Скоро придется снова изображать спокойствие, давать отчет декану, принимать заботу друзей, отвечать на чужие вопросы и задавать свои. Стефания все поняла и в каком-то роде посочувствовала своему учителю.

Леннард хотел отомстить за испорченную жизнь, ведь после казни отца он потерял все. И только держась за жажду мести, выжил, вернулся и забрал все, что считал своим.

Вскоре прибыл и Гротт, лично убедиться, что с его учеником все в порядке.

– Как ты и думал, Герман, между всеми событиями была связь, – объяснил он потом, когда они устроились в одной из комнат с жарко натопленным камином. – Восстание, о котором говорил Леннард Огюстос, действительно было, и его быстро и довольно жестоко подавили объединенными силами нескольких миров, среди которых были Виндштейн и Ландри. Тогдашнего правителя Грейнциварта обвинили в предательстве и казнили. Ребенка предателя спас брат короля Ландри, тогда еще совсем молодой Бран Ульрих, дядя принца Альберта. Братья никогда не ладили, поэтому нет ничего удивительного, что Бран Ульрих уцепился за возможность завладеть тронem.

Дальше все сложилось один к одному, хотя и стало лишь цепочкой из совпадений: по просьбе старого друга Брана Ульриха Леннард направил ему своего менталиста, который без малейших колебаний согласился провести незаконные манипуляции с сознанием королевской особы. Возможно, Бран Ульрих действительно любил племянника, а может, просто испугался последствий, поэтому убийству предпочел относительно милосердный способ. С помощью опытного афериста Дженаро Альберта уpekли в военное училище, в котором его бы никто не догадался искать.

Однако Леннард и подумать не мог, что принц, от которого он помог избавиться, окажется женихом его последней надежды на овладение Виндштейном. Между будущими супругами Стефанией и Альбертом была магическая связь, которая сработала в обе стороны. Не только заморозила заклятие, из-за нее же личность Альберта не исчезла, а просто скрылась под слоем вымышленной...

– Как и предполагал мастер Гош, – вспомнил Герман.

– Именно, и, кстати, после коронации заклятие медленной смерти рассеялось под влиянием более сильной родовой магии. Но возвратимся к началу. Таким образом, Леннард считал, что отомстил сразу двум мирам, которые считал виновными в своей трагедии. Он уничтожил королевскую семью Виндштейна и лишил Ландри единственного наследника. Но не знал, что этим вырыл себе яму.

Стефания посмотрела на Альберта, но он был безмятежно спокоен и сжимал в руке ладонь Ситри.

– Я вспомнил, как дядя пообещал отвести меня к Герману, мы хотели с

ним сбежать, но привел меня к Михелю.

– Это ты хотел со мной сбежать, – педантично поправил Герман. – Я твоей записки вообще не получал, и два года от тебя не было ни ответа, ни привета.

Рене возбужденно завозился.

– Какой размах, однако! И как вы про дядю-то этого узнали?

– Головой подумали, – ответил Гротт. – Ищи, кому выгодно. А когда найдешь, как следует напугай последствиями.

– Бу-у-у, какой вы страшный, – протянул Рене и подтянул колени к груди. – Лучше с вами не связываться.

Стефания устала. Она уже едва вслушивалась в неспешный разговор, привалившись к плечу Германа. На сегодня ее принудительно освободили от обязанностей королевы, и она снова чувствовала себя обычной студенткой. Стефания зевнула, прикрываясь ладонью, и Герман похлопал ее по спине.

– Так, кто-то тут сейчас заснет. Извините, мне нужно отвести ее в спальню, иначе потом придется нести на руках.

Ребята засмеялись, и Герман тоже. Напряжение будто бы немного развеялось, и Стефания выдавила из себя слабую улыбку.

– Прошу прощения, – сказала она. – Договорим позже.

Было время обеда, но в спальне, стоило опустить тяжелые шторы, стало почти так же темно, как ночью. Герман помог Стефании снять верхнее платье и уложил в постель. Обычно этим занималась или служанка, или Ситри, но помощь Германа, деликатно-осторожная, была куда приятнее.

– Не уходи только, – попросила Стефания. – Посиди со мной немного.

Герман прилег рядом, на бок, и Стефания смогла посмотреть ему в лицо.

– Спите, ваше величество, – велел он. – Вы заслужили отдых.

Губы предательски задрожали, и Стефания скомкала пальцами край одеяла. Почему так тяжело, хотя должно было стать намного легче?

Она сглотнула комок в горле и спросила:

– Ты уйдешь? Ты... ты не останешься со мной? Здесь...

Она закрыла глаза, со страхом ожидая ответа, и лба вдруг коснулись шершавые горячие губы.

– Если твое сердце все еще будет меня ждать, я вернусь. Обещаю.

Два года спустя

Церемонию вручения дипломов Герман предпочел бы пропустить, но учитель Гротт пригрозил не подпустить к телепортационному залу в случае пропуска торжественного мероприятия. Угроза подействовала безотказно, и Герман, наряженный по случаю в парадную форму курсанта Училища военно-магических дисциплин, стойко перенес все положенные выпускнику экзекуции.

Друзья поддерживали как могли, правда, не все были в роли счастливых обладателей диплома боевого мага младшего звена. Например, Рене покинул училище сразу же, как они вернулись из Виндштейна после ареста Леннарда Огюстоса. Сейчас он окончил второй курс Высшей школы артефактики и маготехнологий, которую заканчивали в свое время его родители и в которую в этом году поступили его младшие братья. Ситри Калькбреннер доживала последние деньки в качестве невесты кронпринца Ландри, и хоть учебу в училище она бросила тогда же, когда ушел Рене, пришла посмотреть на выпускной жениха. Любовь сделала грозную воительницу совершенной красавицей, хотя заслужить ее гнев до сих пор было страшновато. Альберт решил продолжить обучение и после свадьбы поступить в Университет Стихийной магии и на курсы инквизиторского права. Родителям, пришедшим в ужас от самоуправства единственного сына, чудом вообще выжившего, он сказал, что Ландри нужнее образованный правитель. И возразить на это было нечего.

– Ну, и как оно? – спросил Рене, от души хлопнув Германа по спине. – Чувствуешь себя важным и нужным с этой симпатичной бумажкой в руках?

Герман посмотрел на диплом, конечно же, с отличием, и пожал плечами:

– Не особо.

– А где же твой неизменный пафос? – всплеснул руками рыжий. – «Я вернусь домой дипломированным магом, чтобы мамочке не было стыдно за своего сына!»

На них покосились курсанты первого потока, собравшиеся поздравить Вильяма Варму, и Рене показал им язык.

Герман воспользовался шансом оставить вопрос без ответа, потому что домой он пока возвращаться не планировал, впрочем, как и оставаться в Визании, как, например, собирался сделать Вильям.

Он как раз подошел к ним и подал Герману руку.

– Поздравляю. Ты очень старался, но жаль, что со мной все-таки не сравнился.

– Может, потому что я не хотел? – предположил Герман, и Вильям улыбнулся.

– В любом случае был рад быть с тобой знаком. Надеюсь, еще свидимся.

Герман пожал протянутую руку.

– Удачи, – искренне пожелал он, зная, что амбиции лучшего курсанта, бывшего курсанта, УВМД непросто будет утолить. Впереди Варму ждал длинный и интересный путь.

А Германа тоже ждала дорога, в которую ему не терпелось уже отправиться.

– Герман! – к нему сквозь толпу выпускников и им сочувствующих продирался Альберт. – Герман!

Наконец ему это удалось, не без помощи Ситри, легко проходящей даже сквозь каменные стены.

– Ты собирался уйти, не попрощавшись со мной? – капризно спросил Берт.

– Ну не навсегда же, – уклончиво ответил Герман, и брат поджал затрясшиеся губы. Вообще на церемонии он пару раз точно всплакнул, о чем свидетельствовали покрасневшие веки и носовой платок, неаккуратно торчащий из кармана брюк. Альберт весь напрягся, вытянулся и вдруг бросился Герману на шею.

– Я буду скучать! Ты пиши, навещай! Будешь? Честно-честно?

Глядя на такое дело, Рене тоже решил присоединиться к обнимашкам, а потом их всех троих обняла Ситри.

Герман чувствовал, как со всех сторон на него напирают, кто-то, предположительно Рене, еще и на ногу наступил от усердия. Но это же делало Германа счастливым – присутствие людей, которым он небезразличен. Не хватало только самого главного человека. Но пока из теплых объятий друзей он попал к Вальтеру Гротту.

Учитель тоже не радовался всеобщему оживлению, хмурился и косился на чету Кишман, мило воркующих в сторонке.

– Торопишься? – спросил Вальтер.

– Я получил диплом, что еще нужно?

– Вообще-то после церемонии вручения устраивают застолье, танцы и прочие безобразия. Кстати, приличные выпускники УВМД еще и утром сжигают у задней калитки свои конспекты.

– Дурацкая традиция, – сказал Герман. – Мне мои конспекты еще пригодятся когда-нибудь.

Гротт хмыкнул.

– Иного от тебя и не ожидал. Поздравляю, Герман, ты молодец.

Скупая похвала учителя была Герману приятна.

– И вам спасибо. За все.

Два менталиста решили не продолжать душещипательных бесед и предпочли на этом пока разойтись. Оба и без лишних слов понимали чувства друг друга. Герман еще немного потолкался среди бывших сокурсников и потихоньку выскользнул из зала для торжеств. В комнате переоделся, взял заранее собранные вещи и отправился в телепортационный зал под административным корпусом. Из всех окон лился свет, слышались громкие радостные голоса, музыка. Герман постоял пару минут, пытаясь понять, что чувствует в большей степени – печаль или облегчение. Но, так ничего и не решив, спустился на цокольный этаж.

– А мы думали, ты пешком пошел, – пожаловался Рене, вставая с пола и отряхивая штаны.

– Мы хотели тебя проводить как положено, – объяснил Берт и смущенно улыбнулся. – Все мы.

Он, Ситри, Рене, Марк Хатти, Дзюн Мэй, Вильям Варма – все, кто сыграл свою роль в студенческой жизни Германа. Последним пришел Гротт и ввел на приборной панели координаты Виндштейна.

– Не забывай, что ты навсегда останешься выпускником Училища военно-магических дисциплин, – серьезно напутствовал Гротт. – Так что будь добр, не опозорь элитное учебное заведение. И привет ее величеству.

Герману пришлось по очереди обняться со всеми, и только сейчас, пожимая руку Варме, переживая ураган страстей по имени Рене, обнимая в ответ худенькое сильное тело Дзюн и ощущая спутанные, как всегда, эмоции Марка и приятный холод ментального блока Вальтера, Герман почувствовал ту самую светлую грусть, о которой все твердили на церемонии вручения дипломов. Он будет скучать, пожалуй. Не по своей комнате в казарме, не по урокам или ухоженным аллеям территории училища, а по людям, которые сделали эти три года вполне сносными. Даже отличными.

– Пока, – сказал он, и телепорт откликнулся на прощание снопом сиреневых искорок. Герман шагнул в них и вполне ожидаемо упал в сугроб. Все как всегда.

Приподнялся, выплюнул снег, нацепил обратно соскальзывающую с кудрей шапку и тут увидел прямо возле своего лица симпатичные белые сапожки.

– Ты долго, я уже замерзла, – пожаловалась Стефания и протянула ему руку. – Поздравляю с выпуском!

Слепящее зимнее солнце белым ореолом охватывало ее фигуру, так что лица не разглядеть. Герман взялся за протянутую руку, поднялся и

посмотрел Стефании в глаза.

Она улыбалась и была прекрасна как никогда.

– Вот я и вернулся, – только и смог сказать он.

– Навсегда?

Герман выдержал паузу, купаясь в облаке теплой надежды, которое окутывало девушку, улыбнулся и кивнул:

– Думаю, да.

Стефания кинулась ему на шею, и они снова, уже вместе, упали в снег, кстати, совсем даже не холодный. Герман посмотрел в прозрачное голубое небо над головой и, обнимая свою любимую королеву, подумал: это не самый плохой финал для их истории.

Пожалуй, что очень даже хороший.

notes

Примечания

Най – господин (уважительное обращение к мужчине, используется коренными народами мира Цинь).